

ЕШОНДА 96

С. Андрилович Таинственный император
Буало-Нарсажак Дурной возраст

А. А. Голицын. Санные гонки на Петербургском шоссе. 1848 г.

• *Обаяние наивного* •

(стр. 118)

7'96

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА

Художественно-

технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.04.96.
Подписано к печати 24.05.96.

Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Офсетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 62 840 экз.

Заказ № 425.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Рег. № 014832.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

7 (1581) ИЮЛЬ

© «Смена», 1996.

32 ПРОЗА

*Светлана Семина***НЕМНОГО О СЕБЕ И ЧУТЬ-ЧУТЬ О ШЛЯПКЕ***Рассказ*

106

*Бруно Фишер***ВЫЗОВ ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ** *Рассказ*

190

*Буало-Нарсежак***ДУРНОЙ ВОЗРАСТ** *Детектив*

---

27 ПОЭЗИЯ

Иван Макаров, Валерий Гришковец

98

Анна Котова

---

4 ВРЕМЯ И МЫ

СВОИМ ПУТЕМ*Беседа с путешественником Федором Коноховым*

18

*Татьяна Смольякова***УБИЙСТВЕННЫЙ ПРОЦЕНТ**

52

*Григорий Киперман***КОШЕЛЬ И КОШЕЛЕК**

132

*Сергей Литвинов***ТОЛСТЫЙ И ТОЩИЙ**

152

Галина Брынцева

КАК ЖИТЬ ПОСЛЕ ЭТОГО?!

60 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Светлана Магидсон

«... ЧТО СМУТИТСЯ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК»

118

Лилия Байрамова

ОБАЯНИЕ НАИВНОГО

164

Сигизмунд Либрович

ТАИНСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОРНа 1-й обложке:
фотоэтиюд ОЛЕГА БЕЛОУСОВА.

Сергей Устинов

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ Сергей Устинов —

журналист, писатель, автор остросюжетных повестей, три из которых — «Неустановленное лицо», «Можете на меня положиться» и «Кто не спрятался...» — публиковались в «Смене».

...В городе за короткий срок при загадочных обстоятельствах погибло восемь человек. Главный герой новой повести — спецкор молодежной газеты Игорь Максимов — заинтересовался этими обстоятельствами, и в результате расследования появилась в газете его статья «Машина смерти», приведшая к неожиданным, порой весьма «крутым» событиям и потянувшая за собой цепь новых разборок и убийств...

Аманда Крос

ВЕСЕННЕЕ УТРО С УБИЙЦЕЙ

В предлагаемой вашему вниманию повести главная героиня Кэйт Фэнслер оказывается втянутой в дело об убийстве своей студентки, на какое-то время она становится даже главной подозреваемой. Но параллельно с полицейскими Кэйт начинает свое собственное расследование...

АНОНС

896

СВОИМ ПУТЕМ

едем, летим, шагаем, плывем и восходим ФЕДОР КОНЮХОВ

4

Визитная карточка: Он — самый знаменитый в нашей стране путешественник, заслуженный мастер спорта, яхтенный капитан, участник многих отечественных и международных соревнований. В свои 44 года Федор Конюхов трижды побывал на Северном полюсе, в одиночку преодолел 1350 километров от залива Геркулес до Южного полюса, совершил восхождение на высочайшие вершины трех континентов — Эверест, Эльбрус, гора Винсон (высшая точка Антарктиды — 5140 метров) и гора Аконкагуа (высшая точка Латинской Америки — 6959 метров), успел дважды сплавить вокруг Земли на яхте-одиночке. Всего за плечами Конюхова 38 экспедиций — больше, чем у любого другого жителя планеты.

— Федор Филиппович, три года о вас не было слышно. Где пропадали?

— Осуществил давнюю мечту: проплыл вокруг света на яхте, не отклоняясь от экватора. Стартовал на Тайване, пересек Индийский океан, прошел Суэцкий канал. Дальше — Атлантика и Панамский канал, Тихий океан. Финишировал через 518 дней снова на Тайване. Меня встретили с помпой: еще бы, яхта «Формоза» шла под флагом Тайваня.

— Яхта — ваша собственность? И почему не под российским флагом?

— Ситуация анекдотичная. Яхта строилась на Тайване на деньги Приморского пароходства за 350 тысяч долларов. Но в 1991 году пароходство преобразовалось в акционерное общество. К тому моменту российская сторона перечислила 315. Остальные 35 тысяч АО платить отказалось. Тайваньские власти были вправе конфисковать судно, но у меня возникла

шальная идея выкупить яхту за счет кругосветного плавания. Тайваньские власти двумя руками «за», и по возвращении из кругосветки я с легкой душой пришел в Находку. А там заявили: знать вас не знаем! Дело в том, что хитроумные тайваньцы, лелея надежду в будущем вернуть деньги, выправили мне документы, позволяющие лишь кочевать по морю словно «Летучему голландцу» — яхта не приписана ни к какому порту.

— Выходит, вам подолгу нигде оставаться нельзя?

— Именно! Власти Находки милостиво разрешили перезимовать в бухте Врангеля, но сейчас просят вывести яхту и поставить на рейд; она не растаможена (пошлины не уплачены), плюс на мне «висит» долг в 35 тысяч долларов, на которые уже набежали проценты. По документам я капитан судна, так что весь спрос с меня. И никто уже

не вспоминает, что еще до ее постройки было решено передать яхту как учебное судно школьникам... Вдобавок за зиму предприимчивые находкинцы срезали у яхты якорь и часть канатов: теперь как хочешь, так и плыви. Все же, надеюсь, этот гордиев узел я разрублю. Рассчитываю, что яхта со временем приобретет владельца — будь то коммерсант или даже пароходство.

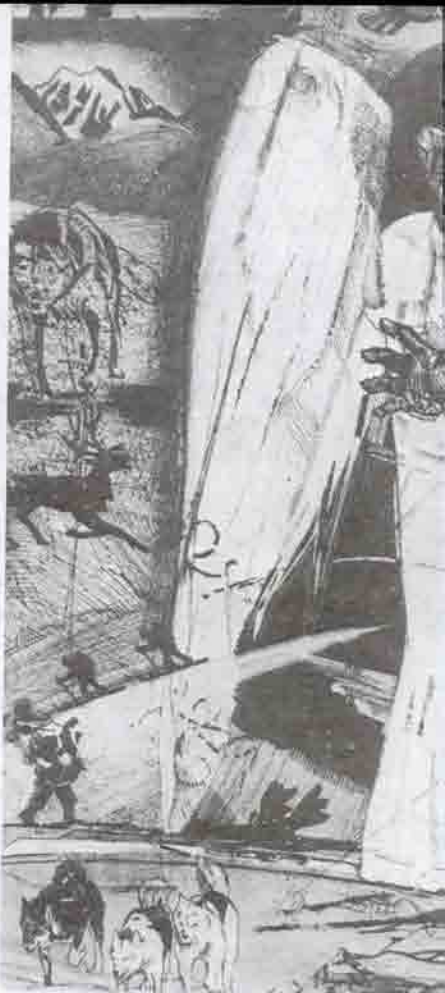
— У вашей первой яхты «Караана» было сугубо австралийское имя: в переводе — «Мирная зона». Название «Формоза», вероятно, связано с Тайванем, который полстолетия назад так и назывался...

— Точно. Открыл Тайвань голландский капитан Моррисон и назвал Формозой — «Красивый остров».

— Знаю, что в первой вашей кругосветке на «Караане» вас унесло за борт — «на всю длину шкотов», когда сворачивали парус. Не было чего-либо похожего на сей раз?

— В том, уже давнем, плавании я попал еще в один переплет: разлил масло по палубе и забыл про это. Через два дня проходил мимо босиком, поскользнулся и угодил ступней в щель между металлическим рундуком и палубой. На ногу — рваная рана. Пришлось стать самому себе хирургом. Наложил четыре шва-«скрепки». По-видимому, аккуратно, так как уже в Австралии врачи одобрительно закивали, осмотрев мои «швы».

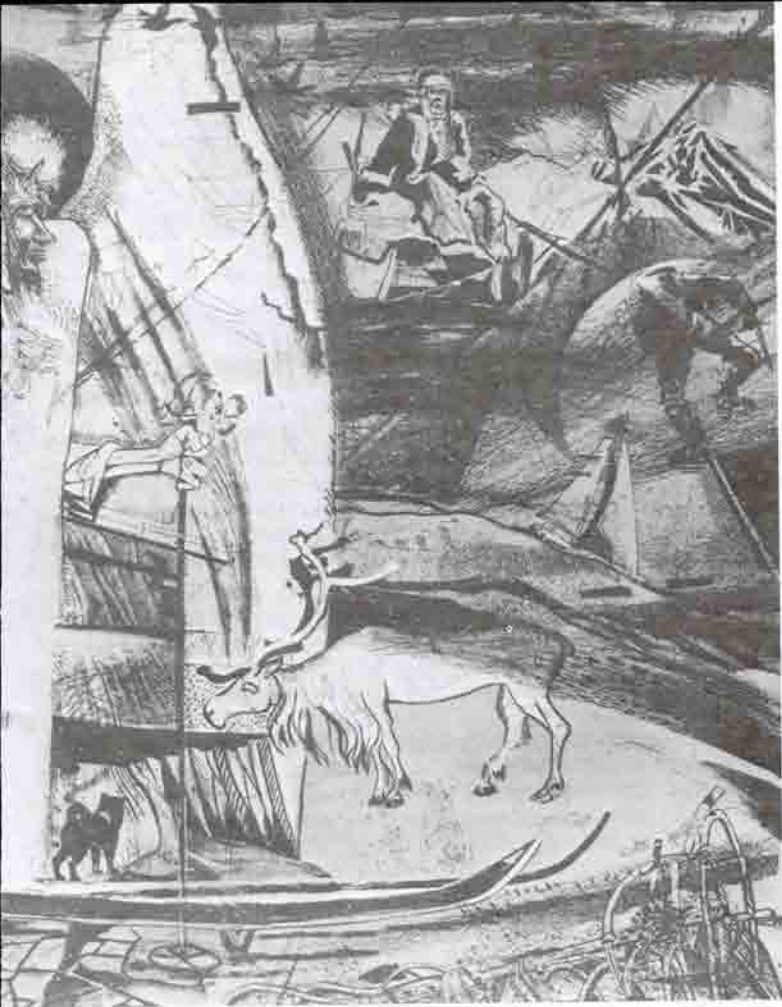
Ну а нынче... В широтах Тихого океана, когдаходишь в Филиппинское море, есть гряда Марианских островов. Там же знаменитая Марианская впадина. Острова эти покрыты джунглями и кишат пиратами, грабящими мирные суда, а если это яхта, то ее просто отберут (а яхтсмена пристукнут). Я добрался

Я сам. 1989 г.

до этих островов, когда протухшая вода свалила меня в лихорадке. Выбрал порт Сайней, стал на рейде: денег на заход в порт не было. Оказался в госпитале. Через неделю рассказывают: твою яхту увели... Узнал, что пираты перегнали ее на соседний остров в 60 милях. Пришлось самому сделаться корсаром: угнал катер, добрался до яхты, влез на палубу. Смотрю: мирно похрапывают трое — ножки тонкие, сами худенькие, замотанные с

головой до ног в тряпье. Я когда-то занимался боксом, поэтому «отправил» их купаться, а сам снялся с якоря и был таков.

Из дневника Федора Конохова:
«...Я был на седьмом небе от радости. То гладил рукой штурвал, то нежно дергал ванты, то прижимался щечкой к мачте, словно к любимой женщине после разлуки. Как только яхта прошла мыс и очутилась в Филиппинском море, я с улыбкой посмотрел на тот мир,

который хотели у меня украсть».

— А что же в полицию не обратились?

— В данном случае это было бесполезно. Яхта у меня незастрахованная, а без страховки с полицией иметь дело бессмысленно, им невыгодно искать — никакого «навара» не будет.

— Как вы решили идти вдоль экватора против ветра? Там ведь масса островов и рифов. Какой

яхтсмен такой маршрут выберет?!

— На «Караане» я от Австралии прошел Тасманово море, Новую Зеландию, обогнул мыс Горн, пересек экватор, миновал мыс Доброй Надежды и возвратился в Сидней. Однако в одном направлении два раза плыть скучно. Так что я решил маршрут разнообразить, сменив его на прямо противоположный.

— Случались минуты отчаяния, когда не знали, что предпринять?

— Еще в первом плавании мне в глаз попала стружка из нержавеющей стали. Пробовал вытащить магнитом — бесполезно. Глаз распух. Промывал водой — не помогает. Распсиховался, не знал, что делать. Сел и расплакался. А стружка возьми и выйди со слезами...

В шторм, когда срывает паруса, ругался в полный голос на них, на себя, на непогоду... А потом читал Библию, замаливал грехи. Как-то на «ревущих сороковых» встретил район, где вода горит огнем, фосфоресцирует. Стало не по себе, поспешил выйти оттуда. Несколько раз видел очень страшный океан: небо и вода стального цвета, все слилось воедино...

— Опыт первой кругосветки на верняке отразился на подготовке второй.

— На «Караане» я научился собирать с парусов питьевую воду: если утром туман, можно набрать до пяти литров воды! Понял и роль однопроцентного раствора спирта. Когда несколько дней шторм и нет возможности даже умыться, то флаконы с легким спиртом выручают: намочил вату, протер лицо и шею, и сразу легче. На «Формозе» у меня кончился солидол. Решил смазать сальники двигателя мазью от загара. Получилось неплохо. Додумался взять с собой электронный будильник. И тот через каждый час меня будил — так я осуще-

ствлял контроль над яхтой. Ведь электронный рулевой не заменит человека: при сильном ветре яхта не слушается руля.

— В «ревущих сороковых» и «нейстовых пятидесятых» вас сильно потрепало?

— На «Караане» в Тихом океане в сторону пролива Дрейка отмахал за 3—4 часа 300 миль! На «Формозе» в Индийском столкнулся со штормовым ветром 100 миль в час (а говорят, там бывает до 170 миль). К сведению некоторых сухопутных штатских замечу, что по официальной, общепринятой шкале Бофорта ураган — это ветер со скоростью 29 метров в секунду.

— Чем питались в пути?

— Фрукты, орехи, яблоки, апельсины, чай, сухари. Свежая картошка, суп с вермишелью, чесноком, морковью, сладким перцем, кубиком бульона. Когда на «Караане» пробирался вблизи Антарктиды, пожалел, что взял мало сала, колбасы и мяса. При температуре в каюте плюс три градуса это ценная пища. Случалось варить в соленой воде картошку: пластмассовые камеры с пресной водой от мороза полопались. Ел печенье и плавники акулы. Мясо у нее жесткое, но чистое и кислит. Люблю макароны с сахаром: напоминают то, что готовила мама.

Пробовал ловить рыб на блесну. При скорости яхты пять-шесть узлов делать это проблематично, а вот при штиле неплохо. Как-то на удочку попался альбатрос. Я его отпустил.

— Мусор выбрасывали за борт?

— Собирал в полиэтиленовые мешки, которые привез назад. А вот металлические банки из-под консервов выбрасывал. В морской воде они быстро превращаются в пыль.

— В океане снятся сны?

— Снятся знакомые, родные,

женщины в красивой одежде. За все время ни разу не снилась моя семья в полном составе, только по отдельности: жена Люда, сын Оскар, дочь Таня.

Из дневника Федора Конюхова:
«С семи утра прошел около 60 миль. Барометр все падает. Помпа внутри каюты не работает. Ночью снится, что я у кого-то в гостях. Много знакомых лиц. Женщины одеты в летние платья. Большая качка. Волна-убийца, так я ее назвал, вырвала дверцу входного люка в каюту. Пришлось вычерпывать воду ведром. Главное, чтобы не замкнуло аккумуляторы. Холодно!..»

— Полтора года не слышать человеческого голоса — такое под силу не каждому...

— Когда ушел во второе плавание, был несказанно рад, что могу всласть поразмышлять. Хотя действительно иногда хочется услышать человеческий голос, но это проходит... Зато я разговариваю с солнцем, когда оно восходит или заходит; что не успеваю высказать ему, договариваю яхте. Разговариваю с альбатросами, с каждым поразному в зависимости от того, как они на меня смотрят. С дельфинами, к сожалению, не поговоришь: слишком быстро исчезают.

— Вы член Союза художников, ваши работы приобретены зарубежными музеями и коллекционерами. Наверное, не будь Конюхова художника, не было бы и путешествия?

— Наоборот... Представьте: утро, солнце восходит, небо розовое, на все четыре стороны до горизонта — четкая видимость, на востоке темные облака, на западе — серые, будто дождь идет, на севере — чистый зеленый свет. Два раза я брал с собой фотоаппарат — запечатлеть эти картины, и оба раза неудачно.

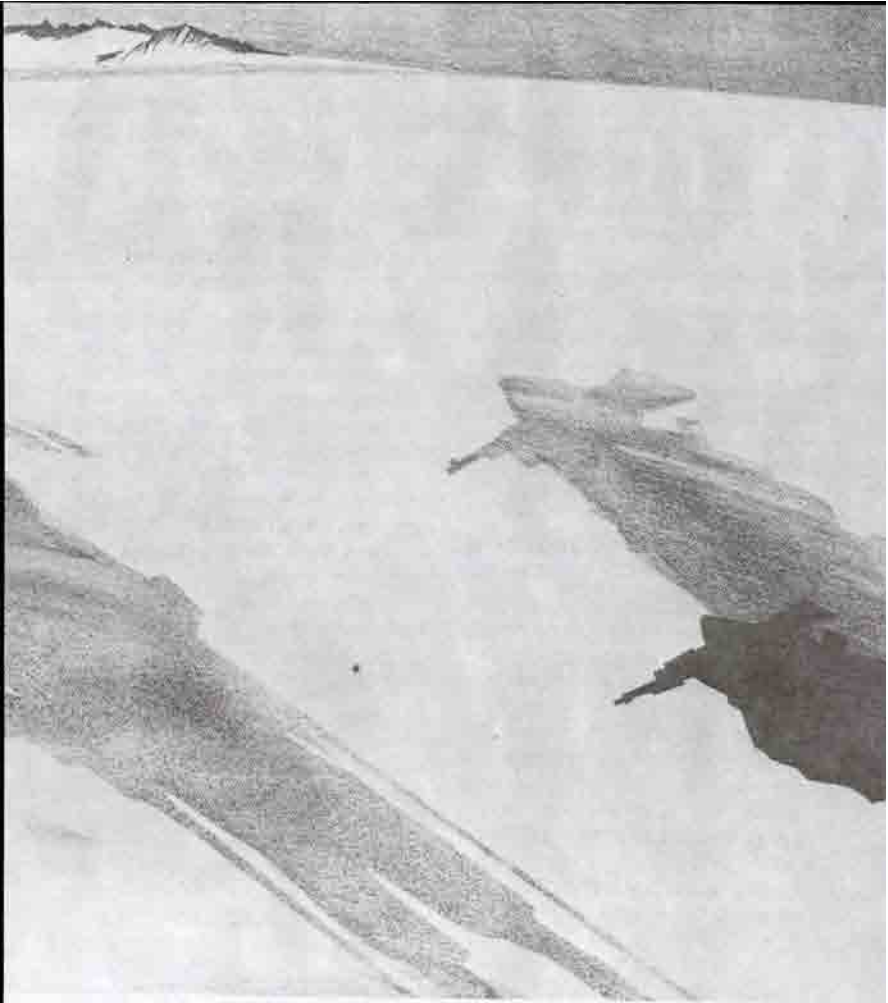
В пути рисовал цветными мелками, часто под музыку магнитофона. В этом году в Находке пройдет очередная выставка моих работ. Их можно встретить в разных концах мира. На деньги, вырученные от их продажи, путешествую.

— Удалось прочитать что-нибудь во время кругосветки?

— Философскую литературу, записки знаменитых мореходов, рассказы на эту тему, «Дон Кихота» Сервантеса. Или читаю такие малоизвестные произведения, как «Пуркуа па» об исследователе и моряке Жане Шарко. В Библии много поучительного: «Не собирай себе сокровища на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкидывают и крадут...»

— Как вы общаетесь с аборигенами островов, с тайландцами, бразильцами?

— Почти весь цивилизованный мир говорит на английском. А кто не может, с теми общаюсь на языке жестов. Восхищался обезьянами — вот у кого мимика совершенна!.. Случалось со мной и такое: во втором плавании, в Панамском канале, ко мне пришел знакомый тайванец, с которым мы когда-то исследовали горы его страны; с ним и попал я в зону штилей у Галапагосских островов. Дрейфуем недели три. У тайванца начали отказывать почки, много воды пьет, лежит. Мое состояние не лучше — если помрет, придется за борт выбросить, и потом не докажешь, что умер своей смертью. Что делать? Нашел на карте ближайший остров — Кокос, неделя хода, севернее Галапагос. Добрались. Остров — 8 миль в длину, 4 — в ширину. Две труднодоступные бухты. Оставил яхту на рейде, высадились на лодке, тайванец мой лежит в холодке. Исследую остров: необитаем. Раньше тут была военная база США, теперь земля Коста-

Рики. Откопал полузасыпанную песком телефонную будку. Сунул туда телефонную карту — работает! Поговорил с Тайванем, Японией, позвонил в Америку, хотел в Россию — не тут-то было! Ни Владивосток, ни Москва не отвечают — обидно стало...

Из дневника Федора Конюхова:
«Если мы все такие патриоты, если действительно любим свой флаг, то почему же мы нигде, кроме Космоса, в нынешнем веке не

были первыми? На Эверест первыми вошли англичане — Хиллари и Тенцинг, Северный полюс открыли американцы, а Южный — норвежцы. Лишь спустя 97 лет после американца Джошуа Слокэма, первым в одиночку обогнувшего земной шар на яхте «Спрэй», русский человек отправился покорять планету на «Караане». Кто-то скажет, что я, мол, славлю иностранцев. Нет, просто хочу, чтобы мы хорошо знали первопроходцев на неизведан-

Полюс Недоступности. 1986 г.

ных тропах Земли, если мы такие правдолюбцы».

— Вы выросли на Азове, а кто ваши предки — может, тяга к путешествиям, к неизведанному у вас в крови?

— По отцу я из поморов. Фамилия — от рода занятий самых дальних предков, конюхов. Мой дед по матери — из Бессарабии, а жители этого края любят гулять по свету. Дед лично знал Георгия Седова.

Ему было обидно, что тот не дошел до полюса. Я решил исправить эту ошибку.

Мы с братом — две линии предков. Павел — темный, а у меня светлые волосы и голубые глаза. В детстве я пас коров. За это хорошо платили, а мне нужны были деньги, чтобы купить боксерские перчатки, гвозди и доски для строительства лодки. Сколько себя помню, строил лодки для путешествий. Постройшь, а кто-то украдет. Или волной смоеет с берега. Но все-таки в 15 лет я переплыл Азовское море на весельной лодке.

По окончании школы учился на штурмана и механика в двух мореходах — в Петербурге и Калининграде; ходил на торговых судах. Поучился в духовной семинарии, окончил художественное училище. В семидесятых годах сошел на берег на Дальнем Востоке. Много наплавал, во многих странах побывал. Все перечислять — книги не хватит...

— Вас не спрашивают — зачем все эти рискованные рекорды?

— Понимаете, я профессиональный спортсмен. Мы в России далеки от яхт, а в Австралии, например, ими бредит вся страна. В одном Сиднее на два миллиона жителей 700 тысяч яхт! Тем временем там не понимают, зачем нужен футбол.

Я стремлюсь к полюсу, взбираюсь на горы, огигаю мыс Горн... Не призываю каждого путешествовать, но я так смотрю на мир. И еще — путешествия, как всякий спорт, прогрессируют: меняются снаряжение, питание, методика подготовки и само прохождение «дистанции». Тут уместно сравнение, скажем, с футболом 1990-х годов — динамичным, жестким, по-важно техничным — на фоне футбола 1950–1960-х — медлительного, корректного. Пройдет лет де-

ся, и сегодняшние отчаянные предприятия по сравнению с завтрашними покажутся детской забавой. Если мы сейчас «сойдем с дистанции», то отстанем всерьез и надолго.

— Но идти в одиночку — это ведь смертельно опасно.

— Зависит от того, как подготовишься. Нельзя допустить ни одной ошибки. Особенно в этом плане характерен 1993 год. Тогда Евгений Смуглис на весельной лодке потерпел крушение в Бискайском заливе, его нашли на скалах. И тогда же паренек из Днепропетровска (каюсь, не помню фамилии) сгинул в Тихом океане на плоту. Я потом смотрел его маршрут и сразу понял, что путь был выбран неверно... На Северный полюс я пошел в одиночку только на третий раз. Первые два тысячекilометровых броска совершил в группе. Так что риск был сведен до минимума. С собой была рация, летчики помогли бы с провиантом или в случае травмы эвакуировали.

— То есть к Северному полюсу шли подготовленным на все сто?

— Достаточно основательно. Рюкзак и нарты весили 40 килограммов. Сам я вешу 72, с одеждой — 84. Продукты брал из расчета килограмм на день. Питание должно быть калорийным. Меню мне помогал разработать новосибирский профессор Константин Бутейко. В дороге пользовался сухим спиртом, сублимированным мясом.

Из дневника Федора Колюхова:
«С утра мела поземка. Ночью плохо спал, кашлял. Вышел на маршрут в 9.30. Спина болит. Чтобы рюкзак был легче, переложил радиостанцию на нарты. Шел и думал, что третий год подряд идти к Северному полюсу — это безумие. Наверное, это мой последний поход к полюсу в нынешней жизни».

— И все-таки вы отправились в

Антарктиду. К полюсу Южному. Пресса писала, что вы подавали сигнал «SOS», у вас заканчивались продукты.

— Я запасливый. Никому не сказал, что беру продуктов не на 50, а на 55 дней. По расчетам вышло, что раз меня нет так долго, значит, я остался без еды. Потому все и волновались. К тому же радист плохо понимал мой несовершенный английский, отсюда такая неразбериха...

Но экспедиция была в самом деле тяжелая, на пределе сил. Думал — не дойду. Даже за двадцать километров до финиша посещали такие мысли. Представьте — ледяной ураганный ветер, палатку поставить почти невозможно, огромные трещины, которые надо обходить. Спать толком не удается: в палатке минус 40, в спальнике минус 10. Всканиваешь в шесть часов утра. Только во второй половине путешествия потеплело до минус 20 и стало чуть легче. Хорошая погода была и в день моего рождения, 12 декабря. Видно, Бог услышал мои молитвы. Но быть в такой день одному в ледяном безмолвии — не самое приятное.

— Почему же вы все-таки выбрали из графика?

— В Антарктиде даже подготовленный человек не может пройти за сутки в одиночку больше 12—13 миль. Я же первые дни делал из-за урагана всего по две—четыре мили. Да и непривычно все было, вот и не уложился в график.

Готовил кашу на медвежьем жире с сухим мясом и изюмом. В 8 часов отправлялся в путь. Если утром не укладывался в график хотя бы на пять минут, потом весь день себя корил. При мне был навигатор — это такой японский прибор для определения местонахождения. Крайне удобная штука, высвечивает координаты места,

где находишься, — с таким прибором заблудиться трудно.

— Как вас встречали на полюсе?

— Американцы на станции Амундсен-Скотт были заранее оповещены — через англичан. В трубу, которая символизирует полюс, они воткнули свой флаг. Я присоединил к нему российский. Полюс предстал передо мной в виде ледника, который постоянно смещается, — приходилось все время устанавливать трубу на новое место. Видно далеко, ведь снежная пустыня, две тысячи метров над уровнем моря. Так что меня приметили за несколько километров.

— Шампанским, поди, напоили?

— У них там цивилизация! Но я первым делом отправился в душ.

— Нашу женскую команду «Метелица» почему не дождались?

— Встретиться с женщинами на полюсе весьма романтично. Но в штабе экспедиции «Один к Южному полюсу» решили, что я могу размякнуть и тогда ни о каком восхождении на гору Винсон речи не может быть. Пришлось подчиниться.

— На Винсон вы взошли и спустились обратно за семь часов — к чему такая спешка?

— Один склон горы скалистый, другой обдувается всеми ветрами. Я выбрал для восхождения второй. Подождал, пока взойдет солнце, и полез вверх. При температуре 47 градусов мороза. Торопился, потому что гору могло накрыть туманом, и тогда спуск стал бы большой проблемой. Едва я спустился, все действительно заволкло; потом мы с проводником четыре дня ждали самолета.

— И полетели в Чили?

— Да, в Чили. Мне там очень понравилось. Девушки, например, там сказочной, непривычной для нас красоты... Утром возложили

цветы на могилу Сальвадора Альенде, а во второй половине дня нас принял генерал Пиночет. Нормальный мужик. Поговорил с ним по душам.

Меня местные путешественники спрашивали, где я совершил свои 37 экспедиций. Начинаю перечислять — четыре похода на полюсы, две кругосветки. Эверест. А остальное — по России: на велосипеде, на собачьих упряжках, пешком. Они не понимают: «Хорошо. Россия, а еще что?» Объясняю, что в России часто просто нет дорог. Они недоумевают: «А куда они делись?» У них-то в Чили дороги великолепные... Приморскому краю есть чему у Чили поучиться. Взять порты Находка или Владивосток. Какие же это порты, если у них нет яхт-клубов? Так, причалы для кораблей. В настоящем порту для яхтсменов отводятся самые хорошие лагуны, а все остальные суда теснятся по сторонам. Какие деньги на этом можно делать! А у нас в Приморье инициативу и предпринимательство задавили пошлинами. Китайцы в местной колонии открыли завод по разделыванию металлолома и отправке его в Японию. Так наше государство стало с них такие пошлины драть, что китайцы вынуждены были свернуть все работы...

— Говорят, чилийцы активно осваивают Антарктиду?

— Там идет натуральный раздел земли. Построили на нескольких станциях родильные дома и школы. Появляются дети, им выдается свидетельство — родился на станции такой-то. Все — это их родина. Приморье тоже изначально не было нашим. Мы туда пришли, закрепились, считаем своим, и попробуй нас выгони.

— А что там случилось со станцией «Восток»?

— Американцы знают, что дела-

ют. Накинули на нас удавку, а мы в нее покорно полезли. В 1990 году Россия согласилась, чтобы американцы на своих «Геркулесах» доставляли на наш «Восток» питание. А они стали год за годом сокращать число рейсов. В конце концов станция осталась без питания и топлива. Послали наш санно-тракторный поезд. Трактора старые — не доползли, рассыпались.

На геомагнитном полюсе, где дислоцируется «Восток», много лет бурили скважину. За образцами льда выстраивалась очередь из иностранных ученых. Платили полновесной валютой. Сейчас пришлось станцию законсервировать. Если деньги на нее и дальше не будут выделяться, года через три ее придется закрыть. А скважина снова зарастет льдом. И это при том, что станция себя окупает. Абсурд!

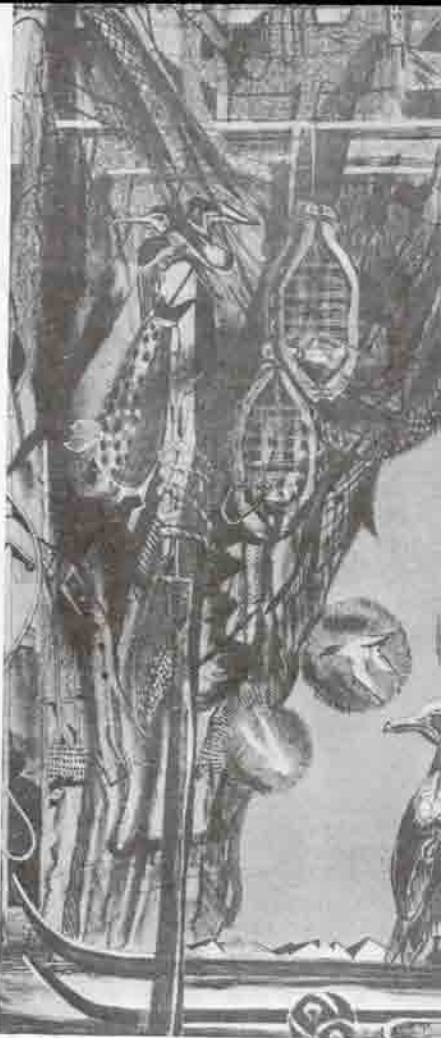
— *Во сколько, интересно, обошлась экспедиция в Антарктиду?*

— Истратили 60 тысяч долларов вместо 100 тысяч. Мне очень повезло. Если бы к полюсу не шли «Метелица» и команда Володи Чукова «Арктика» и нас не поддерживал Артур Чилингаров, провести экспедицию я бы, наверное, не смог. Ну «подоспела» и дата — 175 лет со дня открытия Антарктиды Беллинсгаузеном и Лазаревым.

— *Вам вручили медаль «За личное мужество»...*

— Не понимаю, что это за медаль такая. Вообще к наградам отношусь спокойно. В свое время Михаил Горбачев наградил меня орденом Дружбы народов. Так я его подарил одному чудаку, который прошел пешком от Владивостока до Москвы и все расстраивался, что ему никакого значка не перепало... Я еще вдобавок выдал этому первопроходцу бланк со своей печатью и расписался.

А если серьезно, было бы прият-

но получить Героя. Не для себя, для Находки. В нашем городе еще нет человека, который получил бы Героя за путешествия. Но просить — упаси Боже. Если сами дадут — не откажусь.

— *Вы написали три книги. Не собираетесь их издавать?*

— Издание одной книги сейчас стоит 250 миллионов рублей. Есть задумка выпустить красочный альбом. Но он будет стоить уже 500

Поплярные пилигримы. 1987 г.

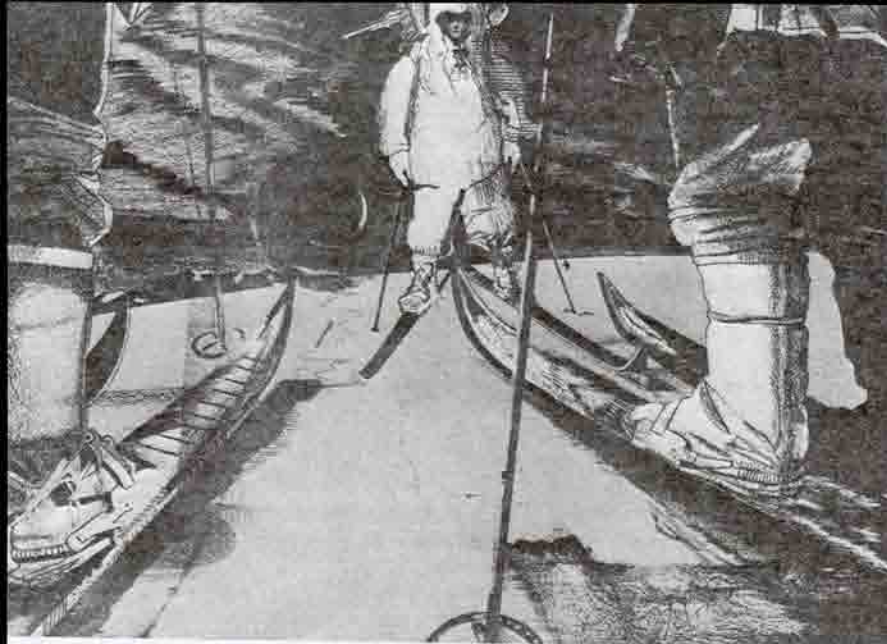
миллионов. Таких средств у меня нет — все деньги уходят на экспедиции.

Сейчас написал сценарий фильма «Пророк Иона». Сюжет возник, когда я был в Саудовской Аравии. В этой картине хочу сняться в главной роли. У фильма уже есть музыкальное сопровождение — музыку сочинил композитор Алексей Рыбников.

— Чем занимаетесь в Находке?

— На мои пожертвования по-

строены две церкви. Уже пять лет существует школа путешественников «Полюс». Пока она больше напоминает пионерлагерь, а я мечтаю создать что-то типа Шаолинского монастыря с пятилетним сроком обучения и жесткой дисциплиной. За время обучения 15 юных гардемаринов научатся мореходному искусству. В программу войдут и занятия по альпинизму, управлению собачьими упряжками, школа выживания.

Пройден путь. 1987 г.

— Что же дальше, Федор Филиппович?

— В августе собираюсь в кругосветку на барке «Надежда» — аналоге знаменитого «Крузенштерна». Таких судов в России всего пять — 108 метров в длину, 14 в ширину, осадка 6,5 метра, водоизмещение три тысячи квадратных метров. Какую рекламу можно разместить!

Помогают мне в этом предприятии военно-морское ведомство и лично адмирал Касатонов.

Барк должен обслуживаться 54 матросами. Они будут управляться с парусами. Перегоним «Надежду» в Австралию, в Сидней. Там экипаж высадится на берег, а дальше я отправлюсь один по маршруту Сидней — «ревущие сороковые» — «неистовые пятидесятые» — Сидней.

— Один — в такую экспедицию?

— Многие думают, что Конюхов сошел с ума. Но дело в том, что все управление судном будет изменено. Обычно команда с капитанского мостика поступает вниз, в машинное отделение. Но никакой механик, учитывая мой характер и крутой нрав, не согласится провести полгода в моем обществе, да еще в машинном отделении, не видя белого света. Поэтому я выведу управление барком наверх и сделаю автоматическую систему настройки парусов.

— Это, наверное, недешево обойдется.

— Стоимость затеи — 200 тысяч долларов. Деньги нашлись. Как оказалось, чем больше паруса, тем легче отыскать спонсора. Кстати, именно из-за рекламы я буду стартовать не из Владивостока, а из Сиднея: там меня покажут на весь мир.

Из дневника Федора Конюхова:
«...Меня часто упрекают в том,

что я честолюбив и тщеславен. Я не стесняюсь признаться в этом. Ведь большинство людей тщеславны и честолюбивы, но почему-то скрывают это под маской таинственности, а в результате всегда остаются на задворках жизни, не стремясь достичь своих собственных высот или стесняясь сделать это».

— Наверное, ваши планы распланы до конца тысячелетия?

— Есть бредовая идея: поучаствовать в гонках Париж—Дакар на автомобилях японской фирмы «Мицубиси». Еще очень хочется снять документальную, а может быть, и художественную ленту о самых ярких моментах моих странствий. Не отказался бы посмотреть на Землю со стороны Космоса — такое жгучее любопытство возникло на Южном полюсе... Кандидат технических наук Флориан Шевченко предлагает на батискафе собственной конструкции спуститься на дно Марианской впадины в Тихом океане — это 10 990 метров. Сам он не рискнет, зато согласился один норвежский исследователь. Идея уже в работе. Президент союза судовладельцев России Михаил Романовский гарантирует полное надводное обеспечение. Видимо, этот проект будет осуществляться в первую очередь сразу после кругосветки на «Надежде».

— Как поживают без вас жена Людмила, сын и дочь?

— Конечно, дома я бываю мало. Сыну сейчас 21 год, он учится на экономическом факультете МГУ, недавно сделал меня дедушкой — внука мне родили. Дочери Танюше восемнадцать, тоже учится в Москве и тоже на экономиста. Свою роль как отца я не преувеличиваю. Можно, считаю, подавать пример детям и находясь вдали от дома. От иных отцов и дома толку чуть.

Младший брат мой, Павел, тоже

увлекся путешествиями. В 1989 году совершил трансконтинентальный пробег Владивосток—Брест на велосипедах в составе российско-американской экспедиции. Потом проехал вокруг Байкала. Собирается на велосипеде в кругосветку...

Из дневника Федора Конюхова:
«...я молю Бога дать мне силы и здоровья, а больше всего смелости, чтобы совершить свое последнее путешествие. И тогда можно будет спокойно умереть, зная, что в этом мире, на этой прекрасной земле, где мне пришлось жить, я сделал то, что должен сделать каждый,— подвинуть предел возможностей человека».

Беседу вел СЕРГЕЙ СОРОКИН.

ТАТЬЯНА СМОЛЬЯКОВА

УБИЙСТВЕННЫЙ

Из доклада Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 1995 год: «Среди инфекционных заболеваний, являющихся причинами смерти взрослого населения в мире, туберкулез прочно занимает первое место; сегодня из 5,7 миллиарда жителей Земли инфицированных* туберкулезом — 1,9 миллиарда, или каждый третий; в случае непринятия достаточно эффективных мер до 2005 года в мире от туберкулеза погибнут около 30 миллионов человек и около 300 миллионов будут дополнительно инфицированы».

*инфицированы — не значит, что больны...

ПРОЦЕНТ

Возвращается страх

Есть болезни, названия которых люди суеверно избегают даже проносить вслух — а вдруг накличешь... Для двадцатого века таким пугающим символом несчастья стало коротенькое слово «рак». Для века минувшего — «чахотка».

Так наши прабабушки называли недуг, который их современник Владимир Даль в своем словаре определяет как «изнурительную, смертельную болезнь, обычно с порчею легких». Болезнь, в схватке с которой доктора того времени, как правило, терпели поражение: невозможно было эффективно бороться с ней — причины возникновения ее и механизмы разрушения человеческого организма оставались для девятнадцатого века загадкой.

Чахоткой заболевали десятки тысяч — богатые и бедные (бедные гораздо чаще), взрослые и дети (чаще, чем взрослые). Это был диагноз-приговор, практически не оставлявший надежды ни больному человеку, ни его близким, где бы они ни жили — в России, Германии, Англии или Швеции.

Шанс победить эту болезнь впервые дал человечеству немецкий микробиолог Роберт Кох, открыв в 1882 году ее возбудитель — микробактерию, — который и называли «палочка Коха». Ученые выяснили, что в пораженных палочками Коха человеческих органах — а это могут быть и легкие, и лимфатические узлы, и кожа, и кости, и почки (туберкулез имеет много форм) — развиваются маленькие бугорки; они имеют склонность к «творожистому» распаду, что в конечном итоге приводит к распаду и всего большого органа. Чахотку в России, как и в других

странах, стали называть туберкулезом — от латинского «tuberculum» — «бугорок».

За сто с лишним лет, что прошли со времени революционного открытия Роберта Коха, медицина узнала об этой инфекционной болезни, кажется, абсолютно все и научилась с ней бороться. Туберкулез перестал быть смертельной болезнью. Ученые убедились: выявленное на ранних стадиях заболевание успешно лечится — смертельный же исход становится неизбежным только в том случае, если позволить болезни достичь последних стадий. Если вовремя ее не выявить или попросту не лечить.

Наука подтвердила и чисто эмпирический тезис, что туберкулез — болезнь бедных. Доказано: наиболее рискуют заразиться им люди с ослабленной иммунной системой. К примеру, те, кто худо и недостаточно питается, живет в плохих условиях, много и тяжело работает, не имея при этом возможностей ни отдохнуть достаточно, ни получить своевременную медицинскую помощь. И все более становилось очевидным: стране, в которой бедных меньше, чем богатых, и где всему населению обеспечивается квалифицированная и доступная медицинская помощь, эпидемии туберкулеза и высокая смертность от него не грозят.

Туберкулез — болезнь бедных стран...

Бич девятнадцатого столетия, туберкулез стал для века двадцатого одним из важных показателей социального благополучия того или иного государства. Неудивительно, что в первом в истории социалистическом государстве борьба с этой болезнью была переведена из медицинской плоскости в идеологическую. Палочке Коха была объявлена война. Победа в той войне являлась вопросом политическим и должна была стать очередным

доказательством мировому сообществу преимуществ социалистического строя.

Организованная в те годы противотуберкулезная служба — с широчайшей сетью специализированных санаториев, профилакториев, диспансеров и больниц; с мощной системой профилактики и ранней, практически со стопроцентным охватом населения, туберкулинодиагностики (вспомните, читатель, регулярные и строго обязательные пробы на реакции Манту и Пирке, передвижные станции флюорографии, подкатывавшие прямо к вашей работе...) — стала одной из лучших в мире. Соответственно показатели заболеваемости и смертности от туберкулеза — одними из самых низких. СССР объявил себя «страной, победившей туберкулез». И не без основания: для нескольких поколений советских граждан страхи их прабабушек перед грозной болезнью были попросту неведомы.

Но, похоже, сегодня эти страхи возвращаются к нам.

Болезнь бедных

Заболеваемость туберкулезом, по данным Всемирной организации здравоохранения, в последние годы растет во всем мире, и довольно быстро. В большинстве стран Восточной Европы, во многих странах Западной — в Дании, Франции, Италии, Нидерландах, Швеции, Великобритании... Но если, скажем, в Дании уровень заболеваемости составляет 6,5 случая на сто тысяч населения, то в России — 48,2.

Специалисты говорят о естественной цикличности общего эпидемического процесса, который сейчас вошел в период активизации. Наверное, это может служить объяснением «датскому показате-

лю», но вот «российскому» — вряд ли: уж больно велик для страны, в которой положение с туберкулезом неуклонно улучшалось вплоть до 1991 года.

Что же происходит у нас?

Первый тревожный звонок прозвучал для отечественных эпидемиологов в 1991 году: дала резкий скачок заболеваемость туберкулезом среди детей, и в целом — смертность от этой болезни. В 1992 году статистика продолжала ухудшаться. А в последующие годы российские медики все более убеждались: в Россию пришла большая беда. За какие-то четыре-пять лет общая заболеваемость россиян туберкулезом выросла почти на 42 процента, детская — на 52, а смертность от него увеличилась на 80 процентов!

Причин много, но все они — по сути, вариации на тему «туберкулез — болезнь бедных» (бедных граждан, обнищавших за период жестких экономических реформ; бедных медиков с их смехотворной зарплатой; бедного государства, у которого дефицит бюджета уже давно зашкаливает). Главная же и, пожалуй, наиболее обидная и позорная для страны причина — развал противотуберкулезной службы. Той самой, что не так давно по праву считалась одной из лучших в мире и давала основания говорить о победе над страшным недугом.

Сегодня, по самым оптимистичным подсчетам, профилактические осмотры у фтизиатра (врача — специалиста по туберкулезу) проходят лишь тридцать пять процентов населения, и то нерегулярно. Только семьдесят процентов детей и подростков — чья иммунная система еще не вполне сформирована — охвачены туберкулинодиагностикой. При этом качество проведения пробы на реакцию Манту вызывает у специалистов серьезную тревогу. Несвоевременное

выявление заболевания привело к тому, что у половины впервые обратившихся к врачу туберкулезников, не подозревавших даже об истинной природе своего недомогания, установлена уже фаза распада.

Большинство больных заразы. Причем палочки Коха передаются не только воздушно-капельным путем, о чем люди все-таки знают и чего, естественно, опасаются, инстинктивно сторонясь «подозрительно кашляющего» человека. Но ведь и одежда, и волосы, и кожа больного могут быть усеяны возбудителями болезни и запросто попадать на окружающих! В условиях скученности в больших городах уберечься от заразы практически невозможно.

Неудивительно, что крупнейшим «питомником» туберкулезной палочки в России стала Москва — огромный мегаполис, превратившийся за последние годы в такой же огромный проходной двор, базар, свалку отходов — называйте, как хотите.

Тенденции и проблемы, свойственные столице, по большей части являются типичными и для других городов страны. Надо лишь делать поправку на разницу в финансировании столичного и провинциального здравоохранения. (Моздрав ни в былые времена, ни сегодня не был в числе нищих. Другое дело — как немалые бюджетные средства здесь расходуются, но это особая тема.)

Есть в Москве и сугубо специфические проблемы, связанные с ее столичным статусом. По-видимому, именно благодаря им ситуация с туберкулезом дошла здесь до критической отметки.

Московский вариант

До начала девяностых в благо-

получной в отношении туберкулеза стране столицу и вовсе принято было считать образцовой; но, увы, порог так называемого эпидблагополучия москвичи преодолели в девяносто третьем. Вхождение города в «туберкулезную зону» происходит со свойственным ему во всем столичным размахом: в темпах роста заболеваемости москвичи легко «обошли» уже упомянутый выше среднероссийский показатель — заболеваемость горожан туберкулезом за последние четыре года подскочила аж на 54 процента. Сегодня количество зарегистрированных больных приблизилось к пятнадцати тысячам.

Подчеркнем: это только те, кому врачи поставили официальный диагноз. Сколько людей не подозревают о своей болезни, можно судить по другим статистическим данным. До сих пор основным методом выявления заболевших туберкулезом органов дыхания является флюорография. Но если еще лет десять назад этой мерой профилактики охватывалось практически сто процентов населения Москвы, то нынче такие осмотры москвичей проводятся нерегулярно и носят, мягко говоря, не «массовый» характер. Отсюда — удручающая статистика: прежде именно флюорографические обследования горожан позволяли выявить до 70 процентов из общего количества больных легочным туберкулезом, сегодня — лишь 23,6 процента... Вывод: реальное число москвичей, больных туберкулезом разных форм, по самым грубым прикидкам, может быть в четыре-пять раз больше «официальных» пятнадцати тысяч.

Специалисты относятся к официальной статистике с известной долей скепсиса. Они не сомневаются, что реальное положение с туберкулезом в Москве значительно хуже, чем она это представляет.

Одно из оснований такому недоверию они видят хотя бы в росте числа умерших от туберкулеза, не диагностированного при жизни и выявленного лишь при патологоанатомическом вскрытии. Такие люди (которых можно было бы спасти, если бы их болезнь была своевременно обнаружена!) составляют весьма значительную долю всех умерших туберкулезников — тринадцать с половиной процентов. Смертность же от активного туберкулеза и его последствий в Москве также возросла за последние четыре года более чем в два раза (!) и составила 15,3 случая на сто тысяч населения. Это самый высокий показатель в Европе.

Выше уже говорилось, что реальное число москвичей, больных чахоткой, гораздо больше «официальных». Но ведь сюда необходимо добавить и целую армию так называемых «гостей столицы» — людей, не имеющих в Москве ни жилья, ни прописки, но избравших ее своим постоянным пристанищем. Город наводнен социально дезадаптированными лицами: бродягами, беженцами, бывшими заключенными... Уровень заболеваемости среди них туберкулезом в силу известных обстоятельств чрезвычайно высок.

По данным международной гуманитарной неправительственной организации «Врачи без границ», среди обратившихся к ним за медицинской помощью только в Москве ежемесячно выявляются от шести-десяти до восьмидесяти больных туберкулезом. Многие из них имеют открытую (особо опасную для окружающих!) форму болезни.

Выявлять среди бомжей туберкулезников и лечить их — задача, безусловно, трудная, но все же — судя хотя бы по деятельности тех же «Врачей без границ» — выполнимая. Можно и крайне нужно, пусть не на сто процентов, обеспе-

чить какой-то приемлемый уровень безопасности для городского населения.

Однако московские власти разводят руками: по закону, бомжи не могут привлекаться к обследованию и лечению в принудительном порядке и потому-де «безнаказанно заражают окружающих».

Убедительный довод... Но — лишь для тех, кто попросту утратил инстинкт самосохранения и, не чувствуя реальной опасности, не желает ничего предпринимать. Ведь уже то, что обратившиеся за помощью к «Врачам без границ» сделали это добровольно, означает: эти люди хотят и готовы лечиться. Плохо то, что доверяют они лишь международной общественной организации. Потому как знают: там получают квалифицированную помощь; там в отличие от государственных медучреждений никто не посягнет на их человеческие права — не унизит, не сообщит «куда следует», не отправит с их несчастием «по месту несуществующего жительства».

Силами одних общественных организаций, пусть даже имеющих международный статус, проблему роста туберкулеза в городе не решить. Это задача (и, заметим, прямая, непосредственная обязанность!) правительства Москвы, руководства ее системы здравоохранения. Несмотря на все экономические трудности — хотя бы из соображений самосохранения! — необходимо реанимировать умирающую противотуберкулезную службу столицы, создать новую сеть специализированных медицинских учреждений для социально дезадаптированных людей. Словом, самое время, как когда-то, объявить войну палочке Коха, войну до победы...

Но судя по реакции московских чиновников на положение с туберкулезом, явно неадекватной, ин-

стинкт самосохранения у них сильно сбоят. Приведу лишь несколько примеров «неадекватного поведения» столичных управленцев.

...Как и следовало ожидать, наиболее уязвимыми для болезни оказались дети и подростки. Их стало заболеть туберкулезом в два раза больше. А среди ребятишек, что вынуждены жить в непосредственном контакте со взрослыми туберкулезниками, заболеваемость подскочила в девять раз!

Главный детский фтизиатр Москвы Е. Овсянкина оценивает положение как чрезвычайное и требующее соответственно чрезвычайных мер. Но внедрить эту страшную очевидность в умы и души руководителей столичного здравоохранения (которые, между прочим, сами чьи-то папы и дедушки) ей никак не удастся. А без их высоких решений не в ее власти изменить ситуацию хотя бы даже в «отдельно взятом» городском приемнике-распределителе для несовершеннолетних.

В год через этот приемник проходит шесть-семь тысяч детей и подростков; маленьких бомжей, «побегушников» из детдомов и интернатов, беглецов от родителей-садистов, малолетних правонарушителей. Половина — то есть три тысячи — инфицирована туберкулезом. Их надо бы более глубоко обследовать и лечить, а многих — госпитализировать безотлагательно. Вместо этого ребят распределяют — кого-то возвращают в «любимый» интернат, кого передают вечно пьяной маме. Жизнь для них продолжается в прежнем режиме и в прежнем окружении...

Сколько раз Овсянкина доказывала и медицинскому, и милиционерскому начальству необходимость открыть в приемнике-распределителе кабинет фтизиатрии с флюорографом, рентгеновским аппаратом; образовать хотя бы крохот-

ный, на десяток-другой коек, туберкулезный стационар — все без толку. Без ответа осталась и ее докладная записка на имя московского министра здравоохранения. Правда, вторичный подобный демарш оказался успешнее: всего через каких-то шесть месяцев ее пригласили на беседу в столичный департамент здравоохранения. Впрочем, положение детей-туберкулезников та беседа не изменила.

Ну, не могу никак понять логику чиновников: несмотря на безостановочное ухудшение эпидемиологической ситуации, в городе сокращается количество противотуберкулезных учреждений. Из шести детских противотуберкулезных санаториев осталось четыре, из трех взрослых — два; закрываются тубдиспансеры, а число больничных коек в оставшихся уменьшается... Ликвидацию в прошлом году диспансера в Центральном округе Москвы столичные стражи здоровья народа объяснили уменьшением там жителей. Но ведь именно в Центральном округе самая высокая в городе заболеваемость! Это еще не повод превышать нормы объема медицинской помощи населению, отвечают чиновники. Есть священный догмат Минздрава: на такое-то количество жителей положено такое-то количество врачей, больниц и койко-мест...

Эпидемическая обстановка с благословенных времен принятия тех норм изменилась катастрофически. Но нормы-то остаются прежними!

Однако и по старым нормам во фтизиатрических учреждениях столицы не хватает порядка трехсот пятидесяти врачей и медсестер. Половина докторов — пенсионеры. Если завтра уйдут и они — система рухнет окончательно. Не говорю уж о зарплате — общая беда. Но ведь и «странная» логика чиновников от здравоохране-

ния подталкивает специалистов к уходу: заболеваемость туберкулезом растет, нагрузка на медперсонал растет, профессиональный риск заразиться увеличивается, а существовавшие в прежние благополучные десятилетия льготы медикам отменяются. Снят дополнительный отпуск за вредность, отменена оплата за работу на участке, пенсионный порог врача и медсестры, несмотря на одинаковую длительность контакта с туберкулезом, почему-то разный...

Прошлой осенью Мосгордума провела депутатские слушания вопроса о противотуберкулезной защите населения столицы. Первый заместитель руководителя департамента здравоохранения И. Лешкевич приятно удивил собравшихся: оказывается, в Москве аж с 1992 года действует программа работ по сокращению заболеваемости туберкулезом! А то, что результат этих загадочных «работ» нулевой, так департамент не виноват — такая болезнь, имеющая социальные корни, одной медициной не лечится.

Уми, лучше не скажешь!..

Туберкулез на нарах

Бомжи, живущие в наших городах, окружающие нас люди, о болезни которых не подозреваем ни мы, ни они сами, — все это источники туберкулезного риска. Но, наверное, ничто не представляет для здоровья нации большую опасность, чем наши пенитенциарные учреждения — тюрьмы, колонии.

Стало уже профессиональным термином — «тюремный туберкулез». Даже официальная статистика, на полноту которой рассчитывать не приходится, убийственна: заболеваемость туберкулезом среди заключенных в сорок раз, а смертность в семнадцать выше,

чем среди остального населения!

Ежегодно от туберкулеза умирает в среднем 1285 заключенных. Ну а те, кто выжил, раньше или позже выносят свою болезнь на волю. По некоторым оценкам, ежемесячно освобождается около двух тысяч заключенных с открытой формой туберкулеза!

Общероссийский центр содействия реформе уголовного правосудия («Содействие») уже несколько лет ведет исследование проблемы тюремного туберкулеза. Материалов накопилось масса. Порой приводимые в них факты настолько чудовищны, что законопослушным гражданам, никогда ни с чем подобным не сталкивавшимся, кажутся просто невероятными. Но... что есть, то есть...

Единственная в Москве тюремная больница для туберкулезников (при следственном изоляторе «Матросская Тишина») переполнена в 4,2 раза. В некоторых камерах, рассчитанных на шесть мест, находилось по тридцать с лишним заключенных с открытой формой туберкулеза. Медикаментами и санитарно-гигиеническими средствами больница обеспечена лишь на двадцать процентов от необходимого. Но, даже имея здесь врачи все необходимое, чахоточных в таких условиях не спасти. Для обреченных умирать в забитых до предела каменных склепах единственный шанс выжить — дожидаться приговора суда и быть переведенным в колонию. Но и в этом случае выжить удается не всегда.

Вот что пишет, например, ответственный работник новгородской прокуратуры о результатах проверки лишь одной из российских колоний (г. Боровичи): «За девять месяцев 1994 года умерли от туберкулеза легких восемь осужденных. За девять месяцев текущего года — девятнадцать человек. Почти все умершие поступили из следствен-

ных изоляторов Москвы нетранспортируемыми, с запущенными формами болезни, в крайне тяжелом состоянии... После прибытия и помещения в больничный стационар такие осужденные живут еще 5—15 дней до наступления летального исхода...»

Да и в каком, скажите, состоянии может прибыть туберкулезник из тюрьмы, где, как в той же «Матросской Тишине», в рассчитанных на 25—30 человек семидесятиметровых общих камерах содержатся по сто сорок человек — и больных, и здоровых?! На всех одна раковина и одна параша, а на окне порой вместо стекла железные листы с просверленными дырочками. Ни света, ни воздуха — более идеальных, «тепличных» условий для палочки Коха не изобрести.

Но и это еще не все о тюремном туберкулезе. В отечественных тюрьмах и лагерях он широко применяется в «воспитательных целях». Заключение без обиняков заявляют: «Тем, кто будет возникать, привьем туберкулез». Руководитель центра «Содействие» правозащитник Валерий Абрамкин рассказывает: «Делается это просто. В камеры к здоровым заключенным подсаживают больных активной формой туберкулеза. Я испытал это на себе. После освобождения, уже на воле более года проходил курс лечения».

Подобных примеров в досье центра «Содействие» много. От некоторых — мороз по коже. «...Вот уже десять лет, как мне привили чахотку, и сейчас я в здоровой зоне заражаю здоровых людей. А, впрочем, мы ведь для вас не люди. Но подумайте, нам ведь когда-нибудь придет звонок, и все из этого рассадника будут на свободе заражать здоровых людей — вас! А все потому, что начальник тубзоны (есть несколько специализированных исправительно-трудовых коло-

ний для туберкулезников; из одной такой был переведен в «нормальную» ИТК и автор этого письма из архива «Содействия». — Т. С.) Кулиев Г. И. говорил: «Вы мое бактериологическое оружие, и лечить вас здесь не будут. Это мой вклад в перестройку, то есть борьба моя с преступностью...»

Я не стала бы говорить о безнравственности такого отношения к осужденным никому из милицеских чинов — какой в том прок? Но один вопрос я бы им задала, попросив при этом посмотреть мне в глаза: «Чем провинился перед ними мой ребенок, который завтра будет играть в песочнице, куда походя плюнул отбывший свой срок заключения туберкулезник? И отчего они так уверены, что их собственный сын или внук не окажется в той же песочнице?..»

...или — вымерли?

Совершенно очевидно, что, если не принять срочных и радикальных мер, Россия из страны, когда-то победившей туберкулез, очень скоро превратится в «страну победившего туберкулеза». Но, похоже, даже руководители здравоохранения не осознали до конца нависшую над нацией опасность.

Если где-то и происходят какие-то дающие надежду сдвиги по исправлению обстановки, иницируются они общественностью или в лучшем случае народными депутатами, как это произошло, скажем, в Москве. Именно депутаты городской Думы подняли вопрос о критическом положении с туберкулезом в столице. Они же создали рабочую группу по подготовке городского закона о противотуберкулезной защите населения Москвы. Проекты аналогичных законов существуют в Саратове и Башкирии. Минздрав же пока лишь наблюда-

ет, что из этого получится. Конечно, хорошо, что хоть кто-то действительно беспокоится о здоровье народа. Но будем смотреть на вещи трезво: можно ли победить туберкулез в отдельно взятом городе, если вся страна поражена болезнью? Нужны федеральный закон и федеральная программа, строящаяся на основе общей государственной стратегии национальной безопасности. Или мы все просто выйдем.

Третьего не дано...

Спасти себя

Ну а пока нет закона, нет программы, что же нам делать — положиться на судьбу? Мол, в России всегда кривая вывезет?

Нет. Во-первых, сегодня же, сейчас — бегом к врачу, на флюорографию, в рентгенкабинет. Самое важное — профилактика детям.

Во-вторых, заражение туберкулезом здоровых членов семьи можно предупредить. Для этого надо всем быть предельно внимательными и принять некоторые меры предосторожности.

Если больной открытой формой недуга не имеет отдельной комнаты, его спальное место должно находиться в полутора-двух метрах от кроватей других членов семьи. Лучше отгородить его постель ширмой. Белье, посуду, постельные принадлежности следует хранить, стирать и мыть отдельно. Уборку в доме нужно проводить с горячим мыльно-содовым раствором. Белье и посуда, прокипяченные в двухпроцентном растворе соды, уже не опасны.

Из комнаты заболевшего человека лучше убрать ковры и предметы, плохо поддающиеся мытью. На мягкую же мебель стоит надеть чехлы. Не нужно подвергать риску детей: они наиболее незащищенны

перед палочкой Коха. Поэтому, как ни трудно бывает удержаться, не позволяйте им тесно общаться с собой до полного своего выздоровления. Не берите их на руки и не целуйте.

И, конечно, как только беда вошла в вашу семью строчками диагноза родного человека, немедленно все ее члены должны обратиться к специалисту и пройти обследование в противотуберкулезном диспансере. Такие осмотры надо будет проходить регулярно, пока ваш родственник полностью не излечится.

А еще очень важно, чтобы уныние не поселилось в вашем доме. Помните: туберкулез излечим, если диагноз поставлен не слишком поздно и лечение проводится своевременно!

У случайной знакомой диван жестковат.
А сама-то она и худа, и бледна.
Только, кажется, сам я во всем виноват.
Однокомнатный воздух стоит, как стена.

У случайной знакомой ребенок кричит:
«Мама, мама!» — ее от меня он зовет.
Никогда никуда меня ночь не умчит.
Лишь фонарь за окном потихоньку плывет.

Тишина. По углам темнота зелена.
Шкафом комната надвое поделена.
У случайной знакомой несчастная жизнь.
Не случилась она — так считает она.
Над счастливой судьбой крест высокий окна,
Перечеркнута холодно синяя высь.

У случайной знакомой нескладный халат.
Он как будто бы весь состоит из заплат.
Только в этом я, кажется, не виноват, —
Так считает она и снимает халат.

И лежит на плече ее свет от окна.
Ловко прячутся тени на теле ее.
И тогда начинается время мое.
И над нами большая, как сон, тишина.

...Утро маленьких звуков и маленьких дел.
Продолжается странная эта игра.
Синий чайник печально о чем-то зашел.
Не дождавшись о чем, ухожу со двора.

Снег идет. У акации снег на руках.
Серый дворник лопатой дорожку ведет.
А потом и его самого занесет,
Затеряет надолго в холодных веках.

А потухший фонарь глаз не сводит с окна,
Где осталась ночная моя тишина.
Шкаф, ребенок,
четыре стены и она.

РЕПРОДУКЦИЯ

Темным воздухом тихо дышу.
Поздно вечером из дому вышел...
Как лягушечий хор опишу
Для того, кто ни разу не слышал?

Что-то там выкликают они?
Надувными щеками качают...
«Два — не два...» — начинают одни.
«Два! Два! Два!..» —
дружный хор отвечает.

Водяное, болотное «ква»
Над забытой деревней Заречье.
Хор ночной: между «два» и «не два»
Нерешенное противоречье.

Или так создаются миры? —
В забвении камыша и осоки —
«Два — не два...» — на соцветья икры
«Два! Два! Два!..» — выпадают молоко.

≡
Начало вечера. В глазах
Попутчика печаль степная.
Мы курим у окна. Казах
Молчит, о чем-то вспоминая.

В несвоевременной тоске
Непостижимой жизни знаки —
Татуировка на руке:
Рука, сжимающая факел.

Не озарит и не спасет,
И не укажет путь, и все же —
Кому он этот свет несет —
Холодный свет на желтой коже?

Событий, минувших давно,
Узор наивен и роскошен —
Еще на кожу, как на дно,
Голубоватый якорь брошен.

Под звездами каких широт
Отмечен первый шаг похода? —
На пальцах: тыща девятьсот —
Неведомо какого года...

Мы смотрим в пыльное окно,
Там, как живая, перед нами
Степь проплывает, как кино,
И как поверженное знамя.

Вблизи — заснежены кусты.
Вдали?.. — Чего мы ждем оттуда?
Что там? Плывущие флоты
Или бредущие верблюды?

*Что было? Будет? Неба синь?
Как жизнь одна вмещает странно:
Безводну даль полупустынь,
Безбрежны воды океана.*

ВАЛЕРИЙ ГРИШКОВЕЦ

≡

*Что пророчества? Одиночество
Снова гонит меня по земле.
Вот и возраст уж — к имени-отчеству,
Да и время-то, время — к зиме...
После гульбищ с тоскою похмельною,
После сборищ, где склока — столбом,
Ты, дорога, — юдоль и спасение,
В этой жизни последний мой дом.
Иней сваи у пристани вымазал.
Тянет рябью по черной воде.
До свидания. Прошрое — вымысел,
Где замешан сюжет на беде.*

≡

*Свет зажгу, оставляю дверь открытой:
Сколько их, пропащих, на земле?..
Я и сам пришел испитый, битый,
С думой о прощенье и тепле.*

*Хлеб нарежет, вскипятит водицу,
И посмотрит — как с иконы — мать.
Помолясь, присядет под божницу
Плакать, улыбаться и вздыхать.*

*Отчий дом, бедой да горем крытый,
Ни за что не оброну упрек.
Дверь твоя всегда была открытой,
Потому я был не одинок...*

*Потому легка была дорога
И по сути — жизнь нетяжела.
И пока жива мать — слава Богу —
Хватит мне и хлеба, и тепла.*

ПОПЫТКА АВТОПОРТРЕТА НА ПЯТОМ ДЕСЯТКЕ

*Отцежу печаль души корявую
И, очнувшись, влезу в сапоги.*

Гой ты, дурь, подстегнутая славою,
Мне с тобою нынче не с руки.
Не с руки — не с той ноги поднялся я,
Не с руки — до ручки довела.
Молодость?
И с нею распрощался я —
Отстираю душу добела...
Наизнанку выверну продажную:
Э-хе-хе, да что же я творил?..
Вся она, как выдублена сажетою,
Парил-драил — так и не отмыл.
Ну так что ж, браток, крути-сворачивай,
Никуда не денешься — живи.
С этакой, измызанной, растроченной,
В ссадинах, в блевотине, в крови?..
С этакой, измызанной, растроченной.
И давай зубами не скрипи,
А, какая есть, крути-сворачивай,
Тут, брат, не продать и не купить...
Эх ты, голова моя тщеславная —
Под глазами темные круги,
Руки задубевшие, корявые,
Борода, фуфайка, сапоги...

ПОСЛЕДНИЙ БРОДЯГА

Звериный дух в округе колобродит.
Метель-метель! И не видать ни зги...
Чу, волчья рать по насыпи проходит,
Знобящий гуд несется из пурги.

И ни души... Лишь волчий дух во мраке
Да семафор, дымящийся что кровь.
Ни родины, ни друга, ни собаки...
Все, что сберег, — звериная любовь.

БОМЖ

День как день, ну, разве что метельно.
Год как год, ну, разве что война.
Жизнь как жизнь, ну, разве что бездомье.
И страна — чужая сторона...

Он идет — его не замечают.
Он прошел — ну, хоть бы окрик, вздох.
Что же это с нами? И не так вот
По земле пройдет однажды Бог?..

Огляделся. Смотрит. Не находит.
Да и что там?.. Но — куда идти?!.
Ни друзей, ни денег, ни здоровья,
Даже нет могилы впереди...

Кирзачи да вшивая фуфайка,
А по верх — еще и драный плед.
Он идет, кренясь, по тротуару,
Боже мой, за ним и следа нет...

Литва. Декабрь. Свидание с Яниной.
Спеленутый метелью городок.
Года идут, а я до слез наивный —
О жизни и подумать невдомек.

Года идут. И праздник дня рожденья —
Как на голову снег! И напугал.
И горло перехвачено волнением:
Вот он — суровый жизни перевал.

Метет метель. И — ни земли, ни неба.
Твой телефон предательски молчит.
И городок, ссутулившись от снега,
К двум кладбищам прижавшись, тихо спит.

Открой дверь. Щекой к щеке прижмешься.
С воротника стряхнешь налипший снег.
И удивишься ты. И улыбнешься.
И пожелаешь много счастья мне.

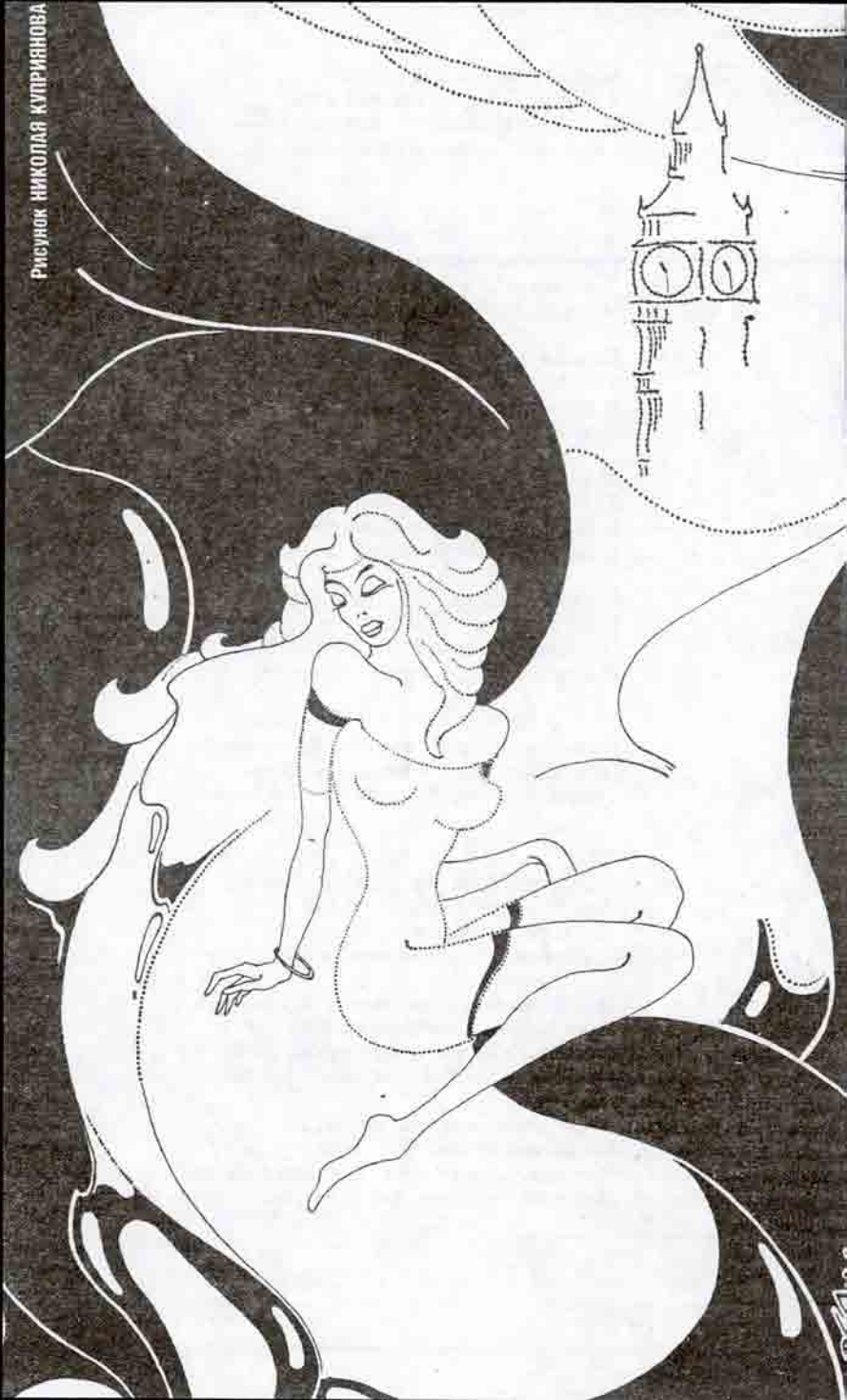
Уйду под утро, тихий и тревожный,
Прощально сердце что-то прокричит.
Ну а пока в окне твоём морозном
Горят — не гаснут тридцать три свечи.

Анохорет, бродяга — крест и посох,
Дороги восклицанье и вопрос.
Два берега у жизни — до и после.
И настоящее — зыбучий мост.

Мне за тобой, отшельник, не угнаться,
Хоть и устал катить на всех парах.
Я, сколько помню, рос и поднимался,
Но почему во мне и дальше — мрак?..

И где она, заветная дорога,
Пусть от порога, но всегда — к себе?..
Распутье. Тихий свет. Распутье. Долго
По осени светает. Как в судьбе.

НЕМНОГО О СЕБЕ И ЧУТЬ-ЧУТЬ

О ШЛЯПКЕ

СВЕТЛАНА СЕМИНА

Никогда нельзя наверняка сказать, с чего именно начинается та или иная история. Невозможно установить точную грань. Там, где истекает прошлое, зарождается будущее. Можно только взять ножницы и искусно или безыскусно, у кого как получится, обкорнать все лишнее, то есть то, о чем можно или нужно умолчать.

Вы никогда не задумывались, что кроется за всеми этими «однажды», «серым дождливым утром», «в некотором царстве» — словом, за стандартными словечками, созданными специально для того, чтобы отделить собственно историю от ее причин и последствий? Историю можно рассказать, причем за довольно

Рассказ

короткое время. О том, почему она произошла, поведать невозможно из-за неограниченности материала. Нужно иметь в виду только одно: любая история происходит лишь потому, что не может не произойти.

Моя история началась с моей же неосторожной фразы, которая прозвучала во время очередного телефонного разговора с Романом: «Ладно, высылай».

Дело в том, что Роман, как обычно в течение последних двух лет, поинтересовался, не прислать ли мне приглашение погостить у них с Дашей в Лондоне. Почему я каждый раз отказывалась, ссылаясь на дефицит времени, а тут вдруг взяла и согласилась, не знаю, но именно так оно и было. Роман, видимо, тоже очень удивившись, выслал приглашение немедленно, буквально в тот же день. Оно было составлено из очень вежливых английских оборотов, которые растрогали меня до слез. Я непременно сохранила бы это письмо и перечитывала в глубоком постперсионном возрасте, если бы его не отобрали у меня в английском посольстве.

34

Даша и Роман Смирновы — молодая чета, имеющая замечательного рыжеволосого сына Федора шести с половиной лет, проживающая последние три года в славном городе Лондоне. Роман, как подобает главе семейства, зарабатывает, Даша поддерживает уют в их прекрасной квартире, расположенной в самом центре рядом с городской резиденцией принцессы Дианы в Кенсингтонском дворце, Федор учится в одной из лучших частных школ Англии. Стоит ли добавлять что-либо к этому семейному портрету? Во всяком случае, не сейчас. А вот несколько слов о себе не помешает. Главное — не переборщить. Поэтому предельно кратко сообщу следующее: я тридцатилетняя цветущая блондинка классического телосложения, необремененная на сегодняшний день совместным проживанием с собственным мужем, затерявшимся в бескрайних просторах нью-йоркщины, но имеющая-таки привязанности в этой жизни в лице девятилетнего сына Игоря и серого шнауцера Райса. Конечно, в моей жизни есть мужчина. Приватно могу сообщить, что именно из-за него после довольно пылкого объяснения с мужем несколько лет назад я вернулась из страны Желтого дьявола в просторы родного края и прекрасно себя чувствую. Единственное, что омрачает мое существование, — учеба сына.

Как человек, обладающий несомненным творческим началом, он не устает поражать меня и свою первую учительницу недюжинной изобретательностью в достижении простой и ясной цели — не делать домашнюю работу. Как правило, каждый следующий эксперимент заканчивается очередной двойкой и звонком классного руководителя. Затем следует мое сольное выступление о вреде и бесполезности вранья, заканчивающееся обычно ударами соседей по батареем. Но упорство Игоря, видимо, безгранично. Его не обескураживают временные неудачи, и поиск продолжается.

К концу второго класса я выдохлась. Я устала от звуков собственного раздраженного голоса, от тщетности усилий, направленных на спасение заблудшей Игорёхиной души, от иступлен-

ного ожидания начала каникул. Поэтому мой любимый был готов отправить меня куда угодно, а не то что в Англию.

Его согласие отпустить меня я встретила с угрюмой подозрительностью: уж не разлюбил ли?.. Со сладким злорадством я ожидала отказа в визе.

Те, кто сталкивался с проблемой получения въездной визы в Соединенное Королевство, не удивятся. Никаких приятных впечатлений не оставляет длительная беседа с работником посольства, во время которой он всем видом своим показывает презрение к тебе и крайнее нежелание его, как истинного патриота, чтобы нога твоя оскверняла священную английскую землю. А мой случай обескуражил несчастного клерка своей наглостью. Ведь меня приглашали даже не английские друзья, а русские! Но, поскольку работники соответствующих служб не позаботились официально пресечь саму возможность появления такого рода приглашений, сотрудник посольства не мог просто указать мне на дверь. Ему пришлось намекать, что Англия меня не хочет.

Я не люблю прозрачных намеков, протестую против обращения со мной, как с недоразвитым существом. В ответ становлюсь именно таким существом с нарушениями работы двигательного и слухового аппаратов. Речь становится сумбурной, движения суетны, мимика неадекватной. Прибавьте к этому глуповатую заискивающую улыбку. Продолжаем разговор! На каждый «ваш» вопрос у меня десять «наших» ответов. Какой западник устоит против такого напора?

Он устал, он недоволен собой, он уже пятнадцать минут задает глупые вопросы и слушает такие же ответы, при этом пытаюсь сохранить видимость светской беседы. Ворох бумаг и бумажек перекочевал с моей половины стола на его. Худшие его подозрения подтверждаются. Это видно по лицу. Я чувствую, что сейчас будет решающий штурм. Но какой?

В американском посольстве мне для этого неожиданно задавали вопрос: «Не собираетесь ли вы остаться в Соединенных Штатах?» При этом пристально заглядывали в глаза. Наивные, они еще верят на слово. Хотя, может быть, счастливые.

Здесь этот вопрос уже задавался, но только формально, здесь словам не верят, да и бумагам не особенно.

— Сколько получает ваш муж?

— Тысячу долларов в месяц, — не моргнув, отвечаю я, успевая, однако, про себя отметить нескромность этого заявления. Доходы моего мужа, как и его расходы, ко мне никакого отношения не имеют.

— У вас есть какой-нибудь документ, подтверждающий это? — с блаженной улыбкой спрашивает офицер. Он думает, что поймал меня.

— Минуту, — небрежно бросаю я, лезу в сумку, достаточно большую сумку — портфель со множеством отделений, и начинаю в ней копаться. Я держу паузу. Многие мои знакомые отмечают у меня эту редкую способность — держать паузу. Сейчас о ней узнает наш английский друг. Что-то он занервничал, почувствовал, что у меня в рукаве — козырной туз. Ну, пора. Я достаю небольшой замшевый футляр. В нем исключительно бесполезные

вещи. Это пластиковые карточки: две кредитные и одна карточка лица, имеющего счет в банке, американском. Ни на одной из них денег нет, но об этом никто, кроме меня и моего мужа, не знает. Я раскладываю карточки, и офицер наклоняется так сильно, что стукается лбом в стекло, нас разделяющее. Он внимательно читает то, что можно прочесть. Лицо его утрачивает всякий интерес к происходящему. Он умывает руки, сделав все, что в его силах.

— Паспорт можете получить завтра, — сообщает он.

Сладкий миг победы! Жаль, что это одно из самых мимолетных ощущений!

На другой день я демонстрирую красочно оформленную визу своему другу. Он явно доволен.

— Билеты за мной! А это тебе на булавки.

Довольно симпатичная пачка зелененьких бумажек перекачивается в мой кошелек. Здесь надо бы поблагодарить, но мои мысли заняты совсем другим. Любимый несколько обижен, ему приятно ощущать себя царем-батюшкой, отцом родным, но сегодня некогда разбираться в моих настроениях.

— Я позвоню тебе вечером. Начинай собирать вещи.

Он целует меня в щеку и бесследно исчезает в ярком солнечном полдне.

Раз указание получено, его нужно выполнять. Поэтому я пытаюсь отыскать какую-нибудь достаточно вместительную спортивную сумку. Но никак не могу сконцентрироваться на этом процессе.

— Просто ты действительно сильно устала, — бормочу я себе под нос. — Или...

Раздается телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу энергичный голос. Это Ленка — моя боевая проверенная подруга. Сколько курсачей и экзаменов, лабораторных и практических — страшно вспомнить — мы пережили в беззаботной юности!

— Ну, как дела?

— С визой все в порядке.

— А что это у тебя голос такой дохлый? — участливо интересуется Елена.

— Не хочется никуда лететь, — честно признаюсь я.

— Как это не хочется! — Ленка возмущена. — А как же шляпка?

О шляпке я совсем забыла. Элегантная белая шляпка из итальянской соломки с прозрачной голубой лентой. Неделю назад Еленка привезла ее для меня из Италии. Она подарок весь перелет на коленях держала, чтобы не помять, а я...

— Ты только подумай, какая это удача! — продолжает радостно тарыхтеть Еленка. — Ты, Лондон и новая шляпка!

— Убедила, убедила, — спешу я согласиться. Какая женщина может устоять против такого напора.

— Ты помнишь, когда я в Рим улетала, у меня тоже было подавленное состояние. Это, наверное, синдром такой всеобщий. Но с первым же глотком коки в самолете все как рукой сняло! Ты, кстати, проверь, потом расскажешь.

— Так неожиданно получилось. У меня даже в голове не укладывается. И, потом, я не знаю, что везти в подарок ребятам.

— Лучший их подарочек — это ты! — оптимистично восклицает Еленка. — Бабе — цветы, детям — мороженое, смотри, не перепутай! Роману можешь шампанского прихватить. А вообще-то от флакона хороших духов еще никто не умирал!

— И все-таки неудобно. Я их уже три года не видела, писала редко, и вообще они уж и не такие близкие друзья... — продолжаю я делиться своими сомнениями.

— Эх ты куда хватила. Близких друзей тебе в Лондоне подавай. Вот прилетишь — и заводи себе на здоровье, с любой степенью близости. А сейчас лучше ванну прими, расслабься как следует, масочку какую-нибудь сделай.

Чувствую, что Ленка заводится начинает. Лучше сразу все объяснить.

— Лен, — скулящим голосом говорю я, — кажется, я беременна...

Некоторое время в трубке тихо. Видимо, мое признание произвело впечатление.

— А Он знает? — интересуется Еленка.

— Еще нет... И вообще я не решила, говорить ли ему об этом. Может, придется...

— А сроки еще позволяют?

— Да, время пока терпит.

— Ты, главное, не торопись, обдумай все хорошенько. Надо же, сорок лет у человека детей не было, и на тебе...

Мы некоторое время молчим. После признания мне стало немножечко легче. Я не хотела разговаривать с Ним об этом. Во-первых, потому что не собиралась обзаводиться вторым ребенком, во-вторых, не была уверена в том, что новость его обрадует. Одно дело — приятная, ничем не обременяющая связь с привлекательной молодой женщиной, и совсем другое — нежданное отцовство.

— Ты знаешь, — почему-то начинает мяться Ленка, — а я ведь тоже...

— Да ты что?! — ошалело ору я в трубку. Уже год постоянно слышу от нее, что Женя мечтает о девочке. Оказывается, он не только мечтает.

— Давно? — естественно интересуюсь я.

— Прилично. Представляешь, как это замечательно! Вместе с колясочками гулять будем! Просто чудо! Теперь тебе нужно хорошо отдохнуть. Понятно? И не забудь привезти мне клипсы. Не забыла?

— Помню, помню.

— Тогда чао!

В трубке раздаются короткие гудки. Значит, свершилось, и моя непутевая подруга Еленка скоро станет матерью.

Мы учились в одном институте, на одном факультете и даже в одной группе. Он был очень симпатичным мальчиком из о-очень интеллигентной семьи. Его дедушка жил в одном из высотных зданий, имел профессорское звание и был членом нескольких Ученых советов.

Весь первый курс мы не замечали друг друга и по уши влюбились на втором. Мрачные осенние дожди не могли остудить внезапно вспыхнувшего чувства. Шлепая по холодным лужам и не замечая этого, мы гуляли по улицам Москвы, иногда забывая взглянуть на занятия.

Буквочки «н», проставленные безжалостной рукой старосты в «Журнале посещаемости занятий» против наших фамилий, сложились в незамысловатый ребус, мгновенно разгаданный выдавшим виды деканатом. Начались звонки домой, педагогические беседы с нашими родителями, обильно приправленные страшнянками и негодованиями.

Что нам оставалось делать? Только одно — пожениться.

После рождения ребенка родители, как это было тогда принято, сложились и купили нам квартиру. Мы закончили институт, где мой муж остался работать на кафедре одного из бывших аспирантов деда, сохранившего чувство благодарности к своему научному руководителю. Зачисление в аспирантуру, сдача кандидатского минимума, начало работы над диссертацией.

Звонит телефон.

— Билеты у меня. Как ты? Начала собираться?

— Я люблю тебя! — радостно выстреливаю я.

— А я тебя, — четко произносит каждое слово Любимый. — Минут через сорок буду.

— Ура! А надолго? — Я хочу поскорее поделиться с ним новостью, но мне нужно при этом видеть его глаза.

— Нет, только передам тебе билеты. Ты же знаешь, как мне некогда.

— Угу, конечно...

— Еду, целую тебя.

Он приезжает ровно через сорок минут. Я внимательно изучаю билет.

— Улетаешь 22-го утром. Думаю, что смогу проводить тебя. Довольна?

— Конечно, довольна. — Я встаю на цыпочки, целую его в щеку. — А встретить сможешь?

— Посмотрим. Пока не знаю планов Вольфганга. Надеюсь, что встречу.

Хотя я тоже ничего не знаю о планах его начальства, уверена, что Он сможет. Потому что он — мой Любимый. А как бы я могла пять лет любить его, если бы не верила в его всемогущество?

— А до 22-го мы увидимся? — спрашиваю я откуда-то снизу. Он высокий и сильный. С ним так спокойно и надежно.

— Думаю, что нет. В связи с визитом президента еще так много нужно подготовить, а времени почти не осталось. Вот вернешься — тогда обязательно.

— Тебе что привезти из Лондона?

— Себя. И впечатления. Будешь делиться ими со мной длинными зимними вечерами. — Он улыбается. В его улыбке так много тепла и нежности, что у меня начинает щипать в носу и на глаза наворачиваются слезы. — Не грусти. Оглянуться не успеешь, как дома окажешься. — Он опять исчезает.

Хлопаю себя по лбу. Чуть не забыла осчастливить Смирновых известием о сроках своего пребывания у них в гостях.

— Роман! — радостно приветствую я. — Все-таки прилетаю к вам 22-го рейсом 241 из Москвы!

Роману не нужно повторять дважды, если у вас хорошая дикция и вы даете ему время для записывания. Это исключительно дисциплинированный человек. У него всегда под рукой бумага и карандаш.

— Мы с Дашей очень рады. Как я узнаю тебя?

Не подумайте, что Роман меня так редко видел, что может не узнать. Просто он хочет до минимума сократить момент неизбежной растерянности только что прилетевшего в чужую страну человека, у которого в руках громоздкий багаж и глаза разбегаются в разные стороны от царящей в аэропортах неразберихи.

— Я еще не решила, в чем прилечу, но одно могу сказать точно — у меня в руках будет соломенная шляпка, беленькая с голубой лентой.

— Прекрасно. Но не забудь, пожалуйста, взять с собой плотный дождевик и непромокаемую обувь. В Англии обычно очень сыро. Увидимся в Хитроу, — прощается Роман, и я слышу радостный Дашин голос.

— Как замечательно, что ты наконец прилетаешь! Жалко, что не в субботу, а в воскресенье. Так бы Рома мог тебя еще один день покатавать по окрестностям.

— Ну, — пытаюсь утешить ее, — одним днем больше...

— Обычно он поздно заканчивает, а по выходным свободен, — объясняет Даша, — и мы все вместе могли бы съездить в Виндзор или Гринвич. А что тебе приготовить?

— В каком смысле? — не понимаю я.

— Ну, в честь твоего приезда, есть что-нибудь такое, что тебе хочется попробовать?

Бедная Даша! Она настолько оторвана от Родины, что даже не знает широты ассортимента продуктов в наших магазинах. В детстве у меня была мечта — попробовать кокосовый орех. Почти десять лет это невыполнимое желание отравляло мое существование. Последними словами мужа перед проходом таможи в Шереметьево стало утешительное обещание: «Я привезу тебе кокос». С этими словами он и канул. Пришлось лететь самой. За орехом. Жестокое разочарование постигло меня. Есть вещи гораздо более вкусные и доступные.

— По правде говоря, у меня нет особенных кулинарных пристрастий... Может быть, немного хорошего вина?

— Будет обязательно! Ждем с нетерпением! Игорьку привет передавай и поцелуй! Чтобы в следующий раз ребенка привезла!

На этом разговор закончился. Тут и один раз никак не соберешься, а она уже про следующий, и с ребенком. А с двумя не хотите?

Невесело улыбнувшись собственным мыслям, я продолжила сборы. Передо мной стояла новая сложная задача: как минимизировать багаж, который должен одновременно включать непромокаемые вещи для прохладной дождливой погоды и легкие летние наряды под элегантную светлую шляпку?

Несколько дней своей уникальной жизни я убиваю на сборы. Погода внезапно портится. Бесперервно идут холодные дожди. Он звонит мне несколько раз в день, но времени для встречи у него нет.

Десять лет назад стояло такое же дождливое лето. Мы с мужем вернулись из Прибалтики, и я пошла к врачу. Услышав о беременности, мой благоверный схватился за голову: «Какой может быть ребенок! Ты с ума сошла!»

Но я стала счастливой матерью, а муж довольно внимательным отцом. Каждодневные заботы, как мельничные жернова, перемололи некогда страстную влюбленность в достаточно терпимое отношение друг к другу. Работа, магазины и телевизор почти вытеснили книги, театр и выставки. Воспитание сына и защита диссертации стали смыслом и целью нашего сосуществования. Мне казалось, что так будет всегда.

Но диалектика неумолима. Всякая стабильность ведет к дестабилизации. При сохранности всех компонентов и уничтожении прежних связей между ними старая система перестает существовать. Можно из тех же кубиков построить новенький домишко, но в нашем случае этим никто не занялся. Чтобы творение твое жило и дышало, надо вложить в него душу. А у меня уже не было свободной души. Я влюбилась.

Но тогда я еще об этом не знала. Я понимала, что что-то произошло, сломалось в наших взаимоотношениях с мужем, но сделать ничего не могла. Вероятно, то же ощущал и муж. Но он не собирался ничего предпринимать, потому что считал сохранение семьи работой исключительно женской. Так у нас и было заведено. Но... не всегда.

В день моего отъезда с самого утра льет проливной дождь. Свинцово-серое небо не оставляет надежды на хорошую погоду. Вместительная спортивная сумка стоит у дверей, карман кожаной куртки оттягивает банка икры, белоснежная шляпка спряталась в пластиковый пакет. Кажется, ничего не забыто. Вешаю на плечо портфель с документами и журналами для чтения, в одной руке — пакет со шляпкой и большая сумка с вещами, в другой — зонт и ключи.

Ныряю в плотную стену дождя. Брррр-р! Хорошо, что машина у подъезда. Он выскакивает мне навстречу, выхватывает сумку, ставит ее на заднее сиденье. Я закрываю зонт. Не оборачиваясь, швыряю шляпку назад, рассчитывая, что она упадет прямо на сумку. Туда же отправляется и зонт. Придерживая рукой уже намоченный портфель, плюхаюсь на переднее сиденье. Поехали!

Дождь. Сплошная серая стена дождя. Видимость ужасная, и он сосредоточен на дороге. Я предпочитаю помалкивать.

Вдруг мне приходит в голову мысль о моем мокром зонте. Ведь соседство с ним может плохо кончиться для шляпки! Я оглядываюсь назад. Зонт сполз на пол и уткнулся в мое сиденье. Шляпки рядом с ним нет. Я облегченно вздыхаю. Но в мозгу вспыхивает сигнал тревоги. Я вообще не вижу пакета со шляпкой!

Считаю до пяти и снова оглядываюсь назад. Результат тот же.

— Что-нибудь не так? — интересуется он.

— Ты случайно шляпку не видишь? — нарочито безразлич-

ным голосом интересуюсь я. Я прожужжала ему все уши этой шляпкой и опасаясь, что еще одного упоминания о ней он не выдержит.

Но он выдерживает. Понимает, как я устала от школы, от сборов, от наших редких из-за его работы встреч, от... Короче, его любимая девочка совсем свихнулась. Поэтому ей надо отдохнуть. За этим она и летит к друзьям в Лондон и везет с собой эту глупую вещицу. Все так понятно!

Он бросает через плечо быстрый взгляд назад.

— Наверное, она упала за мое кресло.

— Там ее нет.

— Может, остановиться?

Поскольку мы находимся не в роскошном «кадиллаке», а в скромном сереньком «Москвиче», где салон даже слишком хорошо просматривается, я не вижу смысла останавливаться. Видимо, я метнула пакет мимо, когда садилась, и теперь он мокнет где-нибудь около подъезда.

Он не знает, как утешить меня. Я безмолвствую. Кажется, у меня сейчас начнется истерика. «Спокойствие, только спокойствие!» Пытаюсь смотреть в окно, но, кроме дождя, ничего не видно.

К приезду в Шереметьево я обретаю дар речи. Мы даже пытаемся шутить. Он несколько успокаивается, но глаза настороженно следят за мной. Видимо, я плохо собой владею. Понимая это и боясь сболтнуть лишнего, одной из первых устремляюсь через таможню. Прощальный взмах. Я люблю тебя!

Перед отъездом некоторые интересовались у меня, как я узнаю Романа после довольно продолжительной разлуки? На что я с гордостью и восхищением отвечала:

— Он такой большой и красивый!

Вероятно, в нашей стране мало больших и красивых мужчин, потому что мой ответ всех устраивал. Люди добрые, в Англии все иначе! Если в Хитроу вас собирается встречать большой и красивый мужчина, рыдайте, унижайтесь, вызывайте к его чувству сострадания, но умолите его взять напрокат инвалидное кресло. Только тогда он сможет протиснуться в первые ряды встречающих через всех этих невероятных, непостижимых, огромных британцев.

Поблуждав полчаса по аэропорту, разузнав обменный курс, поболтав с парой прелестных старичков и все-таки не убедив их до конца в том, что я не Барбара, пристраиваюсь около информационной кабины. Тут-то меня и находит великолепный Роман с роскошными орхидеями. Оказалось, что из-за погодных условий наш самолет прилетел намного раньше. Меня этим удивить нельзя.

— А где же шляпка?

Я совсем забыла о шляпке, поэтому некоторое время тупо смотрю на Романа, а потом начинаю весело смеяться.

— У-у-улетела! Ха-ха-ха!

— Ты в ней в самолет садилась, а ее ветром сдуло? — пытается понять Роман.

— Не-е-ет! — не могу остановиться я. — Ха-ха-ха! Ой-ой-ой! Потом объясню. Поедем скорее. Ха-ха-ха!

Видя мое неприкрытое веселье, вежливые англичане дарят нам легкие, как шелест осенней листвы, улыбки. Видимо, они полагают, что на их глазах происходит счастливая встреча нареченных.

Действительно жаль, что на мне нет белой шляпки. Хватит смеяться. Теперь, когда у меня в руках еще и огромный букет, я обязана сосредоточиться и попытаться не растерять все остальное.

— А прошлые гости больше подарков привезли, — с детской непосредственностью замечает Федор, наблюдая за тем, как я распаковываю вещи.

— Федор! — одергивает сына Даша.

Только что закончился торжественный обед по случаю моего прибытия. Особую пикантность ему придали авокадо с креветками. Сначала Даша пыталась разделаться со своей порцией, не прибегая к помощи соуса. Через пару кусочков она сдалась. Я же от соуса решительно отказалась. У беременных действительно извращенные вкусы. Роман посмотрел на меня с уважением. Даша промолчать не смогла:

— Ты просто исключительная женщина, если можешь это есть без соуса!

Я скромно пожимаю плечами:

— Просто соус пожалела.

Пытаюсь предложить помощь в уборке грязной посуды со стола и наталкиваюсь на категорическое запрещение хозяйки. Через несколько дней мне удалось-таки обойти этот запрет, но к мойке меня не подпускали.

— Не затем ты к нам летела в такую даль, — отрезала Даша.

Один наш общий знакомый, который безнадежно влюблен в нее долгие годы, как-то признался мне:

— В детстве Даня прочитала книжку Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». С тех пор она поступает только хорошо.

Значит, позволять гостю мыть за собой посуду — нехорошо. С этим открытием я удаляюсь в свои апартаменты, состоящие из огромной спальни, выдержанной в бело-голубой гамме, отчего я начинаю себя чувствовать девственницей, и ванной комнаты. Так как сегодня меня ожидает экскурсия по городу, нужно привести себя в божеский вид.

Поскольку мне предстоит прожить в гостях у этого милого семейства целых десять дней, я не тороплюсь покинуть спальню, дабы не мелькать лишний раз перед глазами. Тем более что, едва переступив порог, я уловила некоторое беспокойство в Дашином взгляде, брошенном сначала на меня, а затем на Романа. К сожалению, мне слишком хорошо известен его смысл. Именно таким взглядом меня всегда одаривает замужняя женщина в присутствии своего мужа.

Обычно я отношусь к этому совершенно спокойно, но сейчас чувствую легкую досаду. Не хватает только мещанских подозрений!

Роман и Даша — редчайшая супружеская пара, лично я знаю такую только одну, где супруги, каждый из которых является, безусловно, яркой индивидуальностью, не тратят силы на бессмысленное соперничество, а, наоборот, в любой момент готовы оказать поддержку и помощь друг другу. Это меня всегда восхищало. Они были, есть и будут для меня символом счастливой семейной жизни, моим ориентиром в безбрежном море человеческих страстей и драм! Нет, еще одного такого Дашиного взгляда я не переживу. Я не допущу, чтобы мой символ, мой идеал был разрушен какими-то мелкими подозрениями!

Недрогнувшей рукой наношу боевую раскраску. Лицо в зеркале решительно и одухотворенно. Вперед, на защиту идеалов!

Даша на кухне. Она чем-то озабочена. Женщины на кухне всегда чем-то озабочены. Быстрым шагом я преодолеваю пространство, разделяющее нас, и, едва не сбив ее с ног, торжественно, но негромко объявляю:

— Даша, я беременна.

Даша застывает на месте, даже не положив полотенца и не выключив воду. Я скромно ожидаю, когда утихнет жужжание мыслей в ее идеально уложенной голове. Глубокий вздох и легкий взмах руки дают мне понять, что переваривание новости завершилось.

— От него? — с радостным любопытством интересуется Даша.

Я киваю. Даша его никогда не видела, поскольку последние годы жизни провела за границей, но слышала о нем много, и не только от меня. Он ей нравится. Она передает ему приветы и интересуется нашими отношениями, всегда сдержанно и деликатно, но с неподдельным искренним участием.

— Будете рожать? — с тем же радостным возбуждением продолжает Даша.

— Я ему еще ничего не сказала.

Дашина радость мгновенно гаснет. Она, видимо, вспомнила, что у меня есть муж. Все еще есть муж. А стало быть, ситуация не из простых.

Даша расстается с полотенцем, выключает воду и, погруженная в задумчивость, садится на одну из высоких табуреток, стоящих у стойки.

В дверном проеме появляется великолепный Роман.

— Как ты, уже готова? Как тебе удастся так потрясающе выглядеть после перелета?

Вопрос-комплимент не требует ответа. Он подразумевает польщенную улыбку. Вот такую улыбку я посылаю Роману и направляюсь к двери. Даша все еще не пришла в себя. Роман, заметив ее задумчивость, вопросительно смотрит на жену. Наконец Даша возвращается к действительности и, тряхнув кудрями, поднимается с табурета.

— Когда вас ждать? — интересуется она у мужа.

— К семи мы вернемся.

Я машу рукой на прощание. Тяжелая дверь нехотя пропускает нас в коридор и с легким щелчком захлопывается. Трижды меняется цвет паласов, скрывающих пол в коридоре, лифте и простор-

ном холле на первом этаже. Роман распахивает передо мной роскошную дверь парадного входа. За нею — Лондон!

Именно с этого момента началось мое счастливое пребывание в сказочном городе, где каждая улица, каждый парк, каждый памятный знак, каждый дворец моментально выдирают тебя из цепких лап реальности и переносят в заколдованную страну легенд, рыцарских подвигов, исторических авантур, светских скандалов прошлого и настоящего. А иметь гидом Романа, человека хорошо осведомленного и искренне влюбленного в это чудеснейшее место на Земле, знающего все обо всем, готового бесконечно рассказывать и показывать, обладающего таким приятным тембром голоса, который хочется слушать и слушать... У меня даже голова закружилась от восторга!

Иногда Роман останавливался, чтобы показать на карте место, где мы находились, или просто немного пройтись по Пикадилли или Риджент. Мы прогулялись вокруг Тауэра, заглянули в бухту Святой Катерины, побывали в Сохо. Как много тепла и внимания подарил он мне в этот вечер! Он представил меня Лондону, а Лондон мне, и сделал это с таким изяществом и великолепием, с таким обаянием и трепетом, что огромный великий город принял меня, маленькую заморскую девчонку, а я полюбила его с первого свидания и навсегда!

Экскурсия удалась. Я счастлива, Роман доволен. Мы возвращаемся на Почестер-террас. Так называется улица, где живет семья Смирновых.

Как-то зимой, разговаривая с кем-то по телефону, я произнесла это название. Положив трубку и проходя мимо Игоря, я обратила внимание на его расстроено-озабоченное лицо.

— Что случилось? — участливо поинтересовалась я у сына.

— Федора жалко, — горестно вздохнув, объяснил он. — Я и не знал, что они на террасе живут.

Думаю, что в Лондоне вполне можно жить на террасе, поскольку своими глазами видела несколько пальм, растущих в различных районах города прямо в открытом грунте. Правда, они не такие высокие, какими должны быть пальмы, но вполне зеленые и привлекательные.

Даши и Федора дома нет.

— Вероятно, они гуляют в парке. Солнце у нас редкость, поэтому жалко прозевать такой чудный вечер, — объясняет Роман.

— Может быть, встретим их?

— А ты не устала? — с нескрываемым восхищением интересуется он.

— Может быть, и устала, но сейчас этого не чувствую, — честно признаюсь я.

Поскольку идти недалеко, а прогулка была больше автомобильной, чем пешеходной, Роман решается отвести меня в парк.

Внизу мы сталкиваемся с невысоким худым человеком. Он желает нам приятного вечера.

— Это портье, — поясняет Роман.

— Почему-то днем я его не видела, — замечаю я.

— А он здесь и не должен находиться. Ты заметила камеру на потолке? Он следит за передвижениями в доме по мониторам. Кроме того, он может в любой момент заблокировать лифт, и подозрительный человек из него не выйдет до приезда полиции, — тут Роман лукаво улыбается и смотрит на меня, — а может прислать лифт на любой этаж, как уже дважды сегодня делал, когда мы приходили. Видимо, ты ему понравилась.

Если Роман и подтрунивает надо мной, то делает это вполне мило и дружелюбно. Поэтому я его прощаю, но на всякий случай изображаю на лице жалкое подобие улыбки, которое следует понимать так: «Грешно смеяться над бедным туристом!»

Мы находим Федора и Дашу на детской площадке.

Федор развлекается игрой в мяч с двумя такими же рыжеволосыми и бойкими пареньками. Даша уткнулась в «ТВ-парк», который я случайно прихватила в Лондон. Оба ужасно обрадовались нашему неожиданному появлению.

— Пойдемте к пруду, — предлагает Федор, — там сейчас катера запускают, наверное.

Чинно и благородно мы гуляем по дорожкам парка.

— Как ты думаешь, — спрашивает Роман, указывая рукой на длинный ряд особняков, — в каком из них находится наше посольство?

Если Роман спрашивает, значит, интересующее его здание должно чем-то отличаться от остальных. Лениво я начинаю искать что-либо замечательное и необыкновенное. В конце концов указываю на самое ободранное. Оказывается, я угадала.

Обойдя пару раз вокруг озера, пройдясь мимо городской королевской резиденции, насладившись мягким светом заходящего солнца, мы возвращаемся.

Уткнувшись носом в подушку, я сладко засыпаю в бело-голубой спальне. Тревоги и переживания последних недель еще не отыскали меня на новом месте. Может быть, в Шереметьево их загрузили в другой самолет?

Первое же утреннее впечатление понедельника приводит меня в состояние легкого шока. Судите сами. Едва продрал глаза, я выхожу в прихожую и вижу Федора в полной школьной выкладке, состоящей из серых суконных бридж, серого пиджака, кепи из того же материала и белоснежной сорочки. Мало того: безукоризненно одетый папа, склонившись к ногам сына с сапожной щеткой в руках, придает зеркальный блеск его черным кожаным ботинкам. Точно пораженная молнией, я застываю на месте.

— Доброе утро! — хором произносят джентльмены.

— Ты уже встала? — радостно интересуется Даша, выглядывая из кухни. — Как спалось?

— В-в-великолепно, — обретаю я дар речи и ретируюсь в спальню, чтобы несколько прийти в себя после увиденного.

Успокоившись, делаю вторую попытку покинуть свои апартаменты. Дашу я нахожу на балконе. Она наблюдает за тем, как Роман и Федор переходят на другую сторону улицы и садятся в машину. Это зрелище не может не трогать любящего сердца жены и матери. Автомобиль отъезжает, и начинается трогательный

обмен воздушными поцелуями, взмахами рук и просто развеселыми гримасами, в котором участвуют Федор и Даша. Оказывается, это заразительно. Не могу удержаться и не принять участия в столь привлекательной процедуре проводов. Думаю, соседям было весело на нас смотреть.

Занятия в школе заканчиваются в три часа. Поэтому до трех мы совершенно свободны.

На этот промежуток времени у нас запланирован гигантский марш-бросок от Национальной галереи через Уайт-холл к Букингемскому дворцу и парками, парками — к дому.

Впечатлений так много, что реагировать на каждое хотя бы одним полноценным замечанием нет никакой возможности, поэтому перехожу на восклицания и междометия. Даша, видимо, решила ничего от меня не утаивать из того, что сама узнала об истории английского государства, подробностях жизни видных политических деятелей прошлого и настоящего, искусстве и архитектуре и укладе жизни рядовых городских обывателей.

Погода прекрасна, город великолепен, всюду толпы вездесущих туристов. Как это не похоже на мою московскую жизнь! Время приближается к трем. Пора за Федором. Такси!

Федор пообедал и смотрит телевизор. Я восседаю на высоком кухонном табурете. Даша режет овощи для салата. Тихая семейная атмосфера, и тема беседы исключительно тихая и семейная.

— Я тут ночью подсчитала, что это произойдет в ноябре, — оглянувшись, сообщает Даша.

С удивлением отмечаю, что я еще не высчитывала возможной даты рождения своего ребенка.

— Нам нужна девочка, — продолжает Даша.

— Я тоже больше хочу девочку, — соглашаюсь я, — хотя, боюсь, до родов не дойдет.

— Ты собираешься в Америку?

— Нет, в Америку я не собираюсь. Но рожать...

— Почему ты не хочешь рожать? Я бы родила...

Немедленно встает утренняя картинка заботливого папы, начищающего сыновья ботинки. Как по команде, наворачиваются слезы.

— Что с тобой?! — Даша кладет мне руку на плечо. — Водички хочешь?

— Знаешь, я не могу спокойно смотреть на Романа и Федора. Они обожают друг друга. А у Игоря отца просто нет. И мне очень больно от этого.

Даша молчит некоторое время и наконец произносит:

— У меня тоже не было отца.

Я знаю, что ее родители давным-давно развелись и у ее отца другая семья. По тому, как она проговорила последнюю фразу, я чувствую, что обида жива до сих пор.

— Ты помнишь мою бабушку? — неожиданно спрашивает Даша.

Я киваю. Видела ее один раз на свадьбе Романа и Дарьи. Она была директором крупного московского предприятия.

— Бабушка умерла этой весной. Для нас это большое горе. Она была главной в семье, и все знали, что в любой ситуации можно к ней обратиться. Дедушка погиб на фронте, и она осталась одна с моей мамой на руках. — Даша умолкает.

У меня не было дедушек и бабушек. Я поздний ребенок в семье, и все мои двоюродные братья и сестры старше меня лет на десять, но у меня были папа и мама, которые любили друг друга в юности и вместе состарились, а потом мама заболела, и последние два года ее жизни папа провел подле нее в больницах и санаториях.

Мы с Дашей одновременно тяжело вздыхаем. В огромной кухне с хорошей акустикой этот вздох особенно впечатляет. Раздается легкий щелчок в коридоре, и слышится голос Романа:

— Почему меня никто не встречает?!

Следует непродолжительный топот, и все мы во главе с Федором оказываемся в прихожей.

Роман с удовлетворением смотрит на часы:

— Шесть секунд, молодцы!

Все довольны, все веселы, все улыбаются.

Даша начинает накрывать на стол, а я удаляюсь в спальню. Открываю стеной шкаф со своей одеждой и не торопясь начинаю выбирать вечерний туалет. Никогда прежде я не переодевалась чаще двух раз в сутки. Но Смирновы подарили мне столько свободного времени, лишив каких бы то ни было хозяйственных забот, что мне не остается ничего другого, как целиком посвятить себя милым женским занятиям типа переодевания, макияжа и прочего. Тем более что сегодня вечером я иду в театр.

Театр — единственная роскошь, которую я себе разрешила. Много раз слышала об этом спектакле от Него. Он видел его в Вене несколько лет назад. «Призрак оперы» произвел на него неизгладимое впечатление. «Ты обязательно должна это увидеть», — постоянно твердил он, при этом ничего не добавляя, что свидетельствовало о крайней степени восторга.

Провожают меня всей семьей.

— Ты видишь эту толпу? — спрашивает Даша, указывая на некоторое подобие нашей советской очереди доперестроечных времен.

В ответ я киваю, потому что слов от удивления не нахожу.

Только за созерцание этой очереди в центре Лондона я бы заплатила. Последний раз нечто подобное я видела очень давно, несколько лет назад. Вероятно, на выставке Ильи Глазунова.

Роман провожает меня до дверей в партер, узнает время окончания спектакля.

— Я буду ждать тебя в фойе, — кивает он на прощание.

А дальше... Дальше начинается совсем другая история.

По силе эмоционального воздействия, оказанного на меня, я ни с чем не могу сравнить этот спектакль. Что-то родилось во мне с первыми звуками волшебной музыки и умерло, когда смолкли последние. Где, в каких неведомых далях побывала душа моя, с какими тайнами соприкоснулась, я не знаю. Разум мой еще не готов к восприятию того чудесного, колдовского, из чего соткана эта мистерия.

Не знаю, где бы застала утро следующего дня, если бы не

Роман, выхвативший меня из толпы покидающего театр народа, настолько ошарашена я была увиденным и услышанным.

— Даша считает, что нам непременно нужно прокатиться по мостам.

Я с недоумением смотрю на него. В ответ он только улыбается. Мое недоумение проходит через пять минут. Действительно, вечерние лондонские мосты — это нечто. Особенно Челси-бридж. Нежная светящаяся паутинка, перекинутая с одного берега на другой.

— Ну, и где ваши хваленые лондонские туманы? — интересуюсь я у Даши, поедая черешню на балконе утром следующего дня.

— Честно говоря, за три года их почти и не было, — пожал плечами, сообщает она. — Дожди — этого сколько хочешь. Может быть, туман исчез после перехода на паровое отопление?

— А у нас какие роскошные туманы были прошлой осенью! За двадцать метров ничего не видать. А однажды мы с сыном вышли из подъезда и нырнули в густой туман прямо со ступенек. «Боюсь, что сегодня мы в школу не доедем, — обратилась я к Игорю, — автобусы наверняка не ходят». Но обрадоваться сынуля не успел. Потому что прямо у подъезда стояла Его машина.

— Как это приятно! В нужном месте в нужное время — это не у каждого получается. Мне кажется, он будет хорошим отцом для всех твоих детей. — Даша прикуривает и вопросительно на меня смотрит.

— Я тоже так думаю. Но у него был очень тяжелый период на работе, и он очень надеялся отдохнуть в следующем году.

— Может быть, после этого события ему отдых не понадобится. Ты же видишь, как Роман носится с Федором.

Я согласно киваю. Действительно, носится, точнее не скажешь. Пытаюсь представить, как Он носится. Забавно. Улыбаюсь.

— А отдохнуть следующим летом можете у нас.

Я с удивлением смотрю на Дашу.

— Ты знаешь, как тут с бебиками обращаются? На спину — вперед! Я не шучу. — От обиды Даша даже надула губы.

Мне стало еще веселее.

— Положим, ты не шутишь, а Роман?

— Я ему ничего не говорила, но ты же знаешь его проницательность. Короче, сегодня он у меня спросил, что, собственно, с тобой происходит, почему ты не пьешь, не куришь, от ресторанов отнекиваешься. Пришлось объяснить.

— Что он сказал?

— Что он мог сказать? «Правильно, — говорит, — так я и думал».

— Ты хочешь сказать, что он одобряет? — живо интересуюсь я.

— Еще как.

За неделю прекрасной погоды и бесконечных прогулок мы окрепли и посвежели. В глазах появился бывший блеск, а на щеках — румянец.

Сегодня выходной, и мы едем за город в Виндзор, чтобы посетить королевскую резиденцию и просто приятно провести время.

Осматривая королевские покои, обязательно обратишь внима-

ние на то, что жили английские монархи достаточно скромно. Куда Виндзорскому дворцу до великолепия Зимнего, например.

После осмотра дворца заходим в собор. Видимо, скоро состоится служба, потому что священник раскладывает молитвенники и звучит орган.

— Здесь похоронен брат Николая II, тот самый, что отказался принять царскую семью во время революции, — указывает Роман на белое мраморное надгробие.

— Пойдемте королевских гвардейцев смотреть, — тянет отца за руку Федор. — Они очень сердитые и громко кричат, — обращаясь ко мне, добавляет ребенок.

— Если черту переступить, — поясняет Даша.

Ничего не понимаю и просто направляюсь за Смирновыми. И вдруг... Я отрываю взгляд от надгробий и вижу лицо священника, идущего мне навстречу. По-моему, у меня остановилось сердце. Сам святой Себастьян сошел с полотна и, избавившись от стрел, доброжелательно смотрит на меня. Высокий, с бледным лицом, зачесанными назад вьющимися каштановыми волосами, васильковыми глазами. Такого красивого мужчину я вижу впервые!

Как кричат королевские гвардейцы, не услышала. В день нашего посещения Виндзора на посту стоял совсем молоденький мальчишечка, ужасно довольный тем, что с ним пыталась заигрывать небольшая группа студенток-итальянок.

— Напугай нас! — кричали они ему, чуть-чуть наступая на жирную белую линию, которую, видимо, он и должен был охранять.

Юноша широко улыбался и отрицательно мотал головой.

— Мама, почему же он не кричит? — разочарованно спрашивал Федор.

Но бравый гвардеец только сдувал с глаз длинную медвежью щетину своей шапки, чтобы лучше разглядеть симпатичных веселящихся девчушек.

Наконец-то дождь. Сегодня сыро и слякотно. Серенькая мокренькая погодка.

Мы сидим в кафе очередного музея и лениво побалтываем, размешивая сахар в чае. Приятное тепло немедленно вызывает некоторую медлительность движений и заплетание языков. Капли дождя оставляют извилистые линии на стеклах. Так можно сидеть долго, очень долго.

— И все-таки не понимаю, собираешься ты рожать или нет.

Я отрываю взгляд от золотисто-коричневой жидкости в чашке и поднимаю его до уровня Дашиного лица.

— Да, собираюсь. Иначе я покончила бы со всем этим до приезда к вам. — Наслаждаюсь очередным глотком чая и продолжаю говорить: — Все происходящее я считаю чудом, если хочешь, Божьим промыслом. Начиная с нашего знакомства с ним, необычайного чувства глубокого родства, безысходной острой тоски по нему, когда я жила в Америке. Я так сильно люблю его, так безумно хочу быть всегда с ним рядом, не расставаясь ни на

мгновение, что невозможность, неосуществимость этого сводит меня с ума. Даже сейчас, когда за окном прекраснейший город в мире, передо мной чашка ароматного чая и самый приятный собеседник, я думаю только о нем. Я считаю часы до встречи с ним. Ей-богу, от этого можно сойти с ума.

Я замолкаю. Даша молчит некоторое время, потом достает пачку сигарет и закуривает. Я смотрю в окно и беззвучно барабаню пальцами по рыжему лаку стола.

— Слишком много любви, — задумчиво произносит Дарья, — слишком много. Человек не может долго выдержать такого. Он недостаточно крепок. Он скоро начинает задыхаться в непривычной атмосфере и разрушать все вокруг и внутри себя. — Даша грустно улыбается, гасит недокуренную сигарету и продолжает: — Рожай, обязательно рожай. Когда ты разделишь свою любовь на двоих, то перестанешь задыхаться и станешь просто счастливой.

Мы поднимаемся из-за стола и оставляем гостеприимное кафе.

На воскресенье запланирована речная экскурсия в Гринвич. Целью путешествия стала старая королевская обсерватория, через которую проходит нулевой меридиан. Здесь всем желающим предоставляется редкая возможность сфотографироваться, стоя одной ногой в восточном, а другой — в западном полушарии. Можно также прогуляться под Темзой, воспользовавшись тоннелем, напоминающим обыкновенный подземный переход. Да и сама прогулка по реке не оставит равнодушным впечатлительного туриста — так много исторических достопримечательностей расположено на ее берегах.

Вот и наступает день моего отъезда.

Накануне состоялся торжественный прощальный обед. К чести своей, могу сообщить, что хозяева, безусловно, грустили, провожая меня в дальнюю дорогу. Дарья решила меня накормить на всю оставшуюся жизнь, а Роман — угостить своим любимым вином.

Утром, когда я упаковывала вещи, в спальню вошла Даша. В руках у нее были две коробки.

— Это для Игоря, — сказала она, передавая мне коробку с блестящим черным «ягуаром». — Надеюсь, он по-прежнему собирает модели. А это для Него. Пусть он ее на вашу свадьбу наденет.

«Для него» оказалась великолепная шелковая «бабочка». Опять эти слезы!

По дороге в аэропорт мы почти не разговариваем. Никто не знает, когда состоится следующая встреча, да и состоится ли вообще, будет ли нам так же хорошо вместе, как в этот раз, или нет.

Самолет почти пуст. Я вытягиваю ноги и расслабляюсь, повернув лицо к иллюминатору. Домой!

И вот он наступил, сладостный миг встречи. Только ради этого стоит иногда уезжать. Он изысканно целует меня в висок, нежно приобняв за плечи, забирает багаж, начинает заботливо распра-

шивать о перелете. Сидя рядом с ним в машине, я с удовольствием разглядываю его мужественное загорелое лицо, густые выщипанные волосы, красивые руки.

— Как дела, девочка?

— Ну, ты даешь.

Непонимающий взгляд в мою сторону.

— У нас будет ребенок.

Он резко тормозит. «Москвич» буквально выпрыгивает на обочину и останавливается. Дрожащими руками он достает сигарету и, сломав несколько спичек, прикуривает.

— Повтори.

— Я беременна.

— Ты уверена?

— Не только я, но и врач тоже.

Он делает еще несколько затяжек, гасит сигарету и что-то начинает искать на заднем сиденье среди пакетов, чертежей и сумок.

— У меня тоже сюрприз для тебя.

У него в руках моя беленькая соломенная шляпка. Точнее, бывшая беленькая, а нынче пестренькая соломенная шляпка, изрядно помятая, но сохранившая свою легкомысленную голубую ленту.

— Эх ее жизнь потрепала, — нахмутив брови, серьезно произношу я, разглядывая несчастную со всех сторон.

— Что ты собираешься делать?

— Со шляпкой? — Я изображаю на лице глубокую задумчивость. — Выбросить.

— С ребенком, — тихо поясняет он.

Он крайне взволнован. Ему тяжело дышать. В глазах надежда и боль.

— Рожать, — твердо произношу я.

— Слава Богу! Какая же ты молодчина!

Он осыпает меня поцелуями, а я плачу и смеюсь одновременно. Шляпка падает на пол. Мимо проносятся автомобили. А слезы все текут и текут. И, пытаясь успокоить меня, Он ласково шепчет: «Не плачь, не плачь, глупенькая. Ну что же ты плачешь! Ведь это — счастье!»

КОШЕЛЬ

И КОШЕЛЕК

Как зарабатывать больше, а тратить меньше

ГРИГОРИЙ КИПЕРМАН

доктор экономических наук

Свести концы с концами — об этом заботятся и государство, и каждое предприятие, и всякая семья. Семье это делать тяжелей всего... Вам не даст займы Валютный фонд, вы не можете напечатать облигации, или сократить штат, или задержать зарплату, или объявить себя банкротом... Семейный бюджет суровой державного — его приходится сводить тютельница в тютельница каждый месяц... Государственный кошель и ваш личный кошелек — вот о чем поговорим сегодня.

Налог на дым от «Запорожца»

В нашем Отечестве не меньше миллиона миллионеров — настоящих миллионеров, долларовых. А доходы примерно каждого четвертого россиянина — ниже прожиточного минимума. Средняя пенсия нашего соотечественника — около двухсот тысяч рублей. Столько же стоит обед (без вина) в московском ресторане.

Однако нет, пожалуй, нигде, кроме как в России, таких щадящих налогов для богачей и столь суровых податей для малообеспеченных.

На этот год депутаты ввели новые ставки налога для частных лиц. Провозгласили: мы должны стремиться к тому, чтобы, как и во всем мире, львиная доля плат в казну собиралась не с предприятий, а с конкретных налогоплательщиков. Надо, дескать, фирмам и заводам сделать послабление, а

с людей взимать средств побольше. В Америке, мол, 80 процентов бюджета формируется за счет налогов с физических лиц, и только 20 процентов — от фирм и компаний. Нам тоже надо бы стремиться к такому соотношению.

Не надо!

Разве Россия похожа на Америку с ее мощнейшей налоговой службой, полицией, тайными фискальными агентами и воспитанными поколениями уважением к обязательствам перед казной? (Уклонение от налогов там — одно из тяжелейших преступлений, Аль Капоне засадили именно за это, а не за гангстерские делишки.)

Увеличить налоги с частных лиц у нас — значит заставить платить в казну большие суммы учителей, врачей, столяров, шоферов — тех, у кого подати автоматически вычитает бухгалтерия. Богатые найдут способ, обойдут (или договорятся) и с налоговой инспекцией, и с налоговой полицией.

Многие депутаты перед тем, как принимать новую шкалу налогообложения, громогласно заявляли, что они хотят облегчить жизнь малооплачиваемым и посуровой обложить данью тех, чьи доходы высоки. И что получилось? (Старая Дума приняла сетку налогов для частных лиц, Совет Федерации наложил на нее вето. Затем новый состав депутатов Госдумы это вето преодолел, а президент закон подписал.) Депутаты, на словах безумно радеющие бедным, на деле ни на йоту их положение не улучшили, а увеличили налоги на «средний класс» и бешено сопротивлялись тому, чтобы поднять размер податей с высокообеспеченных. Вот чьи интересы они отстаивают!

Посмотрим на новую шкалу пристальнее. В прошлом году платили минимальный налог — привычные с социалистических времен двенадцать процентов — те, чей годовой

доход был меньше 10 миллионов рублей. В нынешнем году эта планка поднялась до 12 миллионов. Но разве цены за год увеличились всего на двадцать процентов?! Они выросли как минимум вдвое! Логично было бы поднять минимальный уровень до 20 миллионов или хотя бы до 15. Этого не сделали. И нынче все, кто зарабатывает свыше миллиона в месяц — а сюда, безусловно, относятся высококвалифицированные рабочие; учителя и врачи, работающие в частных школах и больницах; мало-мальски грамотные ученые, инженеры, художники, журналисты; начальники цехов и отделов на предприятиях — словом, все, кого можно отнести к рождающемуся в муках среднему классу, — станут платить повышенные налоги.

Логично было бы тем, у кого заработок ниже прожиточного минимума (а он, этот минимум, составлял в марте в среднем по стране около шестисот тысяч рублей на одного члена семьи ежемесячно), установить налог не 12, а хотя бы восемь процентов. Но этого не сделали. Все, кто зарабатывает меньше миллиона в месяц, без различия суммы, сто тысяч это или девятьсот, будут платить двенадцать процентов! Самая высокая ставка налогообложения (35 процентов) установлена для тех, кто получает ежегодно 48 миллионов рублей и выше (то есть в среднем четыре миллиона ежемесячно). Таких людей у нас едва ли не десяток миллионов: финансисты, руководители предприятий и фирм, многие юристы и бухгалтеры... Но ведь в России живут миллионы тех, кто имеет и восемь, и десять, и двадцать миллионов в месяц. Почему бы для них не установить, как это делается едва ли не всюду, налоговую планку еще выше? А за счет этого ослабить фискальное бремя, ложащееся на малоимущих?

Были предложения: у тех, чей годовой доход превышает 64 миллиона, взимать сорок процентов дохода, а у получающих больше ста миллионов — 55 процентов. Но депутаты были категорически против таких цифр. Теперь понятно, о каких таких «малоимущих» и старая, и новая Дума печется пуще всего!

Неоткуда, словом, нашему семейному бюджету ждать подмоги. Приходится рассчитывать только на себя, на свою семью, на своих близких; может быть, на свое предприятие. Но пуще всего на себя.

«Штука» десять бережет

Если перелистать сборник Даля «Пословицы русского народа», можно заметить, что те из них, что касаются денег, богатства, нищеты, заработка — финансов, словом, — чаще всего толкуют об экономии, бережливости, рачительности... «Маленька бережь лучше большого барыша», «Пушинка к пушинке, и выйдет перинка», «Щелкают орехи, а в картузе прорехи»... «У него, — говорили с усмешкой о безалаберном хозяине, — расход Кирилова монастыря, а приход — репной пустыни». Как прекрасно сказано!

Наверно, потому, что никогда россияне не жили вдоволь, столь важным было для нас экономить на всем...

По нынешней инфляции поговорку о копейке, что рубль бережет, влору переделывать на: «Тыща — десять бережет». Но смысл ее остается прежним: бережливость лучше прибýtка. А нынче, когда этот самый «прибыток» задерживают и в школе, и в дивизии, и на фабрике, и на ферме, — тем более.

Уверяю вас: простыми методами и ничем дополнительно себя не

ограничивая, можно сократить расходную часть вашего семейного бюджета на четверть, на треть, а то и наполовину.

Как же это сделать? Планирование семейного бюджета, скрупулезная запись каждого прихода и расхода могут дать, — проверено! — пять—семь процентов экономии.

Расходы лучше записывать в три раздела: первый — постоянно-необходимые (еда, квартплата, лекарства...), второй — необходимые, но непостоянные (например, посевной материал для приусадебного участка) и, наконец, — траты желательные, но не обязательные (скажем, покупка телевизора или поход в театр). Роспись расходов даст знать, в каких тратах вы неоправданно расточительны, в каких — излишне скупы. На второй-третий месяц ведения такой пригодно-расходной книги вы сможете урезать излишки и бросить высвободившиеся деньги на что-то действительно нужное. К тому же составление семейного баланса — первый шаг к «большой» экономике, который сделают ваши дети или внуки (а они обязательно заинтересуются вашими расчетами и, если их не отталкивать, станут помогать). И, главное, новое поколение увидит, откуда берутся и куда тратятся деньги, и вряд ли после этого станут ныть: «Купи мне «Денди» (Барби, ролики...)».

Подсчет прибыли-убыли давно стал приметой цивилизованного мира. Там, к слову, без этого нельзя: большинство семейных платежей идет в безналичной форме — по чекам, кредитным карточкам. Но компьютеры, бывает, ошибаются, списывают сумму большую, чем нужно, потому люди хранят все товарные чеки, не реже раза в месяц проверяют компьютерные распечатки своего счета.

Мне довелось жить в немецкой

семье. Вспоминаю: поздний вечер, пора спать. «Момент,— говорит глава семьи,— мне еще надо подвести баланс». И пять минут *каждодневно* тратит на то, чтобы занести в гроссбух свои расходы.

Еще пять — семь процентов экономии семейного бюджета ежемесячно может дать перечисление зарплаты (или пенсии) в сберкассу. «Вы смеетесь, что ли,— могут возразить мне,— и без того еле сводим концы с концами!» Нет, не смеюсь! Деньги из банка можно взять в любой момент, но, если там лежит даже небольшая сумма, на нее все равно набегают проценты (правда, всего около 40 процентов годовых). Проиграть от того, что вы пользуетесь банком, невозможно. Даже малые деньги не должны лежать мертвым грузом, а делать новые деньги. Хуже нет места для хранения финансов, чем тумбочка или банка из-под чая. Пусть вы получите в виде процентов пятнадцать-двадцать тысяч в месяц — так ведь получите, а не наоборот.

Если вы будете покупать продукты на мелкооптовых рынках, можете сэкономить от десяти до тридцати процентов своего бюджета.

На рынке неподалеку от моего дома килограмм сахара стоит четыре тысячи, но когда берешь десять кило,— 3500, а если покупаешь мешок,— три тысячи. Имеет смысл в одном месяце закупать оптом один продукт и растягивать его потом на полгода, а через месяц отовариться в большом количестве чем-то другим, еще спустя месяц — третьим...

Не всякий может выложить сто пятьдесят тысяч за мешок сахара. Пенсионеры из нашего микрорайона нашли такой выход: объединяются по пять — десять человек, покупают продукт, а потом делят его на всю команду.

Только не забывайте, что, кро-

ме, пожалуй, сахара и соли, нет абсолютно непортящихся продуктов. Так что крупу, муку, овощи, консервы приобретайте в больших количествах, если у вас есть условия для хранения.

Запастись продуктами имеет смысл и потому, что, по моему глубокому убеждению, они будут дорожать быстрее, чем станет увеличиваться средний индекс цен.

Отлет окорчков в сторону Арканзаса

Продукты подорожают круче, чем все остальное, главным образом потому, что в этом году правительство наконец сделает то, что обязано было совершить еще два-три года назад: построит таможенные барьеры на пути импортного продовольствия. (Война вокруг «ножик Буша» в начале этого года — первая ласточка.) Так поступают, защищая своих производителей, многие страны. Развалить собственное животноводство и птицеводство можно быстро (не опоздали ли мы безнадежно с таможенными барьерами?), а поднимать его потом придется десятилетия.

Если западные промышленные товары покупают оттого, что они *лучше* («Рубин», к сожалению, не конкурент «Шарпу»), то продовольственные потому, что *дешевле*. Уже все согласились, что наш «Мишка на Севере» вкуснее «Марса», а отечественная курица, хоть и чахлая да синяя, зато наваристей, нежели вскормленный гормонами заморский бройлер.

Стоят импортные продукты дешевле наших (даже с учетом «рубля на перевоз») оттого, что заморская система сельского хозяйства эффективней российской, и годы реформ разрыв между ними не со-

кратили, а скорее увеличили. Минеральные удобрения, горючее подорожали в десятки тысяч раз, а оптовые цены на сельхозпродукцию поднялись менее чем в тысячу раз. Из-за такой дороговизны минеральные удобрения, например, на отечественных полях стали использовать... в сто раз реже, чем раньше.

Если отечественное сельское хозяйство неэффективно, раз оно загибается, может, туда ему, как говорится, и дорога? Но это невозможно! Мы попадем в полнейшую зависимость от Запада.

А судьбы миллионов людей, работающих на земле? Им что, придется подаваться в батраки к польским да немецким фермерам? Я не утверждаю, что, как выразился один из вице-премьеров, «Россия должна кормить своих крестьян», но защитить их от дешевого импорта можно и нужно.

Подорожание продуктов, которое при этом случится, лучше пережить сейчас, чем дожидаться момента, когда сельское хозяйство в стране будет окончательно загублено. Если это произойдет, цены на российских рынках станут определять фермеры из Айовы и Арканзаса. Западные лидеры смогут диктовать не только стоимость хлеба на нашем столе, но и политику России.

Беда деньги родит

Вот краткая русская пословица с очень, по-моему, глубоким смыслом: «Беда деньги родит». Я понимаю это изречение применительно к нынешним временам так: когда тебе совсем плохо, когда полгода не платят зарплаты, а детям в буквальном смысле нечего есть, вот тогда ты напрягаешься и придумываешь себе работу, и начинаешь зарабатывать деньги, и обустройства

ешь семью... Только, по-моему, очень многим жалующимся еще не стало по-настоящему плохо, поэтому не то что «родить деньги», а просто поднять ее с полу они гнушаются. Слишком многие перебиваются с хлеба на воду, но не идут на «черную» работу. Значит, не слишком голодно?

Консультируя отечественные предприятия — едва ли не сотню! — я, несмотря на немолодой возраст, много езжу по стране, встречаюсь с людьми. Вот несколько эпизодов, что свидетельствуют: безработица в нашей стране, о которой так много говорят новые коммунисты, хоть и есть, а носит, как правило, структурный характер, то есть человек не может найти не *работу вообще*, а ту, которой он обучен и которая ему нравится.

Вот в Нижнем Новгороде разговариваю я с начальником цеха на оборонном предприятии. «Зарплату не платят уже полгода, — рассказывает. — Дети не то что фруктов не видят — рыбным консервам рады». Потом узнаю, что ему брат предлагал податься на заработки в Подмоскovie, шабашить подсобником в бригаде, строящей коттеджи. Десять миллионов за лето заработать можно!

Тот отказался. Во-первых, потеряешь место, а вдруг на заводе начнут платить (хотя надежды на это мало). К тому же ему, начальнику цеха, как-то не пристало идти подсобником. И потом... вдали от семьи полгода. Значит, его детям лучше рядом с таким папой, который дома не ест (ему стыдно), лежит (чтобы меньше энергии затрачивать) и не может порадовать их даже рыбными консервами?

Юг, лето, курортный поселок. Медсестра на турбазе повесила объявление: «Делаю общий массаж». Приходят клиенты, она одного человека в неделю помассажирует, а другому, третьему отказы-

вает. А сама все на безденежье жалуется и ест одну картошку, без мяса и масла... «Отчего ты не работаешь?» — интересуюсь. «Настроения нет», — отвечает. Или: «Рука болит...»

Вот кандидат технических наук из Санкт-Петербурга. Зарплату ему платили за последний год три раза. Со старых времен у него остался «жигуль» в хорошем состоянии. Почему бы не «левачить», как делают его друзья? Они тысяч по сто ежедневно наработывают. Нет, боязно. Да и стыдно. Как это он, кандидат наук, будет извозчиком?..

На «черную» работу спроса нет. «Непрестижно!» Работать непрестижно?! По-моему, непрестижно бездельничать!

Сейчас способов повысить свое благосостояние только два: приусадебный участок (у кого он есть) и вторая работа, подработка, «халтура»... А какой род работы выбрать — это дело талантов каждого. Сотни молодых мам, занятых на более или менее денежной службе, не отказались бы, я знаю, от услуг женщины, которая забирала бы их дитя из садика или из школы... До сих пор проблема найти хорошего (и недорогого!) автослесаря, парикмахера, маникюршу, репетитора... Даже исполнительного, четкого, работоспособного секретаря на телефоне или курьера!..

Есть, конечно, города, поселки, целые регионы, где любая работа — проблема. Например, Ивановская область, которая, видимо, скоро получит официальный статус «зоны экономического бедствия». (Благодаря этому статусу она, в частности, будет меньше платить в федеральный бюджет.) Но быть без работы (и без денег) в «благоприятных» зонах типа Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга... Не понимаю!

Директор любит Эмираты

Со многими безобразиями нашей жизни «отдельно взятая семья», конечно, не в силах справиться. Например, с таким всеобщим бедствием, как невыплата зарплаты. Не было еще ни одного случая, чтобы кто-то добился (допустим, через суд) получения задержанных денег. Здесь должно сказать свое внушительное слово государство. И не только с помощью «накачек» или чрезвычайных комиссий, но и «гуманитарными» методами.

Обратите внимание: директора и высшие руководители заводов, как правило, таких трудностей не испытывают. Получают свое сполна и вовремя. И заработки их немаленькие! Десять или даже двадцать миллионов в месяц для директора не потолок.

Правительство, правда, установило верхний предел зарплаты для руководителей. Но это касается только государственных предприятий (точнее — тех, доля государства в имуществе которых больше 50 процентов). У нас же большинство заводов и фабрик уже стали акционерными или частными. Стало быть, им никакой предел не указ? Но почему бы, скажем, Союзу промышленников и предпринимателей совместно с Круглым столом бизнеса России, правительством, профсоюзами не выпустить своего рода этические нормы для руководителей? Оговорить в них верхнюю планку заработка, через которую директора не будут иметь права прыгать. Установить ограничения по части строительства личных особняков, покупки представительских лимузинов, зарубежных путешествий. Широко оповестить через средства массовой информации трудящихся об этих этических правилах. И записать, к примеру, что нарушения этих норм могут быть для акционеров достаточным

основанием для увольнения директора.

Работники многих предприятий обижены (и поделом) на своих руководителей. Был я на крупном предприятии в Череповце. Никого из «верхушки» на месте не было: отдыхали в Арабских Эмиратах. Все равно, объяснили мне, завод стоит... По-моему, подобный вояж должен быть достаточным основанием, чтобы на ближайшем собрании акционеров уволить всю руководящую команду.

СТИНГ И СТОЛ

В России миллионы людей — инвалиды, старики — не могут работать. Пенсии нищенские. Что делать? Для того чтобы помочь им, никак не обойдешься без благотворительности.

Вспоминаю свою поездку в Сан-Франциско. Любый человек — подчеркиваю, любый, документов и справок не просят — может там прийти в благотворительную столовую, получить бесплатный обед или ужин. И столовая такая не одна на весь город, их десятки. Католические и протестантские церкви раздают по воскресеньям продукты. Православный храм победнее, там провизии дают немного, зато хлеба можешь взять сколько хочешь. Плюс к тому государственные пособия, «вэллфэр» для безработных, фонды Рокфеллера, Карнеги и десятки других, оплачивающих высшее образование для способных детей из бедных семей...

Наше государство не в силах нынче разворачивать благотворительные программы. У него денег нет. А у церкви? У крупных предприятий? У мощных банков? Одно время было модно — да, да именно модно! — организовывать столовые для малоимущих. Где они теперь, те столовые?

Многие ли фирмы знают, что три, а то и пять процентов их прибыли они могут направлять на благотворительные цели, и в этом случае она не облагается налогом? А если знают, почему не просыпался на бедняков если не золотой, то хотя бы хлебный дождь?

Преуспевающие фирмы и банки предпочитают не беззубых стариков кормить («фи, сидят там, шамкают, незстетично, по телевизору не покажешь...»), а какую-нибудь мотогоночную команду спонсировать, тысячедолларовые картины покупать или эстрадных «звезд» раскручивать. Это ярко, зрелищно. «Давайте Элтона Джона или Стинга пригласим, миллион долларов на каждого истратим — зато красиво! И на всех программах будем, на радио и в газетах».

Певцов, конечно, поддерживать надо (лучше бы наших), и галереи, и шахматистов с баскетболистами. Но не кажется ли вам, уважаемые предприниматели, что спонсорство, то бишь помощь талантам или просто красоте, оттеснила в вашей душе благотворительность — то есть поддержку сирых да некрасивых? На стинговский гонорар можно было бы тысячу стариков в течение года кормить!

Государство, впрочем, тоже могло бы помочь тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам. И для этого не нужно новых законов или новых поборов. Знаете ли вы, что реальная собираемость налогов не превышает восьмидесяти процентов? Недоимки прошлого года составили 41 триллион рублей! И государственный бюджет верстается всякий раз с учетом того, что столько-то процентов податей не будет взято? Уже запланировано, что заводы, фирмы и частные лица утаят в нынешнем году десятки триллионов рублей. Сколько можно было бы накормить больных и старых!

Почему налоговые инспекции — полиции заранее обрекают себя на поражение? Почему они предпочитают проверять гигантские заводы и оставляют в тени тысячи маленьких торговых и посреднических фирм? Конечно, у «монстров» и нарушения огромные, и инспектировать их легче. Но найдут фискальные службы на одном предприятии злоупотреблений на сто миллиардов рублей и рады. А в это время тысяча фирмочек скроет нарушений на миллиард каждая. Итого на триллион. Кстати, вспомните: часто ли вам пробивают чеки в коммерческих ларьках? А ведь таким способом тоже уходят от податей...

Если бы налоговые службы хотя бы пару месяцев ежегодно посвящали исключительно небольшим предприятиям, бюджет наш был бы гораздо более наполненным! Хватило бы и на благотворительность, уверяю вас!

...«Чем лучше мы будем работать — тем лучше мы будем жить». Был, помнится, во времена позднего застоя такой лозунг, который многие считали циничным и даже переделали его: «Чем лучше вы (то есть народ) будете работать, тем лучше мы (то есть ЦК) будем жить». Однако по сути сей афоризм, если вдуматься, верен; более того, вполне соответствует реалиям сегодняшнего дня.

Невозможно хорошо жить в условиях падения производства. Точнее, очень немногие в подобной ситуации в состоянии благоденствовать. Но народ живет все хуже потому как, если промышленность и сельское хозяйство делают все меньше, откуда возьмутся те блага, которые мы будем потреблять? Жить лучше можно (если решать этот вопрос не на уровне «отдельно взятой семьи», а государства) только при условии подъема экономики.

Я пишу эти строки в конце марта. По моему глубокому убеждению, апрель станет месяцем, когда производство в России начнет расти. (Во многом это определяется сезонным фактором. Именно в этом месяце люди начинают строить дома, ремонтировать квартиры. Значит, им нужны кирпич, деревянные изделия, сантехника, обои... Я уже писал, что строительная индустрия станет тем локомотивом, который «выволочет Россию из грязи».) Затем последуют летние месяцы. Тогда промышленный рост, думаю, станет заметным — впервые за годы реформ.

Не потерять бы этот темп к осени и зиме, когда закончится строительный сезон.

!! ЧТО
... ЧТО

СМУТИТСЯ
ДВАДЦАТЫЙ
ВЕК !!

СВЕТЛАНА МАГИДСОН

*Не на листопадном асфальте
Будешь долго ждать,
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять...*

Анна Ахматова

Этот стихотворный эпиграф — из ахматовского «Полночного цикла», созданного в Комарове, дачном поселке под Ленинградом. В черновых набросках цикла Ахматова обозначила место его написания — «Будка». Так она, смеясь, называла крошечную дачу, предоставленную ей в конце жизни Литфондом. Именно в Комарове она и похоронена. Итак, семь стихотворений. К тому же к циклу даны посвящение и послесловие. Под стихами стоят даты: март—сентябрь 1963-й. А под послесловием к циклу Ахматова написала другой год — 1965-й. Это был последний и, пожалуй, счастливый год жизни поэта. Вышла наиболее полная (за пятьдесят лет творчества!) и, как оказалось, лебединая песнь-книга «Бег времени».

*Что войны, что чума — конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.*

*Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?*

Бег времени, как философская категория, всегда тревожил Ахматову. Она даже «Поэму без героя» поначалу хотела назвать «Шагом времени». Но, конечно, она понимала, что название это неудачно. Но как быть с тем ужасом, который был «бегом времени когда-то наречен»?.. И вот — сбылось — вышла книга «Бег времени». С ее страниц встает образ крупнейшего художника XX века, вписавшего в русскую поэзию свое слово.

Кажется, эту книгу Анна Ахматова ждала всю жизнь. Книга изящна, красива, хотя в ней, как считала Ахматова, столько купюр, пробелов, прочерков, творческих, разумеется. Но все же книга эта вошла в золотой фонд русской культуры.

Именно в том, 1965 году, Ахматова победоносно встретила с героем своего «Полночного цикла», последнего ее любовного цикла.

Сколько в этих, полных внутренней взволнованности, дивных «полночных стихах» тайн, загадок, аллюзий... И бездна смысла; и все просто; и все очень сложно.

Анне Ахматовой — 74, 76... Но вот чудо: вдохновение ее не покидает, она думает о странностях любви, о богатстве сердечных тайн... Ведь этот «Полночный цикл» составляют драматические картины двух мятущихся душ, здесь роковое стечение трагических обстоятельств века, здесь мужественное преодоление разлученности, «невстречи» этих двоих.

*Не придумать разлуку бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.*

Здесь и мистичность, и связь через расстояния, через время, и невероятное величие человеческого сердца...

Ахматову интересовал человек только тогда, когда она поверх его сущности, земной, реальной, видела за гадку. Она ее волновала, она стремилась ее разгадать, она ее воспевала. Она в свои поздние годы соединила в поэзии рациональное и иррациональное. Свои чувства она зашифровала так, что на помощь надо брать открытия Фрейда, Юнга, Василия Розанова, Николая Бердяева... Она говорила о любви не как о физических отношениях, она говорила о любви, как о понятии высшем, почти религиозном. Дух — это посланник Бога. Но она согласовывает ритм реальных проявлений, хотя это очень трудно, потому что они овеяны мечтой поэта, с ритмом своего духа. Особенно когда этому Духу начинает являться «Нечаянная радость» (Гумилев)...

Вот я назвала великое имя — Николай Гумилев. Он впервые увидел ее 24 декабря 1903 года, она шла с другой за покупкой елочных игрушек для рождественской елки. Она вся была внутри себя. Легкая, грустная, задумчивая... Он был очарован этой четырнадцатилетней девочкой, ее трагической красотой, ее хрупкостью...

Семь лет длился этот роман, Анна то приближалась к нему, то удалялась. Он не мог жить без нее, несколько раз пытался покон-

чить с собой. Это было, когда Гумилев жил в Париже; по словам Алексея Толстого, дружившего с ним, после очередного отказа Анны от предложения «руки и сердца» Гумилев, совершенно упав духом, отравился и уехал в Булонский лес. Через сутки его нашли без сознания в глубоком рву старинных укреплений. Анна, узнав об этом от брата, жившего с Гумилевым в Париже (они оба учились в Сорбонне), прислала сочувственную телеграмму. Его поступок показался ей дерзким, но привлекательным.

Весь период жизни Гумилева в Париже (1906—1908) прошел под знаком любви. Его чувство к Анне Ахматовой было глубоким и повлияло на его душевный строй. Собственно, это был путь к Любви. Единственный и самый трудный путь постижения великих заповедей природы: через страдание к свободе. В результате этого понимания возникает радость. А Любовь — это и есть Радость. Гумилев прошел этот высший путь — семь лет страданий, одолений (не признак ли это мужского характера, совмещающего в себе многие крайности, но всегда ощущающего глубокое понимание заветного, главного, единственного?..) — к радости.

Все первые книги Гумилева («Путь конкистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо»...) наполнены образом Ахматовой. Как Гумилев ее любил! Это была его «бессмертная любовь». Вся его жизнь, весь его путь — это поиск добра, красоты, любви, поиск Ее, да, поиск Анны, желание ее постичь...

*Кто объяснит нам, почему
У той жены, всегда печальной,
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?..*

Гумилев «не любил отступать перед неудачами»... хотя он никогда не переставал любить Ахматову, тосковал по ней, страдал, мучился, терзался, но — не уступал. Еще в Париже он познакомился с Е. Н. Дмитриевой, начинающей поэтессой, завязал роман, но существенного изменения в сердечном настрое Гумилева он не произвел, иначе как же понять его побег в это время в Нормандию, к морю — топиться?.. Но все же боль отказов, согласий и новых отказов Анны заставляла поэта оставаться в Париже. Конечно, многих женщин тогда восхищало дикое, дерзкое мужество его стихов. Думаю, восхищало это и молодую поэтессу Е. Н. Дмитриеву.

Приехав из Парижа, где в последнее время в «русском артистическом кружке» Гумилев много общался с Максимилианом Волошиным, он поселился в Царском Селе с родителями. Много путешествовал, побывал в Египте, поступил в Петербургский университет, задумал вместе с Сергеем Маковским издавать журнал «Аполлон»... А летом 1909 г. решил вместе с Елизаветой Дмитриевой поехать в Коктебель, в Дом Поэта. Не знаю, что повлияло на «поворот» дружественных отношений двух поэтов во враждебные, но ясно, что здесь какую-то «фрейдовскую» роль сыграла Ел. Дмитриева. Отношения с Ел. Дмитриевой и М. Волошиным обострились настолько, что привели к дуэли. Она состоялась 22 ноября 1909 года на Черной речке! (Ведь здесь когда-то Пушкин дрался с Дантесом...) Дуэль окончилась ничем, но о Гумилеве стали говорить как о герое, а может быть, как герою-

любовнике... Анна Ахматова, услышав об этой истории, поняла, какой страстный человек Гумилев... И как он бережно, по-рыцарски относится к женщине, как правдив, честен. Ведь он даже не заботился о своей репутации, предоставляя Волошину и Дмитриевой оправдываться... Именно в это время Гумилев, приехав в Киев на поэтический вечер «Остров искусств», увидел присутствующую в зале Анну Ахматову. Ему показалось, что она на какой-то новой душевной волне. И, кажется, именно сейчас (а ведь прошло четыре дня после дуэли) она сделает все, чтобы развитие их отношений продвинулось дальше... После вечера они пошли в гостиницу, где он остановился, пить кофе. И она, вдруг почувствовав высокий градус его духовной энергии, — Любви! — загорелась сама. Ей, как бы окунувшейся в душевную тайну, показалось, что он таинственно космичен. И она вдруг дала окончательное согласие на брак. Три дня провел Гумилев в Киеве, не расставаясь с Анной, а на четвертый уехал в Одессу, а оттуда пароходом в Африку. Ничего себе жених?.. Воздух пауз, кажется, необходим и в любви?

Ахматова поняла, что ее согласие продиктовано тем, что кто-то ее «ведет» и это уже не зависит от нее.

У нее не было крика плоти, всегда поиск идеала, очарования, и — невозможность его найти. Поэтом страдания. Ее сердце как бы искало гибели, искало мучений. Все говорили тогда: Ахматова — страдалница, а Гумилев — изверг, садист. Он не понимал (да и я не понимаю), как можно было печатать такие стихи:

*Муж хлестал меня узорчатым
Вдвое сложенным ремнем.*

Гумилев говорил ей, что отдавать публике такие стихи — отсутствие вкуса, дурной тон. Но она так вошла в роль мученицы и обиженной, что стала воспевать «себя нелюбимую». А может быть, это так и было?

Ведь очень скоро Гумилев стал ей изменять. Лариса Рейснер, Татьяна Адамович, Елена Дюбуше... Но он не видел греха в своих изменах. «Святой Антоний может подтвердить, что плоти я никак не мог смирить». Но это не мешало ему безумно любить Ахматову, восхищаться ею. Он рассказывал Ирине Одоевцевой, что когда он женился на Анне Андреевне, то сразу выдал ей «личный вид на жительство», положил в банк на ее имя несколько тысяч рублей, чтобы она была независима и обеспечена. Он дарил ей книги о любви; даже в первое их Рождество он преподнес ей огромную, обтянутую тисненым шелком коробку, которую наполнил доверху дюжиной пар шелковых чулок, духами «Cotty», несколькими фунтами отличного шоколада Крафта, еще он положил «черепаховый гребень с шишками», о котором она давно мечтала, и чудный томик «Les amours jaunes» («Желтая любовь» — франц.) Тристана Корбьера. Конечно, Анна Ахматова обрадовалась, она прыгала по комнате, как козочка, ведь у нее в семье не было принято дарить такие дорогие (для души) подарки. И все же она писала о несчастной любви!

Она была создана для счастья, но не находила его. Думаю, прежде всего потому (как бросила реплику ее героиня в день последнего свидания), «Что быть поэтом женщине — нелепость».

Да, страшна своей глубиной, своей силой «поэтова любовь». Помните, что говорил Тютчев деде, умоляя ее не верить любви поэта:

*Невольню кудри молодые
Он обожжет своим венцом...*

А женщина-поэт с ее любовной жаждой еще страшнее. Ведь для утоления этой жажды мало, чтобы мужчина любил: женщина-поэт страдает от скудости простой любви. Для утоления такой «бессмертной страсти» Ахматова хотела создать, сотворить идеал «Вечномужественности» (как до нее был создан, сотворен идеал «Вечноженственности») — образ того, кого предстояло любить. Это был «путь женщины к религиозной ее равноценности с мужчиной, путь женщины в храм». Скудость «просто любви» всегда преследовала Ахматову. Она искала равнозначности, равноценности в любви. И не догадка ли мужчины о том, что в его любви есть что-то «мелко человеческое», заставляет его бежать от любимой женщины-поэта. А она, не понимая, в отчаянии:

*Отчего ушел ты?
Я не понимаю...*

О, это томление прекрасной женщины по вечномужественному... Это ли не страдание в несчастной любви?..

*А если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет,
Еще не сказанным словам?*

Любовь... Какую огромную роль она играла в жизни Ахматовой! По ее книгам современники учились любить... Не поэтому ли таким необыкновенным был успех ее второй книги «Четки»? Ведь она имела десять изданий. И поставила Ахматову в первый ряд русских поэтов. Ее речь действительна, ее слово жжет, песнь ее уязвляет, хоть она и жалуется, хоть и умоляет, чтобы «птица — тоска» вылетела из сердечного плена... но Дух ее поэзии трепещет на недостижимой высоте.

Итак, Анна Ахматова разочаровалась в любви Николая Гумилева. Да, Гумилев немало вытерпел за счастье быть мужем Ахматовой. Сколько легенд она создала в своих чудных книгах:

*Любовникам всем своим
Я счастье приносила...*

Невесело, вероятно, ходить мужу-рогоносцу по Петербургу?.. Пусть этого и не было в реальности, но кто это знает? Повесился же поэт-католик из-за несчастной любви к Ахматовой. Не знаю, было ли это на самом деле, но как можно не верить таким чудным стихам! Весь Петербург гадал об имени этого студента. Она сама выдумала легенду о том, что была влюблена в своего «знаменитого современника с коротким звонким именем — Блок»... Россия и по сей день верит в это. Хотя в уже поздние свои годы Ахматова развенчивала эту легенду, но удалось ли ей это?.. И все же Гумилев любил одну-единственную женщину — Ахматову. А она, разведясь с ним, стала женой его друга — Владимира Шилейко. Но и с ним продолжалась та же трагическая любовная игра, что и с Гумилевым. Обращаясь к Шилейко, она почти с первых дней стала писать:

*От любви твоей загадочной
Как от боли в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу...*

Это о нем, о Шилейко, она сообщает, сокрушаясь:

Мне муж палач, а дом его — тюрьма...

А ведь связала их страсть, всегда таинственная и новая. Бурная, страшная, яркая. Вероятно, такую, эротически сильную, с пламенем и пламенным чадом ночей, но вдохновенную любовь Ахматова испытывала впервые. И все же она рассталась с ним, рассталась, вероятно, на самом пике любви:

*Будь же проклят, ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.*

Потому что покорной, как он хотел, она не могла быть.

*Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.*

Все повторяется. Потому что Ахматова — женщина-поэт.

Да, Ахматова — поэт, посланник Бога на земле, бросает слова утешения, неповторимые слова, на которые было истрачено слишком много души, тем, кто безголос и молчалив, то есть — «многим»:

*Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица,
Напрасных крыл напрасны трепетанья,
Ведь всё равно я с вами до конца.*

Ах, как прекрасна эта напряженность эмоций, это знание своего всемогущего слова, своего врачующего песнопения. А ведь все это она получила, потому что была живой, любимой, любившей, страдавшей, опрокидывавшей все каноны и устанавливавшей их...

Я смотрю на фотографию Анны Ахматовой 1926 года, глаза ее просто необыкновенны: пророчица, сирена, победительница. А поза — какое изящество! Кажется, она счастлива: только-только вышла замуж за Николая Николаевича Пунина, известного искусствоведа, историка, крупного музейного работника... Поселилась в квартире Пунина, где жила и его прежняя семья — жена, дочь. Так началась какая-то странная, но все же прекрасная жизнь: была сильная любовь, было какое-то подобие дома, были постоянные разговоры о живописи, архитектуре, Пушкине, Данте, Рубенсе... Анна Андреевна именно в это время много занималась архитектурой Петербурга, переводила письма Рубенса, написала книгу о нем... Пунин был красив, остроумен, необычайно образован, тонко и глубоко чувствовал искусство, был наделен отменным вкусом. Вероятно, с ним Ахматовой было хорошо. И когда ее спрашивали, кого же она любила, она отвечала: «Вот с Пуниным прожила лишние два года...» Это значит,

что «звезду убывающей любви» она почувствовала восходящей над собой гораздо раньше, чем они расстались. А «пытка счастьем» длилась... И вот — цикл «Разрыв»:

*Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.*

И вот Ахматова в третий раз разошлась с человеком, которого любила и который любил ее. Да, говорила она, «злая жизнь»... И чудилось ей: и «ложь предавших губ», и «мертвый холод глаз», и жестокость, и грубость мира, и долгое одиночество вдвоем... И снова разоренный дом... Что за судьба? Но...

*И была жизнь во все колокола...
И бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.*

И вот, когда в середине 30-х годов Ахматова, утомленная расставанием с Пуниным, встретила понравившегося ей своей учтивостью и обязательностью талантливому медика Владимира Георгиевича Гаршина, жизнь снова стала «бить во все колокола». Гаршин — коренной петербуржец, профессор Военно-медицинской академии, стал на несколько лет ее другом. Она посвятила ему «Регину», прямо назвав его имя и фамилию, посвятила эпиграмм «Поэмы без героя» («Городу и другу»). Гаршин как военный врач остался во время войны в осажденном Ленинграде, это беспокоило и тревожило Ахматову. Не поэтому ли посвящение?

Фаина Георгиевна Раневская, дружившая с Ахматовой и оказавшаяся вместе с ней в Ташкенте во время эвакуации, рассказывала мне, как часто писала Анна Андреевна письма в Ленинград «своему дорогому другу», как радовалась, когда приходили письма от него. Раневская, с которой я столько говорила об Ахматовой, всегда старалась нарисовать мне образ обворожительной женщины. Близился день рождения Ахматовой, рассказывала Раневская, хотелось ей подарить что-то такое, что подчеркивало бы ее женственность. «Один умный узбек понял, какой мне нужен подарок. И принес коробку с двумя кусками французского мыла!» Ахматова радовалась, как девочка. «Неужели еще есть на свете такой запах?.. Я вспоминаю молодость. Косметическую фирму Cotty. Как нравился запах духов и мыла этой фирмы Гумилеву. И вот я снова чувствую себя женщиной...» (это подлинные слова Ф. Г. Раневской в ее рассказах об Ахматовой, которые я записала). Весной 1944 года Ахматова в составе первой делегации эвакуированных писателей прилетает в Москву. А в июне она, веселая, помолодевшая, отправляется в Ленинград, где ее должен был встречать Гаршин, предложивший ей стать его женой. Она сказала об этом всем, кто ее провожал. Ведь дом ее на Фонтанке не был пригоден для жилья: выбиты стекла, не работали водопровод, отопление... Гаршин должен был взять ее в свою новую квар-

тиру. Во время блокады у него умерла жена, бомбой был разрушен дом.

...Поезд медленно подходил к перрону, Ахматова стремительно вышла из вагона, увидела высокого, стройного, во всем черном, несмотря на весну, мужчину типично профессорского вида, он снимал перчатки... Они не обнялись; он лишь почтительно поцеловал ей руку. И сказал: «Аня, нам надо поговорить». Они минут десять ходили по перрону. Потом остановились. Он снова поцеловал ей руку. И ушел. Анна Андреевна вернулась к своему вагону, где ее ждали друзья-попутчики. Она им спокойно сказала: «Обстоятельства изменились, я еду к Рыбаковым!» Было ясно, что Гаршин как бы вычеркнул себя из ее жизни. Она не любила говорить об этом. Но... Не простила его «драматическую выходку», поставившую ее в такое глупое положение. «Вы не посчитались с моим именем», — сказала Анна Андреевна, когда на следующий день он пришел к Рыбаковым. «А я об этом не думал», — ответил он. И это окончательно взорвало Ахматову.

*Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.*

Этим четверостишием (напечатанным впервые только в 1986 году, через 42 года после написания) она навсегда поставила точку в своих отношениях с профессором Гаршиным. В 50-е годы, когда Гаршин перенес тяжелый инсульт, он просил через друзей прощения у Ахматовой. Но она ничего не ответила. И вот строки:

*...А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет, —
Уже бредет как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...
Боже, боже, боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть...*

Я говорила, что все мужья и возлюбленные Ахматовой сохранили к ней какие-то возвышенные чувства. Николай Николаевич Пунин, будучи во время войны в Самарканде, писал ей в 1942 году, находясь в больнице: «...Нет другого человека, жизнь которого была бы так цельна и потому так совершенна, как Ваша... Вы казались мне... высшим выражением Бессмертного, какое я только встречал в жизни...» Какое провиденье! А когда Н. Н. Пунин 21 августа 1952 г. умер в ссылке, в воркутинском лагере, Ахматова написала, горестно отзываясь на эту смерть:

*И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.*

Перед этим четверостишием навсегда остались две буквы: Н. П. Но даже это было в то время смелостью: посвящалось репрессированному, а может быть, и расстрелянному Н. П.

Итак, Ахматова, прожив жизнь, полную высокого трагизма, всегда стремилась проникнуть в тайну человеческого существования, в тайну любви. И каждый раз убеждалась, что любовь на земле эфемерна, что любовь есть то, что определяется на небесах. Любовь соединяет двоих, но есть в ней «заветная черта», которую не перейти и страсти, и влюбленности. Душа этих двоих, свободная и «чуждая медлительной истоме сладострастья», рвется вверх, в небеса. Поэтому на земле или невозможна любовь, или это большая редкость.

Анна Ахматова сожалела, что сердце человека, в результате агонии безбожества, как бы изымается у него. На место божескому началу приходит земное, приходит расчет, приходит фантом денег. И начинается в человеке побеждать что-то механистическое, он становится маленьким винтиком в общественной структуре. Тогда любовь реализуется через житейское, животное начало. Эта приземленная реальность разрушает человека, идущего в общей толпе. Вот и бросила она поэтический клич о спасении любви, о спасении души человека... Циклы «Полночные стихи», «Шиповник цветет» — это дума о том, как уберечь, спрятать, сохранить любовь, пусть и позднюю, пусть и трудную, пусть и трагическую...

Черную и прочную разлуку

Я несусь с тобою наравне.

Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,

Обещай опять придти во сне.

Мне с тобою, как горе с горюю...

Мне с тобой на свете встречи нет.

Только б ты полночною порою

Через звезды мне прислал привет.

Когда пристально читаешь все это, когда изучаешь сердечную жизнь поэта, тогда понимаешь, что Ахматова пишет, по слову Марины Цветаевой, все «о себе — о вечном».

О последних циклах Ахматовой можно писать десятки томов, так содержательны, так глубоки эти циклы, но все равно лучше, чем сказала она сама, не скажешь:

Полно мне леденеть от страха,

Лучше кликну Чакону Баха,

А за ней войдет человек...

Он не станет мне милым мужем,

Но мы с ним такое заслужим,

Что смутится Двадцатый Век.

Обратите внимание на прописные буквы XX века — написано словно о живом существе.

Обращаясь к парижскому критику Георгию Струве, Анна Ахматова сказала с особой интонацией: «Я ВАС БЛАГОСЛОВЛЯЮ ПИСАТЬ О «ПОЛНОЧНЫХ СТИХАХ». Это звучало, как завещание. И не только потому, что было заявлено за полгода до ее смерти. Анна Ахматова в той же многочасовой беседе со Струве несколько раз повторила: «По-моему, «Полночные стихи» лучшее, что я написала... Но даже такой замечательный знаток нашей поэзии, как Лидия Гинзбург, недоумевает, кому они посвящены».

Но почему Ахматова скрыла имя героя своего «Полночного цикла»?.. Вы нигде не найдете адресата этих стихов. Даже академик В. М. Жирмунский, составляя и подготавливая текст сборника «Стихотворения и поэмы» в серии «Библиотека поэта», не указал его. Хотя, как ни странно, Анна Ахматова, считая академиком В. М. Жирмунского своим душеприказчиком, человеком широких взглядов, все знавшим о ней, завещала в дальнейших изданиях своих стихов именно ему это имя указать. Да, слишком суровая была эпоха...

НО В ЧЕМ ЖЕ ЗДЕСЬ ДЕЛО?

Осенью 1945 года Он случайно (но кто может поручиться, что случай не посылает нам Бог?) попал к ней в гости — в Фонтанный дом. «И ты пришел ко мне, как бы Звездой ведом». Она, по натуре своей пророчица, почувствовала сразу, что Он дарован ей Судьбой: но и, как ни странно, предположила — с Ним «горчайшее суждено», а может быть, и погибель...

И запомнит Крещенский вечер

Клен в окне, венчальные свечи

И поэмы смертный полет...

Но не первую ветвь сирени,

Не кольцо, не сладость молений —

Он погибель мне принесет.

Она подарила Ему бесценное — «Посвящение» («Третье и последнее») к своей «Поэме без героя». Это Посвящение написано 5 января 1956 года. У Ахматовой не бывает ничего случайного. Вероятно, этого человека ждали к Рождеству, но он приехал позже. Помните?

И мне в ту ночь приснился твой приезд.

Ахматова увидела этот «приезд» во сне — 14 августа 1956 года. Август... страшный месяц для Ахматовой. Расстрел Гумилева, Постановление ЦК ВКП(б)...

О, август мой, как мог ты весть такую

Мне в годовщину страшную отдать?

Анна Ахматова назвала Его в «Поэме без героя» «Гостем из будущего», провидчески считая, что своим появлением в ее жизни он несет трагическую весть о будущем. Правда, это можно толковать и по-другому, но я буду отстаивать свою версию.

Встреча с Ним вызвала у Ахматовой творческий подъем: полились стихи. После первого свидания, в тот же день, 25 ноября 1945 года, она написала цикл «Cinque» — («Пять», пятерка по-итальянски): «Как у облака на краю / Вспоминаю я речь твою...» Интересно, что в первой публикации Ахматова назвала этот цикл «Любовь» («Пять стихотворений из цикла «Любовь» — так называлась эта подборка в журналах «Ленинград», №№ 3—4 за 1946 год). Для нее было сразу ясно: это любовь.

...Итак, в медленных звуках Адажио Вивальди, улавливая смысл стихов Ахматовой, вижу Его, Гостя из будущего: вижу, как Он идет вдоль набережной Фонтанки, входит в старинный дом графов Шереметевых: читает латинский текст девиза на гербе Фонтанного дома: «Deus conservat omnia» — «Бог хранит все». Надолго задумывается над словами. А ведь этот девиз станет потом эпиграфом к «Поэме без героя».

Его поражают красота и совершенство архитектуры этого Дома. И кажется ему, что он имеет отношение к этому совершенству, ведь и он имел счастье родиться в великом Петербурге.

Наконец, Он входит во двор, четырехугольный, с зеленой площадкой, ровный, чем-то напоминающий ему дворики Оксфорда или Кембриджа. Темная, мраморная лестница, верхний этаж, ее квартира...

Впоследствии он вспоминал, что квартира была скупо обставлена — старый письменный стол, продавленная тахта, старинный деревянный сундук, незажженная печка, над которой висел ее портрет работы великого Модильяни. Темнеет... Медленно поднимается статная дама с наброшенной на плечи белой шалью. Движения ее неторопливы, а держится она с поистине аристократическим достоинством. В ее облике какая-то скорбная суровость, хотя она кажется ему королевой.

Она торжественно подает ему руку, улыбается, начинает читать стихи своим неповторимым низким голосом... Это стихи из книги «Вечер», первой ее книги.

...Она рассказывает, рассказывает о своей жизни, начиная с поездки в Париж: свадебное путешествие с Николаем Гумилевым. Это было еще до первой мировой войны. Там она познакомилась с молодым Модильяни. И он рисовал ее. Рисовал своей несущейся линией, так объемно, будто собирался лепить скульптуру — портрет остался жить на белой суперобложке ее главной книги «Бег времени». К радости Ахматовой, этот портрет узнали впоследствии миллионы читателей.

Именно Амедео Модильяни, писавший стихи, занимавшийся скульптурой, рисованием, человек высокого духа, способствовал тому, что у Ахматовой зародилась любовь к изобразительному искусству, живописи, архитектуре. Вся поэзия Ахматовой наполнена архитектурой старого Петербурга, это поистине поэзия-музыка старинных улиц.

*Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь великого Петра.*

Она начинает читать отрывки из своей «Поэмы». Останавливается, как бы поясняя:

— Это мир моей молодости: он живой, весенний, но это мир «блудный», легкомысленный, мир, чувствующий свою обреченность:

*Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек.
А по набережной легендарной
Приближается не календарный,
Настоящий Двадцатый Век.*

Старый мир гибнет. Новый мир приходит. Это самоочевидно.

Почувствовав вопрос собеседника: «Так кто же герой «Поэмы»?» — отвечает: «Эпоха». Личности в ней лишь слегка намечены. Маскарад, маски. Личное здесь не важно. Личное связано с историей.

Наконец, она говорит, что это произведение о ее любимом Петербурге. Поэтому первая часть поэмы так и называется — «Петербургская повесть». О, этот 1913 год, молодость, друзья, творчество! Она рассказывает о своей привязанности к театру, подвалу-кабаре «Бродячая собака»... Она говорит о поэте Вс. Князеве и актрисе Ольге Глебовой-Судейкиной, ведь это главные «действующие лица» ее «Поэмы».

И снова он просит ее читать. Она смеется: столько здесь фантазмагорий. И все ряженые... Это так и должно быть, потому что все случается под Новый год. В этом Фонтанном доме в новогодний вечер под видом ряженых к автору вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года.

А вот — Гость из будущего... Она ввела его в поэму уже в новой редакции. Через много лет после первой встречи.

*Звук Шагов, тех, которых нету,
По сияющему паркету,
И сигары синий дымок.
И во всех зеркалах отразился
Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейской стужей,
И в руке его теплота.
Гость из будущего! — Неужели
Он придет ко мне в самом деле...*

Он снова просит дать ему рукопись «Поэмы». Как объяснить ему, что это невозможно? Как невозможно было и напечатать тогда «Поэму».

Затем она читает «Реквием». Остановилась. Стала рассказывать о 1937—1938 годах, когда ее муж, Николай Пунин, и сын, Лев Гумилев, сидели в тюрьмах. Она говорила «бесстрастным тоном» о всех замученных, погибших на каторге, расстрелянных, которым посвящается «Реквием». Раздумывает: поймет ли собеседник ее «Реквием»? Ведь он живет как бы в другом мире, в другом измерении. А «Реквием» хоть и прост по форме, но смысл его велик!

*Если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ...*

Мы теперь знаем, что «Реквием», начатый Ахматовой в 1935 году, был издан только через двадцать лет после ее смерти, в 1986 году.

Затем она говорила о своем одиночестве. Даже об изоляции. О потере друзей. О том, что Ленинград стал для нее «сплошным кладбищем». Как же случилось, что с «Гостем из будущего» Ахматова почувствовала себя свободно? Да просто она вернулась, встретившись с ним, в *свою* среду. Ее выдернули из этой среды, как растение из плодородной почвы. Она вдруг услышала речь, льющуюся так свободно и так естественно. И забыла на час-другой, что живет уже четверть века «под крылом у гибели». «Гость из будущего» оказался тем человеком, которого она тайно и страстно ждала. Она хотела говорить. Она жаждала высказаться.

А он понимал ее язык, что было для нее вновь. Он понимал не только ее речь, величественную, царскую, но и паузы, и интонации, и слезы, и юмор, и высоту духа. Она все знала о прошлом. Но вот пришел удивительный человек, принесший ей весть о Будущем. Вероятно, страшную весть... Она не забыла:

*Окормили меня клеветою,
Опили отравой меня...*

ТАК КТО ЖЕ БЫЛ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?

Сэр ИСАИЯ БЕРЛИН. Историк литературы, философ, профессор Оксфорда, человек необычайно образованный, до глубины души любивший русскую поэзию, русскую речь, хотя и живший в Англии. Именно Он и был, как называла его Ахматова, «Человек из будущего», герой ее «Полночного цикла», «Сожженной тетради», «Посвящения» к «Поэме без героя».

Согласитесь, кажется невероятным, что Ахматова, посвящая «Поэму без героя» И. Берлину, — собственно, ему единственному, потому что живому, — Ахматова, тишайшая, как она сама о себе говорила, скромная отшельница, вдруг произносит громкоголосые слова:

*Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем...*

Да, не станет! Как горько это сознавать. Но дальше-то что она говорит в «Посвящении»:

*Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.*

Согласитесь, кажется невероятным, что можно «смутить» Двадцатый Век с его войнами, сталинскими лагерями, фашистским геноцидом... И прежде всего это понимала сама Ахматова, потому что так трагедийно сумела выразить наш Двадцатый Век. Как толковать эти слова? Во всяком случае, их надо объяснять ее огромным чувством. И какое глубокое в этих словах соответствие: чувства и предчувствия! Она умела видеть во всем тайные мотивы, казавшиеся многим преувеличенными. Но она знала «прихотливый характер сталинского деспотизма». На хорошо понимаемых ею психологических предпосылках она строила удивительные гипотезы. Чувство реальности же развито было у нее чрезвычайно, а в этом человеке она увидела что-то судьбоносное, быть может, предрекающее катастрофу, конец мира. Но это ее притягивало, заставляло волноваться, вызывало бурю эмоций, чувств, всплеск творческой энергии.

Их беседа то и дело отвлекалась от литературы и искусства, затрагивала интимные детали жизни каждого из собеседников. Но все же Он прекрасно понимал ее тоску по всемирной культуре.

...Веяло холодком от ее царственной манеры держать себя. Исая Берлин чувствовал некоторую неловкость поначалу. Вдруг он услышал какие-то крики с улицы, в них ему почудилось его имя... Он поспешно подошел к окну, открыл его и не поверил глазам: внизу во дворе, задрав голову, стоял сын Уинстона Черчилля — Рандольф. Стоял, огромный, высоченного роста, чуть подвыпивший, и орал во все горло его имя. Извиняясь, Исая

Берлин побежал вниз, ничего не понимая. И столкнулся лицом к лицу с сыном Черчилля — в Ленинграде. «Когда-то мы учились вместе в Оксфорде и с тех пор не виделись, — писал впоследствии Исая Берлин. — Не было сомнения, что за ним следили. Его нельзя было допустить в дом Ахматовой...»

А в Ленинграде рождались легенды: Черчилль прислал своего сына забрать в Лондон Анну Ахматову, вот-вот-де приземлится самолет... И, кажется, ее уже убедили покинуть Россию... Разве это возможно? Еще в далеком 1917 году она писала:

*Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда —
Оставь свой край глухой и грешный.
Оставь Россию навсегда...»*

*Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух...*

Первоначально перед этим стихотворением стояло посвящение: Борису Анрепу. Он первый уехал в Европу, «соблазняя» и Анну Ахматову. Она дружила с этим человеком, много общалась, подарила ему на память кольцо. Но у нее все, как и в поэзии, оставалось благородным и великим, поэтому она сняла это посвящение. Она отвергала многие «утешные голоса» тех, кто уехал из России, — Артура Лурье, Георгия Иванова, Ольги Судейкиной, Бориса Анрепа... Как она сама говорила: хлеб на чужбине пахнет польнью. Она понимала (и готовилась разделить) страшную судьбу России...

Трудно было ей, лирику, писавшему о любви, разрывать связи с прошлым, с интимным домашним миром... Эту трагичность и сложность одинокого творческого пути Анны Ахматовой прекрасно понимал Исая Берлин.

Еще летом 1945 года сэр Исая Берлин, сотрудник британского посольства в Вашингтоне, был переведен на несколько месяцев в Москву: здесь не хватало людей, владевших русским языком. А он к тому же великолепно знал историю России, был консультантом на Сан-Францисской конференции, где шла речь об отношениях России и Америки. Ясно, что он мог быть полезен американскому посольству в Москве. Так оказался он в нашей столице.

Исая Берлин мечтал о Ленинграде, но с трудом получил разрешение у властей провести там два дня и две ночи. Остановился он в гостинице «Астория». И тотчас отправился в «Лавку писателей» на Невском. Еще в Лондоне он был наслышан о ней. В Лавке-то он и узнал, что Анна Ахматова, казавшаяся ему классической тенью из прошлого, жива. «Неужели жива?» — переспросил он известного литературного критика, с которым разговаривал в Лавке. «Конечно. И живет здесь, рядом, на Фонтанке. Хотите, пойдем к ней в гости?»

Для него это казалось чем-то нереальным... Остальное вы знаете.

...Спустившись во двор, он еле-еле увел подвыпившего Ран-

дольфа Черчилля в «Асторию». Здесь все и выяснилось: виновата была переводчица, сообщившая Черчиллю адрес, по которому направился Исая Берлин. Он тут же вернулся обратно к Анне Ахматовой. Они проговорили до утра.

Эта «роковая встреча» круто изменила и без того трудную жизнь Ахматовой. Против нее была поднята кампания лжи и клеветы. Сталин, узнав, что поэтесса осмелилась без разрешения властей встречаться с иностранцем, был разгневан: «Оказывается, наша монахиня принимает визиты иностранных шпионов!»

Вскоре после отъезда Исая Берлина в квартире Ахматовой был установлен микрофон (скорее для устрашения, чем для подслушивания), а в подъезде введена пропускная система. На столе у Ахматовой появились большие часы, и она отмечала на пропуске время ухода ее гостей.

Еще через несколько месяцев, в августе 1946 года, состоялось приснопамятное идеологическое совещание, на котором Жданов выступил с публичным разосом творчества Анны Ахматовой. Он немилосердно назвал ее, уже почти шестидесятилетнюю, так: «Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой». Жданов даже привел в своем докладе стихотворение из книги Ахматовой «Anno Domini» (1921—1922):

Но клянусь тебе ангельским садом,

Чудотворной иконой клянусь

И ночей наших пламенных чадам...

«Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожной и религиозно-мистической эротикой». Да, странные слова, их даже понять сегодня трудно. Какая эротика?.. Ее просто нет в поэзии Ахматовой. Любовь — да. О ней она писала много. Но о любви писали и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев, и Фет, и Некрасов, и Блок, и все писали по-разному. Конечно, любовь — это и страсть, и нежность, и сердце, распахнутое настежь... Сколько поколений учились любить по Ахматовой. Но... в результате постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Страшное постановление!

Анну Андреевну исключили из Союза писателей, а это значит — лишили ее продовольственных карточек (в то время это — обречение на голодную смерть), несколько лет ее не печатали, позорно выгоняли из квартиры знаменитого дома на Фонтанке...

Но она выстояла... Мужество ее не покидало. Она, несмотря ни на что, свято берегла свою Поэзию. А постановление, как это ни парадоксально, создало ей такую славу, которая и не снилась знаменитым в то время писателям. Ахматову боготворили ее многочисленные читатели. Ежедневно у дверей ее квартиры кто-то ставил коробку, в которую ленинградцы опускали свои продовольственные карточки, иногда их насчитывалось до сорока(!) в день. Она горевала, что люди отрывают от себя необходимое, ведь карточки (все до одной!) она сдавала в жилищное управление. А цветы... Розы, гвоздики, гладиолусы, корзины, букеты... Они ежедневно ставились у ее дверей. А ведь это был трудный 1946 год — голодный, холодный, мрачный. Как же надо любить поэта, чтобы так самоотверженно, так красиво выразить свой протест властям!

Дорогой ценой она заплатила за эту «роковую встречу». Она это поняла сразу, когда звезда вела его к ней:

*И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.
Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу,
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строку.*

Как она предвидела, предчувствовала «постановление»!.. Ведь это стихотворение написано 27 января 1946 года, сразу же за циклом «Cinque». Она сама себе произнесла приговор. Пусть и с юмором, пусть и не веря даже в то, что писала. Но насколько же этот «приговор» элегантнее, точнее, серьезнее, чем ждановские слова.

В стихах, написанных в XIX веке, господствовала тема *Встречи*. Она и Он встретились — родилась любовь. В стихах, написанных в XX веке, в веке разлук и утрат, становится реальностью *невстреча*. Не поэтому ли наш век стал веком несбывшейся любви, несоединившихся судеб...

«Невстреча», которую с такой силой воспела Ахматова (большой цикл стихов «Шиповник цветет. Из Сожженной тетради», непосредственно обращенный к Исаею Берлину), стала реальностью, стала самой жизнью. Но эту «невстречу», эту разлуку, «черную и прочную», они разделили поровну:

*Мне с тобою как горе с горюю...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.*

Это написано 15 февраля 1946 года. Ведь Исаия Берлин не мог не попрощаться с Анной Ахматовой, когда уезжал из Советского Союза в Англию через Финляндию, а значит, через Ленинград. Они встретились тогда пополудни 5 января 1946 года, а может быть, и встретили вместе любимое Анной Ахматовой Рождество.

А потом десять лет длилась эта «таинственная неувстреча».

*Таинственной неувстречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.*

И вот, в свои последние годы, в свои семьдесят, она говорит о любви с такой энергией, с такой нерастраченностью душевных сил, что кажется, будто она победоносно выходит из своего времени в вечность. Выходит прорицательницей, провозвестницей «бессмертной Любви»...

*Пусть влюбленных страсти души,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.*

Летом 1956 года Исаия Берлин приехал в Москву и очень хотел с ней увидеться, но долгожданная встреча не состоялась. Ахма-

това боялась за сына, только что вернувшегося из очередной ссылки, боялась даже телефонных звонков. «Разговор» с Ним шел через Бориса Пастернака. Можно понять, какую тоску она испытала и как это было больно: не встретиться. Вот тогда-то и полились стихи о Невстрече.

*Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.*

Ахматова раскрыла философскую суть поздней любви, когда вступает в действие то, что больше самого человека, — Дух, Душа. Она раскрыла уникальное совпадение двух личностей, которые не могут соединиться. И это как в зеркале отражено в ее поэзии.

*По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.*

Так начинается «Полночный цикл». А встреча с Исайей Берлиным все же состоялась, прекрасная и светлая, в Оксфорде, 5 июня 1965 года, с длительными, по несколько часов в день беседами. Анна Ахматова приехала туда на церемонию вручения ей Диплома почетного доктора литературы, *honoris causa*.

Появление Ахматовой, одетой в докторскую тогу, в амфитеатре Оксфордского университета, вызвало овацию всего зала, в котором были известные профессора Англии и Франции, студенческая молодежь, писатели, журналисты, актеры со всего мира. Аркадий Райкин, присутствовавший на вручении ей докторского Диплома, плакал. Об этом много говорили.

Потом она побывала и в Лондоне, и в Париже. Увиделась с друзьями юности, с тем же Борисом Анрепом, Юрием Анненковым... Это была ее победа! Она отражалась в каждой ее публичной речи, каждом звучащем поэтическом слове.

Разлуку, как она и говорила, снесла она все-таки неплохо. Но встречу с Ним, прекрасную, высокую, — трагически. Вскоре после приезда в Москву она заболела — четвертый инфаркт. Пролежала в Боткинской больнице несколько месяцев. Затем поехала с другом Ниной Ольшевской в санаторий «Домодедово». 4 марта 1966 года еще чувствовала себя хорошо. Диктовала письма, распорядилась, кому отослать последние экземпляры «Бега времени». А на заре 5 марта ее не стало.

Жизнь Ахматовой обернулась легендой.

ЭМ

ВЫЖИВАНИЯ

АЛЕКСАНДР ПЬАНКОВ

**5 ДЕКАБРЯ 1989 ГОДА
44-я СЕССИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН
ПРИНЯЛА «КОНВЕНЦИЮ
О ПРАВАХ РЕБЕНКА».
13 ИЮНЯ 1990 ГОДА
ОНА БЫЛА
РАТИФИЦИРОВАНА
ВЕРХОВНЫМ
СОВЕТОМ СССР...**

Мы с сестренкой прожили на вокзале полтора года. Мама, моя тетя и бабушка жили с нами. Они заставляли нас побираться, а сами все время пили. Когда милиция выгоняла с вокзала, приходилось спать прямо на земле. Взрослым все равно — они пьяные, а мы с Иринкой замерзали... Мы всегда были голодные, нам даже хлеба не покупали — все деньги тратились на водку и сигареты. Ели всякие объедки со столов и из помоек. Если нам с сестрой подавали мало, мама и тетя нас били. Скоро мама умерла от цирроза печени, но бабушка ее хоронить не стала, а просто оставила в подъезде.

Моя маленькая собеседница рассказывает об этом совершенно спокойно, без всяких слез, разве что с толикой детской обиды и растерянности в голосе. Девчущку зовут Оксана, ей одиннадцать лет. Хотя с первого взгляда не дашь и восьми.

Когда-то она жила нормальной человеческой жизнью. Училась в школе. Гуляла с подружками. У нее были дом, папа с мамой, бабушка с бабушкой, игрушки и книжки. Однажды все закончилось. После развода с отцом мать начала пить. Продала квартиру... И покатило. Сначала семья еще мыкалась по разным углам, но, когда все деньги вышли, путь остался один — на вокзал.

Вокзалы уже много лет служат постоянным пристанищем для многих семей. Живут там месяцами, годами: какая-никакая, а все-таки крыша над головой.

Зайдите в зал ожидания и увидите картину, давно ставшую привычной, — целые ряды кресел заняты перемешанными в кучу вещами, среди которых возятся, едят или спят ребятишки в окружении нетрезвых мамаш. Днем вещи, как правило, покрыты каким-нибудь грязным одеялом, что означает — хозяев нет дома, «работают».

Попадают сюда не от хорошей жизни. Кто-то продал квартиру, кто-то сбежал из «горячих точек», кто-то издалека приехал в столицу в поисках заработка, да так и не нашел ничего лучшего, чем попросить прощения в метро вместе с малолетними детьми.

Дети вокзала...

Жуткое явление новой эпохи. Малыши, обреченные родителями на жалкое существование. Вполне самостоятельные подростки, убежавшие из детдомов, интернатов или из неблагополучных, как их принято называть, семей; горе-романтики из семей благополучных. Все они, несмотря на разницу в судьбах, попадают под это определение. Входят в эту «касту».

Инспекция по делам несовершеннолетних Павелецкого вокзала занимает три комнатки. Одна из них на треть перегорожена решеткой, выкрашенной в серебристый цвет. За железными прутьями стулья — для пойманных бродяжек. Таких здесь задерживают по два-три человека в день. Посчитайте, сколько это за год.

По словам работника инспекции Михаила Липатова, проблема с беспризорными детьми была и раньше, но за последние десять

лет приобрела размах невиданный.

— После отмены статьи за бродяжничество у нас на Павелецком букавально прописались несколько семей. Кто-то прямо здесь умирает, кто-то рождается и растет на наших глазах, осваивая законы выживания в вокзальных джунглях. Детей, что живут на вокзале с родителями, — большинство. В основном — приезжие с Украины, Молдавии. Но есть и дети из московских семей. Причем иногда — из самых что ни на есть нормальных.

Серее Б. десять лет. Последнее три года уходит из дома постоянно. В семье все в порядке — мама и папа работают, не пьют. Что его гонит из дома, никто не знает, и сам он этого определить не может. Однако на вокзале его ловили и отправляли домой без всякого преувеличения раз сто. Живет Серее тем, что ворует с лотков и, если повезет, из карманов подвыпивших пассажиров.

У Димы К. мать работает заведующей аптекой, отец — милиционер. Шесть классов парнишка закончил и махнул на учебу рукой. Романтики захотелось... Дима тоже крадет, но в масштабах гораздо больших. По его словам, он снимает квартиру за ящик водки в месяц. А недавно приехал на велосипеде стоимостью полтора миллиона рублей. Не угнал — купил. Даже чек показывал. Впрочем, скоро Диме стукнет четырнадцать, и он обещал «завязать», поскольку теперь — по закону — его смогут посадить. Разбирается...

Вокзальные пацаны зарабатывают на жизнь двумя путями — попрошайничают те, что помладше, воруют — старшие. У девочек специальность иная.

Не раз и не два сотрудники вокзальной милиции наблюдали такую сцену. Две девчонки держат одеяла, а третья, скрытая от посторонних взглядов, переодевается «на

работу» — как может, приводит себя в порядок, обильно поливаясь духами, чтобы отбить запах и не спугнуть клиента, который, как правило, рядом — ждет.

Все вокзальные девочки прошли через целый букет венерических заболеваний. Каждая новенькая, оказавшись на вокзале, неизбежно будет втянута в занятие проституцией и получит постыдную кликуху «вшивый холмик». И к двадцати пяти сопыется.

Вокзальная проституция — низший уровень во всех отношениях. Не позавидую, если вам случится стать свидетелем разборок юных вокзальных «бабочек» — такого мата-перемата от матерого урки не услышишь. Да и драться они умеют — недавно одна из «павелецких» так измочалила солдата-дембеля, что он, здоровый парень, еле ноги унес.

Катя С. четыре года назад сбегала из интерната. Мать ее никто не знает, но, по рассказам Кати, она тоже была женщиной легкого поведения. Катя ее ненавидит: «Если она мне попадется, убью!» В интернате Катя была настоящей грозой, справиться с которой невозможно. И сколько бы раз ее туда ни возвращали, она сбегала на вокзал. Сейчас ей восемнадцать. Впереди — ничего, кроме грязных мужиков. Другие уже не польстятся.

Наше появление с фотокамерой в зале ожидания произвело среди местных жителей переполох. Первой прибежала, словно вожак, именно она, Катя, и минут двадцать ругала нас на чем свет стоит распоследними словами. Поговорить с ней было невозможно, успокоить ее долго не удавалось даже сотрудникам милиции.

Подтянулись и остальные подростки. Я попробовал разговорить пацана лет четырнадцати.

- Тебя как зовут?
- Какая разница...
- Откуда приехал?
- С Украины.
- Давно здесь живешь?
- Лет пять.
- Чем все это время занимаешься?

— Попрошайничаю.

Отвечает односложно, видимо, потому, что толпа вокзальных обитателей настроена к «козлам-корреспондентам» (самое вежливое, что мы услышали) весьма агрессивно.

Правда, через пару минут мальчишка неожиданно разговорился сам:

— Вот вы все пишете, снимаете, а нам потом от этого хуже будет. Всех, кто попадет на фотографии, менты избьют. Даже маленьких детей. А нам вы все равно не можете. Деваться ни мне, ни остальным некуда. Хорошо, хоть на вокзале дают жить.

— Тебе нравится такая жизнь?

— Нет, конечно, но другой у меня нет и, наверное, уже не будет.

— А если вернуться туда, откуда сбежал?

— Там еще хуже...

Все мои попытки продолжить разговор успехом не увенчались. Наконец успокоилась Катя и дала таки «высочайшее добро» на фотосъемку.

Липатов это прокомментировал так:

— Сегодня она еще нормально себя ведет, поскольку трезвая.

— А что, часто пьят?

— Тут почти все пьят. Других развлечений себе придумать не могут. Впрочем, недавно появилось новое поветрие — клей «Момент» нюхать. Мы каждый день у них отбираем тюбики, скоро можно магазин открывать. Когда обходим вокзал, обязательно услышим из какого-нибудь неприметного угла хруст полиэтиленового пакета. Отбе-

решь его, и на тебя устанутся блуждающие, мутные, ничего не сообщающие глаза. Жуткое зрелище.

Пока мы разговаривали, подошла молодая, по-видимому (возраст у таких определить сложно), женщина и отстраненно сообщила:

— У меня сын умер.

— Да что ты такое говоришь? — изумились милиционеры. В ответ женщина протянула свидетельство о смерти. Ее семимесячный Алешка задохнулся рвотными массами.

ИЗ «КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА»: «Государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь. Государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка».

Женщину зовут Мариной. Умерший сын — ее третий ребенок. Родила она его не потому, что любит детей. В прошлом году Марину уже лишили родительских прав — после того, как ее старшая, шестилетняя дочка была изнасилована, а она, даже не дав девочке долечиться, забрала ее из больницы и притащила на вокзал. Когда малышкой у Марины забрали, она родила себе нового.

— С детьми подают лучше, — сказала она.

«Не судите — да не судимы будете». Не стану осуждать и Марину. Тем более что знаю историю ее появления на Павелецком.

Родилась в семье военнослужащего, жила в Тбилиси. Вышла замуж за жителя Цхинвали и переехала к нему. Появилась дочка. Но семья распалась. Когда Грузия запылала огнем, Марина получила статус беженки и обустроилась в Смоленской области. Работала дояркой, жила у одного из мужиков. Родила вторую дочку. За месяц до этого мужик тот умер, мать его на-

чала безудержно пить. Оставаться не было никакой возможности, и Марина отправилась в Москву — искать помощи.

Не нашла...

Михаил Липатов считает, что у всех его подопечных от мала до велика будущее одно — колония. Рано или поздно мальчишки, которые пока пробавляются только тем, что клячат деньги да воруют из палаток «сникерсы», вырастут и однажды совершат преступление серьезное. В старых, дореволюционных учебниках по юриспруденции существовало такое определение: «Преступление — это нормальная реакция человека на ненормальные условия жизни».

Расти на вокзале — что может быть ненормальнее?

Приемник-распределитель на Алтуфьевском шоссе, куда стекаются дети со всей Москвы, обнесен высоким забором с пушенной поверху колючей проволокой. На окнах крайних этажей — решетки.

Это — детская зона, которую так боятся вокзальные ребятишки.

Через единственный в столице приемник ежегодно проходят пять тысяч человек. Вот данные за одиннадцать месяцев прошлого года: оставшиеся без попечения родителей (значит, родители лишены родительских прав, скрываются от милиции, лечатся) — 715 человек; дети, чьи родители продали квартиру, — 110; беглецы из интернатов и детдомов — 171; сироты — 271; дети из неполных семей — 1365.

С вокзала в прошлом году в приемник попали 1200 ребят. Больше всего детей в возрасте от 8 до 13 лет, но есть и помладше, и постарше.

— Представьте себе ребенка, сбежавшего из дома в Москву в поисках приключений, — предложил старший инспектор по профилактике преступлений приемника

Виктор Шарапов. — Куда ему идти, если в столице нет знакомых? Конечно, на вокзал. А там он неизбежно познакомится со своими ровесниками, которые уже знают толк в здешней жизни. И они обязательно приберут его к рукам.

На любом вокзале есть детские преступные группировки, — продолжает Шарапов, — которыми зачастую руководят вполне взрослые люди. Рано или поздно подросток вольется в такую группу и начнет совершать преступления. Редкие ребята могут вырваться из этого порочного круга, почувствовав, что находятся на грани. Чаще всего у них нет даже возможности выбора, и они просто не могут выйти из игры. Тем более что все уже обменялись адресами, и потому каждый знает, что его найдут, особенно если группировка «завязана» на серьезных преступлениях. В среде проституток тоже существуют очень строгие правила. К девочке, попавшей на вокзал, тут же приставляют сутенершу и телохранителя, которые контролируют каждый шаг новенькой. Захочешь — не убежишь. Добавьте к этому постоянные угрозы, побои. За короткий срок человек становится полностью зависимым от этой среды.

Пятнадцатилетняя Аня жила в городе Сланцы Ленинградской области. Однажды поехала к подруге в Питер. Пожила у нее с месяц, и надумали девчонки махнуть в Москву (ах, как тянет малолетний люд первопрестольная!). В первый же день Аня подружку потеряла и ночевать отправилась, конечно же, на вокзал.

— Почему ты ушла из дома? — спрашиваю я эту симпатичную, с виду домашнюю девочку, доставленную в приемник с Ленинградского вокзала.

— У меня маме 40 лет, а отчиму 28. Пока я была маленькая, все

шло нормально. Когда мне исполнилось тринадцать, он начал ко мне приставать. Стоило маме уехать хоть ненадолго, как моя жизнь превращалась в кошмар. Я маме об этом рассказывала, но она не хотела верить... Мы стали жить, как кошка с собакой. А когда начали бить меня, я сбежала.

— Неужели на вокзале лучше?

— Конечно. Я сразу познакомилась с компанией ребят и девочек немного постарше меня. Они предложили жить с ними в вагонах. Там я и прожила три месяца. Днем они куда-то уходили, вечером возвращались с деньгами и едой. Откуда — не мое дело. Хотя и догадывалась, что все это краденое...

Нередко в приемник попадают дети, сбежавшие из семей, где родители махнули на них рукой. Домой возвращаться не хотят и всячески этого избегают. Бывают просто потрясающие случаи.

— Мы обязательно разыскиваем родителей попавшего к нам ребенка, — продолжает Виктор Шарпов, — посылаем письмо, чтобы приезжали за своим чадом. В ответ приходит: «Выехать не могу» или того хлеще — «Выезжать не хочу». Если родная мать не желает даже забрать собственного сына или дочку, то уж заниматься ребенком дома она тем более не станет. Для нее он — лишняя обуза. Иногда создается впечатление, будто родители даже рады, что подросток сбежал из дома. Мороки меньше. Тем более что знают — он попадет к нам, будет сыт, одет-обут, в тепле. И никуда не денется — все равно привезут обратно.

ИЗ «КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА»: «Родители или в соответствующих случаях опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы».

Государству это влетает в копеечку — отмыть, накормить, чистое белье дать, кино показать, билеты до дома купить на ребенка и сопровождающего. Бывают, между прочим, такие дети, что умудряются в приемник раз пятнадцать за год попасть.

Иногда доходит до смешного — отправляют найденыша с сотрудником домой, в другой город. Сотрудник еще вернуться не успеет, а его подопечный опять в Москве и уже успел попасть в тот же приемник.

— Ваше заведение вокзальные ребята недолюбливают. Мне даже говорили, что здесь детей бьют, заставляют на коленях всю ночь стоять, и прочие ужасы описывали. Неужто правда? — спросил я у Виктора Михайловича.

— Это чисто детские «страшилки»... Сейчас у нас при приеме на работу человек проходит массу тестов, с ним беседуют психологи. Образование тоже играет не последнюю роль. Единственное, чем мы действительно заставляем ребят заниматься, даже через силу, — это спорт. Помните, когда-то существовало деление ребятшек на уличных и домашних? Уличные всегда отличались тем, что были на голову выше «маменькиных сынков» в спорте, в драке. А сейчас? Приведешь их в спортзал, предложишь поиграть в волейбол. Нехотя, но соглашаются. Бросишь мяч, а парень на него смотрит, как баран на новые ворота, даже руки не подставляет, пока мяч ему в лоб не угодит...

Среди уличных считалось престижным умение играть на гитаре, — просвещает меня Шарпов. — Так нынешних даже это не интересует. Ведь играть надо учиться, приложить какой-то труд, а на это большинство наших не способно. Некоторые вообще ничего не хотят. Когда мы им «крутим» видео,

половина ребят смотрит, половина отворачивается — даже боевики уже не прельщают... Недавно подожу к парнишке, стоящему у окна. Спрашиваю: «О чем мечтаешь?» «На волю, — говорит, — хочу». «А на воле что бы делал?» — «В подьезде бы постоял». — «А дальше?» Молчит. Не знает. Я понимаю, покурить бы хотел, с девчонками пройтись, выпить на худой конец... Нет. И это — мимо...

Мы привыкли к разговорам о бездуховности молодого поколения — ничем, кроме денег, они не интересуются, ничто для них не свято. Но если дети, живущие в семье, имеют хотя бы самую возможность почитать книжку, поиграть в игрушки (пусть даже в дебильную «Денди»), то вокзальные ребятишки лишены и этого. Их игрушки — бутылки из-под водки, пластиковые стаканчики да окурки, а читать многие вообще не умеют и учиться не хотят — зачем?

А ведь скоро они вырастут — новые граждане России XXI века...

ИЗ «КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА»: «Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения... имеет право на особую защиту и помощь, представляемые государством».

Депутат Московской городской думы Евгений Балашов пытается решить проблему детской беспризорности в столице уже не первый год. Он-то и рассказал мне, что в Москве, где, по официальным данным МВД, более 50 000 безнадзорных детей, нет единой государственной организации, что занималась бы ими.

— Департамент образования, комитеты по социальной защите населения, по делам семьи и молодежи хотя и оказывают поддержку беспризорникам, кардинально все же проблему не решают. Государ-

ство, по идее, обязано гарантировать каждому несовершеннолетнему нормальное питание и крышу над головой. А сейчас в столице учреждений для безнадзорных детей явно не хватает. Надо создавать приюты, пункты питания, какие-то воспитательные центры, где с детьми будут заниматься специалисты.

ИЗ «КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА»: «Государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка».

Если мы сами не в силах справиться с проблемой «ненужных» детей, то остается уповать на помощь извне.

В сентябре 1994 года в Южном административном округе столицы открылся первый (и пока единственный) в России приют Красного Креста. Финансируют его... Нидерланды. Приют рассчитан на пятнадцать человек и расположен в одном из корпусов типового детсада. Детишек сюда привозят в основном из Южного округа, но принимают и вокзальных.

Пятилетнего Андрюшу доставили с Курского вокзала. Он помнит только свое имя и то, что привез его в Москву и подарил какой-то бабушке родной отец. Бабушка выгоняла мальчишку на улицу и заставляла побираться. Сейчас Андрюша направлен в детский дом.

В сущности, приют этот — тот же приемник-распределитель, только без строгостей зоны. Хорош он уже хотя бы тем, что любой москвич, наткнувшись на беспризорного ребенка, может взять его за руку и отвезти в Орехово-Борисово, под пригляд специалистов, которые затем определяют ребячью судьбу.

Бывает, что маленький человек,

прожив в приюте несколько месяцев, обретает новых родителей. Так, например, повезло маленькой Наташе, тоже подобранной на вокзале. Сейчас она живет в очень хорошей, доброй семье.

Ребятишкам в приюте Красного Креста нравится. Светлые комнаты, чистое белье и одежда, вкусная еда, яркие игрушки и добрые воспитатели, которые стараются заменить родителей. Это настоящее счастье для малыша, привыкшего жить среди вокзальной грязи и вони...

Но такой приют, повторяю, пока только один в нашей стране. Хотя это — выход. Выход там, где, казалось, выхода не будет никогда.

Конечно, Москва — случай особый. Но беспризорники есть не только на московских вокзалах. У крупного города и болячки заметнее. Но я специально позвонил друзьям-журналистам в разные города, в том числе в сибирский Новокузнецк. Попросил сходить на вокзал — живут ли там дети? Оказалось — живут. В сибирском большом городе — трое мальчишек: Петя, Юра и Алеша. Их родители пьют. Пацаны существуют на то, что приворовывают. Нюхают, как и их московские товарищи по несчастью, клей. Вот только ночевать на вокзале их не пускают. Поэтому летом они обитают на вокзальной крыше. С наступлением холодов перебираются в подъезды и канализацию...

Мир вокзальных детей — не на другой планете и не в параллельном измерении. Он здесь, рядом с нами — в Москве, Питере, Новокузнецке, Костроме, Астрахани, Иркутске...

Его не нужно воображать, достаточно застрять на часок в зале ожидания вокзала или аэропорта, оторвать глаза от газеты и оглянуться вокруг. И вы сами все увиди-

те. Кого-то передернет от отвращения и брезгливости, у кого-то слезы навернутся на глаза. Мальчишка, сладко уснувший возле заплыванной урны, испуганная девчонка, которую предлагает любому встречному пьяный матерящийся сутенер.

Дети вокзалов. Им никто не рассказывает сказок. Они не знают, что такое пирог со свечами в день рождения, что такое любовь и материнская ласка. Многие так никогда всего этого и не узнают. Или нас это все не касается?

Смотрите-смотрите, не отворачивайтесь. От тюрьмы да от сумы не застрахован никто, в том числе и вы, и ваши дети. Конечно, не дай вам Бог попасть в круговерть вокзальной жизни. Но и закрывать глаза на то, что она существует, никто из нас не имеет права.

Обитатели вокзала не фантастические существа, они — обыкновенные люди. У них есть свои радости и свои горе. Свои дни рождения и свои поминки. Нет у них одного — своего дома. А остаться без дома нынче можно запросто. Достаточно вспомнить Чечню.

Будущее Оксаны, с монолога которой я начал этот рассказ, более или менее известно. Их с сестренкой подобрала на улице незнакомая тетя Римма и отвезла сначала в милицию, а потом в больницу. Оттуда девочки и попали в приемник-распределитель. Теперь их ждет детский дом, а на выходные обещает брать к себе все та же «хорошая тетя». Думаю, все у них образуется. Прочим остается надеяться.

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Элегия

Фотографии ИРИНЫ СЕРГЕЕВОЙ

«Лирическое стихотворение, проникнутое грустью, а также музыкальная пьеса такого характера» — так определяет элегию ожеговский словарь. Вглядываешься в снимки рязанского фотохудожника Ирины Сергеевой и ловишь себя на мысли, что рождают они сравнения музыкальные и поэтические, их тоже хочется назвать элегиями. В чем же проявляется эта параллель? В изяществе формы, обворожительной образности, минорности тона? Пожалуй. А еще в тайне, которую нам предлагает разгадать автор.

...А началось все с одной поездки в деревню Ладышкино. В тот день Ирина, будто впервые, увидела знакомую картину: ветшающий сруб колодца, словно в омут, погружающийся в траву, неровные зубцы дощатого забора, ссутулившуюся фигуру деда. «Край ты мой заброшенный, край ты мой, пустырь...» Неужели мир этот станет когда-то лишь воспоминанием? Вот тогда и взяла она в руки фотоаппарат...

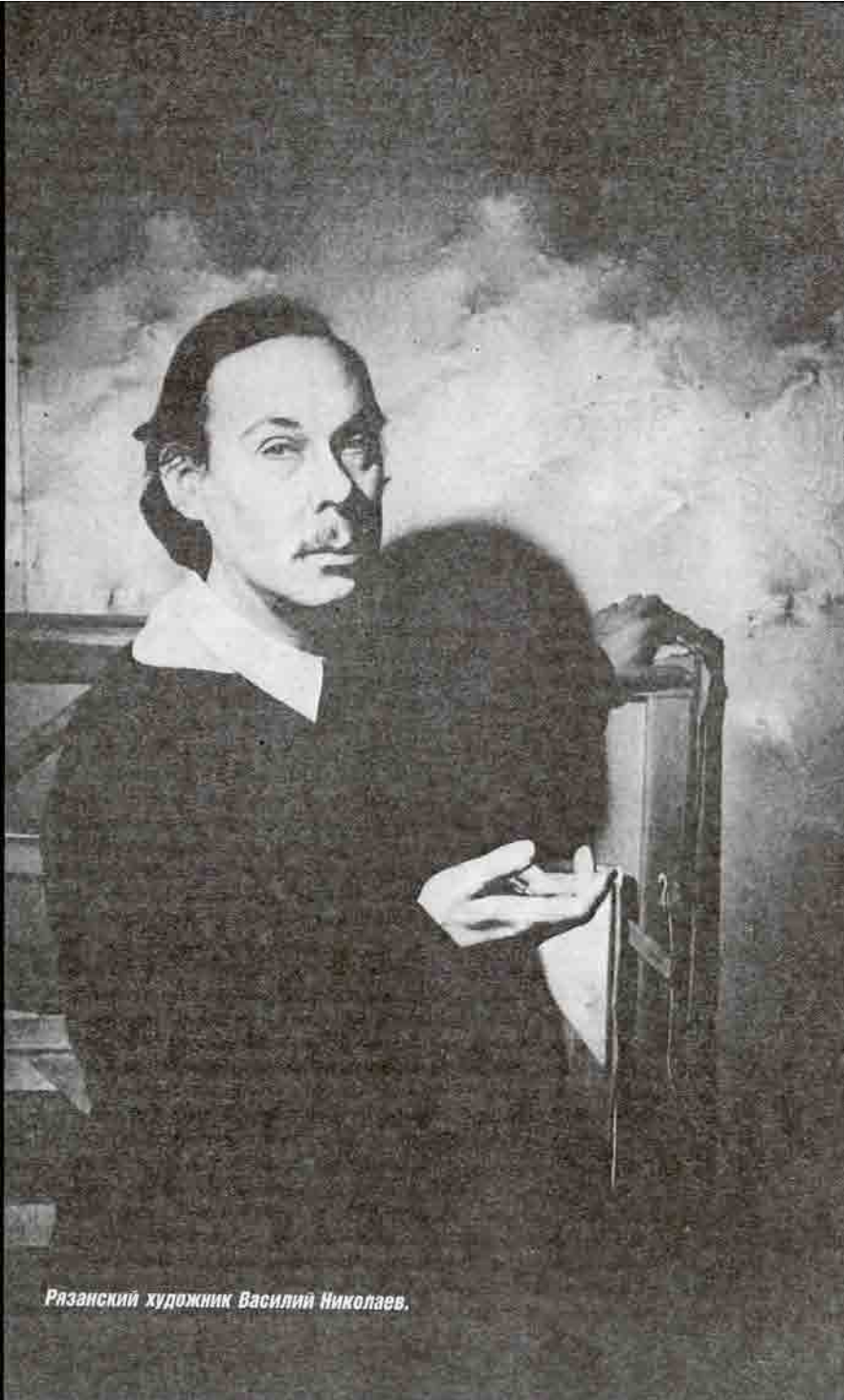
Пусть от любительства до мастерства прошла Ирина так быстро, что уже через два года после первых ее опытов о творчестве Сергеевой писал журнал «Советское фото»: «Все ее снимки «автопортретны», легко узнаваемы по лиричности и цельности мироощущения. Фотографии Ирины в некотором смысле еще и литературны. Ей нравится быть режиссером состояния природы. Режиссура тонкая, продуманная, часто не скрываемая и не маскирующаяся под естественность...»

Но как высоко ни оценивали специалисты ее одухотворенные натюрморты, проникнутые лиризмом пейзажи, эти жанровые рамки вскоре ей стали тесны, и она увлеклась портретом — ей всегда была интересна психология. Но как же это безумно трудно — поймать момент, найти ракурс, если требуется — поставить освещение так, чтобы не одна внешняя оболочка запечатлелась на снимке, нет, уловить нужно нечто более значительное — состояние души!

Ее портреты строги, каждая деталь здесь имеет право на существование лишь в том случае, если помогает автору раскрыть замысел. В этом смысле фотографии Ирины Сергеевой сродни живописи. И как в талантливой картине, независимо от сюжета, чувствуется присутствие художника, так и в лучших портретах рязанского фотомастера неуловимо, «за кадром» присутствует их автор.

Герои Ирины — тонкие, нервные и ранимые люди. Часто — грустные. Посмотрите внимательно на эти работы. Может, вам откроется нечто, и вы узнаете чуть больше о красоте и тайне души человеческой.

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

Рязанский художник Василий Николаев.

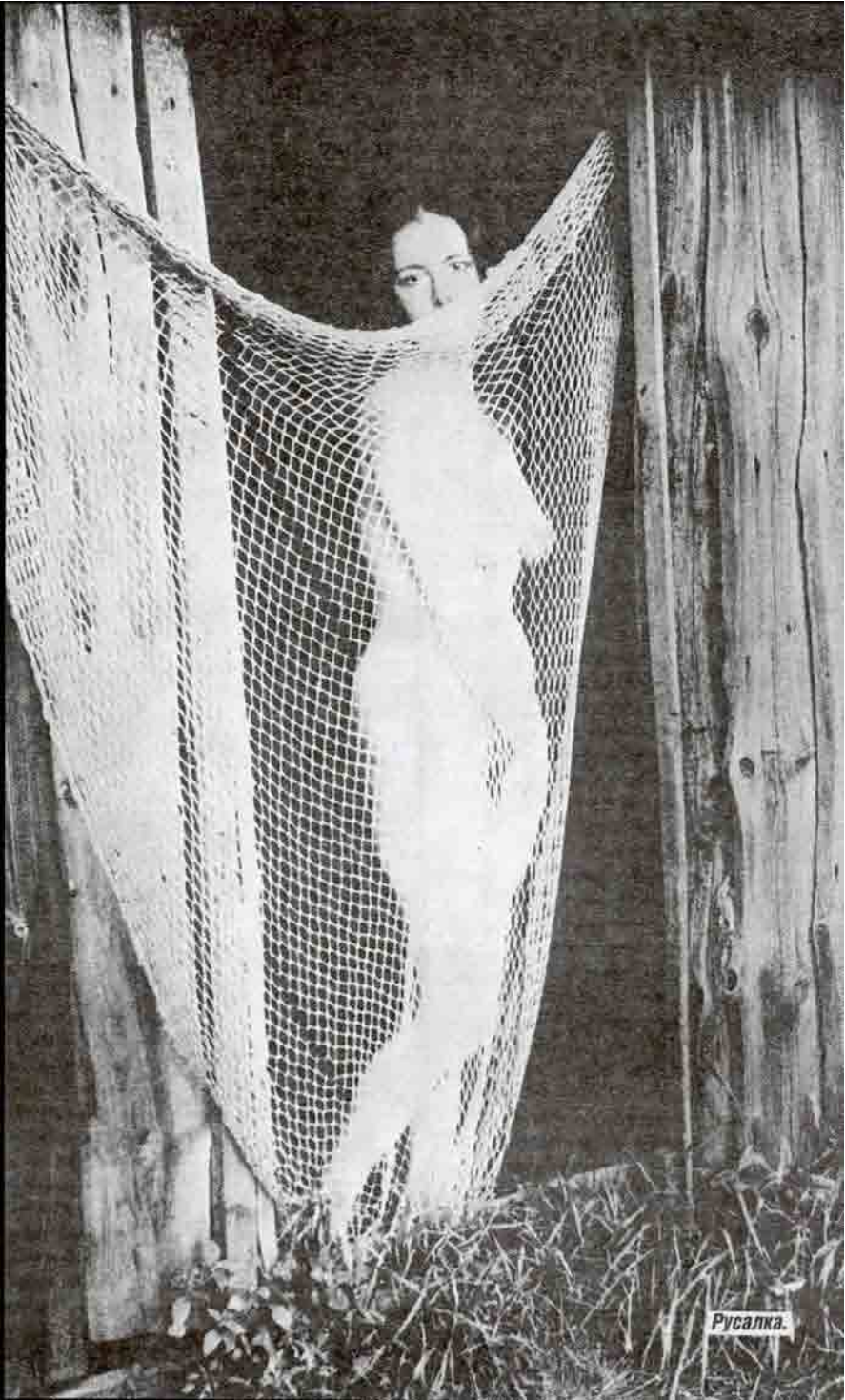

Ночная гостья.

В мещерской деревне.

Русалка.

Конечная остановка.

Этюд.

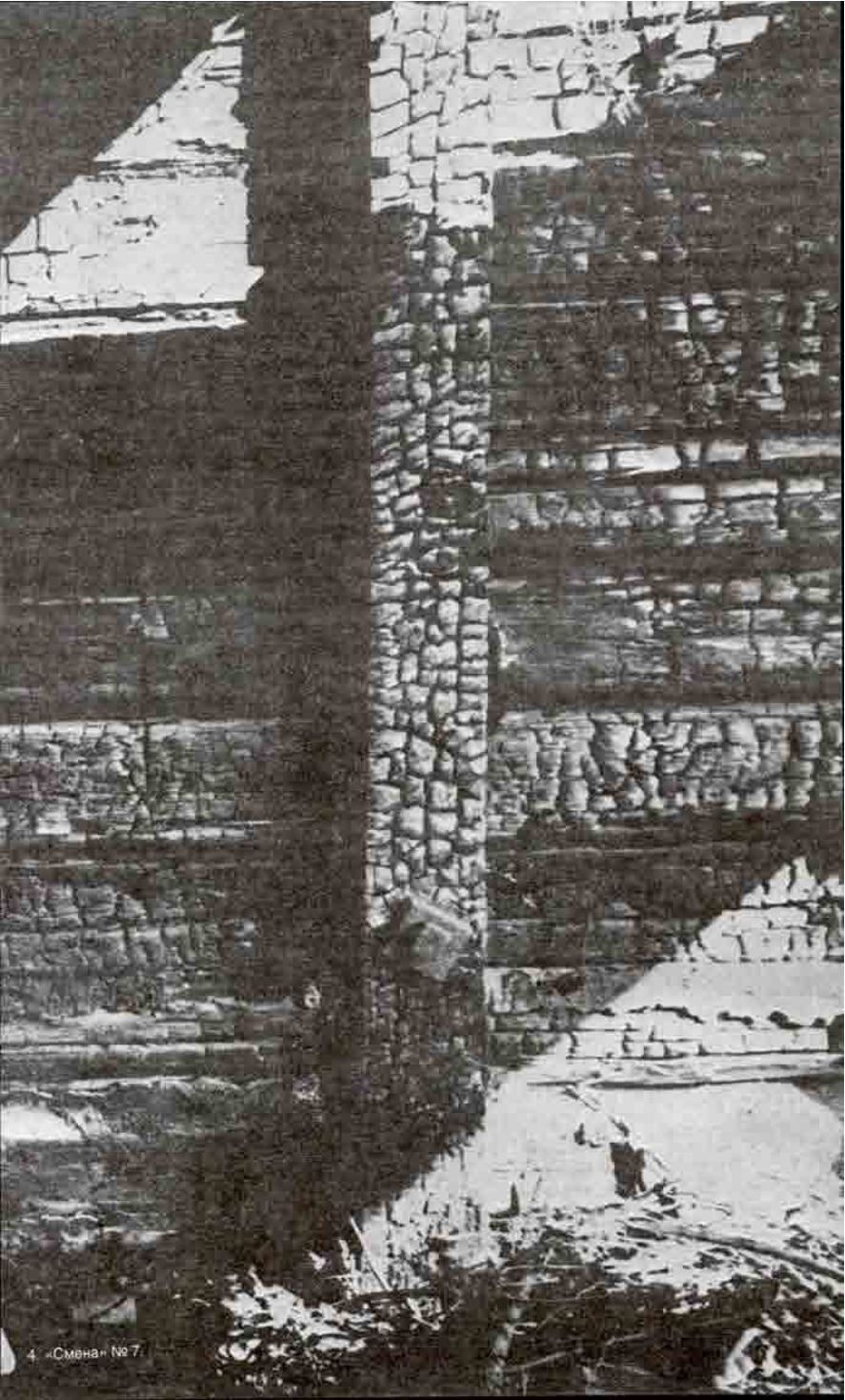

На пристани.

Весна.

Ты меня не спутаешь ни с кем,
Как бы ни старалась, ни рядилась,
В чей бы облик я ни обратилась,
Ты меня не спутаешь ни с кем.

Если я приду к тебе дождем,
Ночью, нескончаемым потоком,
Он тебя разбудит словно током,
Если я приду к тебе дождем.

Если я синицей прилечу,
Хрупким телом стану в окна биться,
Ты подставишь руку бедной птице,
Если я синицей прилечу.

Даже если скользкою змеей
Я застыну, как петли у горла,
Ты меня узнаешь, милый, гордый,
И умрешь, ужаленный змеей.

ЗЕРКАЛО

Я боюсь тебя, злое, проклятое!
В отраженье твоём пустота,
На холодном бетоне распятое
В моей комнате вместо Христа.

Я молюсь на тебя, бессердечное,
Для тебя пред иконой свеча,
Но в глазах твоих тьма бесконечная,
Где же я? Где же я? Отвечай!

Я себя разменяла, рассыпала,
Порвала, как письмо, сгоряча,
А внутри тебя стонами, скрипами,
Надрываясь, рыдает свеча.

А душа моя неба касается,
Кровью харкая в снежный сугроб,
И приветливо ей улыбается
Незабудками выстланный гроб.

И написано божьими пальцами
На ладонях ночного холста,
Что с бедою мне этой не справиться...
Только боль,
что тиха и проста.

В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО СНЕГА

*Я буду ждать под звуки арф —
Вот мой удел!
И будет ал на шее шарф
И волос бел.*

*Я посмотрю на дно глазниц
Великой тьмы
И без услышу колесниц
Моей зимы.*

*Я стук дождя в твое окно —
Холодный, злой.
Я умерла давным-давно,
Еще зимой.*

≡

*Два лета не знала тепла,
Две осени — душно и тесно...
Скажи, не тебя ли ждала
Звезда моя в Царстве небесном?*

СДЕЛКА

*Я душу дьяволу отдам,
Затем, чтоб ты меня не бросил,
Чтоб не кончалась эта осень,
Не придавая плоть снегам.*

*Затем, чтоб ты меня любил
И быть боялся нелюбимым,
Чтоб ночь в окно вползала дымом
И голос мой тебя будил.*

*Я душу дьяволу отдам,
Чтобы не знать тебе покоя,
И я, холоднойю рекою,
Смогла б припасть к твоим губам,*

*И кровь тревожить на виске,
Смотреть на скрещенные пальцы
И на причудливые танцы
Ночных теней на потолке.*

*Чтоб ты боялся их и ждал
Следов моих ночных скитаний,
Но я еще не знаю тайны,
Что ты,
                далекий и печальный,
Ты душу дьяволу отдал.*

≡
*Я учусь быть спокойной и злой,
Я учусь жить в себе без себя,
Заливая кипящей смолой
Путь от сна моего до тебя.*

*Ты рисуешь меня на снегу,
Я рисую тебя на золе;
Я уже никогда не смогу
Танцевать на кипящей смоле.*

*И сейчас терпеливо и зло
Постигает науку наук
Сердце, спрятанное под стекло,
Как булавкой проткнутый паук.*

≡
*У меня квадратный мир окна,
У тебя билет на самолет.
Формула едина и верна,
Формула на много лет вперед.*

*У тебя обоев рыжий цвет,
Бабочки кружатся у огня.
У тебя в переплетенье лет
Не нашлось местечка для меня.*

*Приезжаешь как-то невзначай,
Уезжаешь — словно навсегда.
У тебя вино и крепкий чай,
У меня холодная вода.*

*И когда я пью ее до дна,
Помню, что на много лет вперед
У меня квадратный мир окна,
У тебя билет на самолет.*

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ

*Боюсь, пою, но никому на свете
Я не отдам своих зеленых глаз.
Горю ночами, стыну на рассвете,
Молюсь под солнцем...
Вот и весь рассказ.*

СВЯТО-ДАНИЛОВ МОНАСТЫРЬ

*Монастырь Свят-Данилов
На самом краю
Белоснежной земли,*

*И дрожащей рукой
Я поставлю зажженную
Душу свою
Пред иконами вечными
За упокой.*

31 АВГУСТА

*Как странно видеть в переплете
Мои обиды и грехи,
Они, как лето на излете,—
Вначале жгучи и горьки —*

*Теперь застыли на бумаге,
Остыли в правильных словах,
И даже ландыши в овраге
Теперь не больше, чем трава.*

*Не жгут, не манят в беспредельность,
Не удивляют новизной —
Уж за окном маячит бледность
Осенней скуки наносной.*

*Чем больше дней срывает осень
С календаря потухших лип,
Тем заунывней и несносней
Карандаша полночный скрип.*

*Но что же делать, коль природа
Ведет за руку, как дитя,
Единственное время года,
Когда прощаются шутя,*

*Когда уравнивают в звуке
Октаву, вздох и календарь
И отдают последней скуке
Бесценную, как вечность, дань.*

Соруси мурот

Феноменальное событие, впрочем, оставшееся незамеченным нашей прессой, — с прошлой осени первое место на рынке аудиокассет занимает ансамбль «Золотое кольцо». Уникальность этого невиданного успеха заключается в том, что мы имеем дело не с какой-нибудь сверхкрутой и раскрученной рок- или поп-группой, а с фольклорным ансамблем, исполняющим в основном народные песни. Необычность столь неоспоримой популярности и в том, что артистов ансамбля мало кто видел: телевидение начало их показывать только сейчас. Окажись на столь победной высоте не «Золотое кольцо», а кто-нибудь из эстрадной тусовки современной эстрады, сколько было бы шума, треска, интервью! Но, увы, на национальную культуру, на фольклор, на русскую народную песню у многих российских средств массовой информации устойчивая аллергия. Но, как говорится, «черт свое, а поп свое», и народ, со свойственным ему здоровым природным чувством, сам выбирает, что ему слушать, какую музыку любить. И покатило «Золотое кольцо» по всей России, и зазвучал по ее городам и весям чистым колокольчиком голос Надежды Кадышевой — солистки ансамбля, заслуженной артистки России...

При той неизвестности, и поныне окружающей ансамбль и его участников, можно рассказывать правду о них почти как легенду. Ну, к примеру, история о том, что руководитель ансамбля, композитор и аранжировщик Александр Костюк, учась в институте имени Гнесиных, был любимым студентом выдающегося нашего дирижера Николая Некрасова. Можно рассказывать и о том, как еще до появления «Золотого кольца» творческая судьба Александра складывалась на редкость удачно — он пять лет работал в весьма популярном в восьми-

десятые годы ансамбле «Былина». Оркестр часто звучал на радио и на телевидении, о нем писала пресса, артисты объездили с гастрольми полмира, одним словом, перспектива перед молодым артистом открывалась самая благоприятная. И нужен был отчаянно-твердый и упрямый характер, чтобы бросить хорошо налаженное и надежное дело и начать все с нуля.

В том же институте классическое образование получили и другие участники «Золотого кольца»: Виктор Надымов — признанный виртуоз-балалаечник, каких сегодня можно пересчитать по пальцам, а также Андрей Куреденко — один из лучших клавишников на современной эстраде...

О Надежде Кадышевой, «бриллианте» в оправе «Золотого кольца», как ее называют поклонники, невероятного можно вообще нарасказать с три короба. Хотя бы о том, как Самарская область, Оренбуржье и Татария спорят между собой, кому считать народную любимицу своей землячкой. Так, помнится, спорили в седые времена три греческих города, кому называться родиной Гомера...

Нина Константиновна Мешко, народная артистка СССР, руководитель Северного русского народного хора, воспитавшая не одно поколение блистательных исполнительниц народных песен, сразу близко приняла к сердцу судьбу Надежды Кадышевой, когда провинциальная девочка появилась в музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова. При поступлении в училище Надежду заметила и поддержала другая известная артистка — Людмила Рюмина. Профессиональным чутьем уловила Людмила Георгиевна в скромной красоте и в природной народности начинающей певицы проблеск чего-то настоящего, истинного, что так редко встречается теперь,

«Глазки мне твои понравились...» — говорила она. А в Надеждиных глазах чуткое сердце действительно могло очень многое почувствовать...

У Надежды Кадышевой — горькая и счастливая судьба современной Золушки. Ну, скажите, что может быть безотраднее раннего сиротства, от которого всегда веет пронзительным холодом и бесприютством? Даже в зрелом возрасте утраты близких настигают нас непереносимой болью и тяжестью. Когда умерла Надина мама, на руках отца осталось пятеро девочек. А появление в доме мачехи описывать не приходится, оно давно известно по нашим печальным сказкам. В общем, Надежда с сестрой воспитывались в детском доме на станции Дымка Самарской области. Какое знаковое, символическое, как обычно в России, название!.. Сквозь эту Дымку еще не грезились бедной девочке сны о хрустальном башмачке или о «Золотом кольце», с которым ждал ее где-то далеко Александр Костюк — ее судьба и ее спасение...

После интерната уехала Надежда с сестрой в Подмоскowie, работала прядильщицей на фабрике. Она не была похожа на героиню Любви Орловой из александровского фильма «Светлый путь». Маленькой, хрупкой, ей не светило стать знаменитым «маяком производства». Но грохочущий цех стал ее первой и благодарной аудиторией. Сердобольные женщины по-матерински сочувственно отнеслись к талантливой девочке, не знающей домашнего тепла и участия. Они готовы были делать за нее ее «проценты», слушая, как удивительно она поет под утомительный шум машин. Вот тогда-то и благословили они Надежду на учебу в Москву, тогда и появилась она в училище имени Ипполитова-Иванова.

Ансамблю «Золотое кольцо» в

ноябре исполнится уже семь лет.

Не выступая в Москве, они объездили всю Россию. Начинать, правда, приходилось за границей. Конечно же, первое время главной концертной площадкой там были рестораны. При внимательном вслушивании в их песни и сейчас еще можно обнаружить некоторый налет ресторанной душеспитательности, хотя они всячески и принципиально стараются от него избавиться.

Зарубежная работа не только открывала мир, не только давала возможность донести во все уголки земли русскую песню, но и возможность заработать, встать на ноги. Увы, об этой прозе жизни начинающему коллективу приходилось думать постоянно. Надо приобретать хорошие современные инструменты, иметь деньги на костюмы, на аппаратуру. Помощи ждать было не от кого, надеяться приходилось только на свои силы. Но, слава Богу, это не стало банальным накопительством. Все средства вкладывались в ансамбль. На останкинском «Радио-1» у них уже несколько лет дважды в месяц идет программа «Золотое кольцо». В «Гнесинке» на народном отделении для лучших студентов ими учреждена стипендия «Золотого кольца».

Их постоянно приглашают на гастроли в Америку, в Японию. Вот как писал японский писатель Норико Танака о наших артистах: «Идзуми-симин» записала компакт-диск с репертуаром «Золотого кольца». Спрос на них был огромный... Когда кусанонэ (по-японски корни травы) переплетаются, траву нельзя вырвать из земли. Так и русскую песню нельзя уничтожить. А с ней и нашу веру в будущее России».

Для ансамбля «Золотое кольцо» нет «чужой» аудитории. Современная аранжировка песен с использованием синтезатора, вкус в подборе репертуара, голос и обаяние со-

листки, энергия и танец, в котором участвуют все музыканты, как говорится, «заводят» любой зал, зрителей любого возраста. И что особенно приятно — к их песням не остается равнодушной и молодежь. Когда в прошлом году на празднике Дня города ансамбль появился на Арбате (кстати, это их первое выступление в столице), трудно было пробиться к импровизированной сцене — столько собралось зрителей, специально пришедших на «Золотое кольцо». Публика наконец-то воочию увидела своих любимцев. И когда неожиданно откуда-то возникшая толпа «крутых» подростков в черной коже попыталась, не поняв в чем дело, отреагировать свистом на народную музыку, на мгновение показалось, что концерт будет испорчен. Но уже через несколько минут ребята притихли и вместе со всеми были вовлечены в стихию народных ритмов.

Дебют ансамбля в Москве оказался блестящим, а в конце февраля уже этого года, в самом престижном Концертном зале «Россия» с аншлагом прошли концерты «Золотого кольца», в состав которого влилось еще два новых музыканта.

Так что же характерно для исполнения ансамбля, чем он так захватывает зрителя? С одной стороны, это солнечная, жгучая яркость, которая присуща запорожцу Костюку, и мягкое, я бы сказал, интимное, некричащее, кантиленное волжское пение Надежды Кадышевой. Она никогда не впадает в надрыв, в вульгарно-коммунальный крик. В ее пении есть благородство и достоинство, так пели наши матери и бабушки. Они словно вели тихую беседу со своим сердцем, с судьбой. Вот почему щемящей грустью отзываются в нас колыбельная «На улице дождик» или песни «Зачем солнце рано

пало», «У церкви стояла карета», в которых Надежда Кадышева поднимается до вершин подлинного искусства.

Я сам видел, как в маленьких городах и деревнях России люди, услышав кассеты с песнями «Золотого кольца», просили их, чтобы переписать на свой магнитофон. Отравленные бесконечным потоком чужого языка, чужих интонаций и ритмов родного телевидения и радио, они спешили припасть к источнику, над которым так хорошо думается и плачется, который и веселит, и печалит, а главное — душу здоровит, а не убивает... Недаром, совсем недаром, с выношенным в сердце чувством любви признался когда-то Федор Иванович Шаляпин: «Из всех песен мира — кажется мне — русская песня, как светская, так и духовная, наиболее крепко теснится с человеческой душой. Душа человеческая — свободна и бессмертна. Пойте же ей о любви безграничной! Бог вам на помощь!!!»

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

ВЫВОЗ

ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ

По пятницам у меня обычно выходной, но вы же знаете, что это за профессия — зубной врач. В то утро мне пришлось ехать в свой кабинет в центре города, чтобы помочь пациенту, который всю ночь маялся зубной болью.

Вернувшись домой в полдень, я застал Маргарет на веранде нашего дома за ее любимым занятием — совать нос в чужие дела. С тех пор, как наша дочь уехала учиться в колледж, делать ей дома практически нечего.

— Теперь эта шлюха спуталась с телевизионным техником, — сообщила она.

Мне не было нужды спрашивать, кого именно она именует шлюхой в этот раз. Маргарет смотрела на дом Гамильтонов, расположенный на противоположной стороне улицы. Перед домом у обочины дороги стоял маленький грузовичок, на дверце которого было написано «Риверсайд. Бюро по ремонту и обслуживанию телевизоров».

— Он здесь уже довольно долго. И это не в первый раз.

— Что ж, значит, у них телевизор не в порядке. Разве у нас такое не случается?

— Каждые несколько дней? — Голос Маргарет звучал довольно сурово — верный признак того, что она получала явное удовольствие от своих обличительных тирад. — В последние недели, когда бы я ни выглянула из окна, все время вижу этот автомобиль.

Я снял пиджак. Был полдень, и становилось довольно жарко.

— Скорее всего Гамильтонам просто не повезло с телевизором.

И он чаще нуждается в ремонте, чем другие. Вот и все. Логично?

— Какое удобство для нее, если это действительно так, — произнесла Маргарет, издав смешок, который свидетельствовал о том, что уж ей-то все известно доподлинно. — Вы, мужчины, — продолжала она, — всегда находите оправдания для таких женщин, как Норма Гамильтон.

— О господи, — только и произнес я.

Оставив Маргарет на веранде предаваться праведному гневу, я поднялся наверх в спальню переодеться.

Два окна спальни расположены по фасаду здания, и, натягивая легкую рубашку с открытым воротом, я бросил взгляд вниз, на тихую, обсаженную деревьями улицу, и через нее — на красный кирпичный дом Гамильтонов, перед которым располагались лужайка, садик с каменной оградой и небольшая аллея. Грузовик продолжал стоять у обочины. Мы тоже пользовались услугами приверсайдского бюро ремонта, и я помнил техника, который пару месяцев назад заменил кинескоп в нашем телевизоре. Думаю, это был тот же самый техник — довольно молодой парень, засучивавший рукава рубашки до самых плеч, чтобы продемонстрировать свои мускулы. Этаким белокуроый самец, так что, возможно, Маргарет и права. Норма Гамильтон была очень хороша собой. Но что выделяло ее среди других женщин, так это аура сексуальности, которая исходила от нее и неотразимо действовала на всех мужчин, находившихся в пределах ее досягаемости. Она действовала даже на меня, мужчину средних лет с изрядным брюшком и ногами, постоянно болевшими от многочасового стояния перед зубоучастным креслом. Довольно часто по вечерам я наблюдал за Нормой Гамильтон, прогуливавшейся по своему садику. Я как зачарованный глядел на ее роскошные формы, упакованные в шорты и тесно облегающую блузку, и, возможно, немножечко фантазировал. В нашем квартале имели хождение слухи, особенно среди женщин, что, кроме мужа, были и другие особи мужского пола, которые подобными фантазиями не довольствовались. В их число, возможно, входил теперь и телевизионный техник.

Внезапно на улице показался знакомый серый «седан».

Я подошел поближе к окну. «Седан» остановился метрах в тридцати от дома, и я понял, что Арнольд Гамильтон разглядывает машину, припаркованную перед его домом. Гамильтону принадлежал магазин галантерейных товаров в центре города неподалеку от моего зубоучастного кабинета, обычно он обедал в том же ресторанчике, что и я, и так как мы соседи, хотя приятельских отношений между нами не было, то обедали за одним столиком. Приехал ли он домой в середине дня, что-то подозревая, или решил пообедать дома для разнообразия, я не знал.

В спальню ворвалась Маргарет.

— Эрвин, Арнольд приехал.

— Вижу, — ответил я.

Она присоединилась ко мне у окна. Арнольд выходил из машины, которую подогнал к подъездной аллее.

— Я должна позвонить Норме, — сказала Маргарет.

— Зачем?

— Предупредить ее. — Она все еще тяжело дышала после

R

своего марш-броска по лестнице. — Если он застанет их вместе, может случиться нечто ужасное.

— Ты только поставишь себя в смешное положение, — заметил я. — Кроме того, уже слишком поздно.

Арнольд Гамильтон стоял перед входной дверью. Это был худой человек с грустными глазами и уже сильно поредевшей шевелюрой. Мне казалось, что он входит в свой дом как-то крадучись, хотя, возможно, это моя фантазия разыгралась под влиянием домыслов Маргарет. Дверь за ним затворилась. Мы стояли у окна. Я ожидал, что услышим крики, они, безусловно, донесутся до нас через тихую улицу, но мы не услышали ни звука, а через пару минут появился телевизионный техник со своим чемоданчиком в руках. Он сел за руль своего грузовичка, завернул за угол и исчез.

Я хмыкнул.

— Ну что, разочарована?

Она и в самом деле казалась разочарованной. И тут мне пришлось в голову, что после отъезда нашей Бетти в колледж жизнь Маргарет стала чересчур уж монотонной. Ни в каких женских клубах она не состояла, особо близких приятельниц у нее не было, а я, как правило, слишком уставал на работе, чтобы вечером куда-нибудь с ней выезжать. В результате она вела чрезвычайно уединенную жизнь, какое-то разнообразие вносили лишь книги, телевизор да редкие скандалы у соседей.

Я обнял ее за талию.

— Вот что скажу тебе, родная. Давай-ка после ленча отправимся поплавать.

— С удовольствием, — ответила она, прижавшись ко мне.

Талия у нее была удивительно стройной для женщины ее возраста. Да и не старая она вовсе. Ей было лишь сорок с небольшим, и для меня она оставалась такой же желанной, как в молодости. Я поцеловал ее в щеку, и мы спустились вниз на кухню.

Полицейскую сирену я услышал, должно быть, час спустя. Я выскочил на веранду. Черно-белая полицейская машина резко затормозила как раз на том месте, где стоял грузовичок. Мы уже пообедали, и Маргарет наверху собирала наши купальные принадлежности. Почти сразу же она выскочила на веранду. Мы увидели, как двое полицейских в штатском торопливо вошли в дом Гамильтонов.

— Что-то случилось, — сказала Маргарет.

— Надеюсь, ничего серьезного, — произнес я.

Продолжали подъезжать машины. Из них выскакивали полицейские в форме и в штатском, на улицу высыпали все соседи. Слово «убийство» передавалось от одной группы людей к другой.

— Мы должны сообщить полиции то, что видели, — хрипло прошептала Маргарет.

— Ну, много-то мы не видели.

— И тем не менее это наш долг.

— Хорошо, я пойду, а ты оставайся здесь.

Я пересек улицу. На противоположной стороне меня остановил полицейский в форме.

— Если то, что я слышал об убийстве, правда, полагаю, могу кое-что сообщить полиции. Что, в самом деле кого-то убили?

— Миссис Гамильтон. А вы кто, сэр?

— Я — доктор Эрвин Маккей. Живу вон в том доме напротив.

Он провел меня к дому, попросил обождать у входной двери, а сам вошел внутрь. Вскоре он вышел в сопровождении очень крупного мужчины в шляпе с широкими опущенными вниз полями.

— Это доктор Маккей, — представил меня полисмен и направился к месту своего дежурства на тротуаре.

— Детектив Брин. — Мужчина протянул мне руку. Пожав ее, я сообщил ему о телевизионном технике и о неожиданном возвращении домой Арнольда Гамильтона.

— Да, мы это знаем, — сказал детектив. Он посасывал свою изогнутую трубку с таким же удовольствием, с каким ребенок сосет леденец.

— Мистер Гамильтон сообщил нам об этом. Однако он не знает ни имени этого техника, ни в какой фирме тот служит.

— Риверсайдское бюро по ремонту и обслуживанию телевизоров.

— Очень вам благодарен, мистер Маккей. Ваша информация избавляет нас от многих хлопот.

— Рад, что смог вам помочь, — ответил я. Но уходить не собирался. Поднеся спичку к трубке, детектив лениво меня изучал. На нас глазела уже вся улица. Я почувствовал себя неловко и, набрав воздуха, спросил:

— Он сознался?

— Мистер Гамильтон? Нет. Говорит, что это дело рук телевизионщика.

— Прошел приблизительно час после того, как тот уехал, прежде чем прибыла полиция. Вам это известно?

— Нет, мы этого не знали. Очень интересно. — Он кивнул. — Вы не пройдете со мной, мистер Маккей?

Я понятия не имел, что ему нужно от меня, но, разумеется, последовал за ним.

Внизу в доме был просторный холл. Через открытую дверь налево я увидел комнату, обставленную как кабинет. Телевизор стоял у стены. У противоположной стены на софе сидел Арнольд Гамильтон, обхватив голову руками. Его редкие волосы были зачесаны набок с тем, чтобы прикрыть изрядную плешь, и это, на мой взгляд, придавало ему еще более жалкий вид. Он не поднял головы. Около него молча стоял детектив.

Мы прошли через холл прямо в спальню. В ней находились трое полицейских в штатском и один в форме. И Норма Гамильтон.

Она лежала в какой-то неестественной, даже гротескной позе. Одна ее рука обвилась вокруг переднего столбика кровати. Тело висело так, что лишь туфли касались пола. Голова и лицо были в крови. Ею был запачкан и бежевый ковер. Рядом с ее правой рукой лежало оружие убийства, по крайней мере такой вывод сделал я на основании того, что на нем виднелась кровь. Это была изящная белая керамическая ваза для цветов. Единственная аура, окружавшая Норму теперь, была аура смерти.

— Следователь уже едет сюда, — сообщил мне Брин. — Но нам нужен врач. Мы послали за доктором Морганштерном, который обычно проводит у нас освидетельствование трупов, но он сейчас

на вызове. Буду вам очень признателен, доктор Маккей, если вы проведете предварительный осмотр с тем, чтобы установить, когда наступила смерть. Это очень для нас важно, как вы пони...

— Но я ведь не врач, — прервал я его.

— Не врач?

— Я — дантист.

Кто-то в комнате негромко рассмеялся.

— Понятно, — ответил Брин, стараясь выглядеть не очень глупо. — Извините, что потревожил вас.

Он проводил меня из дома. Проходя мимо комнаты, где стоял телевизор, я еще раз взглянул на Арнольда Гамильтона, сидевшего на софе. Он поднял голову, но, думаю, ничего не видел. Брин открыл входную дверь и сказал:

— Мне хотелось бы позднее побеседовать с вами и вашей супругой, доктор Маккей. — После чего закрыл за мной дверь.

Когда я вышел на улицу, вокруг меня столпились соседи. Я рассказал им, что видел, и направился домой. Маргарет я застал на веранде в кресле-качалке.

— Мы должны были что-то сделать, — сказала она.

— Что же, например?

— Не знаю, но чувствую, что мы могли бы спасти ее. — Маргарет была очень бледна. В такие минуты она выглядела на свои сорок с хвостиком. — Я буквально кожей своей почувствовала, что что-то случится. А ты высмеял меня.

— Ты так говоришь, будто считаешь, что я виноват.

Маргарет молчала. Она тихонько качалась в своем кресле, а я мерил веранду шагами. Как и все прочие соседи, мы наблюдали за тем, что происходит напротив. Машины подъезжали к дому и отъезжали, а потом из одной из полицейских машин, остановившейся у обочины, вылез телевизионный техник. Теперь он был в легком светло-коричневом поплиновом пиджаке, так что мускулов его не было видно. Он задержался на тротуаре, изумленно глядя на собравшуюся толпу. Один из двух детективов, доставивших его сюда, тронул его за плечо, и они направились к дому.

— Это его вина, что Арнольд убил Норму, — сказала Маргарет. — А ему за это ничего не будет. — Она фыркнула. Эту ее привычку я терпеть не мог. — Хотя, разумеется, человек, который виноват по-настоящему, уже наказан.

— Как легко ты выносишь свои суждения.

— А ты и сейчас пытаешься найти ей оправдание, — обвиняющим тоном произнесла она.

— Я недостаточно знаком с обстоятельствами, чтобы оправдывать или не оправдывать кого бы то ни было. Но я видел, что с ней сделали. Поимей же жалость, Маргарет.

Она взглянула на меня со своего кресла, и мы отвернулись друг от друга.

А день все тянулся. Из дома вышел телевизионный техник в сопровождении одного из детективов, они сели в машину и уехали. Вскоре появился Арнольд Гамильтон, по бокам шли два детектива. Вся улица смолкла. В воздухе повисла похоронная тишина. Арнольд Гамильтон шел между детективами, словно не замечая ни их, ни разом замолкнувших соседей. Все трое сели в

один из полицейских «седанов», и, когда они отъезжали, улица, как по мановению волшебной палочки, вновь загудела.

Потом улицу пересек Брин. Он поднялся на веранду, и я представил его Маргарет. Она кивнула ему, не переставая качаться в своем кресле. Брин неторопливо уселся на перила веранды и начал набивать свою трубку.

— Ну что, кто-нибудь из них сознался? — вырвалось у меня.

Его спокойные глаза изучающе посмотрели на меня поверх горящей спички.

— Нет. — Он принялся раскуривать трубку, а потом произнес: — Миссис Маккей, ваш муж сказал мне, что вы часто замечали грузовичок телетехника припаркованным у дома Гамильтонов.

— Не помню, как часто. Раз в несколько дней, полагаю. Быть может, он приезжал и в другие дни, когда меня не было дома. — Маргарет продолжала раскачиваться. — Он признался, что находился с ней в любовной связи?

— Отрицает. Но это естественно. Иначе можно было бы подозревать, что у него имелся мотив для совершения преступления.

— Мотив? — воскликнул я. — Неужели не очевидно, что убил ее муж?

— Это не очевидно. Возможно, так бы я сказал на данной стадии расследования. — Он слегка улыбнулся. — Нам, полицейским, приходится делать такого рода тонкие различия. Мы задержали Гамильтона для дальнейших допросов. Задержали также и Форреста.

— А этот Форрест, ведь это телетехника так зовут? — спросила Маргарет.

— Лэрри Форрест, мэж. Так о чем вы хотели меня спросить?

— Он признался хоть в чем-нибудь?

— В чем именно?

— Ну, в их связи.

— Нет, я же сказал. Миссис Маккей, как вам кажется, сколько времени простояла машина телевизионщика перед домом, пока не приехал мистер Гамильтон?

— Порядочно. Точно не скажу, но, во всяком случае, дольше, чем обычно требуется на ремонт телевизора.

Брин кивнул.

— На этот раз телевизор был в полной исправности.

— Вот видите! — с торжеством воскликнула Маргарет. — Это подтверждает то, что я говорила. — Торжество ее носило характер почти непристойный. Меня едва не передернуло.

— Вполне возможно. — Удобно устроившись на перилах, Брин потер трубкой щеку. — Миссис Гамильтон позвонила в риверсайдское бюро обслуживания и заявила, что ее телевизор сломался. По словам Форреста, когда он позвонил в дверь, никто не отозвался. Но дверь была незаперта, и поэтому он вошел.

— Потому что чувствовал там себя как дома, — заметила Маргарет.

— Похоже на то. Он показал, что бывал в этом доме и прежде и знал, в какой комнате находится телевизор. Он включил его. Телевизор был в полной исправности. Но ведь миссис Гамильтон

сообщила в бюро, что телевизор не работает. Быть может, подумал он, неполадки начинаются после того, как трубка нагревается. Поэтому он сел и стал ждать. Но десять или пятнадцать минут спустя телевизор работал так же хорошо, и он решил уйти. И как раз в это время увидел Гамильтона, выходящего из машины. Во всяком случае, такую историю он нам рассказал.

— А что вам рассказал Арнольд Гамильтон? — спросил я.

— Он тоже заявил, что, войдя в дом, застал Форреста в холле, и тот явно собирался уходить. Форрест рассказал ему о вызове, о том, что миссис Гамильтон нет дома, и о том, что телевизор в порядке. Потом он ушел. Сам Гамильтон, по его утверждению, несколько минут провел в ванне, потом, проходя мимо спальни, заглянул туда и увидел окровавленный труп жены. Он утверждает, что преступление совершил Форрест.

— Целый час прошел, — пробормотал я.

— Да, с того времени, как вы с женой увидели вернувшегося домой Гамильтона, и до того, как он вызвал полицию, прошел час. Гамильтон признает это. Он утверждает, что впал в шоковое состояние, буквально оцепенел, и ему потребовался почти час, прежде чем он собрался с силами и смог позвонить в полицию. Вот такая история. — Брин чиркнул спичкой. Как большинство курильщиков трубок, он изводил больше спичек, чем табаку. — Вообще-то не положено обсуждать с посторонними детали дела, но вы оба оказали нам серьезную помощь и, я надеюсь, еще окажете в дальнейшем.

— Арнольд редко приезжает домой обедать, — сказал я.

— Понятно, — ответил Брин. — Именно этим мне предстоит сейчас заняться. Возможно, Гамильтон подозревал Форреста и подстроил ему ловушку. Он не сумел захватить их вместе, но застал там Форреста и убедился в том, что телевизор в порядке. Быть может, миссис Гамильтон вышла на несколько минут, Форрест ждал ее, а Гамильтон обо всем догадался. Миссис Гамильтон вернулась домой после того, как Форрест уже ушел, и тут... — Брин сделал паузу. — Вы не видели, как миссис Гамильтон вернулась домой?

— Мы обедали на кухне. Оттуда улицу не видно.

— Так вот, вполне возможно, что она пришла домой после того, как Форрест ушел, у них с мужем произошла ссора, и в припадке ярости тот схватил вазу и ударил жену.

Маргарет, все еще раскачиваясь в своем кресле, решила наконец замолвить доброе слово хотя бы за одного участника этой трагедии.

— Не могу поверить. Арнольд такой мягкий, деликатный человек.

— Вы так думаете, мэм?

— Разумеется, Арнольд и мухи не обидит. Должно быть, это сделал тот, другой — Лэрри Форрест. Он был у нас однажды, ремонтировал телевизор. Он производит впечатление человека... который вполне мог пойти на любовную связь с замужней женщиной, а потом убить ее.

— Мы отработываем и эту версию, — сказал Брин и внезапно обернулся.

На улице вновь воцарилось гробовое молчание. Из красного кирпичного дома вынесли носилки, покрытые простыней. Я представил себе под нею Норму Гамильтон, но не такой, как видел ее совсем недавно, а живой, волнующей. Носилки поставили в полицейскую машину «Скорой помощи», та тронулась с места, на перекрестке сделала разворот и поехала мимо дома.

— А скажите, — спросил Брин, — там что, ведутся дорожные работы? — Он слез с перил, повернулся лицом к улице и махнул левой рукой.

— Верно, — ответил я.

— Ну да, я помню, там масса всяких тупиков, объездов, трудно проехать. Значит, большинство машин въезжают на эту улицу вон оттуда и выезжают тем же путем? — На этот раз он махнул правой рукой в направлении наиболее густо заселенных кварталов города.

Я снова кивнул. Я понятия не имел, почему это вдруг заинтересовало его, и постарался вернуть разговор к волновавшей меня теме.

— Скажите, а можно «вычислить» убийцу, точно определив время смерти жертвы?

— Если бы мы могли, — сказал Брин, — но это вообще дело непростое, а в данном случае есть еще и дополнительные осложнения. Во-первых, сегодня — жаркий день, поэтому трупное окончание наступило позднее. Во-вторых, прошло довольно много времени, прежде чем тело наконец осмотрели. Поэтому-то я и попросил вас осмотреть тело, доктор Маккей. Нет, боюсь, что нам не удастся точно установить время убийства, чтобы «вычислить» убийцу.

Внезапно Маргарет поднялась. Кресло ее продолжало еще качаться несколько секунд.

— Хотите выпить чего-нибудь холодненького, мистер Брин?

— С удовольствием, мэм. Но, пожалуйста, что-нибудь безалкогольное, ведь я на службе.

Я заметил, что, когда Маргарет направилась к дверям, Брин проводил ее взглядом. Таким взглядом провожают женщин мужчины, без дела фланирующие по улицам. Что ж, детективы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

Брин выпил лимонаду, который вынесла ему Маргарет, а потом покинул нашу веранду. Но с улицы он не ушел. Замешался в толпу, собравшуюся на тротуаре, и оживленно беседовал с разными людьми. Позднее, когда почти все наши соседи вернулись к себе, я увидел, как он наподобие разносчика переходит от одного дома к другому.

Нужно ли говорить, что купаться мы так, конечно, и не пошли. Во-первых, было уже поздно, да и настроение не то. Маргарет ушла в дом шить юбку для нашей Бетти, а я вытащил из гаража машинку для стрижки газонов.

Я подстригал траву на лужайке перед домом, когда около меня остановился Брин, уже обошедший почти все дома, расположенные в нашем квартале.

— У меня такое впечатление, что вы здесь единственный детектив, который занимается делом, — сказал я.

— Да нет, здесь многие занимаются. Просто мне поручен этот аспект расследования.

— Какой аспект?

— Выяснить, что соседям известно о Гамильтонах. Они согласны с вашим мнением, что Норма Гамильтон была женщиной, отнюдь не строгой с мужчинами.

— Это мнение моей жены, а не мое.

Брин сдвинул шляпу на затылок и провел носовым платком по лбу. Видно, сегодня ему пришлось побегать.

— Ну а вы, доктор Маккей?

— Что я?

— Вы принадлежали к числу тех мужчин, с которыми она была не особенно строга?

— А вы посмотрите на меня, — сказал я, похлопывая себя по внушительному брюшку. — Как вы считаете, такие мужчины нравятся молодым привлекательным женщинам?

— Давайте поставим вопрос иначе. Она вам нравилась?

— Я нормальный мужчина. Время от времени я встречаю женщин, которые мне нравятся. Это отнюдь не означает, что я принимаю какие-либо практические шаги... Или могу что-либо предпринять, даже если бы и хотел. Думаю, лучше вам заняться молодым красавцем и ревнивым мужем.

— В мои обязанности входит заниматься всеми. — Он бросил взгляд на противоположную сторону улицы. — Ваша жена была не единственной, кто заметил, что грузовичок Форреста частенько стоит перед тем домом.

— Ну вот вам и доказательство того, что миссис Гамильтон находилась с ним в связи.

— Нельзя сказать, что доказательство, но все же кое-что. — Брин сжал зубами трубку. — Ну что ж, день сегодня был чертовски длинный.

— Минутку, — остановил я его. — Меня вот что интересует: неужели на вазе не осталось отпечатков пальцев?

— Как раз, когда они особенно нужны, их чаще всего и не бывает. Вазу столько раз брали руками, что совершенно захватили, все отпечатки смазаны.

Его ленивый взгляд был устремлен на меня. Мне показалось, его интересует, испытал ли я чувство облегчения при этом сообщении. Потом он попрощался и пересек улицу, направляясь к своему автомобилю.

— Видишь, я была права относительно этой шляпки и того, что грузовичок телевизионщика часто стоял у ее дома. А ты еще не верил мне.

Как всегда, последнее слово осталось за Маргарет.

После ужина мы устроились в гостиной перед телевизором. Включили его в восемь вечера, когда начался фильм, который мы уже очень давно не видели. Он продолжался полтора часа. Потом шел получасовой вестерн, а затем эстрадное шоу. Оно должно было идти целый час и закончиться в одиннадцать, а там уж и спать можно было ложиться. Однако шоу мы так до конца и не досмотрели. Примерно без четверти одиннадцать в дверь позвонили.

— Кто бы это мог быть так поздно? — сдавленным голосом произнесла Маргарет.

Она не хуже меня знала, кто это был. Я пошел к двери и впустил Брина.

Он снял шляпу. Я впервые увидел его с непокрытой головой. У него была презрительная плешь. Брин поздоровался с Маргарет и теперь стоял посередине комнаты, глядя на экран телевизора, будто явился к нам исключительно с этой целью.

— Отличный у вас телевизор, — произнес он наконец. — А часто он у вас ломается?

— Да пожалуй, не припомню такого случая, — ответил я.

— Тогда почему же Лэрри Форрест бывал у вас так часто с целью ремонта?

С экрана донесся взрыв хохота над какой-то шуткой конферансье. Я выключил телевизор. Маргарет сидела, откинувшись на спинку кресла, руки ее были сложены на коленях.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал я Брину. — Единственный раз телевизор вышел из строя пару месяцев назад, тогда нам заменили кинескоп.

— Во всяком случае, так вы мне сказали. — Брин вынул из кармана несколько желтых карточек. — Это из картотеки риверсайдского бюро по ремонту. Техник обязан заполнять их после каждого вызова с тем, чтобы компании было известно, какого ремонта потребовал каждый телевизор и сколько на это ушло времени. — Он перетасовал карточки, как бы собираясь раздать их. — Здесь их девять, все они на имя Маккей, адрес — ваш. Девять за семь недель. И лишь три оформлены на Гамильтонов.

— Это, должно быть, ошибка, — сказал я.

Однако, взглянув на Маргарет, понял, что никакой ошибки здесь нет. Она сидела, откинув голову на спинку кресла, прикрыв глаза.

— Как и все автомобили, заезжающие на вашу улицу, грузовичок Форреста заворачивал к вам справа, — продолжал Брин. — Поэтому он всегда оставлял машину на правой стороне улицы перед домом Гамильтонов, ведь это как раз напротив вас. Приезжал он сюда. По крайней мере большинство его вызовов были оформлены на этот адрес. Последний — восемь дней назад. Затем было два вызова в дом Гамильтонов.

С самого начала он обращался ко мне, только ко мне. Так как Маргарет продолжала молчать, я счел своим долгом что-нибудь сказать.

— Но если это не были вызовы по обслуживанию, зачем ему нужно было заполнять карточки?

— Единственное время, подходящее для визитов, было тогда, когда вы находились в своем кабинете. Но это и его рабочие часы. Он должен отчитываться перед компанией за затраченное время. Вот и появились эти карточки. Возможно, он оплачивал суммы, обозначенные здесь, из своего кармана.

Маргарет засмеялась. Ужаснее этих звуков я в жизни ничего не слышал.

— Это я платила за все вызовы, — сказала она. — За каждый

вызов.— Она продолжала смеяться, а потом добавила: — За... за обслуживание.

— Маргарет! — закричал я.

Она посмотрела на меня, и я первым отвел глаза.

— Двадцать лет скуки, — продолжала она, — двадцать лет жизни с тобой. А последний год, когда Бетти уехала и дом опустел, это стало непереносимо. И тут появился Лэрри Форрест. Я как будто снова на свет родилась. Словно молодость вернулась. — Руки ее, лежавшие на коленях, судорожно сжались. — А потом он увидел Норму. Он пошел к ней и оказался таким же, как все остальные мужчины. Только потому, что она была моложе и красивее, он... он...

Наступило молчание. Передо мной сидела незнакомая женщина. Странно, как человек мог столько лет прожить с женщиной и совершенно не знать ее.

Детектив стоял посередине комнаты, тасуя карточки.

— Поэтому сегодня утром вы и убили ее.

— Я не собиралась убивать ее, — тихо проговорила Маргарет. — Я пришла просить ее, умолять. Я сказала, что у нее есть другие мужчины. А у меня только Лэрри. Умоляла ее оставить его мне. Норма стала издеваться надо мной, мол, я слишком стара для Лэрри. Мы были в спальне. Я схватила вазу...

Маргарет замолчала и обмякла в кресле.

— И тогда вы решили замешать в это дело и Форреста, — произнес в заключение Брин. — Вы позвонили в риверсайдское бюро ремонта, назвавшись девушке-приемщице миссис Гамильтон. Вы сказали ей, что ваш телевизор вышел из строя, и просили срочно прислать вам техника, так как скоро должна была начаться передача, которую вам очень хотелось бы посмотреть. Вам было известно, что Форрест звонит в регистратуру каждый час, на случай, если туда поступят срочные вызовы с его участка. Со своей веранды вам было видно, как он вошел в дом на противоположной стороне улицы. Он еще раз услужил вам, правда, на этот раз уже в ином качестве. Вы «подставили» его, чтобы свалить на него преступление.

— Нет. Не так. О себе я не думала. — Маргарет подняла голову. — Я считала, что он тоже должен понести наказание.

**Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА ЗУБКОВА.**

ЛИЛИЯ
БАЙРАМОВА

ОБАЯНИЕ

В конце прошлого года в залах Третьяковской галереи с большим успехом проходила выставка русского «наивного» искусства. Устроители выставки поставили перед собой благородную задачу — дать наиболее полное представление о русском «примитиве», начиная с момента его возникновения в середине XVIII столетия и заканчивая началом XX. Впервые в одной экспозиции были собраны произведения неизвестных провинциальных художников и прославленные портреты Григория Островского, старинные лубки и альбомная графика XIX столетия...

*Неизвестный художник середины XIX в.
Портрет купеческой семьи.*

НАИВНОГО

В феврале 1913 года, на масленицу, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, что на Мясницкой, студент архитектурного отделения Николай Виноградов организовал первую в России выставку лубочных картин. Любители экзотики и старины были поражены разнообразием и необычностью экспонатов. Чего здесь только не было: и хорошенькие китайские народные картинки, и невиданные в России вещицы, специально вывезенные Виноградовым из Харбина и Маньчжурии, красочные лубки из Японии, Турции и Персии, французские — из города Эпиналь. Но, пожалуй, подлинным открытием и украшением выставки стали великолепные русские старообрядческие работы из собрания художника Н. Е. Роговина. Правда, несколько испор-

тили впечатление выставленные здесь же «возмутительные карикатуры г-жи Гончаровой» — сделанные ее рукой оригиналы лубков для издательства «Альциона-Зимородка», вызвавшие бурю негодования у ортодоксальной части московских критиков.

И все же эта маленькая выставка неожиданно вызвала столь большой интерес у критиков и у публики, что уже 24 марта того же года Михаил Ларионов — художник, большой любитель и знаток народного творчества — решил одновременно с выставкой группы художников «Мишень» показать в Художественном салоне на Большой Димитровке и выставку лубка. Как на первой, так и на второй выставке понятие лубка трактовалось устроителями настолько широко, что зрители могли увидеть и собрание русских печатных пряников («лубочная скульптура», как их называли в каталоге), и всевозможные подносы, расписные табакерки, бронзовые иконки и даже венгерские игральные карты. Да и на самой «Мишени», организованной профессиональными живописцами, показали работы, не имеющие к станковой живописи никакого отношения: детские рисунки, вывески 2-й артели живописцев вывесок, картины самодельных художников, и здесь же, впервые в Москве, демонстрировались четыре «клеенки» грузинского художника Николая Пиросманишвили, незадолго до того «открытого» в Тифлисе братьями Зданевичами и Ле-Дантю.

Эти первые выставки русского примитива не были чем-то случайным и одиноким в бурном водовороте московской художественной жизни начала века, наоборот, ярко и неоспоримо свидетельствовали о повальном увлечении «примитивным» искусством, которое захватило русскую артистическую молодежь, и в первую очередь членов скандально известной московской группы «Бубновый Балет». Удивительно нарядный, веселый и озорной лубочный мир стал откровением для молодых и полных сил художников, жаждущих сказать новое слово в искусстве. Один за другим «бубнововалетцы» Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Петр Кончаловский и Аристарх Лентулов создают циклы картин, написанные под непосредственным впечатлением и обаянием от русского примитивизма. В том же, 1913 году, Александр Шевченко выпускает небольшую книжицу под характерным названием «Неопримитивизм», где смело декларирует свои взгляды на новое направление в современной русской живописи:

«Мы стремимся к исканию новых путей нашему Искусству, но не отвергаем вполне и старого и из прежних форм его признаем превъше всех — примитив, волшебную сказку старого Востока».

Впрочем, страстное увлечение «наивным» искусством захватило не только российскую молодежь, недаром Юрий Тынянов впоследствии говорил, что «знак примитива стоит над европейским искусством». В 1906—1907 годах молодые французские «дикие» — Пикассо, Дерен, Матисс и Вламинк открывают для себя и мира деревянные скульптуры Камеруна, бронзы Бенина и маски дикарей с островов Океании. На Пикассо огромное впечатление производит Музей этнографии во дворце Трокадеро.

Словно вторя французам, один из основателей немецкой группы «Мост», Л. Кирхнер, вспоминал, что, когда он в 1903 году

Н. Лебедева. Театральные персонажи. Середина XIX в.

впервые увидел в Дрезденском этнографическом музее в Цвингере скульптуру с островов Палау, то был буквально сражен сходством пластического языка этой скульптуры с его собственным. Впечатление оказалось настолько сильным, что впоследствии у немцев родился даже особый «стиль Палау».

Но именно во Франции не только начал творить, но и по достоинству оценен первый из классиков «наивного» искусства — знаменитый Анри Руссо Таможенник. Тот же Пикассо, случайно купивший у старьевщика, папаши Сулье, «Женский портрет» Руссо, был совершенно потрясен удивительным холстом, который обошелся ему всего в пять су, а русский авангардист Василий Кандинский, познакомившись с живописью Руссо, ввел новое понятие «великая реальность».

И все же при всей очевидной близости российских и европейских художников — и те, и другие одинаково ненавидели безнадежно устаревший, с их точки зрения, натурализм и салон XIX века и мечтали о создании нового искусства, соответствующего требованиям современности, — русских художников отличал от французов живой и непосредственный интерес к своим собственным истокам. Именно в них они надеялись обрести ту «живую воду», которая вдохнула бы новую жизнь в живопись. Страстные поклонники новейших течений французской живописи, ездившие в Париж, как арабы в Мекку, горластые ниспровергатели авторитетов недавнего прошлого — русские «левые», оказались необычайно чуткими и восприимчивыми к тем проявлениям национального духа, которые были вынесены как бы за скобки искусства высокого и «ученого».

С вдохновением первооткрывателей российские художники вдруг обнаружили, что «на их родине так много еще нетронутого и неразработанного». «Наши изумительные иконы, — восклицал Сергей Бобров, — это мировые венцы христианского религиозного искусства — старые лубки, северные вышивки, каменные бабы, барельефы на крестах и наши старые вывески... Отныне наша родная старина, наш архаизм ведут нас в неизведанные дали». «Искусство моей страны, — убеждала всех в начале 1910-х годов Наталья Гончарова, — несравненно глубже и значительней, чем все, что я знаю на Западе».

Это веселое и сумасшедшее время всеобщего увлечения народным примитивом Александр Бенуа назвал «поворотом к лубку». Наивный и свежий взгляд на мир, простота мысли и силуэта, необычайная экспрессия и выразительность, чистый ясный цвет и при этом удивительная народность, брызжущее весельем и подлинным русским духом здоровье — вот чем притягивали к себе и дешевые лубочные картинки, и аляповатые вывески, и деревенские вышивки, вот к чему так жадно тянулось молодое и сильное русское искусство в начале века.

Однако лубок даже в том необычайно широком понимании, свойственном русским неопримитивистам начала XX века, был лишь частью такого большого и значительного явления, как русский «примитив». Ведь оно включает в себя не только собственно лубок и изделия городских и деревенских мастеров-кустарей, но и замечательную живопись, главным образом провинциальную,

второй половины XVIII и первой половины XIX столетия. Хочу обратить внимание на то, что «примитивным» это искусство называют не в силу того, что оно действительно примитивно, то есть не обладает достаточными художественными качествами, как раз наоборот, среди этих произведений есть удивительные шедевры. Например, «Зима» Никифора Крылова или портреты Григория Островского, выдерживающие сравнение с творениями любого выдающегося мастера. «Примитивом» это искусство называют потому, что творцами его были люди в большинстве своем не прошедшие академической выучки, не имеющие профессионального художественного образования, и потому произведения их, несмотря на всю свою удивительную свежесть и непосредственность, как правило, не являются грамотными с точки зрения строгих академических требований.

«Примитив» как особое явление русского искусства появился в России лишь в середине XVIII столетия, и его возникновение следует связывать с рождением и утверждением в российском государстве настоящего, большого, профессионального искусства европейского типа. В 1758 году усилиями камергера Ивана Ивановича Шувалова в Петербурге была основана Академия художеств, этим фактом город Петра окончательно утвердился как центр художественной жизни Российской Империи. Влезающее столичное искусство, ориентированное на европейские образцы, творимое заезжими иностранными мастерами и выпускниками новоиспеченной Академии художеств, все больше и больше отдалялось от народной почвы, столетиями вскармливавшей русских умельцев. В сфере художественного творчества образовались как бы два полюса: с одной стороны, искусство высокоученое и аристократическое, а с другой — искусство, создаваемое народом и обслуживающее народ. Вместе с тем громадная российская провинция с ее десятками и сотнями губернских и уездных городов и дворянских усадеб, испытывая неодолимую потребность в собственном художественном оформлении, в собственных мастерах-живописцах, оказалась вне пределов досягаемости «большого» искусства. И вот тогда-то и появляется «примитив» как особое явление, как особая разновидность русского искусства, призванного заполнить эту лауну.

Кем были люди, писавшие портреты милых провинциальных барышень и степенных бородатых купцов, важных господ — надворных и тайных советников, полковников и расфранченных купчих? Увы, имена большинства из них канули в Лету: провинциальные живописцы были, как правило, лишены честолюбия своих именитых столичных собратьев и относились к своей скромной работе не как к большому искусству, а скорее как к ремеслу. И все же кое-какие сведения об авторах провинциальных портретов история для нас сохранила. Среди них были люди самых разных сословий и званий: любители, художники-самоучки, на досуге баловавшиеся живописью, такие, например, как А. Голицын, после которого осталась чудесная вещьца — небольшой холст с подробным изображением санных гонок на Петербургском шоссе; крепостные, безвылазно сидевшие в усадьбах своих хозяев и создававшие целые портретные галереи господ и их детей. Боль-

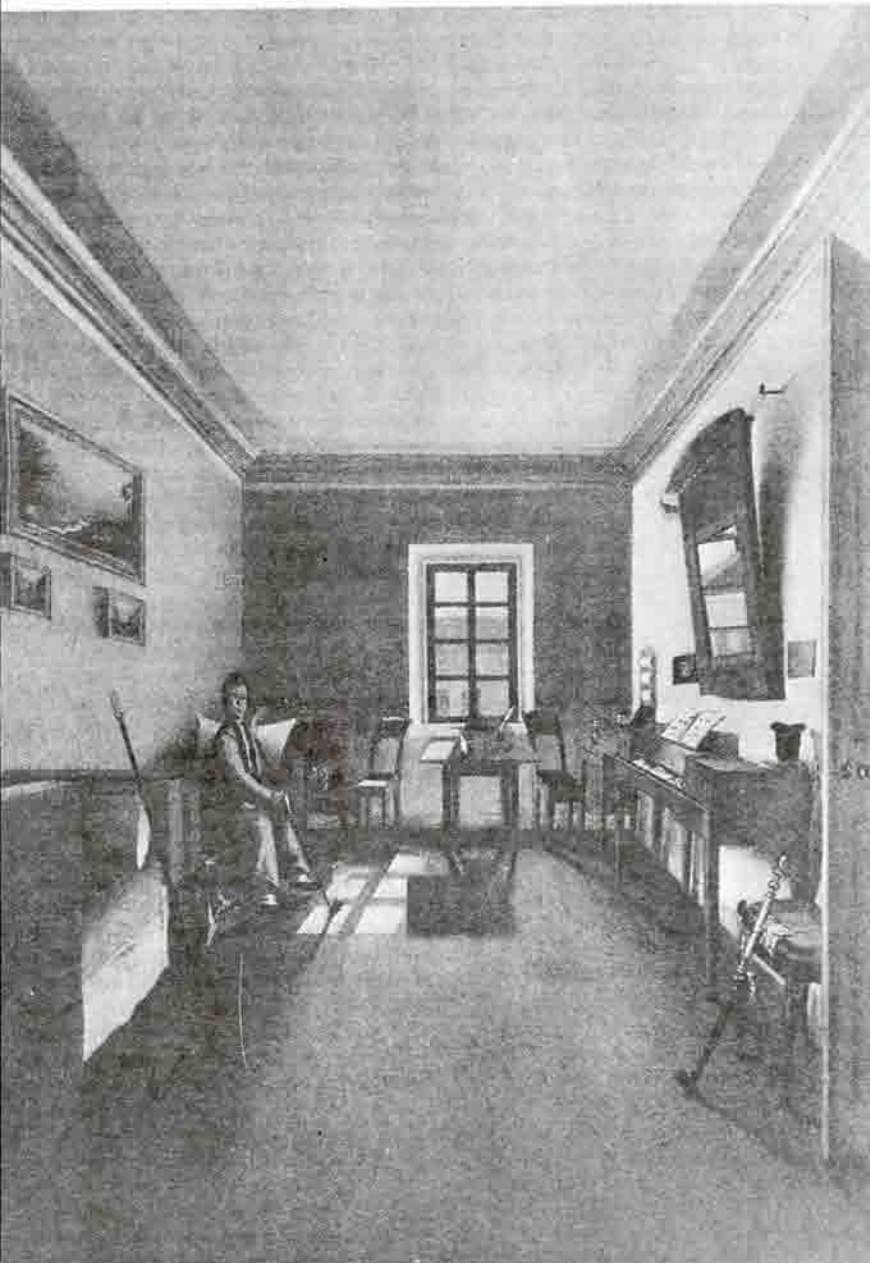
▼ Неизвестный художник середины XIX в.
Арсений Мазевыч в темнице.

Великий князь Михаил Александрович в темнице

▼ Неизвестный художник середины XIX в.
Московская пожарная команда на Пречистенке.

*Неизвестный художник первой половины XIX в.
Интерьер с фигурой курильщика.*

шинство же, по-видимому, составляли сыновья местных иконописцев, купцов и мещан, учившиеся либо у своих отцов, либо в местных иконописных школах. Правда, попадались среди них и такие, которые ездили в петербургскую Академию в надежде получить настоящее образование, но по разным причинам вынужденные возвращаться на родину и заканчивать свою жизнь городскими нотариусами, коллежскими регистраторами...

Как социальный состав художников, так и уровень провинциальной живописи был очень разный: от сухих, неловко написанных портретов, с неправильным рисунком, жестким цветом и с почти парсунной плоскостью изображения до чудных, прелестных вещей, написанных с удивительной любовью, проникновением и теплотой. Как хороши, например, два небольших интерьера неизвестных художников, очень напоминающих по манере художников венециановской школы. Некоторые погрешности в перспективе и, казалось бы, излишне подробное перечисление предметов, расставленных в комнатах, несколько не мешают тому впечатлению уюта, покоя и согласия с миром, которое исходит от этих работ.

Впрочем, что говорить, если среди авторов провинциальных портретов оказался и такой классик русского «примитива», как ныне уже известный не менее своих прославленных современников Левицкого и Рокотова, — солигаличский художник Григорий Островский. История его открытия удивительна и романтична. Почти двести лет пролежали холсты Островского — всеми забытые, никому не нужные и полуистлевшие в запасниках солигаличского краеведческого музея. После того как со старых картин сняли буквально столетний слой грязи, пыли и темного лака, совершенно скрывавший изображение, перед изумленными реставраторами предстала поистине восхитительная живопись. Сейчас известно четырнадцать работ солигаличского мастера. Все они — портреты членов одной старинной и знатной дворянской семьи Черевиных, живших в солигаличской усадьбе «Нероново». До сих пор не выяснено, почему художник в течение нескольких лет писал лишь одну эту семью. Впрочем, может, дело в том, что именно архиву Черевиных посчастливилось сохраниться и не исчезнуть до наших дней, тогда как архивы других солигаличских семей, где могли быть и портреты, написанные Островским, бесследно пропали или погибли в смутные годы русских революций. Так или иначе, но среди портретов Григория Островского есть бесспорные шедевры, без которых представление о русской живописи XVIII века было бы неполным и обедненным.

До сих пор вызывает удивление, как у безвестного провинциального художника, работавшего в страшной глуши, за сотни верст от Москвы и Петербурга, могло сформироваться такое глубокое и тонкое понимание живописи, резко выделявшее его из среды художников-полупрофессионалов. Пластика портретов Островского несвободна от некоторых погрешностей, в ней еще заметны следы «примитива», да и позы моделей слишком неподвижны, но как отличается чувство цвета от грубого и действительно примитивного понимания цвета у большинства его собра-

тьев, художников-примитивистов, как правило, питающих любовь к контрастным сочетаниям локальных ярких цветов. Краски Островского не яркие и не звучные, скорее приглушенные и сдержанные, но их нежность, тональное богатство и сложность создают на редкость музыкальные, благородные и поэтические образы портретируемых.

Удивительно ярким и самобытным явлением в истории русского искусства первой половины XIX столетия была живопись Алексея Гавриловича Венецианова и учеников его школы. Некоторые их произведения, в особенности Григория Сороки, можно отнести к тому же явлению «примитива». Одним из первых учеников Алексея Гавриловича был очень одаренный молодой художник Никифор Крылов. Судьба его до встречи с Венециановым складывалась вполне типично для бедного живописца из провинции: жил в работниках в городке Калязине Тверской губернии, учился с «образов» своего хозяина, пописывал дешевые портретики ценою от 7 до 10 рублей и выполнял заказы на иконописные работы. После того как Крылов поселился у Венецианова в Петербурге и начал серьезно заниматься живописью, в том числе и в Академии художеств (посещал ее классы), из него стал вырабатываться большой и значительный мастер. Вне всякого сомнения, он сыграл бы выдающуюся роль в дальнейшем развитии русской живописи, если бы не ранняя смерть от холеры в июне 1831 года. Лучшим произведением двадцатипятилетнего (!) художника является изумительный пейзаж «Зима» с поистине баховским звучанием. Наивное, еще «первобытное» мышление бывшего калязинского мещанина с потрясающей непосредственностью передает впечатление от роскошного зимнего дня на реке Тосне.

В небольшом полотне — и огромность высокого зимнего неба, и бесконечность уходящих куда-то за горизонт заснеженных полей, и вообще космическая монументальность обычного российского мотива. Даже темные и несколько плоские фигурки крестьян на первом плане, занятых житейскими повседневными нуждами, несколько не снижают заданного художником высокого, торжественного тона. Кстати сказать, работа венециановского ученика над этой картиной смогла состояться благодаря помощи братьев-купцов Червятинских. «Узнав о желании достойного русского художника Никифора Крылова написать с натуры зимний пейзаж», они оказали «ему в этом особенно важное пособие, а именно: по выбору Крыловым места около Тосны выстроили на нем теплую мастерскую, дав художнику стол и содержание во все время его занятий».

Если Никифор Крылов — первый ученик Венецианова, то крепостной вышневолоцкого помещика Милюкова Григорий Сорока — его последний ученик и самый талантливый. Судьба этого гениального русского самородка сложилась трагически: несмотря на все просьбы и увещания Венецианова, помещик не дал художнику вольную, и тот в конце концов покончил с собой. Искусство Сороки необыкновенно просветленное, с некоей загадочной погруженностью в мир грез и мечты. Вполне определенные черты примитивизма, которые присутствуют почти во всех

работах крепостного художника — недостаточная окутанность предметов световоздушной средой, не вполне профессиональная моделировка объемов, некоторая застылость и неподвижность природы, — не только не портят его полотна, но, напротив, сообщают им неизъяснимое очарование и элементы почти мистической созерцательности.

Очень любопытное явление в истории русского «примитива» и так называемый купеческий портрет конца XVIII — середины XIX столетий. В сравнении с дворянским, усадебным портретом того же времени портреты купцов, купчих и их семейств производят более серьезное, строгое, а иногда даже суровое впечатление. В них почти не заметно элементов легкости, игры и артистизма. Сама композиция и цветовое решение портретов очень подходят к запечатленным на них людям. Это, как правило, изображение очень статичных, «окаменевших» фигур с крайне серьезным выражением лица на темном, нейтральном фоне. Портреты, просмотренные в большом количестве, производят довольно однообразное впечатление. Видимо, от того, что художники меньше всего задавались целью выразить свою художественную индивидуальность, проявить фантазию, выдумку, смелость и необычность композиционных решений. По-видимому, их задача была гораздо скромнее — просто и ясно, а главное — похоже, изобразить натуру. Может, именно поэтому среди купеческих портретов так ничтожно мало подписных работ, абсолютное большинство — анонимные. В конце концов у провинциальных живописцев, работавших в этом жанре, выработался своеобразный канон, стереотип того, как надо писать портреты; вероятно, подобный же стереотип сложился и у самих заказчиков, людей очень далеких от искусства и требовавших от художников в первую очередь похожести и солидности.

Как бы то ни было, но архаизм купеческих портретов, их очевидный «примитивизм» — неумелый, а зачастую и просто безграмотный рисунок, серьезные нарушения в пропорциях, жесткие цвета. Именно этим объясняется отсутствие интереса к купеческому портрету со стороны художественной общественности в XIX веке. В те времена он расценивался не как эстетическое, а как бытовое явление, существующее лишь на уровне провинциального купечества. Неопримитивисты начала XX века, с таким восторгом открывавшие жизнерадостный и пестрый мир народного примитивизма, прошли мимо чересчур серьезного и важного купеческого портрета. Первые его выставки состоялись лишь в

Ф. А. ТУЛОВ. Портрет А. М. Шаховской. 1815 г.

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. Мужик лапти плетет, старуха нитки прядет.
Первая половина XIX в.**

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. Серый жеребец, запряженный в дрожки.
Первая половина XIX в.**

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. Портрет Г. П. Чернышева. Середина XVIII в.

С. А. МУРЗИН. Пруд в усадебном парке. 1843 г.

20-х годах нашего столетия, да и то преобладающим на них был интерес скорее не эстетический, а социальный.

Но сегодня бытовой купеческий портрет привлекает современного человека не только с историко-этнографической точки зрения, но даже с чисто живописной, эстетической. Казалось бы, сравнение именно живописных достоинств провинциального искусства с произведениями больших мастеров того времени говорит не в пользу первого: вы не найдете в нем ни виртуозности и блеска кисти Брюллова, ни поэтической одухотворенности Рокотова, ни психологизма Кипренского, словом, того живописного богатства, которое так пленяет нас в старых мастерах. Но зато в этих наивных, простодушных, а порою и не совсем умелых работах есть очарование подлинности. Провинциальный художник слишком скован и робок, ему не всегда хватает мастерства и профессиональных навыков, чтобы помещать свою модель в какую-нибудь красивую и интересную среду, свободно и естественно располагать в ней и сообщать ей те сложные и тонкие чувства и настроения, которые мы находим в классических портретах. Позы его моделей просты и лапидарны: они сидят перед художником не шелохнувшись, как перед фотокамерой, и смотрят прямо в глаза зрителям. Но удивительным образом такая элементарность, скупость выразительных средств сообщает скромным бытовым портретам убедительность документа. Мы верим в существование этих людей, пожалуй, даже больше, чем в прекрасные образы, созданные кистью прославленных художников: ведь их воображение, артистизм, а то и намеренная идеализация приукрашивали и невольно искажали подлинный облик. В провинциальном же портрете сама неумелость художника являлась как бы порокой его документальной точности в передаче своего впечатления. Наверное, именно поэтому любое вглядывание в провинциальный портрет — всегда встреча, но не с прекрасным и идеальным образом, а с конкретным человеком, вырванным кистью художника из небытия.

И еще одна важная и едва ли не самая главная особенность примитивного портрета, делающая его столь притягательным даже для глаз современного искушенного зрителя. Ее можно обозначить как вневременность. Дело в том, что обычно профессиональный живописец, работая над портретом, стремится разглядеть его как можно эффектнее и интереснее, ему хочется, в меру своих сил и возможностей, передать душевный мир и нынешнее состояние модели, короче — «подать» ее как можно выигрышнее. В то же время тонкие душевные переживания: будь то улыбка или грусть, задумчивость или холодное высокомерие, которые с таким блеском и артистизмом умели передавать большие мастера, — обрекают модели на существование в обычном житейском течении времени. Они целиком принадлежат той минуте, в которую их и изобразил художник.

Совсем другое дело — примитивный портрет. Оцепенелость и застылость моделей, их напряженный серьезный взгляд делают их гораздо величественнее и значительнее, чем они были на самом деле. Эти люди, такие обычные и заурядные в своей повседневной жизни: какие-нибудь кашинские или угличские

купцы и их жены, отбросив все свои мелкие дрязги и заботы, неожиданно предстают перед художником, как перед Богом, желая только одного — чтобы он сохранил для потомков все самое лучшее, что было в них самих и их жизни. И это осознание значительности момента, ощущение предстояния перед людьми и Богом как бы вырывает людей из обычного, реального потока времени и переносит в другое измерение, ставит их вообще вне времени. Это действительно другая, «великая» реальность, как говорил Василий Кандинский.

Особенно сильное впечатление в этом смысле производят групповые портреты, такие, например, как портрет семьи кашинского городничего Я. А. Викторова или портрет неизвестной купеческой семьи из Ярославского музея, где собраны вместе на одном холсте члены одной большой семьи. Здесь духовная энергия, исходящая от примитива, достигает предельной концентрации. Кажется, будто все они — от крошечных детей, юных гимназистов, взрослых сыновей и до старых, благообразных отцов семейства — воскрешены неведомой рукой, чтобы предстать перед нами с какой-то своей, только им известной мыслью. Возникает очень странное, почти мистическое ощущение встречи с воскресшими людьми, отчасти схожее с тем чувством, которое овладевает нами, когда мы глядим на фаюмские портреты — знаменитые «фотографии» древности.

К сожалению, в середине XIX века провинциальный купеческий портрет навсегда вытесняется вошедшей в моду фотографией. Быстрая, дешевая, бездушная техника без труда победила в коммерческом соревновании более дорогой и трудоемкий, хотя и более одухотворенный живописный портрет.

Правда, в начале нашего столетия произошло как бы осознание примитивом своей собственной значимости и ценности. Быть может, именно наступление новых времен, когда сместились критерии профессионализма, когда работы художников-самоучек, таких, как Пирсmani в России и Анри Руссо во Франции, стали выставляться наряду с произведениями художников-профессионалов, подготовило появление таких уникальных фигур, как ныне широко известный крестьянский художник Ефим Честняков. Напомню, Честняков не был в отличие от Руссо и Пирсmani художником-самоучкой в полном смысле этого слова. Ему не приходилось самому, в одиночку, осваивать труднейшее ремесло живописца: в течение нескольких лет он посещал Тенишевскую студию, брал уроки у Репина, числился вольноприходящим в натурном классе Академии художеств и в мастерской Д. Н. Кардовского, так что его профессиональная подготовка была достаточно основательной. Но уникальность этого большого мастера в том, что его очень самобытное, выпадающее из общего ряда понимание жизни и красоты исключало использование традиционного, привычного, академического языка и требовало поиска совершенно особых, оригинальных средств выразительности, новых красок, образов и пластики. «Я завлекаюсь как-то только оригинальным, — писал он в письме К. Чуковскому, — в шаблонах теряется интерес новизны». И этот поиск привел его, быть может, под впечатлением от народного примитивизма, к сознательной при-

митивизации; к условному рисунку, некоторой упрощенности формы и пространства, свойственных народному примитивизму и детскому рисунку. Смешение двух противоположных и, казалось бы, взаимоисключающих стилей, перенесение детского и сказочного народного мироощущения в мир «взрослой» станковой картины производят совершенно потрясающий эффект.

Продолжает ли и сегодня существовать «примитивное» искусство? Если исключить собственно народное прикладное творчество: росписи посуды, вышивки и столь любимые народом коврики с преувеличенно яркими и нарядными орнаментами, лебедями и оленями — и рассматривать исключительно живопись, то и она, оказывается, живет и не умирает по сию пору. По-видимому, феномен существования примитивизма связан, с одной стороны, с тем, что в современном обществе у большинства людей появилось достаточно много свободного времени, а с другой — с увеличением престижа занятий искусством. Появились, если говорить о нашей стране, так называемые самодеятельные художники, люди, совмещающие занятия искусством на досуге со своей основной специальностью, или пенсионеры, впервые взявшие за кисть в весьма преклонном возрасте. В общем, ситуация в XX веке как будто бы напоминает ситуацию в XIX, правда, с той великой разницей, что и в XVIII и в XIX столетиях художники-примитивисты были в своем огромном большинстве прежде всего профессионалами, хотя уровень их подготовки, как правило, оказывался достаточно низок и не соответствовал высоким требованиям академической науки. Но самое главное, у них существовал как бы комплекс собственной неполноценности, они осознавали несовершенство собственной живописи, и их идеалом всегда оставались образцы высокого столичного искусства. Их трогательная неумелость, наивность и простодушие, соединенные с искренним желанием дотянуться, дорасти до настоящих, ученых мастеров, и составляют главное обаяние и прелесть «наивного», «примитивного» искусства.

Другое дело современные примитивисты, в большинстве своем прекрасно знающие цену своему «неумению», сознательно культивируют, умело эксплуатируют его, щедро поставляя на рынок изделия своего примитивного искусства. Ведь «основой оценки творчества, — считал известный искусствовед, академик Михаил Алпатов, — будь то профессиональный или самодеятельный художник, служит одаренность, талант... «Наивное» искусство ценно не потому лишь, что оно «наивно», а потому, что оно может быть таким же искусством, как и искусство профессионалов». Получается, таким образом, довольно забавная вещь: те свежесть, наивность, простота и ясность примитива, к которым так стремились художники в начале века, чтобы освободиться от штампов и рутинности академической живописи, сами превратились в штамп и стали рутинной. Исчезли бесценные качества примитивистов: их детская искренность и непосредственность. Безусловно, взрослые люди могут очень искусно научиться подражать детям, имитировать примитив, но стать детьми они уже никогда не смогут: бремя знаний и коммерческого расчета помимо их воли будет всегда выдавать их.

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

ТОПОЛСТЫЙ

И ТОЩИИ

*Заметки
сочувствующего
оптимиста*

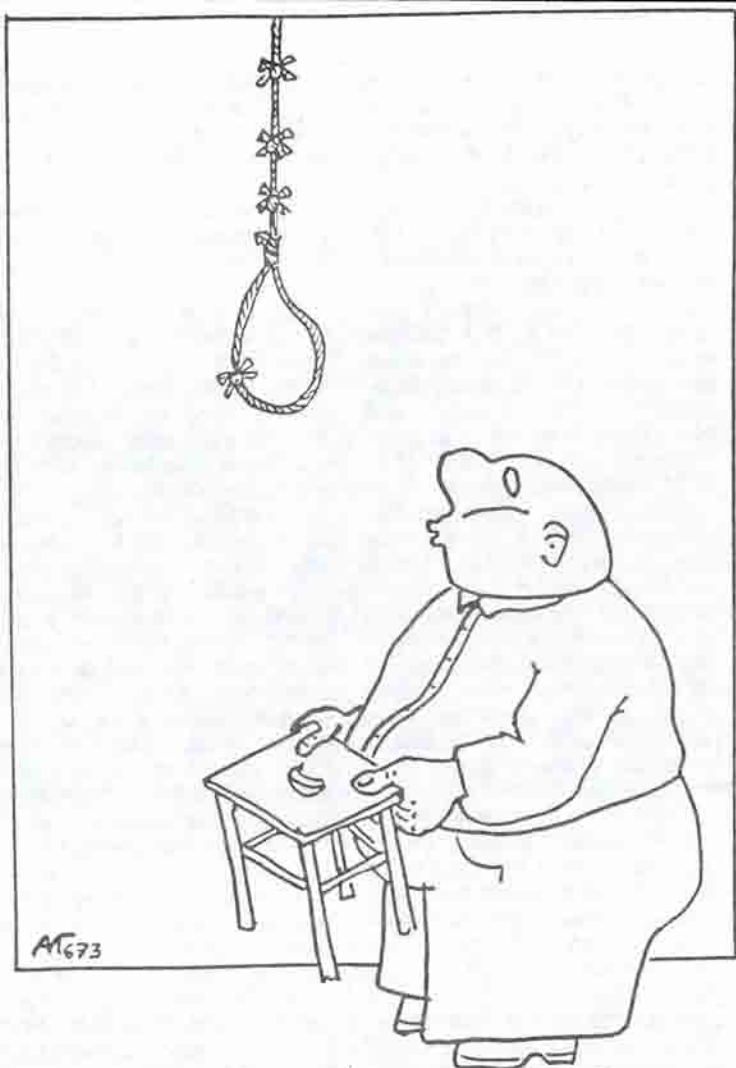
Будьте здоровы!

Однажды ваш школьный друг портит вам настроение на неделю, а может, на всю оставшуюся жизнь. «Сто лет, сто зим! — восклицает он и добавляет: — Эх, ну ты и растолстел!»

И пусть вас утешает жена, что вы просто в меру упитанны, что легкая полнота вам к лицу, что до настоящей толщины еще далеко — зеркало в ванной, весы и ремень, в котором пришлось ковырять очередную дырочку, убеждают вас в

обратном. Вы пытаетесь найти спасение в софизмах. Что значит «потолстел»? Неужели все люди должны быть слажены по одному ранжиру: «рост минус сто — вот ваш идеальный вес», как пишут дамские журналы? И где вообще грань, отделяющая «толстого» от «нормального», а «нормального» от «тощего»?

И выясняются любопытные вещи. Оказывается, рассказывает Юнна Павловна Попова, канди-

дат медицинских наук и заведующая отделением в клинике лечебного питания Института питания РАМН, раньше у разных стран были различные нормы «толщины» и «худобы». Нормальный вес рассчитывали по сложным формулам в зависимости от пола, возраста, роста. У французов, наверное, эти нормы были жестче всех, в шутку предполагаете вы. Выясняется, что и вправду на десять, а то и на пятнадцать килограммов францу-

зам предписывалось быть худее, чем, скажем, россиянам.

Но вот недавно ученые разных стран наконец пришли к единому мнению о том, какой вес считать идеальным. Был принят так называемый «росто-весовой индекс Кетле». (Разработали его, кстати, во Франции.) Вы делите свой вес (в килограммах) на квадрат роста, выраженного в метрах. Если результат уложился между 20 и 25 (для мужчин) или 19 и 23,8 (для

женщин) — вы в норме. Возьмем калькулятор и посчитаем: для женщины ростом 1,6 метра нормальный вес будет простирается (округляем в выгодную нам сторону) от 48 до 61 килограмма. Для мужчины ростом 1,7 метра — от 58 до 73 килограммов. Ужасный коэффициент выдумали французы!

Если вы толще верхнего предела более чем на 15 процентов, медики считают у вас ожирение. (Если в эти 15 процентов укладывается — это просто «избыточный вес».) Стало быть, когда дама ростом метр шестьдесят весит от 61 до 71 килограмма — вес у нее избыточный. Выше — ожирение. Аналогично про джентльмена ростом метр семьдесят и весящего вплоть до 84 «кэгэ» врачи скажут: вес — избыточный (в народе такого человека охарактеризуют: «полноват» или «дородный»). Тому же, кто этот рубеж перешагнул, медики ставят диагноз «ожирение», а народ —... Впрочем, просторечных синонимов у малоприятного диагноза много.

Ваш вес попал в «нормальные» параметры? Нет? Можете утешать себя тем, что ваши товарищи по несчастью — 62 процента населения Земли. В странах «третьего мира» он, вес, зачастую ниже положенного; в развитых государствах, а Россия, во всяком случае, по этому параметру относится к развитым — выше. (Реформы повлияли на людей по части «затягивания поясов» лишь в фигуральном смысле. Россияне еще больше толстеют — потому как мы теперь меньше едим ставшие не очень-то по карману мясо, творог, яйца, а нажимаем на относительно дешевые картошку, макароны, хлеб...) В странах, что относят к «цивилизованным», избыточным весом страдает около трети населения. (Кстати, во всех государствах — примерно одинаковый процент: слухи о том, что

французы — изящные, американцы — поджарые, а у немцев — «пивные животы», статистикой не подтверждаются.) У половины россиян вес выше нормы, причем четверть наших соотечественников уже перешагнула порог «тучности» или «дородности» и страдает ожирением.

Вы возводите свой рост в квадрат и понимаете, что вес ваш согласно индексу с берегов Сены избыточный (но, слава Богу, до ожирения далеко) — и тогда ваши мысли принимают другой оборот. Ну и что, думаете вы, пяток кило лишних — что они мне, мешают? Может, и хорошо, что есть «соцнакопления»: «Пока толстый сохнет, худой сдохнет; хорошего человека должно быть много» — народ мудр!

Изнурять себя диетой и бегом трусцой придумали за океаном, думаете вы. На Руси всегда ценилась дородность. Какой симпатичный портрет нарисовал нам, потомкам, Антон Павлович Чехов: «Губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем...»

И жен русские выбирали себе под стать — чтобы румяная была да полная. Говорят, купцы избранниц своих перед свадьбой на весы ставили и радовались, если тянет на пять пудов. Это потом заморская порча пришла: курсистка, талия в рюмочку, томная бледность, в отставленной руке длинная папироска: «Ах, я обожаю Писареву!» А народных чаяния выражал Кустодиев в «Русской Венере» и Васнецов со своими «Тремя богатырями».

А взять всенародно любимых актрис — Гурченко и Гундареву. Любят-то их обеих, да по-разному: первой, что с осиной талией, изящными ножками, — восхищаются, преклоняются, удивляются, а Гундарева — свое, родное, понятное...

Главное, не надо стесняться

своей толщины, комплексовать по этому поводу. Примерно как артистка Наталья Крачковская, первая мадам Грицацуева страны:

«Полнота никогда не была для меня психологической проблемой, я никогда не стеснялась своей комплекции. Мужчинам нравилась моя пышность, а мне нравилось оставаться собой...»

Но вот что говорит по этому поводу специалист — кандидат медицинских наук Попова:

— Если бы излишний вес был только эстетической проблемой!.. Вы знаете, что толстые люди живут в среднем на 12 лет меньше, чем те, у кого вес нормальный?.. А что у них примерно в три раза чаще случаются инфаркты, инсульты, другие сердечно-сосудистые заболевания?.. И в девять-десять раз чаще бывают камни желчного пузыря или почек?.. И в среднем в десять раз выше риск заболеть сахарным диабетом?..

Вы тут же начинаете защищать свои злосчастные пять килограммов лишку, а Юнна Павловна в ответ:

— Очень может быть, что лишние пять килограммов в тридцать лет превратятся к сорокалетию в пятнадцать, а к пятидесяти годам — в двадцать пять. Весь наш врачебный опыт, вся статистика подсказывает: если молодой человек с небольшим избыточным весом ничего не делает, чтобы его уменьшить, он толстеет как бы сам по себе. И еще. Тот, кто склонен к худобе, тому в результате стрессов кусок в горло не лезет, а расположенный к полноте от волнений начинает есть больше... Помимо индекса Кетле, есть еще один стандарт нормального веса: он, вес, должен оставаться таким же, как в восемнадцать-двадцать лет, в течение всей жизни, до самой гробовой доски.

— Неужели трудно придумать

что-нибудь, чтобы похудеть быстро и без мук?!

— Чудес не бывает. Во всяком случае, я еще ни одного не видела.

А как ждут этого чуда 75 миллионов полных американцев! Люди надеются на «лекарство от обжорства» с такой страстью, что, когда в июле прошлого года американская фармацевтическая компания «Амген» объявила о том, что ученые, изучающие «ген полноты», добились похудания одной из подопытных мышей, акции фирмы выросли в одночасье на девять процентов — или на 900 миллионов долларов!

На поиски средства для худения капиталисты не жалеют времени и сил. Корпорация-гигант «Проктэр энд Гэмбл», больше известная нам по шампуням и крему для рук, отстегнула уже свыше двухсот миллионов долларов (!) на разработку жира, в котором не содержалось бы... жира. Исследования «мыльной» фирмы увенчались успехом. Уже нынешней осенью на прилавки американских супермаркетов (а значит, и отечественных коммерческих киосков) попадет сверхнизкокалорийный продукт под названием «олеан»: синтетический жир, на котором можно будет готовить и мазать его на хлеб, и добавлять в кашу...

На упаковках олеана, правда, появится надпись, предупреждающая покупателей, что жир может вызывать побочные эффекты: есть вероятность судорог в животе и, pardon, потери стула. Кроме того, олеан вымывает из организма некоторые витамины.

Если хочешь быть поджарым, страдай...

А ученые уже упоминавшейся фирмы «Амген» открыли гормон под названием «лептин». Когда лептин вводили крысам, те немедленно начинали худеть. Гормон этот как бы сигнализирует организ-

му, когда перестать есть, а когда «попросить добавки». Кроме того, американские ученые обнаружили протеин под названием GLP-1, который также укрощает аппетит. Опыты проводили на грызунах, но исследователи утверждают, что этот протеин вырабатывается организмами всех позвоночных, а стало быть, и человека.

До опытов на более развитых, чем крысы, организмах ученые еще не дошли. Кто знает, сколько понадобится времени, чтобы «эликсир от аппетита» появился в аптеках. Кто знает, какими побочными эффектами он будет обладать...

А пока мы ищем чуда вокруг нас. Тем более что искать особенно не надо. Только успевай отбиваться от хватающих вас за рукав распространителей гербалайфов, термоджетиков, сжигателей жира и суперсжигателей жира, обещающих вам: сбросишь вес без всяких диет и усилий — только купи!

Как официальная наука относится к подобным чудесам?

— Давайте разберемся, — говорит Попова, — что же такое гербалайф и прочие чудо-снадобья. Это биологически-активные добавки к пище. Мы обычно недополучаем витамины практически всех групп, белок, минеральные вещества. Особенно мало съедаем их, когда сидим на диете. Добавки восполняют нехватку нужных организму веществ. Вреден тот же гербалайф? Нет! Но придавать ему важное значение я бы не стала!.. Все полезные вещества содержатся в нем в небольших дозах. Как дополнение к диетам гербалайф полезен. Но не больше. И я против того, чтобы эти добавки распространялись бесконтрольно. Ведь они содержат травы, порой кофеин или йод. От трав возможна аллергия, тот же кофеин может быть вам противопоказан... Перед тем как гербалайфы прини-

мать, надо как минимум посоветоваться с врачом...

Один из «суперсжигателей жира» мы исследовали в нашей клинике. Две группы больных получали одну и ту же диету, лечебные упражнения, водные процедуры... Первая из этих групп принимала добавки «сжигатель». Реклама обещала: «Один грамм препарата сжигает девятьсот граммов вашего лежального жира». А что оказалось? Контрольная группа похудела в среднем на десять килограммов, а те, кто принимал «сжигатель», — на одиннадцать. Так что же сжигал «сжигатель»?

После того как в прошлом году директор Института питания академик РАМН Михаил Николаевич Волгарев рассказал в интервью нашему журналу о своем скептическом отношении к раздельному питанию, в редакцию пришли письма: дескать, Волгарев хоть и академик, а в пище ничего не понимает; раздельное питание — это панацея от всех болезней, включая импотенцию.

— Хотят люди раздельно питаться — ну и пусть себе, — говорит Попова. — Вреда от этого нет. Но давайте разберемся, на чем основана идея раздельного питания? На том, что разную пищу перерабатывают различные ферменты, и их нельзя смешивать. Углеводы перерабатывает амилаза, белки — особые ферменты... Но много вы знаете «чистых» продуктов? Их два. Масло — чистые жиры. И сахар — углеводы. И все! В том же хлебе содержатся и углеводы, и белки... Значит, когда вы его едите отдельно от чего бы то ни было, все равно в желудке вырабатываются разные ферменты. Идея раздельного питания принадлежит американцу Шелтону. Когда в прошлом году у нас был совместный с американцами симпозиум, те при упоминании

этой фамилии долго смеялись. Они рассказали, что в США идеи Шелтона уже давно забыты, и были страшно удивлены, почему о раздельном питании так много сейчас говорят в России.

Нет панацеи! Нет, увы! Ни дома, ни за морями!

Вы убеждаетесь в этом и задаете Поповой сакраментальный вопрос: «Так как же все-таки похудеть?» — тем более что худенькая Юнна Павловна производит впечатление человека, который знает толк в этом деле.

Для начала врач из клиники лечебного питания просит вас, как и всех своих пациентов, рассказать, что вы едите в течение дня. Вы рассказываете ей о кофе с бутербродом, который спросонья запикиваете в себя по утрам; о том, что на работе столовую закрыли, поэтому приходится питаться, чем Бог пошлет, а посылает он то бутерброд, то пирожок, то печенье; о вечернем пиршестве рассказываете, когда жена потчует котлетами с жареной картошкой, или тушеной капустой с сосисками, или жареными окорочками; упоминаете в припадке честности и о ночных вылазках к холодильнику...

— Давайте сейчас пройдем по палатам, спросим наших толстяков — а у нас средний вес мужчин 170 килограмм, — как они питались до того момента, как попали в клинику. Уверяю вас — сто из ста расскажут то же самое, что и вы.

— Но это же — большие!

— Только у четверти из тех, кто страдает ожирением, оно действительно вызвано болезнью: нарушениями эндокринной системы, травмами головы, сотрясением мозга... У остальных причина — неправильное питание. В каком-то смысле это болезнь: как алкоголизм, наркомания... У пациентов мы всегда спрашиваем: вы сами хотите поху-

деть, или этого хочет ваша жена, или муж, или дети? Если человек не хочет сам — лечение бесполезно. Врач же не будет отнимать у него вилку! Сколько бы меня ни уверяли пациенты, что они «едят, как все», а толстеют «из воздуха» — я в это не верю. Больше других они едят. Больше!

С мнением Поповой солидарны ее заокеанские коллеги. В США проводили опрос среди 318 врачей, практиковавших лечение ожирения традиционным методом — с помощью диет. В анкетах (анонимных, конечно, — в лицо больным ничего обидного говорить нельзя!) две трети докторов написали, что, по их глубокому убеждению, их пациенты — просто безвольные люди. 39 опрошенных употребили более сильные выражения: пациенты — лентяи.

Бывает виновата наследственность? Американцы исследовали 540 человек, которые воспитывались у приемных родителей. (Тучность членов одной семьи можно объяснить тем, что они питаются одинаково.) Выяснилось, что полнота имеет генетическое происхождение в трети случаев. По наследству скорее всего передается, как предрасположенность к алкоголизму, предрасположенность к полноте. Но дальше — все в ваших руках. Даже если родители и дядя пили запоем, а мамы и тетки весили по восемь пудов каждая, вы можете всю жизнь не притрагиваться к рюмке и не раскармливать себя.

Влияет ли на вашу толщину конституция — в смысле телосложение? Конечно, если вы широк в кости, а так называемый межреберный угол велик, и имеете, говоря по-научному, гиперстеническое сложение, то шансов быть пухлым у вас больше, чем у астеника, у которого фигура — «сплошное тело-вычитание». Однако конституция,

как и наследственность, лишь предрасполагает к излишнему весу, но не обязывает вас объедаться. Среди астеников, у которых предки — «кощей на кощее», тоже встречаются невиданные толстяки.

А есть ли в России проблема слишком маленького веса? Нет, уверенно говорит Юнна Попова. Это забота стран «третьего мира». Попова работала в Йемене, во Вьетнаме — там излишней толщины не знали. Какой избыточный вес, когда многим есть нечего! Но в развивающихся странах уверены, что, по мере того как эти государства будут наращивать свою экономическую мощь, проблема массового переедания встанет перед ними во всем, так сказать, объеме.

У нас на сто обращающихся в клинику лечебного питания с жалобами на избыточный вес приходится всего двое-трое «суперхудых». Таких прежде всего направляют к эндокринологу, гастроэнтерологу и психотерапевту. Обычно нехватка веса связана с каким-то заболеванием в одной из этих сфер.

Врачи предостерегают (особенно это касается девушек) от того, чтобы в погоне за Синди Кроуфорд они морили себя голодом, «вычитая» из и без того стройной фигуры дополнительную пару-тройку килограммов. Хорошо бы сумасбродкам помнить, что у нормального веса есть не только верхняя, но и нижняя граница и переходить ее тоже не рекомендуется. Иностранные врачи, кстати, сообщают, что женщины, чей вес меньше нижней границы на 20 процентов и более, имеют серьезные проблемы в сексуальной сфере.

Но перед вами, как, увы, и перед всем российским народом, стоит не проблема потолстеть, а прямо противоположная. И вы спрашиваете у Поповой, есть ли у нее фирменная диета? Есть принципы, отвечает

она. Какие? Ничего не есть после шести вечера. Совсем ничего? Ничего, ни крошки!..

Затем. Надо завтракать! Съесть яйцо или творог, или кашу. На работу, коли нет столовой, брать с собой пищу. Не бутерброды! Возьмите винегрет, апельсин или салат, яблоко. Ешьте на службе два раза. В обед, например, — салат, в полдник — яблоко.

В одно и то же время питайтесь, говорит Попова. Очень важно, чтобы вам хотелось есть «по часам». Даже если вы будете съедать немного, но в урочное время, ваш аппетит станет молчать во внеурочное.

Вы вспоминаете книгу Василия Белова «Лад»: в крестьянских семьях питались по вытням, то есть по строгому распорядку, который никто не мог отменить. Даже в голодуху — в определенные часы, когда все равно стелили скатерть, садились всей семьей, хоть и ели одну картошку. На завтрак обычно хлебали суточные щи — то есть заправлялись основательно. После обеда спали. (Разоблачение одного из самозванцев было ускорено тем, что тот не спал после обеда...)

Для крестьян обязательной была паузна, полдник по-современному. Ну а на ужин — те же щи или, скажем, тертая редька в квасу с раздавленной картошкой — в пост.

Вы же на ужин, продолжает Попова, просите супругу готовить не картошку, а овощное рагу. А мясо? — спрашиваете вы жалобно. Можно. Но лучше не жареное, а вареное.

Кофе и чай пейте без сахара. Ваша доза — две чайные ложки в день. А шоколадку можно? Ни шоколадки, ни конфетки, ни мороженого, ни пирожного!.. Ни пепси, ни коки. А «пепси-лайт» можно? Можно. «лайт» — напиток без сахара. Пейте минералку, соки, если фи-

нансы позволяют. Кстати, жидкости вам на день вместе с супом, чаем и соком положено не больше шести стаканов.

Соленого тоже нельзя. Ваша норма: чайная ложка соли без верха. Попросите жену готовить всю пищу несоленую, а сами присаливайте так, чтобы в эту ложечку уложиться.

Дневная норма масла — столовая ложка растительного или пятнадцать граммов сливочного. Пятнадцать граммов — это сколько бутербродов? Смотря каким слоем мазать — если толстым, то один.

И забудьте о пряниках, «сникерсах», печенье, бубликах... Хлеба есть поменьше? Как можно меньше! Я почему-то именно так и думал...

А сколько, интересно, необходимо двигаться для того, чтобы не толстеть? Статистика нам подсказывает коварные выводы: двигаться надо ...меньше. Во всяком случае, в США в 1987 году активно занимались спортом 12 процентов населения, а в 1992-м — 14 процентов; регулярно прибегало к физкультуре 22 процента в 1987-м и 24 процента — пять лет спустя. А толстых за это время прибавилось! Может, занимались спортом — одни, а толстели — другие?

Зато финские медики в течение пяти лет наблюдали 12 тысяч своих соотечественников и пришли к противоположным выводам: во-первых, физическая активность уменьшает вес человека (стоило ради такого вывода пять лет вести научную работу?), а во-вторых, активный образ жизни влияет на вес даже в большей степени, чем рацион питания.

На вопрос, каким лучше спортом заняться, Попова отвечает коротко: «Любимым!» Хорошо помогают плавание, теннис...

— Норма физической активности — десять тысяч шагов ежедневно. Это семь километров, или двухчасовая прогулка. Люди, следящие за собой, приходят к этому эмпирически. Я читала, что Рахманинов гулял по два часа ежедневно.... Восьмидесятилетний академик Раушенбах до сих пор ходит пешком больше часа в день... Мы в отделении купили шагомер и носили его по очереди (цепляешь на руку или на пояс сразу, как встаешь утром с кровати). И оказалось: те, у кого вес в норме — как раз и проходят ежедневно десять тысяч шагов и больше; а имеющие излишки — две, три, четыре тысячи... Если у вас сидячая работа, дома и на службе вы наматываете полторы-две тысячи шагов; остальные надо организовывать; например, выходить из автобуса за три-четыре остановки или гулять весь выходной...

...Вы не хотите в пятьдесят лет весить сто килограммов, не хотите инфаркта и диабета. Вы твердо решаете заняться спортом, не употреблять жирного и сладкого, питаться по часам, на работу таскать с собой в баночке винегреты и ничего не есть после шести вечера.

Вы возвращаетесь домой и еще в подъезде слышите, какие из кухни несутся ароматы — жена жарит картошку и тушит свинину...

Ну, мужайтесь!

Актриса

на длинные дистанции

Монологи в антрактах

Однажды Оксана Мысина ехала в трамвае на встречу с режиссером и читала текст пьесы. Читала — и ехала в противоположную встрече сторону. Режиссер ждал...

Так с ней бывает; такие вот путанные взаимоотношения с пространством. Она считает: цель — полет; и какая разница, в какую сторону неба углубляться. Она уже потрясает театральным мир и подбирается к кинематографу. По безмерности самоотдачи Оксана сродни молодой Инне Чуриковой, хотя ближе ей Мэрил Стрип. Впрочем, любит обоих, считая себя не похожей ни на кого...

СЛЕЗЫ. — В «Президент-отеле» был первый просмотр фильма «Пьеса для пассажира» Вадима Абдрашитова, собралась элита — разные маститые личности. Мы сидели желто-зеленого цвета от страха — Сергей Маковецкий, Игорь Ливанов и я. Никто из нас не понял, что за фильм получился. И после картины я пошла в туалет и сорок минут над раковиной просто рыдала, у меня потекла вся косметика; я была в ужасе от себя. Потом припудрилась, вышла. И мне сказали: послушайте, если вам так не нравится то, что вы делаете, ну не смотрите. Но снимайтесь...

ЭКСПЕРИМЕНТ. — Я стремлюсь к тому, чтобы все видеть и слышать на сцене. Спектакль «К. И. из «Преступления» так и задумывался, чтобы использовать все неожиданности, живые моменты. Эксперимент Гинкаса был в том, чтобы проигрывать ситуацию именно с этими зрителями, с этой аурой. Поэтому спектакль скачет: меня заносит иногда в одно качество, иногда в другое, иногда в третье. Однажды я упала вместе с лестницей с высоты шесть метров. И поскольку

мой организм был настроен на подъем, то, когда падала, было ощущение, что медленно лечу вверх. Я не ощутила падения, не ударилась, не получила ни одного синяка. Монтировщики потом рассказали, какой был жуткий грохот, но я его не слышала. Позже, когда начался процесс осознания, поняла: если бы упала чуть в сторону, на стол, то сама разбилась бы и зрителей зашибла. Бог миловал... Но самое фантастическое, что я действительно не почувствовала боли.

ДЕРЗОСТЬ. — Меня выгнали из театра. Я восемь лет работала у Светланы Враговой в Театре на Спортивной площади. Там был мой дом, моя гримерка. Мы вместе начинали — Врагова сделала театр на базе своего курса. И случилось, что Борис Александрович Львов-Анохин пригласил меня в спектакль «Письма Асперна» работать в паре с Эдой Урусовой. А я с детства обожаю Урусову. И Львова-Анохина очень люблю — удивительно интеллигентный, тончайший, высокого полета режиссер. Просто чудо. И мне безумно хотелось попробовать себя на большой сцене. Я высокая, и меня всегда тянет на большое пространство. И вот мечта сбылась — меня пригласили. Светлана отпустила. А потом начались проблемы. Я никогда не пропускала репетиций, никак не подводила театр. Но однажды мне было высказано: мол, я предательница по природе и еще всякие такие вещи, с которыми я не согласилась и тоже сказала все, что думаю. И была выгнана. У меня такой характер — я Бык по гороскопу, — могу очень долго терпеть, быть тихой, но, если передо мной возникает красная тряпка, во мне все обрывается. Я оказалась в полном отчаянии. И на следующий день набралась жуткой дерзости, узна-

ла телефон Камы Гинкаса и позвонила ему. За год до этого я видела его спектакль «Играем Преступление» и была потрясена. Через фразу извиняясь, я сказала: «Вы меня не знаете, я работала у Светланы Враговой, вчера меня выгнали из театра, и, может быть, вы со мной что-нибудь сделаете?» Он предложил встретиться. У него в тот период тоже была как бы вынужденная пауза. Мы договорились попробовать без всяких обязательств друг перед другом. При встрече он сказал: давайте почитаем. И достал рукопись пьесы Дани Гинка. Я стала читать — и мы очнулись, когда прошло пять часов. Так мы начали репетировать — без выходных. Я была в эйфории от этого человека! От его глаз, ума, поразительного актерского таланта. Я все время хохотала, когда он показывал какие-то куски. От восторга. А он, наверное, долго думал, что я шизик... У меня до сих пор не выходят из памяти глаза Гинкаса во время репетиций. Он ведь сам побывал в сумасшедшем доме, так что ему было с кого лепить этот персонаж. Пятнадцать лет он думал о том, как эту идею претворить в жизнь...

ВЗЛЕТ. — Может, смешно звучит, но с двух-трех лет я знала, что я — трагическая актриса. Хотя потом выяснилось, что все-таки комедийная, вернее — на грани... Я родилась в Донбассе, в степи. В Москву мы переехали, когда мне было восемь лет. Папа работал на шахте, мама занималась прогнозами землетрясений. У нас дома было зеркало во весь рост. Я становилась на кровать и начинала примерять разные вещи и что-то изображать. Мы созывали соседей и устраивали с сестрой кукольный театр, сочиняли всякие сказки. В девять лет я пережила самый большой творческий подъем, просто-таки пик в

ощущении себя актрисой, сыграв Бабу-Ягу в пионерском лагере в Анапе. Ее всегда играла там Марья Сергеевна, руководитель кукольного кружка, где я занималась, заслуженная артистка. И за три дня до Нептуна она сломала ногу. А Баба-Яга — центральный персонаж праздника. На эту роль назначили толстую пионервожатую, вроде как она большая и солидная, а я была очень маленького роста...

Я вообще выросла очень поздно, в пятнадцать лет. До этого все говорили: она в бабушку. Мама моей мамы была миниатюрная, ножка крошечная — 34-й размер, грудь колесом... А я вдруг рванула вверх, и это была большая трагедия в тот момент, потому что я ощущала себя маленькой хорошенькой девочкой, и вдруг стала километровой верстой, и что со всем этим делать, просто не знала. Поэтому поздно поступала в актрисы, пока наконец не нашла применение своей длинноте. А когда я увидела, как репетирует Бабу-Ягу та толстая тетя, я подошла к директору лагеря и сказала: «Я сыграю эту роль». Стоявшие вокруг пионервожатые захохотали и предложили мне показать. И я как пошла все сцены играть. Они решили: ладно, пусть играет, посмеемся. Марья Сергеевна меня загримировала, повесила на лоб горящие лампочки, лицо было черного цвета, глаза красные, на спине горб. И вот взорвался тальк, и я из пламени выпулила на песок с таким вдохновением, что, пролетев сквозь всех пионеров, визжавших от ужаса — настоящая Баба-Яга! — влезла на столб высотой метров двадцать, хотя никогда не умела лазить. Сейчас мне даже представить это трудно, а тогда я сидела там, размахивала зонтом и подавала реплики.

ФЕНИКС. — Я поступала в ГИТИС

в 21 год... До этого закончила Гнесинское училище по классу альты. Пошла по стопам старшей сестры, которая всегда для меня была примером — она хорошо училась, очень умная, а я так, за дурашку проходила дома. Я занималась на скрипке в училище и тайком бегала в театр Спесивцева. Тогда был расцвет его театра на Красной Пресне. Я играла в рок-опере «Садко» птицу Феникс. Нашлось применение и моему голосу, и длинным ногам. Три года я скрывала от гнесинцев свою параллельную жизнь. Но однажды педагог пришла на спектакль и увидела, что Мысина, вместо того чтобы заниматься на скрипке с утра до ночи, поет да еще неприлично демонстрирует свои ноги. Меня вызвали на педсовет, стали воспитывать: ведите себя прилично, хватит заниматься ерундой, посмотрите на себя, какая вы актриса, музыкант еще так-сяк, опомнитесь, Мысина! На что я им сказала: «Вы хотите, чтобы я лучше училась? Этого не произойдет. Если я уйду из театра, я вообще жить не буду». И меня оставили в покое, дали доучиться: Я окончила училище и поняла, что теперь надо поступать в артистки. Поскольку всех пятерок у меня не было, рекомендацию мне не дали, распределили в Омск, в оркестр оперного театра. Но у меня была потрясающий педагог — Барановская Рашель Исаевна, которая считала, что я обладаю артистическим талантом. Когда она играла нам Листа, Шопена, я слушала вот с такими глазами. И она говорила: «Мысина, не держи себя, станцуй что-нибудь, я не могу видеть, как ты сейчас взорвешься!» И я бегала, прыгала, руками-ногами размахивала. И вот она для меня выкрала бланк, напечатала текст рекомендации, охмурила директора училища, подсунув ему на подпись, шлепнула печать и дала мне заветную

бумагу. Я поняла, что теперь поступлю. Хотя это было только начало.

ЭФРОС. — Безумно мечтала учиться у Эфроса. Мне казалось, что это мой режиссер, что наконец у него будет актриса, которая его поймет. Я видела все его спектакли и плакала в зрительном зале, потому что мне казалось, актеры недотягивают, я чувствую, о чем он просил, но они недопонимают. Я прошла второй тур к Эфросу, и вдруг меня перепутали в списках и направили на третий тур почему-то к Голубовскому. Он меня прослушал, а потом кто-то ему на ухо сказал: она была у Спесивцева. Выражение его лица сразу изменилось, он спросил: «А вы, значит, работали у Спесивцева?» — «Да, работала». — «А, говорят, у него в спектакле четыре Ромео и четыре Джульетты?» — «Да». — «А мне, знаете ли, всегда было достаточно одного Ромео и одной Джульетты». — «Ну что ж, каждому свое». И я ушла. Меня предупреждали: не говори, что ты была у Спесивцева, не поступишь: его здесь все ненавидят. А я отвечала: ненавидят — значит, не стану учиться у этих людей, значит, они дураки, мне не стыдно за то, что я делала... А мы там делали все: жили, строили, я научилась быть маляром, штукатуром, плотником, отбила себе музыкальные пальцы. И там я поняла, что без театра мне никуда. И вот я шла по лестнице ГИТИСа и наткнулась на Эфроса. Бросилась к нему: «Анатолий Васильевич, я шла к вам, меня перепутали в списках, отправили к Голубовскому, я ему не понравилась, потому что была у Спесивцева...» Он завел меня в комнату, прослушал, после чего допустил на конкурс. А перед конкурсом состоялся первый тур — в спортзале собралось человек двести, а должны были взять двадцать пять. Я

здорово опоздала, потому что лил дождь, и я промокла, и возвращалась домой переодеваться. Едва появилась, меня тут же вызвали читать. Я объявила: басня. Залезла на стул, прочитала. Все хохотали. Начала читать монолог Настасьи из «Прощания с Матерой», трагический монолог старухи перед смертью. У меня слезы катятся, а все вокруг просто умирают от хохота. Как в цирке. Закончила — сумасшедшие аплодисменты. Спела романсы. Все опять смеялись и в конце аплодировали. В общем, из меня концерт устроили: «Выступает Буракова Фрося». Потом Эфрос подозвал и говорит: «Вы нам очень интересны, но в этом году мы должны взять пять девочек и кроме тех, кого мы хотим, некоторых людей нам навязали, поэтому мы волнуемся, что будет на конкурсе, вдруг вы не понравитесь ректору, не наберете баллов. Давайте подстрахуемся, на всякий случай положим ваши документы еще и на эстрадное отделение». Я тут же говорю: «Нет-нет, я не люблю эстраду». — «Да нет, если вы не пройдете, то мы вас зимой переведем на свой курс, кого-то отчислим, вас возьмем». Я говорю: «Дело в том, что я очень не люблю эстраду, просто терпеть не могу, я хочу у вас учиться, если вы не хотите взять меня на курс, возьмите тогда музыкантом в театр, у вас идет «Мой брат Алеша» Достоевского и там звучит фонограмма, это очень плохо, я вам сыграю живьем на скрипке, будет гораздо лучше, совсем другой звук». Они смеются, а я начинаю заводиться. Тогда Анатолий Васильев, который тоже там был, взял меня за руку и повел в деканат, крепко держа, будто я могла убежать или я какая-то больная. В деканате он сам заполнил мою анкету. Так что документы положили еще и на эстраду. Я пришла домой. И позвонила мама — она всегда

принимает в моих делах очень живое участие, — а тогда она была в экспедиции в Узбекистане, занималась своими землетрясениями. И я ей все рассказываю. Она говорит: «Значит, не очень хотят взять». Я возражаю, что это не так, что я понравилась. Она говорит: «Если бы они очень хотели тебя взять, они бы взяли, ты уже получила достаточно авангарда у Спесивцева, иди к Цареву, получи классическую школу». И я пошла. И не пожалела.

МАМА. — Мама очень мудрая. Она талантливый человек, и актриса в жизни почтице меня. Все мои режиссеры говорят мне, если не идет роль: «Вспомни маму». Она «работает потоком», то есть она так живет, рядом с ней мы с сестрой всегда молчим, держим паузу, потому что она говорит безостановочно. Из нее получилась бы замечательная комедийная актриса. В школьные годы у нее был потрясающий голос, как у Обуховой. И приезжал профессор из Киевской консерватории — она жила в Днепропетровске — сказать ей, чтобы она ехала в Киев поступать. А ей вырезали гланды и повредили связки. В сорок лет она начала учиться на фортепиано — для себя. Ходит на все мои спектакли, делает мне замечания, я всегда прислушиваюсь и ужасно трепещу.

КИНО. — С кино у меня сложные взаимоотношения. Потому что театр — это все-таки творческий процесс, а кино — производство вплоть до знакомства с актером. Это угнетает. Например, меня вызвали познакомиться с одним маститым режиссером, я вошла, и первое, что мне сказала ассистент режиссера: «У вас ноги без изъема?» Я тут же попрощалась. Не могу, когда так. Это не имеет отношения к самому режиссеру, просто его окружают люди, которые так

понимают свою задачу и многое иногда портят. Кино в основном использует типаж, то есть рост, нос, щеки...

Я мечтаю сниматься в больших работах. Потому что я бегунья на длинные дистанции. Всегда за собой это знала. В школе маленькие девочки обгоняли меня на коротких дистанциях, зато на длинных я была первая. У меня натура такая: в маленькой роли я не могу все как следует распределить, разве что это яркий, эксцентрический эпизод. Страдаю, если вижу, что мне негде развернуться. Встреча с Вадимом Абдрашитовым мне очень много дала. Фактически он первый предложил мне роль, в которой есть хоть какое-то развитие.

СВОБОДА. — Мне повезло, что муж меня обеспечивает. И я могла позволить себе роскошь — репетировать у Гинкаса бесплатно. В этом плане я защищена. Мне психологически важно ощущать, что я свободна. Я немножко опасаюсь прийти в чужую труппу и начать все сначала: мне было бы неловко перед другими актерами, что я играю еще и в том театре, и в том, существую как бы в привилегированном положении. А мне хочется работать с разными режиссерами, потому что я очень жадная к разным стилям, жанрам. Мне бы, например, хотелось сделать что-то музыкальное — я пою и танцую.

ДОМ. — Для меня дом — это место, где я могу отлежаться, отдышаться. Не быть вечно готовой к прыжку. Львов-Анохин назвал меня как-то рабочей лошадью, а дома я могу побыть амебоподобным существом, немножко распуститься.

СЛАВА. — Наверное, слава — это жуткое испытание. Если когда-нибудь ко мне придет настоящая слава, думаю, нужно быть к этому го-

товой уже сейчас. Кто-то сказал: будешь сладкой — заклюют, будешь горькой — заплюют...

Одна роль в кино. Три героини в двух театрах. Разные, как русская Катерина Ивановна и французенка Жермена де Сталь. Объединенные талантом Оксаны Мысиной. Уместно ли скромничать? Волен был Жан Кокто написать: «Мадам Пиаф гениальна». И точка. Вольно и нам: Оксана Мысина гениальна. О ней говорят, как о Фаине Раневской: с придыханием восторга и тревоги одновременно. Потому что куда смотрят режиссеры? Где спрос? Торговый термин не уместен в космосе души, но вполне современен на земле — как мера телесная. Повезло Оксане с Камой Гинкасом, со Львовым-Анохиным, с Абдрашитовым. Как прежде везло со Светланой Враговой. А остальные режиссеры сокрушаются: где великие молодые актрисы? Да так же, как немолодые, чахнут от невостребованности, от собственного одинокого величия, неспособного угождать. Неужели режиссерам не хочется везения? Вот же оно живет — рядом — в маске Оксаны Мысиной.

На фестивале «Золотая маска» этого года она была в номинации на лучшую актрису рядом с Ольгой Яковлевой. «Маску» вручили Ольге Михайловне. Оксана была счастлива. Ольга Яковлева, «актриса одного режиссера», триумфально вернулась в театр. Талантливые люди не умеют мелко семенить, их шаги равновелики внутреннему содержанию. Оксана хотела учиться и работать у Анатолия Эфроса. Так что этих актрис объединила судьба. Для одной он стал Учителем, поводырем. Для другой остался таковым в мечтах.

АЛЛА ПЕРЕВАЛОВА
Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ЛЕОНИД ЛЕРНЕР

Провинциал

Сергея Бирюкова я впервые увидел так...

Рядом со станцией метро «Чеховская» есть уютная библиотека с конференц-залом, которую славный авантюрист Руслан Элинин (он ухитрился издать на деньги спонсоров уже сотни три талантливых и абсолютно не коммерческих литературных книжек) выпросил у библиотечного начальства «на четверги», создав таким образом литературно-художественный клуб, один из оазисов в «затусованной» Москве.

Здесь я встречал безвременно скончавшегося художника Юрия Кононенко из Забайкалья; в клубе этом познакомился с иркутянином Юрием Погребничко, сменившим москвича Вячеслава Слесивцева на посту главрежа в Театре на Красной Пресне; и, наконец, на одном из «четвергов» увидел Сергея Бирюкова... Худой, с аскетичным лицом, в легкой курточке, он читал стихи чуть отрешенно, но очень четко и спокойно.

*Я в первый раз попал
в такую переделку,
бросаю вверх
столовскую тарелку.
Она сейчас же
надо мной зависла,
и обнаружила тем самым
много смысла...*

Позже я подошел к нему и спросил:

— Ты откуда?

— Из Тамбова,— улыбаясь, ответил он.

— Значит, знаешь Никифорова?

— Еще бы! Кто ж его не знает.

— У тебя уже есть где переночевать? Нет — поехали ко мне.

И мы поехали и проговорили всю ночь...

Сергей — поэт, филолог, лингвист, педагог. Лауреат международных литературных конкурсов, автор книг стихов «Долгий переход», «Пишу с природы», «Муза зауми», «Знак бесконечности», многих работ о русской поэзии, в том числе блестящей книги «Зевгма: русская поэзия от маньеризма до постмодернизма», выигравшей для автора грант фонда Сороса.

Он появился в Москве еще в конце 70-х, но и по сей день (думаю, намеренно) удерживает себя в Тамбове, откуда делает в столицу головокружительные набег, а стихи его зачастую обгоняют автора. Он давно бы мог обосноваться в Москве, но нет, не хочет. Это характерно для людей, подсознательно уверенных в себе и в том, что отрыв от родного очага может что-то разрушить в душе, отнять загадку собственного бытия. Другое дело — обладать провинцией и столицей в равной мере!

— Когда я начинал писать стихи,— рассказывает Сергей,— то открыл для себя Хлебникова и круг футуристов. Внешне, естественно,

страшно привлек Маяковский. Но в самой глубине этого кружка я вдруг увидел необыкновенно таинственную и трагическую фигуру — почти никому не известную поэтессу Елену Гуро... Все — и Хлебников, и Бурлюк, и Каменский, и Крученых — относились к ней с огромным пиететом. Что касается Маяковского, то он просто умолкал в ее присутствии. Она была петербурженка, дочь генерала. Ее стихи — тонкие, прозрачные, напоми-

нают изысканные акварели... Недавно в Ростове-на-Дону (не в Москве, не в Питере!) переизданы два сборника «Шарманка» и «Осенний сон». Ну а на Западе о жизни и творчестве Гуро давно уже напечатали монографии, диссертации...

Семнадцатилетний мальчик из Тамбова, учившийся в ПТУ на аппаратчика химического производства, каким-то чудом узнал и полюбил таинственную футуристку, ко-

тору до сих пор мало кто знает в Москве, в Петербурге!

А училище-то было какое-то странное — в Тамбове его и ныне называют «университет №1». Сюда, переждать «непогоду», шли тамбовские мальчишки и девчонки, не поступившие в институты; эти же ребята составили в свое время костяк полупрофессионального театра-студии «Бригантина», на спектакли которой ходил чуть не весь Тамбов. Среди «бригантинцев» был и Сергей Бирюков...

— Ты хотел и мог бы стать актером?

— Наверное... Но «перевесила литература». Хотя в Москву я «вошел» через театр — был принят в кругу театральных критиков. Затем, подружившись с будущим обладателем «Оскара» Владимиром Меньшовым, который учился тогда во ВГИКе, начал писать и о кино... Как-то опубликовал рецензию на фильм Сергея Юткевича, и... получил от него большое восторженное письмо. В один из московских наездов я ему позвонил, он пригласил меня к себе, и с этого дня до его смерти мы поддерживали с Юткевичем самые тесные отношения. Я откликался на его статьи, спектакли, фильмы; он — на мое творчество, что, как ты понимаешь, было далеко не равнозначно...

Однажды Юткевич сказал Бирюкову: «Хватит тебе ходить в начинающих. Ты сложившийся поэт. Давай-ка я напишу тебе рекомендацию в Союз писателей». И прямо на бланке фильма, который в это время снимал, «Ленин в Париже» написал размашистым почерком эту самую рекомендацию. Но в тот Союз — писателей СССР — Бирюков так и не попал. Его вхождение на отечественный Парнас было долгим. До 1980 года он был известен единицам: его духовно поддерживали Юнна Мориц, поэт-пе-

реводчик Аркадий Штейнберг...
*Отшумели физики и лирики,
и явились эпики, эмпирики.
И остались от былой*

романтики

Ножки-рожки, выцветшие

бантики.

На осенних слякотных

дорогах

много листьев — лавра и

фиговых.

*Фиговые листья не в цене —
истина по-прежнему в вине.*

Москвич и тамбовчанин, мы с Бирюковым как-то вышли на заветную и волнующую обоим тему: столица и провинция. Ведь это общающиеся сосуды.

— В Москве провинциальность невероятно сильна. — убеждал меня Сергей. — На каждом шагу мы встречаем здесь ярославские, пензенские, уральские, сибирские, кавказские формы бытия, культуры, отношений. А уж Тамбовом Москва попросту наводнена!.. Однажды Фаина Раневская спросила: «Где вручают Нобелевскую премию?» Ей ответили: «В Стокгольме». «Боже, какая провинция!» — воскликнула она. «Что же, по-вашему, не провинция? Может, Париж?» «Тоже провинция», — И на повторный вопрос: «Что же все-таки не провинция?» вдруг заявила: «Бибирево»...

Слушая и наблюдая Бирюкова, я все больше догадываюсь, в чем суть столь органичного отношения к нему и московской творческой интеллигенции, и ученых-лингвистов, и столичной богемы. Живший в глухой деревне, учившийся в ПТУ, служивший в армии, он с первых своих шагов в Москве никогда не ощущал себя провинциалом. Главная причина столь редкого состояния та, что Бирюков всегда осознавал свою причастность к высшим сферам творчества, и это спасало его от тщеславия, ненужных комплексов, от «детской» за-

стенчивости перед знаменитостями.

На свете всегда жила и живет порода людей, что умеют сблизить, казалось бы, несближаемое. Сергей Бирюков из тех, кто призван сблизить провинции и столицы; уменьшать между ними подчас чудовищный разрыв; «промыывать» их отношения, чтобы, глядя в чистые окна, те же Москва и Тамбов могли видеть друг друга и отдавать друг другу самое сокровенное.

И раз мы уж заговорили о «столличности и провинциальности», как не вспомнить еще одного тамбовчанина — Николая Алексеевича Никифорова. Ведь имя его и послужило мне своеобразным паролем при знакомстве с Бирюковым...

Николай Алексеевич — уникальный коллекционер.

Всю жизнь проспав на раскладушке (ибо сэкономил каждый сантиметр жилплощади да и каждый рубль...), Никифоров собирал все. В его коллекции редчайшие письма Маяковского и ранние картины Бурлюка, перстень с «секретом» Петра Великого, миланская «Мадонна» Рафаэля и... гнутые гвозди! (Сотня чудо-гвоздей, собранных в столярках, изображающие животных, растения и людей.) Именно эти «железки» и поразили мое воображение. Я понял, что Никифоров — величайший романтик, ибо и картина Рафаэля (за которую в Италии ему не раз предлагали баснословные деньги), и волшебно выгнутый гвоздь в его глазах были суть равными величинами.

Всемирно известный (но почти неизвестный в Москве!), он друг многих популярнейших людей, почетный гражданин Китая, Индии, Швеции. Я был свидетелем его встречи с легендарным художником и бывшим поэтом-футуристом Давидом Бурлюком (приехавшим за год до смерти в Москву из Америки), с которым Никифоров пере-

писывался двадцать лет. То была встреча «сына» и «папы» — так, не сговариваясь, они называли друг друга, после чего отправились в «Националь», чтобы обмыть встречу «старых провинциалов» (Бурлюк ведь родом из Пензы).

Как-то в ЦДЛ Никифоров оказался за одним столиком с Ираклием Андрониковым и попросил у него фотокарточку с автографом для своей «галереи знаменитых». Ираклий Луарсабович, пожалва плечами, сказал, что давно не снимался. Николай Алексеевич извинился, учтиво попрощался... И вскоре уехал в Тамбов. А спустя месяц прислал Андроникову с оказией фантастическую рукопись — «Записки убийцы Лермонтова». Говорят, Ираклий Луарсабович, уверенный, что эта рукопись сто лет назад погибла в сгоревшей библиотеке Нарышкиных, был так потрясен, что у него от волнения тряслись руки, когда он рассматривал эту рукопись.

Теперь одну из дверей в доме Никифорова украшает фото Андроникова, где Ираклий Луарсабович начертил аршинными буквами: «Николаю Алексеевичу Никифорову — земляку Тамбовской казначейши».

Куда ушла печальная
мордва,
забыв при отступлении
названья?
Мещера, Цна да и сама
Москва,
когда откроют тайные
преданья?
Прабабушка моя, зачем
платок
ты метила мордовской
красной ниткой?
поблек пейзаж знакомый за
калиткой,
а на холсте немеркнувший
цветок...

Известно, что жизненный ритм

провинциала уступает столичному. Но и здесь существует свой парадокс: есть москвичи, живущие как бы в замедленной съемке, и есть провинциалы, живущие в фантастической динамике.

В Тамбове Сергей Бирюков работает по 18 часов в сутки! Он преподает русский язык и литературу в университете, пишет учебники по русской поэзии, современному литературоведению; ведет колоссальную переписку чуть ли не со всем светом и, конечно же, пишет стихи...

В конце прошлого года в Москве состоялась международная конференция «Хлебников и мировая культура». Дней за пять до отъезда в Москву у Бирюкова внезапно случился сердечный приступ. Сутки лежал в реанимации без сознания, спустя еще сутки с трудом поднялся на ноги. А уже на следующий день выехал-таки в столицу!

Помимо работы на хлебниковском симпозиуме, где он выступал с докладом, Сергей откликнулся на любое предложение: из Германии приехал русский поэт Игорь Бурихин и, найдя тамбовчанина, утащил его на свой вечер, где, конечно, заставил читать. На следующий день Бирюков в Литературном музее — на премьере газеты «Поэзия», выпущенной критиком Константином Кедриним. Затем вечер самого Сергея в Музее скульптуры Сидура — три часа на сцене! В том же музее Сидура — конференция по визуальной поэзии, которую Бирюков ведет с Юрием Орлинским. А оттуда он едет в музей Хлебникова, где читает и свои, и посвященные Хлебникову стихи Владимира Макарова — русского литературоведа из США.

И все это не считая напряженных деловых встреч во время «оконов», где обсуждаются будущие мероприятия, заказываются статьи в русские и зарубежные журналы,

готовится к печати новый учебник «Век поэзии», за который, кстати, как и за первый, «Зевгму», ему, Сергею Бирюкову, очередной грант фонда Сороса.

...Иной читатель, прочтя это, останется в недоумении: неужто в Москве и в самом деле есть нынче люди, ведущие столь интересную, полезную, творческую жизнь? И будет прав, ибо жизнь, о которой я рассказываю, течет в самой глубине столицы. На поверхности же кипит другая: вот уже несколько лет в Москве — сплошные презентации. Весь город превратился в огромный междусобойчик. Выпуск наскоро «сшитых» журналов сопровождается настоящими кутежами, на которых никого не интересуют ни само новое «произведение», ни люди, собравшиеся тут в надежде выпить и закусить; каждый новый вернисаж (а их на дню бывает до десяти!) не столько возбуждает, сколько гасит творческое общение, ибо даже среди их устроителей явно не хватает подлинных ценителей искусства.

К счастью, здесь почти не бывает провинциалов...

У Бирюкова шестнадцать лет назад вышла первая книжка стихов «Долгий переход», и в главном журнале Центрального Черноземья «Подъем» появилась грозная рецензия, смысл которой сводился к двум вопросам: зачем выпустили книжку и какие меры принять к ее автору? Шелест рецензии прошел по местным газетам, в которых было однозначно решено: «С ним надо что-то делать!» Я видел эту книжечку размером всего в один печатный лист...

— Я не был ни бунтовщиком, ни диссидентом, — говорит Сергей. — «Долгий переход» демонстрировал всего-навсего свободу личности, желание автора выйти из общей колеи. Да и заметили меня только потому, что трудно было не заме-

тять: на голой земле — одинокий куст... Правда, в это время в Тамбове жила и поэтесса Марина Кудимова, и нам обоим не раз указывали, что мы «эпатируем» общество. Марина в конце концов совсем перебралась в Москву. А история с моей первой книжкой кончилась тем, что меня неожиданно поддержала в то время могущественная «Литературка». И все вокруг как-то удивленно затихли...

*Не повторяя путь чужой,
я знаю — в воздухе*

осталось

все, что когда-то

написалось.

Попробуй, что-нибудь

закрой!

— Однако ты все же решил повторить свой печальный опыт?

— Меня, видимо, уже несло... И вскоре я послал в Воронежское издательство очередную, на сей раз более объемную книгу — «Пишу с натуры». И началось соревнование в терпении: семь (!) лет моя рукопись курсировала между Воронежем и Тамбовом. «Издателей» не устраивали мои якобы слишком «близкие» отношения с Мандельштамом, Пастернаком, Хлебниковым и уж, само собой, моя «политическая незрелость». От этой карусели я пришел снова в отчаяние. И в один из своих визитов в Москву чуть не слезно пожаловался на горькую свою судьбину последнему из могикан литературного мира Виктору Шкловскому. Он, мудрый старик, не стал меня утешать. Но заметил, что для поэта главное — не тяжба с издателем, а борьба с самим собой за поиск новых путей.

*Но не каждый нас понимал,
что таили в себе эти грозы,
эти розы, березы, морозы.
Эти Зы, золотые АЗЫ.*

— Насколько я понимаю, ты стремишься осуществиться в этой жизни через стихи, театр, общение с самыми разными людьми, через

познание литературы и искусства...

— Верно. Искусство и люди — вот главная движущая сила любой эпохи. В моей поэме о Хлебникове «Белый ворон» есть строки: «Полетом в космос называя вращение в пустом сосуде, зачем ошиблись мы, не зная, что в нас живут иные люди». Это чисто хлебниковский ход, и я не знаю, как он ко мне пришел. В чем смысл этих строк? Полет в космос — это очень важно для создания совершенно новых технологий. Но полетом в космос может стать и картина неизвестного мастера, и даже какая-нибудь удивительная матрешка.

— Хочешь сказать, что любое движение подлинного мастера, произведение его рук и души соответствует полету в космос?

— Безусловно. Я считаю, что это тоже космическое явление, ибо подлинная красота всякий раз уносит нас в небеса...

*Бегущая из правремен
с тех пор,*

когда еще надеялись

на ноги.

Когда из камня делали

топор,

когда вблизи пещер развились

Боги.

Бегущая!

И напоследок такой штрих. Одну из самых значительных стихотворных книг Сергея, «Знак бесконечности», оформила своими рисунками дочь поэта Лиза Бирюкова.

И впрямь — бегущая навеки жизнь...

КАК ЖИТЬ ПОСЛЕ ЭТОГО?!

ГАЛИНА БРЫНЦЕВА

Телефон зазвонил и смолк. Но почти сразу вновь раздались звонки. Голос в трубке звучал неуверенно и напряженно.

— Я боюсь. Со мной происходит что-то жуткое. Мне ничего не хочется — ни заниматься домом и семьей, ни звонить родителям, ни ходить на

работу... Сослуживцы как-то странно на меня посматривают. Муж с дочкой не решаются лишний раз обратиться. А я ничего никому не могу объяснить. Может, я постепенно схожу с ума?.. Меня изнасиловали. Прямо возле моего же дома. Месяц назад...

Телефон доверия Центра помощи

пережившим сексуальное насилие «Сестры» за полтора года работы слышал сотни подобных признаний. Изнасилований в наших городах происходит куда больше, чем это представляет себе общество, — чаще всего они оказываются в разряде латентных (скрытых) и, стало быть, безнаказанных преступлений. Что вообще все мы — счастливо далекие, как нам кажется, от такой мрачной стороны жизни — знаем об этом?

— Весьма немногое и не всегда соответствующее реальному положению вещей, — считает руководитель Центра, психолог Наталья ГАЙДАРЕНКО. — Мы говорим о сексуальном преступлении, если жертва силой, угрозой или обманом принуждается вопреки своей воле и желанию к какой-либо форме сексуальной активности. И это совсем не обязательно означает насильственный половой акт. Вот вам, к примеру, доводилось сталкиваться с эксгибиционистами?

— *И не однажды, увы, ведь такие «шалуны» в нашей действительности явление отнюдь не исключительное. В самый первый раз это произошло около сорока лет назад, мне тогда всего-то года четыре было. Мяч укатился под лавочку, я побежала за ним, и сидевший там дядька поднял его. Одной рукой он протягивал мне мяч, вторая же рука была занята другим «делом»... Шок, потрясение!. Все-то несколько секунд, понадобившихся мне, чтобы развернуться и отбежать назад к ребятам, а ошеломление, чувство гадливости (может, испытанное тогда впервые в жизни) запомнились навсегда. Я даже сейчас вижу: русые кудрявые волосы — не с тех ли пор терпеть не могу кудрявых мужчин? — и широкая улыбка. Представьте, этот мерзавец к тому же благодушно мне улыбался! Бр-р!..*

— Эксгибиционизм, вуайеризм (подглядывание), «грязные» телефонные звонки даже не предпола-

гают никакого физического контакта насильника с его жертвой. Однако психическую травму ей наносят всегда, и зачастую весьма болезненную. Ведь, по сути дела, происходит надругательство, пусть не над телом, но над душой, чувством человеческого достоинства, доверия к миру.

— *А какой же ад, должно быть, творится в душе женщины, которую изнасиловали, про то, видимо, и не скажешь...*

— Ну отчего же? Первое научное исследование психологических последствий изнасилования провели в 1972 году американки Анна Бергесс и Линда Холмстром. За год интенсивнейшей работы — двадцать четыре часа в сутки! — в кризисном центре больницы Бостона их пациентками стали 92 женщины и 37 детей. Была описана типичная психическая реакция жертвы на травму, которую назвали синдромом изнасилования. Или, как теперь говорят, «синдромом посттравматического стресса после изнасилования». Это в самом деле ад! Если даже насильник не нанес женщине физических травм и увечий, случившееся переживается ею как событие, несущее угрозу жизни. Практически все жертвы испытывают генерализованный страх мучений и смерти, не оставляющий их и после трагедии. Они боятся находиться в окружении незнакомых людей, бывать в незнакомых местах. Многих мучают ночные кошмары, бессонница, тошнота, эмоциональная подавленность, тоска. Иногда даже жалуются на онемение некоторых участков тела. «Это все равно, как если бы вас превратили в бревно» — объяснила свое состояние одна из женщин. Трагедия возвращается вновь и вновь, во всех ужасных и мучительных подробностях, во сне и наяву. Какой-нибудь звук, запах, чье-либо или ее собственное слу-

чайное движение тут же «погружают» женщину в пережитое. Причем эти воспоминания гораздо сильнее, «материальнее» обычных, нормальных. Они постепенно заполняют ее жизнь, вытесняя все прежние интересы, привычные занятия. В конце концов она всерьез начинает опасаться, что так и с ума сойти недолго. Считается, что с посттравматическим стрессом жертва изнасилования может справиться в среднем через полгода...

— Полгода! Да ведь не всякая серьезная хирургическая операция, тяжелая болезнь требуют такого долгого восстановительного периода.

— Скажите, у вас когда-нибудь что-то крали, ну хоть, к примеру, кошелек? Любое преступление — это ведь акт насилия... Можете вспомнить, что вы при этом испытывали?

— Злость, чувство униженности и беспомощности: не можешь ничего изменить, наказать вора.

— Сделаем поправку на неравноценность этих двух преступлений: на сколько порядков совершаемое насильником страшнее кражи, на столько болезненней, глубже и шире бывает травмирована эмоциональная и психическая сфера изнасилованной. И потрясение, что это произошло не с кем-то, а именно с ней — «не может быть, да как же это?!» (раньше она на уровне подсознания исключала возможность такого — нормальный защитный механизм любой здоровой психики); и утрата прежней уверенности в своей способности контролировать любую ситуацию — «как она складывается, зависит и от меня самой»; и отчаяние от собственной беспомощности; и чувство униженности, присущее жертвам всякого насилия, — все переживается несравнимо сильнее.

До случившейся трагедии женщина полагала, что верно видит мир и оценивает свои права и возможности. Нанесенная ей травма разрушила многие из основ ее сознания, на которых строилось это видение. Вместе с ними и мир — привычный, понятный, в котором она еще вчера нормально ориентировалась, — «потерялся», и сама она стала иной, с другой самооценкой... Добавьте сюда чувство вины и стыда, которое испытывают большинство жертв и из-за которого они молчат, скрывают случившееся даже от близких, оставаясь один на один со своими переживаниями.

— Стыд — это как будто понятное. Недаром в русском языке «изнасилована» заменяемо словом «опозорена». Но откуда берется чувство вины?

— Да, наверное, оттуда же: из стереотипов общественного сознания. Какие в нашем обществе бытуют мнения? «Быть изнасилованной — позор», «С порядочной, осмотрительной женщиной такого не случится», «Сама виновата — нечего такие короткие юбки носить» — и так далее и тому подобное. А уж если насильник был знаком с жертвой, если изнасилование произошло, к примеру, на их свидании, в этом случае «приговор» обжалованию не подлежит: сама виновата — наверняка дала повод.

Или еще один пример. Сорокалетнюю женщину, мать семейства, изнасиловали в парке. В милиции, куда она обратилась, искренне не понимали ее потрясенного состояния: «Чего уж вы так убиваетесь? Скажите спасибо, он вас даже не избил, не покалечил. И потом — вы ведь давно не девочка...» А уж если жертва заявляет, что была изнасилована приятелем у себя дома или знакомым на вечерин-

ке, — в глазах наших милиционеров она зачастую «автоматом» превращается из потерпевшей в обвиняемую.

— Но ведь такое их отношение, наверное, можно понять — ситуация-то уж больно узнаваемая: девчонка — по недомыслию ли, по недостатку ли воспитания — сверх меры накрашена, вызывающе одета, ведет себя развязно и, если хотите, провоцирующе. К тому же вечеринка, вино... И закономерный финал. А потом с криком «караул, изнасиловали!» она бежит в милицию. Кто виноват, спрашивается?

— Ответ может быть только один: ответственность за изнасилование всегда и полностью на том, кто применил физическую силу, угрозы или другие виды психологического давления. Как и в других видах преступлений, виноват нападающий, а не жертва. Мы время от времени допускаем ошибки, совершаем рискованные поступки. Мы не были бы людьми, если бы не ошибались... Да, женщина может недооценить степень опасности, может легкомысленно себя вести, может даже опьянеть. Но это не означает, что она хотела быть изнасилована или заслужила это... Кстати, жертва, изнасилованная знакомым, испытывает те же чувства, что и подвергшаяся нападению незнакомого насильника. Ее переживания могут быть даже сильнее: ко всему добавляется предательство того, кого она знала раньше.

Любая женщина в любой ситуации имеет право сказать «нет». И для любого мужчины (даже для законного супруга) это «нет» должно становиться чертой, за которую заступать нельзя, невозможно.

— И все-таки «заступают»... Кто же они, насильники?

— Американский ученый Николас Грот описал три основных типа

сексуальных насильников (наверное, излишне говорить, что это «международный стандарт», не зависящий от национальности преступника).

Первый тип — «аффективный насильник». Для таких характерны чрезмерные физические воздействия, стремление причинить своей жертве страдания, телесные повреждения, как можно сильнее оскорбить ее. Они используют силу гораздо больше, чем это им требуется для подавления ее воли и сопротивления. Например, могут избить уже связанную женщину или связать четырехлетнюю девочку. Обычно они совершают преступление после какого-то события в своей жизни, которое посчитали несправедливым, — своего рода «мсть» судьбе и «плохому» обществу. Такие изнасилования носят импульсивный характер и заранее не планируются, а жертва выбирается случайная и незнакомая.

Второй тип сексуального насильника — «властный». Этот не стремится причинить жертве боль. Он стремится к власти над женщиной, ему нужна победа над ней. Чаще всего «властный насильник» использует метод страха и запугиваний, потрясая иной раз перед жертвой оружием... Склонен фантазировать, что после первого принудительного полового акта жертва изъявит желание постоянно встречаться с ним. «Изнасилую — потом женюсь» — такая вот психология... Он нередко держит жертву часами, пытаясь вести с ней «светские и душевные» разговоры. Как правило, такими преступниками становятся мужчины, имеющие серьезные затруднения в установлении отношений с людьми. По сути дела, они сексуальным путем пытаются решить отнюдь не сексуальные проблемы.

Третий тип преступника — наиболее опасный, но, к счастью, наи-

более редкий — «садистический насильник». Его агрессия имеет эротический характер — он получает сексуальное удовлетворение уже от самого процесса мучений и унижений жертвы. Чем сильнее страдает жертва, тем большее сексуальное наслаждение он испытывает. Самые жестокие и изощренные способы подавления жертвы используют именно эти насильники: ужасные побои, связывание проволокой, прижигания... Кстати, Чикатило, который принадлежал к «садистическому» типу, с помощью ножа часто имитировал половой акт.

Это три основных типа сексуальных насильников. Есть еще — но их очень немного — сексуальные психопаты, для которых невозможно получить сексуальное удовлетворение обычным нормальным путем. Совсем мало насильников, имеющих физические и психические уродства и отклонения и потому испытывающих затруднения в поисках сексуального партнера. Сегодня довольно много — около сорока процентов — групповых изнасилований. Они характерны для молодежной среды, и ведущей мотивацией для их участников бывает всегда следование групповой зависимости.

— Послушаешь про все эти «типажи», и просто оторопь берет: не мужчины, а монстры какие-то нас, женщин, окружают!

— Нас, женщин, окружают в подавляющем своем большинстве самые обычные нормальные мужчины. Беда только, что, бывает, иные из них становятся по отношению к своим знакомым насильниками. Потому что представление о насильнике как о криминально выраженной личности, о незнакомце, абсолютно непредсказуемо появляющемся на пути своей жертвы, — еще одно заблуждение.

Семьдесят процентов изнасилований совершают знакомые и родственники жертв. Иногда они делают преднамеренно, подчас долго и тщательно планируя...

И все же в подавляющем большинстве ситуаций все происходит как бы случайно: внезапно у мужчины «отказывают тормоза» при общении с женщиной, которая ему нравится, привлекает его; очень часто знакомый знакомую насилует, что называется, «по пьянке». Страшно много изнасилованных «по недоразумению», особенно в молодежной среде. Типичная история: парень и девушка друг другу нравятся, они встречаются. И вот на очередном свидании она чувствует необычность, настойчивость его ласк. Чувствует, но спросить, к чему же, собственно, он ведет, стесняется: вдруг обидит его своим вопросом? Вдруг он решит, что она «круглая идиотка»? Парень же искренне истолковывает ее поведение «в пользу любви». А замешательство подружки — как обычную женскую стыдливость или — как вариант — кокетство. Дальше — больше... Результат — в полном соответствии со статьей 117 Уголовного кодекса РФ...

Беда и такого насильника, и его жертвы в отсутствии умения общаться. Ни наших девочек, ни наших мальчиков этому не учат. А ведь девушке, женщине недостаточно бывает ее неоспоримого права на «нет». Надо еще научиться произнести это «нет» так, чтобы оно не обидело партнера, но и не вызвало у него неверного (и популярного у мужского сообщества) толкования: раз женщина говорит «нет», она имеет в виду «да».

— А то, что изнасилования чаще всего происходят «в темных углах и безлюдных пространствах», это тоже расхожее заблуждение?

— Судите сами, какова «зона

риска». По выборке нашего центра «Сестры», из 176 случаев изнасилований 83 произошли дома у жертвы, 33 — в доме у насильника (это еще одно доказательство лидерства изнасилования «по знакомству»). 40 преступлений было совершено на улице, 6 — в подъезде, в подвале. Семерых женщин насильник настиг в лифте. Три изнасилования произошли в больнице: два — когда пациентки стали жертвами таких же больных; третий — в клинике, где насильником был врач, воспользовавшийся беспомощным состоянием пациентки. Одну из женщин изнасиловали после презентации в бизнес-клубе. А одну — на территории Кремля: женщина, которая была к тому же беременна, пришла в здание хозяйственной части на собеседование по поводу устройства на работу, где все и случилось.

— Любопытно, а женщины мужчин насилуют?

— За все время, пока я занимаюсь проблемами сексуального насилия, только мифы из «коммунально-городского эпоса» на эту тему слышала. Типа: «три женщины-заклученные связали своего охранника и изнасиловали». Правда, в нашем Центре был один случай: к нам обратилась за консультацией мать тринадцатилетнего мальчика. Их сорокалетняя соседка, воспользовавшись отъездом женщины, совратила ее сына. Мальчик очень переживал случившееся — все признаки синдрома изнасилования имелись...

— Кто все же обращается к вашему телефону доверия?

— Конечно, прежде всего те, кто сам подвергся насилию. Однако немало звонят и родственники, друзья жертв: люди хотят помочь близкому человеку справиться с тяжелой психологической травмой, но не знают, как.

В прошлом году из трех с половиной тысяч звонков (среди которых, разумеется, были и чисто информационные, деловые) мы произвольно выбрали для системного анализа 176. Так вот, лишь в восьми случаях жертвами изнасилования оказались мужчины. То есть 96 процентов звонков связаны с насилием над женщинами. Более половины — 51,2 процента — обращения по поводу насилия над несовершеннолетними.

— В официальной сводке МВД за 1994 год (за прошлый, 1995 год статистика пока не обнародована) приведены цифры: в этом году правоохранительными органами зарегистрировано 13 956 случаев изнасилования (117 ст. УК); 2588 — развратных действий в отношении несовершеннолетних (120 ст. УК); 828 — мужеложества с применением силы (121 ст. УК); 522 — половых сношений с лицом, не достигшим половой зрелости (119 ст. УК); 25 случаев принуждения к вступлению в половую связь путем угроз, шантажа или подкупа (118 ст. УК). Вы можете как-то прокомментировать эти цифры?

— Пожалуй, самый краткий и точный комментарий — другие цифры. Лишь 2—5 процента всех изнасилованных женщин обращаются с заявлением в милицию — именно такое количество этих сексуальных преступлений официально регистрируется и попадает в статистику. В таком огромном мегаполисе, как Москва, существует всего лишь одно государственное учреждение, где жертвы изнасилования могут пройти (если, конечно, получат официальное направление из своего отделения милиции) судебно-медицинскую экспертизу. Без заключений такой экспертизы суд над насильником невозможен.

25 уголовных дел с применением

118 статьи УК сделали в этом смысле девяносто четвертый год «рекордным». У правоохранительных органов подобные рекорды энтузиазма не вызывают: очень обременительно доказывать факт принуждения начальником к вступлению с ним в половую связь подчиненной, если он «всего лишь» шантажирует ее увольнением с работы.

— В конце нашей беседы я добавлю от себя информацию в стиле вашего комментария. В Москве женщины, дети, подростки становятся жертвами сексуальных преступлений ежедневно. В почти десятиmillionной столице России нет ни одного финансируемого государством кризисного центра, куда могли бы обратиться за помощью люди, страдающие тяжелейшим синдромом посттравматического стресса.

Специализирующийся на оказании помощи именно этим гражданам — которым государство дало конституционные гарантии защиты их жизни, здоровья и достоинства, но не смогло те гарантии выполнить, — центр «Сестры» существует на небольшие гранты благотворительных зарубежных фондов (преимущественно американских). Канадское посольство в Москве дало «Сестрам» деньги на ксерокс, компьютер им прислали жертвователи из Атланты, время от времени поддерживает русских «Сестер» Кризисный центр помощи изнасилованным американского городка Санта-Моника. Первый такой Кризисный центр в их стране открылся в 1971 году, и через десять лет их у американских граждан были уже сотни — и общественные, и финансируемые властями.

И последнее... Береженого Бог бережет: телефон доверия Центра помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры» в Москве — (095) 141-72-26.

Его консультанты-психологи смогут помочь каждому позвонившему. Только работает телефон, к сожалению, не круглосуточно, как хотелось бы «Сестрам» и как было бы необходимо всем нуждающимся в таком телефонном звонке, а в соответствии с материальными возможностями Центра: с 9.00 до 21.00 по будним дням.

ЛЕОНИД АГУТИН:

Я из
«ДЖАЗА»

Очень часто первый шлягер, исполненный молодым певцом, становится едва ли не единственным или «роковым». Так произошло и с Леонидом Агутиным. Получив первую премию на Ялтинском конкурсе еще в 1992 году за песню «Босоногий мальчик», он до сих пор для многих остается таким же «босоногим»...

— Как вы думаете, не задержались ли в этом образе? Нет желания поменять свой имидж?

— Конечно, возраст уже не позволяет называться мальчиком. Думаю, исправит положение песня «Пароход» с моего нового диска. Она уже полюбилась слушателям... Но боюсь, что теперь меня станут называть «человеком-пароходом».

— Вы из музыкальной семьи. Видимо, легко было завоевать определенное место на музыкальном олимпе?

— Отнюдь. Хотя мой отец был

администратором, занимался гастрольями известных групп и исполнителей, все, что я имею, — результат моего собственного труда. У меня инструментальное и режиссерское образование — это помогает в работе. А выступать я начал еще в армии. Служил в погранвойсках в местечке Кемь. Однажды к нам приехали артисты. После концерта я, набравшись наглости, подошел к ним и продемонстрировал свое умение играть на гитаре и фоно. Они удивились, что я здесь делаю?! После этого я «перебрался» в армейский ансамбль.

— Вас часто называют российским «цыганским королем», сравнивая с «Gipsy Kings». Почему вы избрали для себя именно латиноамериканский стиль фламенко?

— Я никогда не подражал «цыганским королям». А «Босоногого мальчика» написал задолго до того, как услышал песню «Бомбал-

лео» в их исполнении. И не претендую на то, чтобы с моей фамилией ассоциировали фламенко. Мне импонируют их танцевальные мелодии, но в моем творчестве достаточно и других вещей. А вообще пришел на эстраду из джаза, ведь по профессии я джазовый музыкант. Это теперь пишу больше развлекательной музыки. Но мне очень не нравится слово, которым такую музыку определяют. Ну что это — «попса»? Даже поп-музыку можно написать грамотно. Важен профессиональный подход, тогда не будет стыдно.

— Вы сами пишете песни. Кто вы в большей степени: певец, композитор или поэт?

— Скорее композитор и аранжировщик. Пробовал писать стихи, что-то получалось, но это не мое. Я работаю с молодым, но очень талантливым поэтом Германом Витке. С ним написали большую часть песен для первого диска «Босоногий мальчик». Потом мы рассорились, и песни ко второму диску «Декамерон» я написал сам. Сейчас мы вновь сотрудничаем.

— На сцене вас часто можно видеть с гитарой...

— Это безумный инструмент. Я чувствую гитару всеми пальцами, несмотря на то, что я профессиональный пианист. Гитара — гибкий инструмент и может быть не только «попсовой» в отличие от клавиш. Конечно, на клавишах хорошо играть блюз, джаз, но поп-музыка делает их примитивным инструментом. Такая же история со всеми дудками, барабанами... Кроме гитары. Она облагораживает музыку, в ней присутствует духовное начало. С одной стороны, задает ритм, с другой — можно выразить мысль не словами, а с помощью гитарного нерва.

— Вы никогда не задумывались о том, что популярность не вечна,

публика ждет новых ощущений. Не боитесь потерять свою аудиторию?

— Одну я уже потерял после выхода первой кассеты: наслушались — и до свидания. Я пришел на сцену не для того, чтобы быть поповым красавчиком, запустив один хиток. А пришел сказать свое слово в музыке. Но если надоем, то уйду. Буду заниматься композиторской работой. И на этот счет не переживаю.

— Правда, что вы потерялись в Мексике, когда вам было десять лет?

— Правда. Но все оказалось не настолько романтично, как писали в газетах. Я оторвался от родителей на набережной, засмотревшись на плывущие корабли, после чего попал к цыганам. Конечно, интересно пожить со столь вольным народом, но не для маленького мальчика. Закончилось все хорошо: меня нашли. Запомнилось другое: как досталось от отца...

— Кстати, о детстве. Каким вы были ребенком?

— Хулиганом, лидером, заводилой. Очень увлекался спортом. Особенно футболом: играл сначала за класс, потом за институт. Это сейчас на спорт времени катастрофически не хватает. А когда-то был борцом. Даже получил разряд. Сейчас думаю: зачем все это? Дрались, калечили друг друга. Мне, например, руку на тренировке вывернули, нос сломали.

— А в футбол никогда не хотели сыграть за какую-нибудь «звездную» команду, например, за «Старко»?

— «Старко» — не футбол, скорее зарабатывание денег.

— Значит, вы за «здоровый образ жизни». Но, по-моему, в шоу-бизнесе это не модно.

— Ну и что? Как жить — личное дело каждого. В моей же жизни нет

места для наркотиков. Пробовал когда-то по молодости — что-то страшное... Конечно, есть музыканты, которые просто не могут без допингов. Я же позволяю себе только хороший французский коньяк на ужин или немного пива. Но все в меру.

— Я знаю, вы один из немногих музыкантов, которые могут похвастаться, что выступают всегда без фонограммы. А были ли случаи, когда приглашающая сторона предлагала работать только под фонограмму?

— Случалось... Я из-за этого часто ругаюсь. Ну не умею работать под фонограмму, это ведь определенное искусство, которому надо учиться. В прошлом году гастроли в Баку оказались на грани срыва: устраивающая сторона не смогла организовать концерт с живым звуком по техническим причинам. Я уже хотел отказаться от участия, но в последний момент все-таки решил поработать под фонограмму «минус 1», то есть петь под записанную заранее музыку. Было ужасно. Я просто не знал, что делать. Ведь привык устраивать музыкальные шоу с замедлением, убыстрением музыки или с другими трюками. Теперь я сразу обговариваю условия проведения концерта и, если меня что-то не устраивает, отказываюсь.

— Леонид, о вас можно сказать, что вы «человек моды»?

— Я современный человек. Существует понятие о моде года. Например, модно носить красные пиджаки или слушать «металл». Но меня это не интересует. Я рассматриваю моду в глобальном смысле. И дело не в возрасте, а во влиянии времени. Изменение цвета или материала ботинок не повлияет на мой характер. Как ходил в «казаках», так и буду ходить дальше. А длинные волосы стали моей фило-

софией. Крест на груди поддерживает, помогает, он освящен в Иерусалиме у Гроба Господня. Еще люблю скромные украшения. А вообще выхожу на сцену в том, в чем лучше себя чувствую.

— Некоторые печатные издания пестрят заголовками типа: «Леонид Агутин ищет невесту». Это шутки «желтой» прессы?

— Действительно, журналисты полюбили оповещать читателей о моей личной жизни. Но я в таких публикациях не нуждаюсь. Был один раз женат, но три года назад развелся. Потом встретил большую любовь, но и ее потерял. Сейчас пока холостяк.

— О вас можно сказать, что вы добились всего, чего хотели?

— В работе — да. Меня знают в музыкальных кругах, ко мне обращаются как к композитору за песнями, к моему мнению прислушиваются. Меньше, как уже говорил, берет в личной жизни. Конечно, постараюсь исправить положение, но чуть позже. Сейчас мало свободного времени, много работаю, редко бываю дома. Разве это кому-нибудь понравится?..

**Беседу вела
ГАЛИНА СИРИК.**

Читатель- СМЕНА- Читатель

Прочитала в № 3 статью Марины Бернацкой «Душа под дождем» — исповедь обманутой любви — и решила рассказать свою, может, даже банальную историю. Но банальная, значит, распространенная. Вдруг кому-то она послужит предостережением.

Мне сейчас девятнадцать лет, моему сыну семь месяцев. Отца у него нет. То есть он, конечно, есть, но сын рожден вне брака.

...Мне было четырнадцать, когда он неожиданно-негаданно появился в моей жизни. Мы живем в небольшом городке, на отшибе, возле подстанции, а он, наш сосед, занимает вторую половину дома. Сначала все было как в романе: цветы ко дню рождения, от случая к случаю подарки. И мне показалось (ему тогда было двадцать), что это будет мой единственный мужчина на всю жизнь. Обхаживал он меня долго, но я вдруг влюбилась, и мы стали встречаться втайне от родителей. Как все было хорошо! Однако у него стали появляться девушки намного старше меня. Я ужасно ревновала, казалось мне — мир рухнет, потом привыкла, убеждая себя, что я не первая и не последняя.

Но он приходил, просил про-

щения, и, конечно, я прощала. Правда, вольностей не позволяла. Время шло. И однажды случилось то, что должно было случиться. Не знаю, как уж получилось, но с шестнадцати лет, когда я первый раз с ним переспала, я ни разу не забеременела. Родители мои ничего не знали. А меня тянуло к нему, как тянет наркомана к наркотику. Подруги мне говорили, что он мне не пара, что я у него вместо игрушки, но я никого не слушала. Только теперь я поняла, как они были правы. Но тогда он клялся мне в любви, целовал руки, стоял на коленях, и я прощала его снова и снова.

Так продолжалось два года. В восемнадцать я забеременела. Сначала ничего ему не сказала, побоялась, что сразу бросит. Аборт делать я не хотела. А когда я ему сказала, что началось! Оказалась я во всем виноватой. Но через две недели он говорит, что мы поженимся, снимем квартиру, все у нас будет хорошо; правда, если ребенок окажется не его, он нас бросит. Я опять ему поверила. Родители к тому времени были уже в курсе. Мама уговаривала сделать искусственные роды, но я отказалась. Просто когда почувствовала, что внутри живет человек,

сама решила — будет жить. А будущий папа скоро совсем перестал заходить и знакомым рассказывал, что ребенок не его. Но вот у меня родился сын. И теперь уже так называемый папа всем рассказывает, что у него растет сын. Сын, от которого он отрекся и спокойно живет за стенкой. Только теперь я поняла, что это за человек, да поздно. Сейчас собирается жениться, будет жить с женой в одном доме со мной и своим сыном.

В конце письма хотела дать совет девушкам: даже сильно влюбившись, не только сердцем живите, радуйтесь, но и думайте о будущем — своем и своих детей, — да подумалось: слушает ли кто чужие советы, когда приходит любовь?

Н.

В «Смене» часто выступают ученые-экономисты, и во многих статьях красной нитью проходит мысль, что каждый теперь стал хозяином своей судьбы и, грубо говоря, кто «как потекает, так и полопает». Дают они и конкретные советы: как заработать деньги, как сберечь их — словом, как вписаться в нынешнюю непривычную жизнь. За это спасибо. Но, я думаю, никто не будет спорить: когда дело доходит до собственной судьбы, устроить ее по-современному бывает очень непросто по многим причинам.

Мне тридцать девять лет, военнослужащий. Живу с женой и одиннадцатилетней дочкой в военном городке на Урале. Сын, ему девятнадцать, учится в университете в Екате-

ринбурге. Есть квартира, гараж (без машины), погреб.

Платят военным с большими задержками. Жена работает воспитательницей в детском саду, получает двести тысяч. Не раз и не два мы с ней обсуждали, как жить дальше.

Отозвался как-то на частное объявление: «Работа на дому. Для тех, кто хочет зарабатывать до трех миллионов в месяц». Выслал пять тысяч для «получения инструкции». «Инструкция» оказалась советом душить людей таким же образом — давать объявления и собирать с доверчивых деньги.

Единственный мой реальный заработок — во время отпуска. Прошлым летом строил дачу у одного «крутого». Заработал семь миллионов — неплохо! Сейчас эти деньги кончились, и я жду не дождусь отпуска-работы.

Я не сетую на судьбу, но хочу сказать: мне, и таким, как я, сорока-, пятидесятилетним жителям маленьких городов, тем более военным, устроить жизнь по-новому очень и очень трудно, а говоря честно, просто нет возможностей. Вот мой сын приспособился к теперешним временам замечательно, чувствует себя как рыба в воде: и учится, и зарабатывает больше меня.

Хотелось бы, чтобы о том, как непросто переменить судьбу, помнили и ученые, с легкостью раздающие советы, и журналисты, и, конечно, политики. А пока вопросы, что делать, как жить, для многих россиян остаются нерешенными.

С. ИЛЬИН,
Челябинская область

ТАНСТВЕННЫЙ

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ

КАТАЛОГ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

ТОЖЕ ИТО МУДОСТНО
ТОЖЕ ИТО ТРЕТЯ ИМТЕРП
ТОЖЕ ИТО ВСЕРОССИЯ
ИТО ПОДЕРЖА И ПРОДАЯ И
ИТО ИТО ИТО ИТО

Ранным утром 31 декабря 1741 года на улицах Петербурга раздался барабанный бой. А так как барабанным боем сопровождалось в те времена объявление важнейших царских указов, то при первых же ударах улицы столицы наполнились народом. Прошел всего месяц, как на российский престол вступила новая императрица...

Гвардейский офицер, развернув большой свиток с государственной печатью, начал громко читать:

«Божьею милостью, Елизавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да будет каждому следующее».

Затем он прочел длинный указ, в котором говорилось, что по распоряжению ее величества вменяется в обязанность всем, у кого сохранились серебряные рубли и другие монеты, выпущенные за время между кончиною императрицы Анны Иоанновны и вступлением на престол Елизаветы Петровны, доставлять такие монеты на Монетный двор, где они будут перелиты на новые. Прежние же монеты, выпущенные в указанное время, отнюдь не держать и не хранить.

Никаких объяснений, почему новая императрица настаивает на возврате монет, выпущенных за время между смертью Анны Иоанновны и воцарением ее самой, в указе не давалось. Народ стал медленно расходиться, недоумевая и обсуждая странный царичин указ.

Странный — потому что никогда раньше подобные указы не издавались: монеты, отчеканенные при одном государе, продолжали беспрепятственно обращаться при его преемниках, и никто не требовал ни их возврата, ни их обмена.

Так как за время между смертью Анны Иоанновны и вступлением на престол Елизаветы Петровны, т. е. в течение одного года и тридцати девяти дней, с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года, царствующим императором считался Иоанн III Антонович и его изображение или вензель украшали отчеканенные за этот год монеты, то, очевидно, указ касался исключительно монет, выпущенных в обращение при Иоанне Антоновиче.

Вслед за этим указом был объявлен другой, в котором Елизавета Петровна требовала, чтобы все, у кого сохранились портреты Иоанна Антоновича в каком бы то ни было виде, немедленно их уничтожили, а деловые бумаги с именем Иоанна Антоновича представляли в Сенат для обмена на новые. Спустя некоторое время последовал еще один указ, предлагавший сдавать в надлежащие учреждения все книги, в которых напечатано было имя императора, и запрещался ввоз таких иностранных, в которых значилось это имя. Наконец особым указом повелевалось все церковные книги, где упоминалось имя Иоанна, все присяжные листы на верность подданства ему и т. п. сжечь, и для этой цели были устроены на Васильевском Острове, на площади перед зданием Коллегии, особые костры, — там предавалось уничтожению все, что только носило имя Иоанна Антоновича. Еще объявлялось, что кто будет уличен в том, что оставил у себя монеты с изображением или вензелем Иоанна Антоновича, тот подвергнется суровому наказанию — отрубанию руки. Более того: запре-

щено было даже помянуть его имени в разговоре. Само правительство тщательно избегало называть имя злополучного императора. Когда же приходилось все-таки упоминать о деловых бумагах, снабженных его именем, употребляли выражение: «документы с известным титулом», а вместо самого имени Иоанна Антоновича и его родителей, выражались: «известные персоны».

Почему же была сделана попытка вырвать из истории Российского государства те страницы, которые относились к кратковременному — в четыреста четыре дня — царствованию?

Пушечные выстрелы со стен петербургской крепости оповестили в полдень 12 августа 1740 года жителей столицы о важном и радостном событии в семье царствовавшей тогда уже десятый год императрицы Анны Иоанновны: у племянницы государыни, брауншвейгской принцессы Анны Леопольдовны, родился сын-первенец.

Событие это имело большое значение, потому что вдовствовавшая императрица Анна Иоанновна, не имея детей, еще задолго до того определила, что если у ее племянницы родится сын, то ему быть наследником императорского русского престола. И как только весть о рождении принца разнеслась по Петербургу, в Зимний дворец стали съезжаться сановники «выразить свои радостные чувства».

Однако радость испытывали далеко не все. Многих из сановников, духовенства, вельмож, воинских чинов и даже народа огорчала мысль, что наследником русского престола, а со временем и русским императором станет сын незначительного немецкого принца и немецкой же принцессы, каким являлся новорожденный племянник Анны Иоанновны.

Отец новорожденного был Брауншвейг-Люнебургский и Вольфенбюттельский принц Антон-Ульрих, который родился и детство провел в Германии; мать была дочь Мекленбург-Шверинского герцога Леопольда, родилась тоже в Германии, в Ростоке, где провела первые годы жизни и где была крещена по обряду лютеранской протестантской церкви, носила сначала имя Елизавета-Екатерина-Христина и лишь на 15-м году жизни по желанию императрицы Анны Иоанновны была присоединена к православию под именем Анны. Правда, мать принцессы Анны Леопольдовны, герцогиня Екатерина Иоанновна, сестра императрицы Анны Иоанновны, была родною дочерью царя Иоанна Алексеевича, т. е. племянницей Петра Великого. Но в Петербурге жила более близкая преемница Петра Великого: родная дочь его, царевна Елизавета Петровна, которая, как полагали, имела гораздо больше прав на русский престол.

Мрачно встретили рождение родственника Анны Иоанновны и те сановники и вельможи, которые рассчитывали посадить на престол жившего в Германии внука Петра I, сына царевны Анны Петровны, бывшей замужем за герцогом Голштин-готторнским — двенадцатилетнего герцога Карла-Петра-Ульриха, единственного мужского пола потомка Великого Петра. Не мог радоваться и Бирон, всесильный и могущественный министр императрицы Анны Иоанновны, который лелеял раньше надежду, что

ему удастся женить своего сына Петра на принцессе Анне Леопольдовне и что таким образом русский престол перейдет к роду Бирона. Мало радости доставило рождение принца армии и народу. Боялись, что теперь еще больше усилится значение Бирона и ненавистных иноземцев, окружавших Анну Иоанновну и являвшихся, по общему убеждению, виновниками всех притеснений и невзгод, которые уже давно чувствовались войском и народом и вызывали глухой ропот и неудовольствие. Но никто, однако, не решался открыто высказывать свои чувства, все делали вид, что разделяют радость императрицы.

Крещение новорожденного принца, которому по желанию императрицы в память его прадеда, царя Иоанна Алексеевича, дано было имя Иоанн, обставлено было большою торжественностью, а после крещения младенца понесли в отведенные для него с необычной роскошью отделанные комнаты в Зимнем дворце, рядом с комнатами самой императрицы, и уложили в нарочно сделанную золотую колыбель с короною.

Спустя два неполных месяца после рождения принца, 5 октября 1740 г., с императрицей Анной Иоанновной за обедом сделалось дурно. Врачи нашли, что здоровье ее величества внушает опасение и что следует ожидать скорой ее кончины. Ввиду этого Бирон в качестве первого министра спросил больную императрицу, не желает ли она особым манифестом точно определить, к кому в случае ее смерти должен перейти престол. Императрица подтвердила свое прежнее заявление о том, что избрала себе в законные наследники принца Иоанна. Но принцу было только еще два месяца, а потому следовало, по принятому обычаю, назначить регента, который до совершеннолетия Иоанна Антоновича держал бы в своих руках бразды правления. Сановники сходились в том, что таковым лицом — как человек наиболее опытный в государственных делах и близкий к государыне — должен стать Бирон. Об этом и был составлен манифест, подписанный дрожащей рукой отходившей в лучший мир императрицы.

Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 года, а на следующий день был обнародован указ, в котором объявлялось, что согласно воле почившей императрицы регентом до того времени, когда принц Иоанн, теперь уже наименованный императором, достигнет 17-летнего возраста, назначен герцог Бирон, который на основании этого получает «мочь и власть управлять всеми государственными делами».

Указ этот был разослан с особыми гонцами по всей России.

Но Бирон все-таки не считал положение свое прочным. Он знал, что у него много врагов и в народе, и среди знати, и в войске, и постоянно боялся заговоров. Он задумал упрочить свое положение целым рядом милостей и таких распоряжений, которые, по его мнению, должны были вызвать сочувствие к нему и привлечь враждебных ему людей на его сторону. С этой целью Бирон в качестве регента, от имени Иоанна Антоновича, издал манифест, чтобы законы впредь соблюдались строго и суд велся правый, беспристрастный, ко всем равный; велел освободить многих преступников от наказания; распорядился, чтобы ограничена была

лишняя роскошь при дворе, вызывавшая громадные расходы, и запретил носить платье дороже четырех рублей за аршин; оказал разные милости лицам, которые в царствование императрицы Анны Иоанновны попали в опалу; сделал распоряжение, чтобы часовым в зимнее время давались шубы, без которых они раньше сильно мерзли... Цесаревне Елизавете Петровне, очень нуждавшейся в деньгах, назначил выдавать ежегодно 50 000 рублей, родителям императора-младенца — 200 000 рублей в год — огромные по тем временам суммы. Неудовольствие тем не менее росло среди дворянства, народа и войска. Главный повод к нему подавало то обстоятельство, что маленького императора окружали в большом числе иностранцы, немцы, занявшие самые высокие посты и распоряжавшиеся от его имени судьбою государства: Бироны, Остерманы, братья Левенвольде, Менгены, Минихи. Малютке-императору шел всего третий месяц, когда он был провозглашен императором. Значит, в течение целых 16 лет, т. е. до совершеннолетия его, можно было предполагать владычество немцев. Но так как и воспитание маленького императора находилось в руках тех же немцев, то даже от совершеннолетия Иоанна Антоновича не ожидали никаких перемен.

Когда 9 ноября 1740 года стало известно, что ненавистный всем Бирон отстранен от власти, арестован и сослан, столица была иллюминирована. Незнакомые люди, встречаясь на улицах, обнимались как друзья, и плакали от избытка радости. Рано утром 9 ноября 1740 года отправлены были гонцы ко всем министрам и сановникам с приглашением прибыть в Дворцовую церковь для принесения присяги матери императора, принцессе Анне Леопольдовне, занявшей место Бирона. Собраны были ко дворцу и все находившиеся в Петербурге гвардейские полки.

Началась церемония присяги на верность Анне Леопольдовне, которая была тут же провозглашена великой княгиней всероссийской и правительницей государства до совершеннолетия императора-младенца. Министры и вельможи присягали в дворцовой церкви, гвардия — на площади перед дворцом. После присяги маленького венценосца поднесли к одному из окон дворца и показали народу и войску. Его приветствовали громким «ура!».

Спустя два дня после низвержения Бирона был объявлен первый указ за подписью Анны Леопольдовны как правительницы. Все лица, способствовавшие перевороту, были щедро награждены чинами, деньгами, поместьями, даже дорогим платьем, отнятым у Бирона. Начались новые назначения: «государь-родитель», принц Антон, назначался «генералиссимусом» русской армии; «первым в империи» после генералиссимуса велено быть графу Миниху; вице-канцлеру Остерману пожалован был чин генерал-адмирала, причем ему повелевалось оставаться кабинет-министром. Кроме того, Миниху правительница пожаловала 100 000 рублей, серебряный сервиз и виртенбургское поместье Бирона, отнятое у последнего в числе другого имущества. Своей любимой фрейлине Юлиане Менгден Анна Леопольдовна подарила четыре дорогих кафтана Бирона, три кафтана его сына и крупную сумму денег. Не менее крупную сумму получил граф Левенвольде.

Во всех указах о новых назначениях говорилось, что данные

лица «пожалованы рангом Его Императорским Величеством». Казалось бы, что все должны были быть довольны. Между тем повторилась та же история, что при господстве Бирона все были недовольны. Недовольны были и те, которых облагодетельствовала правительница за устранение Бирона, и те, которые почему-либо не попали в списки удостоенных благодарности. Весь двор, начиная с высших сановников и кончая последним лакеем, считал себя обиженным и обойденным.

Надежды и упования, что с отстранением Бирона от власти и переходом регентства в руки принцессы Анны Леопольдовны все изменится к лучшему, не оправдались. От новой правительницы ждали преобразований, улучшения в положении народа, но в тщетном ожидании проходили дни, недели, месяцы...

Сама принцесса Анна Леопольдовна или, как она стала именовать себя, великая княгиня Анна, от природы робкая, необщительная, застенчивая, совершенно незнакомая с делом управления государством, не обладала необходимыми для лица, стоящего во главе государства, качествами, в особенности силою воли и твердостью характера.

О личности Анны Леопольдовны сложились два разноречивых мнения: одни из современников считали ее очень умной, доброй, человеколюбивой, презирающей притворство, снисходительной, великодушной, милой в обхождении с людьми. Другие, напротив, упрекали ее в надменности, тупости, скрытности, презрении к окружающим, утверждали, что она посредственного ума, капризная, вспыльчивая, нерешительная, ленивая. Рассказывали, что она большую часть дня проводит за карточным столиком или лежа на софе за чтением любимых стихотворений, мало заботясь о государственных делах.

Сознавая свою неспособность решать государственные дела, она говорила:

— Как бы я желала, чтобы сын мой вырос поскорее и начал сам управлять!

С первых же дней правления Анны Леопольдовны при дворе начались ссоры и распри между соперничавшими царедворцами, а о самом малютке-императоре мало заботились, хотя все указы и распоряжения делались от его имени. Всецело отданный на попечение фрейлины Менгден, он проводил время в своих комнатах и его редко и неохотно показывали. Не показывали императора даже гвардии во время парадов и иностранным посланникам в дни торжественных выходов и представлений при дворе.

Австрийский посланник маркиз де Ботта, указывая правительнице, что положение ее опасное, что в народе растет неудовольствие, говорил:

— Ваше высочество, вы на краю пропасти. Ради Бога, спасите себя, спасите малютку-императора, спасите вашего супруга!

Но все это было напрасно: Анна Леопольдовна не изменила ни своих привычек, ни своей жизни и не предприняла ничего, что бы могло упрочить ее положение. Она не замечала, как растет к ней ненависть, не знала о том, что повсюду открыто ропщут, что правительница окружает себя преимущественно иностранцами, что «проклятые немцы» захватывают власть в свои руки, что

никаких законов в облегчение положения народа не издается. Не подозревала Анна Леопольдовна и того, что у нее имеется опасная соперница в лице цесаревны Елизаветы Петровны...

12 августа 1741 года Петербург украсился флагами: столица праздновала день рождения императора Иоанна Антоновича, вступавшего во второй год жизни.

При дворе был еще траур по покойной императрице Анне Иоанновне. Год со дня кончины еще не исполнился. Но на этот день траур был снят. Во всех петербургских церквях с утра шла торжественная служба. В полдень на площади перед Зимним дворцом состоялся парад находившимся в столице войскам, а затем в самом дворце прием духовенства, министров, высших военных и гражданских чинов, посланников, а также и знатных дам. Все были одеты и настроены по-праздничному.

В этот день уже поневоле пришлось Анне Леопольдовне согласно принятому обычаю выйти к собравшимся в большой зал сановникам; рядом с нею дежурная фрейлина несла на руках малютку-императора. На него была надета андреевская лента.

В числе явившихся для поздравления малютки-императора была и цесаревна Елизавета Петровна, которая одной из первых подошла к сидевшим на возвышении в золоченых креслах Иоанну Антоновичу и Анне Леопольдовне с установленным придворным церемониалом того времени низким поклоном.

Начались обычные приветствия и поздравления, которые принимала правительница от имени императора, с недоумением сидевшего в большом золоченом кресле на возвышении и с любопытством глядевшего на толпу сановников. Молодой поэт Ломоносов, только начинавший приобретать известность своими стихами, написал по случаю дня рождения Иоанна III оду.

Никто из приближенных к правительнице не думал тогда, что дни царствования маленького императора сочтены.

Меньше всего думала об опасности беспечная Анна Леопольдовна, не подозревавшая, что под искренним на вид ликованием по поводу годовщины рождения младенца-императора у многих из собравшихся сановников скрывалась ненависть к «Брауншвейгской фамилии», как называли всю родню принца Антона-Ульриха, и готовность примкнуть к перевороту, который положил бы конец «царствованию иноземцев».

«Кто имеет какое-нибудь дело к правительнице Анне Леопольдовне, тот должен обратиться к фрейлине ее высочества баронессе Юлиане Магнусовне Менгден. Без нее никакое дело правительницею не только не решается, но даже не рассматривается».

Такое мнение сложилось среди сановников и вельмож. И действительно баронесса Менгден играла в царствование Иоанна Антоновича видную роль, и без ее посредничества не обходилось ни одно событие во все это царствование. Малютка-император тоже всецело был отдан на попечение фрейлины Менгден. Дверь ее собственной комнаты выходила в спальню венценосного малыша. Без разрешения фрейлины никто не допускался к нему. Кормилица императора, весь штат прислуги при нем — все были подчинены фрейлине.

Как при Анне Иоанновне место первого советника, вдохновителя всех указов и распоряжений занимал немец-курляндец Бирон, так при Анне Леопольдовне таким вдохновителем явился немец-вестфалец, граф Андрей Иванович Остерман.

История жизни этого человека, игравшего видную роль в судьбе младенца-императора, не лишена интереса.

В семье лютеранского пастора в местечке Бокуме, в германской провинции Вестфалия, в 1686 году родился мальчик, которому по обычаю, принятому у лютеран, дали двойное имя Генрих-Иоганн.

Когда мальчик подрос и стал юношей, отец поместил его в университет в Вене. Там юный студент поссорился с одним из товарищей, вызвал его на дуэль и ранил. Опасаясь наказания, он бежал в Амстердам, где в то время адмирал Крюйс по поручению императора Петра I набирал людей для службы в России. Юноша нанялся в числе других, поехал вместе с Крюйсом в Петербург, где он думал занять скромное место учителя немецкого языка. Но судьба готовила ему более высокое положение. Быстро научившись по-русски, юноша как-то случайно обратил на себя внимание Петра, приобрел его доверие, и царь назначил его сначала переводчиком посольского приказа (как тогда называлось ведомство иностранных дел), а затем секретарем этого учреждения. Этот юноша был Генрих-Иоганн Остерман, который в России стал именоваться Андреем Ивановичем.

Ловкий, сообразительный, он сумел приобрести расположение Петра. Царь стал ему поручать разные дипломатические дела и за удачное их выполнение дал ему звание вице-президента коллегии иностранных дел. Но Петр считал Остермана способным не только к дипломатическим делам, часто советовался и следовал его указаниям и во многих других. С вступлением на престол императрицы Екатерины I Остерман возвысился до ранга вице-канцлера, а когда императрицею стала Анна Иоанновна, он был в числе тех, которые советовали ей порвать условия, предъявленные Верховным Тайным Советом, и объявить себя самодержавною императрицею. Анна Иоанновна, ценя советы Остермана, наградила его графским титулом. С прибытием в Петербург Бирона Остерман стал одним из его близких друзей и советников. А когда ввиду приближения смерти Анны Иоанновны возник вопрос, кого из сановников предложить умирающей Анне Иоанновне в качестве регента при малолетнем Иоанне Антоновиче, Остерман предложил составить бумагу, что «вся нация желает Бирона иметь регентом», и эта бумага, за подписью всех важнейших сановников, была представлена императрице.

Однако Остерман далеко не во всем был сторонником Бирона, а когда началось царствование Иоанна Антоновича и Бирон начал притеснять принцессу Анну Леопольдовну, Остерман стал на сторону последней. С падением Бирона он сделался при дворе Анны Леопольдовны одним из самых первых сановников.

Отличаясь большим умом и политической дальновидностью, Остерман сообразил, что положение маленького Иоанна Антоновича очень шаткое. Особенную опасность он предвидел со стороны цесаревны Елизаветы Петровны и ее приверженцев. Цеса-

ревна часто бывала при дворе, делала вид, что очень дружна с Анной Леопольдовной, что предана ей и младенцу-императору. Но Остерман ей не доверял и в душе ненавидел. «Не может, — думал он, — цесаревна равнодушна быть к тому, что престол занят дальними родственниками Петра, в то время, как она, дочь великого царя, «совершенно отстранена». Он окружил цесаревну шпионами, которые доносили ему о каждом ее шаге.

Между рекой Мойкой и Лебяжьим каналом, недалеко от берега Невы, в глубине большого сада, стоял один из дворцов, построенных при Петре Великом. В этом дворце жила цесаревна Елизавета Петровна с небольшим штатом прислуги.

Цесаревна жила уединенно, редко показывалась при дворе малолетнего императора и предпочитала кружок своих приближенных. То были: братья Шуваловы, их двоюродный брат Иван Шувалов, Михаил Воронцов, Василий Салтыков, родственники цесаревны: Скавронские, Ефимовские, Гендриковы. Все эти лица — ревностные сторонники цесаревны — собирались часто у нее по вечерам, то играли в карты, то слушали пение любимца цесаревны Алексея Разумовского, то проводили время в оживленной беседе, в которой живое участие принимала сама хозяйка дома. Такие собрания продолжались иногда до поздней ночи.

Днем цесаревна часто ездила в гвардейские казармы, в особенности Преображенского полка, давала нередко солдатам деньги, крестила их детей, делала подарки и вообще, видимо, старалась приобрести себе их расположение. Во дворец Елизаветы был открыт доступ не только офицерам гвардии, но и рядовым. И как офицеры, так и солдаты гвардии очень любили цесаревну и мечтали о том, что она станет императрицей.

Однажды гвардейцы толпою окружили цесаревну в прилегающем к ее дворцу Летнем саду со словами: «Матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний, что наконец велишь нам». Цесаревна испуганно ответила им усиленной просьбой молчать и не губить ни себя, ни ее.

В числе лиц, приближенных к цесаревне и постоянно у нее бывавших, был врач Арман или Герман Лесток, родом француз, хотя родился он в Ганновере, в Германии, где отец его, переселившийся из Франции, был сначала цирюльником, потом хирургом.

Лесток приехал в Россию еще при Петре Великом, попал в медицину к императрице Екатерине I, но в 1718 году был сослан в Казань за распускание обидных слухов про царя.

С воцарением Екатерины I Лесток был возвращен в столицу и назначен медиком к шестнадцатилетней тогда цесаревне Елизавете. Цесаревна очень любила веселого, жизнерадостного француза-доктора, а он, в свою очередь, искренно предан был цесаревне. Ненавидя немцев, Лесток старался внушить Елизавете мысль, что если она пожелает объявить себя императрицей и устранить от престола Иоанна Антоновича и всю Брауншвейгскую фамилию, то встретит в этом со стороны Франции и Швеции поддержку. Он предлагал свое посредничество и вошел с этой целью в переговоры с французским посланником в Петербурге. В то же время Лесток нарочно сблизился с офицерами гвардейских

полков, поддерживал в них любовь к дочери Петра, намекал в разговорах с ними на те выгоды, которые приобретет гвардия, если Елизавета станет императрицей, и осторожно подготавливая государственный переворот в пользу Елизаветы.

Остерман узнал о планах Лестока от доносчиков, которыми он окружил двор цесаревны Елизаветы. Он предостерегал правительницу, но она не обращала внимания на предостережения, считая их выдумкой.

Недалеко от дворца цесаревны Елизаветы, в большом барском доме, жил французский посланник в России маркиз де Шетарди.

Он приехал в Россию еще при императрице Анне Иоанновне. Французским правительством ему было дано поручение повлиять на императрицу и ее правительство поддержать Францию в распри, возникшей между Австрией, где недавно вступила на престол императрица Мария Терезия, и Францией, где царствовал король Людовик XV. Но Шетарди встретил в Петербурге в лице Бирона и его приверженцев противников. Вообще почти все немцы, властвовавшие при русском дворе, были на стороне Австрии. Со смертью Анны Иоанновны они, как и державшие их сторону русские сановники, оставшись у власти, продолжали поддерживать австрийские интересы и готовы были помочь Австрии в случае войны с Францией.

Бывая в домах многих сановников и вельмож и перезнакомившись с офицерами Гвардии, Шетарди убедился, что Анна Леопольдовна, ее муж, и вообще вся Брауншвейгская фамилия далеко не пользуются общими симпатиями. До него стали доходить слухи, что многие недовольны правительницей и ее советниками, и что большими симпатиями пользуется цесаревна Елизавета, которую многие предпочли бы видеть на троне вместо малолетнего Брауншвейгского принца.

В это время к Шетарди обратился врач цесаревны Лесток. Он стал рассказывать посланнику, что Елизавета очень любит Францию, что предана ей и в заключение намекнул, что родина посланника приобрела бы в цесаревне, несомненно, верную союзницу, если цесаревна станет русской императрицей. Но для этого необходима поддержка со стороны французского правительства.

После этого разговора Шетарди решил объясниться с самой цесаревной, которая тоже уверила его в своих добрых чувствах к Франции.

Шетарди счел своим долгом сообщить об этом французскому правительству. Но оттуда посланнику ответили, что «пока император Иоанн Антонович жив, не может быть и речи о претензиях Елизаветы Петровны на российский престол.»

Однако этот ответ не смутил Шетарди. Сам он был другого мнения. Он успел узнать, частью через Лестока, частью через других лиц, что в гвардии только и ждут того момента, когда цесаревна позовет войско, чтобы добыть себе престол. Знал он также, что Швеция тоже охотно встретила бы воцарение Елизаветы Петровны в надежде вернуть при ней завоеванные Петром Великим области и что в этих видах шведское правительство не прочь поддержать цесаревну. Между Шетарди и шведским

посланником в Петербурге Нолькеном начались по этому поводу тайные переговоры.

Отнюдь не питая вражды к младенцу-императору, не имевшему, конечно, понятия о том, что творится вокруг него, Шетарди, Нолькен и Лесток решили во что бы то ни стало лишить престола Иоанна Антоновича: первые, усматривая в этом пользу для своей родины, последний, желая возвысить цесаревну.

Между Шетарди и Нолькеном решено было, что шведы начнут войну против России, объявив в особом манифесте русскому народу, что вступают в русские пределы только ради избавления «достопадной русской нации от тяжкого чужеземного притеснения и сохранения со шведами доброго соседства».

Но так как шведское правительство имело в виду исключительно выгоды Швеции, то оно раньше, нежели двинуть свои войска, желало обеспечить себя оказанием со стороны Елизаветы Петровны, что в случае успеха оказанной ей поддержки Швеции будут возвращены некоторые области, завоеванные Петром Великим, и что шведам дано будет соответственное вознаграждение за военные расходы. Елизавета Петровна такого обещания дать не решалась. Все же шведскому посланнику удалось заручиться письменным обещанием двух близких к цесаревне лиц — Воронцова и Лестока, опасавшихся, что иначе Швеция откажется оказать свою поддержку Елизавете.

Французское правительство, сначала сомневавшееся в возможности посадить на русский престол цесаревну, получив новые донесения посланника и учитывая выгоды, которые может принести Франции свержение Брауншвейгской фамилии и удаление сановников, поддерживавших Австрию, решило помочь осуществлению проекта Шетарди. С этой целью посланнику была прислана из Парижа крупная сумма денег.

Согласно составленному плану шведский король Фридрих I, подстрекаемый французским правительством, 3 июня 1741 г. объявил войну России и шведские войска двинулись в русские пределы, но на первых порах потерпели поражение. Русская армия под предводительством фельдмаршала графа Петра Петровича Ласси одержала победу под Вильманстрандом. Надежда цесаревны на помощь со стороны шведов стала ускользать. Но счастливое стечение обстоятельств и смелость Елизаветы Петровны пришли ей на помощь как раз в тот момент, когда сведения о ее сношениях с маркизом Шетарди дошли до Остермана и цесаревне угрожало заточение в монастырь.

В морозную ночь с 24 на 25 ноября 1741 года по улицам Петербурга, по направлению к Зимнему дворцу, быстро катили сани, окруженные гренадерами. В санях сидела молодая красивая женщина, закутанная в шубу, из-под которой сквозила блестящая кираса, надетая поверх обыкновенного платья. Рядом с нею сидел высокий мужчина, а на запятках стояли три офицера.

Не доезжая дворца, сидевшая в санях велела остановить их и пошла пешком. Гренадеры следовали за ней. Но так как ей трудно было идти скорым шагом, частью от усталости и волнения, то гренадеры понесли ее на руках.

Эта женщина была цесаревна Елизавета Петровна, а сопровождавшие ее лица были Лесток, Воронцов и два брата Шуваловы.

Между 11 и 12 часами в эту ночь цесаревна послала за стоявшими в ее дворце на карауле гвардейцами-гренадерами, объявив, что идет добывать себе престол отца, незаконно захваченный посторонними людьми, спросила, готовы ли гренадеры ей помочь. Те поклялись в преданности. Цесаревна удалилась на минуту к себе, помолилась, затем вынесла из своей комнаты крест и привела к присяге всех присутствующих.

— Когда Бог явит милость свою нам и всей России, — сказала она, — то не забуду верности вашей. Теперь ступайте, соберите роту во всей готовности и тихости, а я тотчас приеду за вами в ваши казармы.

Гвардейцы беспрекословно исполнили приказ, а цесаревна отправилась в свои комнаты и пред образом Спаса Нерукотворного дала обет, что если взойдет на родительский престол, то во все ее царствование никто не будет предан смертной казни.

Спустя полтора часа Елизавета села в стоявшие у подъезда сани вместе с Лестоком. В других санях поместился Алексей Разумовский и Василий Федорович Салтыков. Явившись в казармы гренадерской роты Преображенского полка, цесаревна сказала:

— Ребята, вы знаете, чья я дочь, ступайте за мной! Все мы много натерпелись от немцев, и народ наш много терпит от них: освободимся от наших мучителей! Послужите мне, как служили моему отцу.

Солдаты и офицеры, заранее извещенные о готовящемся перевороте, в один голос отвечали:

— Матушка, мы готовы!

— Клянусь умереть за вас, — сказала взволнованным голосом цесаревна, став на колени так же как и остальные присутствующие и целуя крест. — Клянетесь ли умереть за меня?

— На том присягаем! — ответили солдаты.

— Так пойдем и будем только думать о том, чтобы сделать наше отечество счастливым во что бы то ни стало. Но знайте, что я не желаю, чтобы при этом напрасно была пролита кровь, — прибавила Елизавета.

Прибыв в Зимний дворец, цесаревна отправилась в караульную и спросила находившихся там в эту ночь солдат Семеновского полка:

— Хотите ли мне служить, как отцу моему и вашему служили? Самим вам известно, каких я натерпелась нужд и теперь терплю и народ весь терпит от немцев. Освободимся от наших мучителей.

— Матушка! Все сделаем, что велишь!

Елизавета, сопровождаемая преданными ей гренадерами, вошла во дворец и направилась через хорошо знакомые ей комнаты в спальню Анны Леопольдовны.

— Сестрица, пора вставать, — промолвила Елизавета, обращаясь к Анне Леопольдовне.

— Как, это ты, сударыня? — сказала ей правительница и, увидев за нею гренадер, сразу поняла все.

Она принялась умолять цесаревну не обращаться дурно с ее

детьми и не разлучать ее с любимой фрейлиной Менгден. Елизавета успокоила ее.

В соседней комнате в это время мирно спал младенец-император. Цесаревна запретила сопровождавшим ее гвардейцам тревожить его. Но поднявшийся кругом шум пробудил ребенка. Тогда кормилице приказано было нести его в караульню, где находились солдаты. Сама цесаревна, спустившись туда, взяла Иоанна на руки и сказала взволнованная:

— Бедное дитя! Ты невинно, но твои родители несут тяжелую вину.

И она увезла свергнутого императора в своих саних в Летний дворец, куда тоже были доставлены арестованные правительница Анна Леопольдовна, принц Антон, сестра Иоанна Антоновича маленькая принцесса Екатерина Антоновна и жившие в Зимнем дворце их приближенные.

Народ, собравшийся на Невском проспекте, по которому возвращалась Елизавета, несмотря на морозную ночь, приветствовал цесаревну громким «ура!». Слыша радостные возгласы, малютка Иоанн развеселился и стал улыбаться и махать ручонками.

— Бедняжка, — сказала цесаревна, — ты не знаешь, что народ кричит и радуется, что ты лишился короны!

Царствование колыбельного императора окончилось. Его место заняла 32-летняя дочь Петра Великого. Но этим судьба его не завершилась.

С самого раннего утра 25 ноября 1741 года огромные толпы народа и масса войска окружили дворец, в котором жила цесаревна Елизавета Петровна. Весть о совершившихся в ночь событиях разнеслась по столице с быстротой молнии. И как год с небольшим назад народ ликовал по поводу ареста Бирона, так теперь ликовал он по поводу новой перемены правительства...

Было восемь часов утра, когда цесаревна, надев андреевский орден, показалась в окне дворца. Она держала на руках младенца Иоанна Антоновича.

Появление цесаревны с императором-младенцем дало повод многим предполагать, что цесаревна объявит себя только правительницей, т. е. займет место Анны Леопольдовны, и что Иоанн Антонович по-прежнему будет считаться императором. Но вскоре затем объявленный манифест гласил совсем другое.

«Все Наши как духовного, так и светского чинов верные подданные и особливо лейб-гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили Отеческий Наш Престол Всемиловнейше воспринять» — так значилось в манифесте о вступлении на престол Елизаветы Петровны.

В следующем затем втором манифесте от 28 ноября, указывалось, что согласно духовной императрицы Екатерины I, еще тогда, когда скончался Петр II, цесаревна Елизавета Петровна была законною наследницей Всероссийского престола, но что эта духовная была скрыта Остерманом, что по проискам того же Остермана была избрана на престол Анна Иоанновна и что он же, Остерман, во время болезни императрицы Анны Иоанновны сочинил определение о назначении наследником младенца Иоанна,

«никакой уже ко Всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права не имеющего». В конце манифеста сказано было, что «хотя принцесса Анна и сын ее принц Иоанн ни малейшей претензии и прав к наследию Всероссийского престола не имеют, но из особливой к ним императорской милости, не желая никаких им причинить огорчений, с надлежащею им честью и с достойным удовольствием, предав все их разные предосудительные поступки крайнему забвению», новая императрица повелела «принцессу, ее мужа и детей в их отечество всемилостивейше отправить».

Милостивые слова манифеста, обещавшие, что семейству павшего императора не будет причинено «огорчений», не распространялись на сторонников Брауншвейгской фамилии. Все арестованные в ночь на 25 ноября — Остерман, Миних, Головкин, обер-маршал Левенвольд, президент коммерц-коллегии Менгден, обер-гофмейстер Миних — сын генерал-фельдмаршала, тайный советник Стрешнев, директор канцелярии принца Антона Грамотин и другие были преданы особому суду как государственные преступники, которые содействовали незаконному возведению Бирона в регенты и воцарению Иоанна Антоновича. Почти всем им были поставлены в вину и другие преступления. Следствие было поручено генералу Андрею Ивановичу Ушакову, который теперь стал одним из лиц наиболее близких к новой императрице. Суд отнесся ко всем строго и приговорил бывшего генерал-адмирала Миниха четвертовать, бывшим: обер-канцлеру Головкину, президенту коммерц-коллегии Менгдену, обер-гофмаршалу Левенвольду и действительно статскому советнику Темиряеву отсечь головы, а имения их отнять в казну; остальных кого бить плетью и сослать, кого разжаловать. Императрица, верная данному обещанию никого не лишая жизни, смягчила приговор, даровала всем жизнь, о чем приговоренные к смертной казни узнали только в день назначенной казни, 18 ноября 1742 года, на плахе, когда палачи уже собирались исполнить приговор. Согласно указу императрицы все они были сосланы в заточение.

Четыре наглухо закрытые кареты, окруженные большим конвоем преображенцев, двинулись на рассвете 12 декабря 1741 года из Петербурга по направлению к Нарве.

В каретах сидели бывшая правительница Анна Леопольдовна с мужем, низложенный император Иоанн Антонович, его маленькая сестра принцесса Екатерина, фрейлина Менгден и прислуга.

Во главе конвоя, окружавшего кареты, находился генерал-лейтенант граф Василий Федорович Салтыков, которому согласно манифесту императрицы поручено было отвезти всю Брауншвейгскую фамилию через Нарву в Ригу, за границу Российского государства, в Кенигсберг, и там предоставить им свободу.

Больше года пробыли Иоанн Антонович и его родители в Риге, не зная ничего о дальнейшей своей судьбе. В конце 1742 года императрица решила перевезти все Брауншвейгское семейство в другое место. Решение это последовало вследствие предостережения со стороны прусского короля Фридриха II, который писал, что пребывание свергнутого с престола императора и его матери

в Риге опасно, потому что они могут оттуда легко бежать за границу и, при содействии Швеции, добиться провозглашения Иоанна вновь императором. Поэтому в декабре 1742 года все Брауншвейгское семейство перевезли в крепость Дюнамюнде, куда проникнуть было труднее. Но и это оказалось вскоре недостаточным. Спустя год решено было увезти Иоанна и всех его родных в глубь России, избрав для них местом пребывания небольшой городок Раненбург или Анбург в нынешней Рязанской губернии.

Поручение отвезти туда свергнутого императора и его родителей было дано капитану гвардии Вымдонскому. Тот, не подозревая о существовании Раненбурга, едва не отвез пленников в Оренбург.

Пребывание Иоанна III в Раненбурге продолжалось недолго. Слухи, будто какой-то монах решил освободить императора-узника и даже успел будто бы увезти его в Смоленск, заставили правительство Елизаветы Петровны назначить для пребывания Брауншвейгской фамилии более отдаленное место.

27 июля 1744 г. один из приближенных к императрице Елизавете, женатый на ее родственнице, барон Н. А. Корф, получил приказ отправиться в Раненбург, взять ночью принца Иоанна и отправить его с майором Пензенского полка Миллером, под прикрытием тридцати надежнейших солдат, в Архангельск, а оттуда в Соловецкий монастырь, где уже было приготовлено помещение как для бывшего императора, так и для его родителей. Все это было приказано обставить большой тайной, так чтобы никто не мог видеть ни отъезда маленького императора из Раненбурга, ни приезда в Соловецкий монастырь.

Вследствие очень скверных дорог указ не мог быть точно исполнен, и вместо Соловецкого монастыря все Брауншвейгское семейство было водворено в Холмогоры, где оставлено под строгим наблюдением сначала барона Корфа, а затем капитана Измайловского полка Гурьева. Кроме того, при узниках были оставлены капитан Вымдонский и майор Миллер.

В Холмогорах не было ни крепости, ни тюрьмы, где можно было бы поместить узников. Их разместили в разных концах обширного архиерейского дома, но так, что младенец Иоанн не мог видеть ни отца, ни матери, ни сестер своих. Анна Леопольдовна, разъединенная с сыном в Раненбурге, не знала даже, что недалеко от нее томится в заточении ее сын, а тот в свою очередь находился в полном неведении, что в нескольких шагах от него живут мать и отец.

Молодой арестант проводил время в полном уединении, без всякого общения с кем бы то ни было, кроме назначенного для надзора за ним капитана Миллера. Запрещено было учить мальчика даже грамоте.

Дав обещание при вступлении своем на престол никого не казнить, императрица Елизавета не хотела лишать жизни и свергнутого ею малолетнего императора. Но в Петербурге были убеждены, что хилый, слабый, болезненный, как и другие дети Анны Леопольдовны, Иоанн Антонович не вынесет заточения.

Предвидя возможность смерти Иоанна в ссылке, правитель-

ство, за подписью самой Елизаветы, приказало: «если по воле Божией случится смерть принцу Иоанну, то, учиня над умершим телом анатомию и положи в спирт, тотчас то смертное тело при-слать в Петербург с нарочным офицером».

Но развенчанный император, лишенный трона, свободы, даже имени, пережил все невзгоды одинокой жизни в Холмогорах. Скончалась же в Холмогорах мать его, принцесса Анна Леопольдовна, оставив кроме Иоанна еще троих детей. Иоанну Антоновичу шел тогда шестой год. Он не узнал о смерти матери, как не знал вообще о судьбе, постигшей его родителей, сестер, братьев.

В Холмогорах Иоанн Антонович пробыл после смерти Анны Леопольдовны еще шесть лет, т. е. всего двенадцать лет, причем все это время правительство продолжало тщательно скрывать, где находится бывший император. Когда же несмотря на все предосторожности в столицу все-таки проникли слухи о месте его пребывания, императрица Елизавета велела перевести его «под крепким караулом» в Шлиссельбург, с тем чтобы сам он не знал, куда его везут. Но к переезду Иоанна в Шлиссельбург был и другой повод: до Петербурга дошли слухи, что находившийся в Пруссии Манштейн (тот самый, который в свое время арестовал Бирона и способствовал Анне Леопольдовне стать правительницей, а затем перешел на прусскую службу) вместе с неким тобольским посадником Зубаревым задумал выкрасть Иоанна, произвести бунт, возвести холмогорского узника на престол. С этой целью предполагали отправить в Архангельск корабль под видом купеческого и на нем вывезти Иоанна. Все это правительство узнало от пойманного Зубарева.

Хотя в манифесте о восшествии на престол Елизаветы Петровны значилось, что ее «просили воспрять престол все верноподданные», тем не менее уже на первых порах царствования у новой императрицы явилось подозрение, что есть лица, не одобряющие переворота 25 ноября 1741 года и желающие вернуть низложенного императора Иоанна.

И действительно, в июле 1742 года открыт был заговор против новой государыни: камер-лакей Турчанинов, прапорщик Измайловского полка Сновидов задумали захватить и умертвить Елизавету Петровну и возвести снова на престол Иоанна Антоновича, причем распускали слух, что Елизавета не наследница, а сделали ее будто бы наследницей гвардейцы за чарку водки.

Тайная канцелярия, которой поручено было рассмотрение этого дела, осудила виновных к наказанию кнутом и вырыванию ноздрей, а главному зачинщику Турчанинову сверх того велела урезать язык и сослать всех в Камчатку.

Вообще во все почти свое царствование Елизавета Петровна находилась под страхом, что у низложенного императора есть сторонники, которые только ждут случая вернуть ему престол.

Чтобы заставить забыть всех о том, что после кончины Анны Иоанновны царствовал Иоанн Антонович, Елизавета целым рядом указов велела уничтожать все явные следы минувшего непродолжительного царствования. Из памяти народной предполагалось вырвать всякие воспоминания о том, что существовал

когда-либо Иоанн Антонович. Однако подобные меры не достигли цели. О существовании Иоанна Антоновича знали и говорили. И свергнутый Елизаветой Петровной с престола император, как выражается один из историков, «постоянно стоял перед ней привидением».

Шестнадцать лет было Иоанну Антоновичу, когда его из Холмогор привезли в Шлиссельбургскую крепость. Инструкции, как обращаться с узником, были даны от имени императрицы Елизаветы Алексеем Ивановичем Шуваловым. «Когда же для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, то — значилось в инструкции, данной капитану Шубину, — тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли...» Далее в инструкции было сказано, чтобы в крепость «хотя бы генерал или фельд-маршал приехал — не впускать», «в каком месте арестант содержится и далеко ли от Петербурга или от Москвы — ему не сказывать. Каков арестант, немец или русский, или иностранец, под смертной казнью подтвердить, чтобы не рассказывали».

Арестанту пища определена была обильная: в обед по пяти и в ужин по пяти блюд, на каждый день вина по одной, пива по шести бутылок, квасу потребное количество.

Капитан Шубин не долго пробыл при арестанте, заболел. На его место был отправлен капитан Овцын. Он в 1759 году доносил: «Арестант здоров и хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, утверждает, что его порят шептанием, дутьем, пусканием изо рта огня и дыма». Но в другом донесении Овцын заявляет, что арестант «о прочем обо всем говорит порядочно, доказывает евангелием и прочими книгами».

Десятый год уже приближался царствования Елизаветы. Кажется, императрица достаточно прочно сидит на престоле, пользуется любовью войска и народа; однако участь шлиссельбургского узника ни в чем не изменилась.

Одно время у Елизаветы, недовольной поведением назначенного ею в наследники и привезенного нарочно в Петербург Голштинского принца Карла-Ульриха, принявшего в России имя Петра, возникла мысль, не назначить ли наследником Иоанна Антоновича. С этой целью Елизавета пожелала видеть свергнутого императора. Иоанна секретно привезли из Шлиссельбурга в Петербург, и императрица видела его и разговаривала с ним дважды: в первый раз в доме канцлера графа Воронцова, во второй — в доме графа Шувалова. Подробности этих свиданий императрицы с низложенным императором неизвестны. По некоторым рассказам императрица ездила на эти свидания одетая в мужской костюм и изображала доктора. Во всяком случае, узник не знал, кто с ним говорит, равно как не знал, что находится в столице. Разговор убедил императрицу, что Иоанн не способен царствовать, и его опять отвезли в Шлиссельбург.

Двадцать два года процарствовала императрица Елизавета Петровна и двадцать два года томился в заточении, лишенный почти совершенно общения с людьми, бывший император Иоанн Антонович. 25 декабря 1761 года императрицы не стало; на престол вступил, под именем Петра III Федоровича, ее племянник,

Голштинский принц Карл-Ульрих, правнук Петра Великого.

В числе первых приказов нового государя был один, касавшийся шлиссельбургского узника. 1 января 1762 г. Петр III нашел необходимым отозвать приставленного к заключенному капитана Овцына и назначил на его место капитана гвардии князя Чурмантеева, причем, как и при Елизавете Петровне, имя арестанта не указывалось. В указе, данном Чурмантееву, было, между прочим, сказано: «Буде сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, — в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать». Чурмантееву была вручена еще особая инструкция за подписью Александра Шувалова, в которой говорилось, что в случае если бы арестант стал чинить непорядки, или не хотел бы подчиняться, или говорил что-нибудь «непристойное», то «сажать тогда на цепь, доколе не усмирится, а буде и того не послушает, — то бить палкой и плетью». Спустя десять дней Чурмантеев получает новый указ, за подписью Петра III, в котором ему вменялось в обязанность никуда арестанта не перевозить и никому не отдавать, и даже не верить тем, кто бы приехал с именованным указом от императора и стал требовать арестанта.

Кроме прочих предосторожностей, Петр III решил лично убедиться, в каком состоянии находится его мнимый соперник, о котором говорили, что он лишен умственных способностей...

Приехав утром 18 марта 1762 года в Шлиссельбург, он тотчас велел вести себя в каземат Иоанна. Петр застал узника в камере аршин в десять длиной и пять шириной, почти темной из-за сложных снаружи близ окон дров. Белокурые волосы развенчанного императора были острижены в кружок; он был хорошо сложен, цвет лица его был матово-бледный, руки поражали своей белизной. Он нимало не испугался при виде императора и его офицеров, на все вопросы о желаниях давал один ответ: «больше света», вероятно, досадуя на склад дров перед окнами. На вопрос, знает ли он, кто он, ответил, что знает, и назвал себя Иоанном Антоновичем, хотя содержался под именем Григория. Когда Петр III спросил его, почему он воображает себя бывшим императором и кто внушил ему эту мысль, узник ответил, что знает об этом от своих родителей и от солдат. Узнику были переданы подарки: часы, табакерка и шелковый шлафрок, и он положил их под подушку. Постель его была простая, но он содержал ее опрятно.

По другим же сведениям речь его была бессвязна и дика. Говорил, что он не тот, за кого его принимают, что государь Иоанн давно взят на небо. Умственные способности узника были расстроены, и он совершенно не способен был мыслить.

Свидание с бывшим императором произвело на Петра III сильное впечатление. Он, по некоторым известиям, после этого посещения намеревался освободить узника, отправить его в Германию, по другим же, отнюдь не признавая Иоанна лишенным рассудка, даже хотел назначить его наследником престола, причем думал женить его на находившейся тогда в Петербурге принцессе Голштейн-Бекской.

Однако ни то, ни другое намерение не было осуществлено.

На рассвете 28 июня 1762 года случилось событие, имевшее огромное значение для России, а вместе с тем важное и по отношению к судьбе томившегося в Шлиссельбурге Иоанна Антоновича: супруга императора Петра III Федоровича, Екатерина Алексеевна, объявила лишенным престола Петра III и провозгласила себя императрицей Всероссийской.

На другой же день по восшествии на престол новая императрица послала коменданту Шлиссельбургской крепости генерал-майору Силину указ такого содержания: «Безыменного колодника вывезти в Кексгольм, а в Шлиссельбурге в самой оной крепости очистить лучшие покои и прибрать».

«Безыменный колодник», о котором говорилось в указе, был бывший император Иоанн Антонович, а «лучшие покои в крепости» предназначались для Петра III Федоровича, которого предполагалось доставить в Шлиссельбург.

Согласно этому приказу Силин вывез на лодке Иоанна Антоновича по направлению к Кексгольму — небольшой крепости на острове реки Вуоксы, при впадении ее в Ладожское озеро. Узник не знал, куда его везут, как не знал — откуда. Но до Кексгольма Силину не удалось добраться: бывшей на Ладожском озере бурей судно, на котором он вез Иоанна, разбило, и Силин вместе с узником высадился в деревне Мордя, в тридцати верстах от Шлиссельбурга, где Силин решил ждать прибытия других судов.

Тем временем на имя Силина прислан был из Петербурга другой приказ от имени новой императрицы: везти «безыменного колодника» обратно в Шлиссельбург. Этот новый приказ вызван был непредвиденным событием: Петра III в Ронше постигла неожиданная смерть, и, таким образом, помещение в Шлиссельбурге для нового узника не понадобилось...

Спустя месяц после водворения Иоанна Антоновича в прежнее место его заточения венчанного узника пожелала видеть сама императрица. Свидание состоялось в строгой тайне, и о нем узнали лишь значительно позже. Оно убедило императрицу, что Иоанн, как было заявлено в манифесте, «лишен разума и человеческого смысла». Но все же Екатерина не решилась дать ему свободу.

Иоанну было тогда 22 года. Это был юноша среднего роста, довольно слабого сложения, но здоровый, насколько, конечно, может быть здоров человек, всю жизнь проведший в заточении.

Приближался последний акт драмы.

В июле 1764 г. на недельном карауле в Шлиссельбургской крепости стоял прибывший из Петербурга подпоручик Смоленского полка Василий Яковлевич Мирович.

Уже задолго до этого у него явилась мысль освободить Иоанна Антоновича из заточения, увезти его в Петербург и при содействии артиллерийского полка возвести на престол. Он открыл свой замысел только одному человеку, поручику Аполлону Ушакову, который обещал содействие. Но Ушаков еще до приведения в исполнение заговора утонул. Лишившись товарища, Мирович решил один привести в исполнение свое предприятие. С этой целью он заготовил письмо к принцу Иоанну, манифест от его

имени и ждал, когда его назначат караульным офицером в Шлиссельбург.

Ознакомившись подробно с расположением того помещения, где содержался Иоанн Антонович, Минович в ночь с 4 на 5 июля 1764 г. приступил к исполнению замысла, поднял на ноги караул и повел его в цитадель освободить узника, причем открыл огонь по небольшому отряду солдат, охранявшему темницу Иоанна. Офицеры Власьев и Чекин, находившиеся неотлучно при узнике, отразили первый приступ, а затем, боясь, чтобы Минович не осуществил своего намерения и, как они впоследствии заявляли, чтобы отвратить бедствия и смуты, убили погруженного в сон Иоанна Антоновича.

Увидев труп принца, Минович сложил оружие. Его арестовали, отдали под суд, который приговорил его к смертной казни. 15 сентября 1764 г. ему в Петербурге была отрублена голова, а тело его было сожжено вместе с эшафотом.

Когда весть о смерти Иоанна дошла до Екатерины, находившейся тогда в Риге, императрица письмом от 9 июля к графу Н. И. Панину велела «безыменного колодника хоронить по христианской должности в Шлиссельбурге, без огласки».

Согласно этому повелению погребение совершено было в самой Шлиссельбургской крепости, но где именно — неизвестно.

В усыпальнице русских императоров, в Петропавловском соборе петербургской крепости, похоронены все венценосцы, начиная с Петра I. Одной только недостает там гробницы — с телом Иоанна Антоновича...

Р. С. Этою фразой закончил свое повествование, написанное в 1912 году, автор. Время добавило: в Петропавловском соборе нет гробниц двух российских императоров...

**Публикация и подготовка к печати
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

КУЧА

Сцены из жизни «новых русских»

Солнце садилось, когда новенький «мерседес» цвета «брызги шампанского» на бешеной скорости въехал в город N.

— Ничего себе, бабы тут... — сказал Хрычковин, глянув на спархнувших от машины двух толстух.

— Какие, ну какие в этой глуши могут быть бабы вообще? — истерически закричал на него Извиватов. Он заранее был против этой поездки.

— Зато бабки хорошие, — отрезал шофер.

— Да, ничего себе бабки... — подтвердил Хрычковин.

«Мерседес» затормозил на Васильевской, 12, у пятиэтажного облупленного дома. Около подъезда в вечернем солнце купались четыре старушки, лялякая, как всегда, о чем попало, теперь вот о подъехавшем «мерседесе».

— Слушайте, бабки! — строгим голосом произнес шофер. (При слове «бабки» Хрычковин машинально проверил кошелек.) — Шысятчетвертая квартира в этом подъезде?

Старушки, поджав губки и скептически осмотрев его бритую голову, сухо кивнули.

— Здесь.

— Сам бы и жил в этой дыре, сволочь, — пробормотал Извиватов, угрюмо оглядывая улицу сквозь запыленное стекло «мерса». В Москве он оставил телку, которой добивался не то чтобы долго, но дорого. И теперь волновался, вспоминая, как на нее косился шеф во время последней пьянки в кабаке. Хрычковин был в курсе:

— Не пыхти. Вернемся — оттянешься. Может, еще тут кого снимем.

— Где? Здесь? — передразнил старушек Извиватов.

— Ладно, ребята, пошли, — хлопнул дверью и пискнул сигнализацией водитель. — Хата на третьем.

Аккуратно выставив на стол бутылку «Абсолюта», четыре стопки и пять банок с красной икрой, водитель, на самом деле не

водитель, а прямой зам. шефа, посланный сюда за главного, произнес:

— Хозяевам упрочено за три месяца, якобы за хату для молодоженов. Сюда они не явятся и о нас ничего не знают. Теперь шеф велел проверить все торговые ряды на центральной площади, снять долги, убрать верхушку и ввести в курс своих. Все дела. Это ясно? В ментуре порядок, с ними шеф сам говорил. Да и Рыжего просил не трогать пока.

— Рыжий — тихоня. Не нравится он мне. Нечестно играет.

— Да замочить его, и дело с концом, — пробормотал Извиватов.

— Шеф сказал — все, — отрезал шофер.

— Паразит, ну, паразит, — не унимался Извиватов. — Не мог хату получше подыскать. Смотри — плита ржавая, стол шатается... А чо ты четыре рюмки-то достал? Баб же нет никого... Гы...

— Да пошел ты! Вчера Леха на своей «вольве» подорвался у подъезда. А ведь должен был с нами ехать. Помянуть надо. — Главный налил четыре стопки, на одну положил бутерброд с икрой и отодвинул на другой край стола.

Через полчаса Хрычовкин сказал:

— Все, ребята, еще по маленькой и спать. Завтра едем к Рыжему.

— Плохо без баб, — маялся Извиватов.

Утро выдалось жаркое, градусов под тридцать. Хрычовкин с постной рожей натягивал пиджак, а Извиватов, обливаясь потом, завязывал перед зеркалом галстук за 250 баксов.

— Тяжела жизнь простого мафиози, — пошутил главный, доставая из коробки новые «саламандры».

Выйдя за дверь и захлопнув ее, все эти белые рубашки, галстуки, пиджаки, начищенные ботинки и «дипломат» с тысячько баксов вдруг остановились как вкопанные, чертыхнулись. За ночь прямо посередине лестничной клетки кто-то накакал.

— Чтччерт! Куда только уборщица смотрит!

— Да замочить ее надо, чтоб знала впредь! — сразу взвился Извиватов.

— Слушай, ты достал: того замочить, сего замочить. Шел бы в ментуру с такими наклонностями работать, а не в торговлю, — слегка покритиковал Извиватова Хрычовкин. Но только слегка — Извиватов был каким-то дальним родственником шефа, поэтому серьезно связываться с ним не хотелось. — Пугнуть надо уборщицу.

— Если в этом доме вообще есть уборщица, то ее уже ничем не запугаешь, — резонно заметил главный.

Неприятный утренний эпизод быстро забылся. Рыжий принимал гостей с шиком. Тут же вокруг них закрутились рестораны, сауны, бассейны. Наводить порядок в торговле небольшого городишки было не впервой. Каждый занимался своим делом — охранники поминутно хватались за пушки, киллеры сидели по местам в кустах, все местные проститутки были брошены на удовлетворение потребностей Извиватова, доллары переходили из рук в руки и в результате возвращались в карман главного. Весь

мир крутился вокруг московских мафиози, но благодаря строгой конспирации даже не подозревал об этом.

Одна только уборщица ни черта не хотела делать. На следующее утро к прежней куче под дверью добавилась еще одна.

— Это все ты, свинья такая! — заорал Извиватов на Хрычовкина, увидев очередную несправедливость. — Я ночью вспомнил. Это ты предложил подделать срок годности на партии консервов, которую в прошлом месяце в этот город отправлял. Ты, мерзавец, разработал усовершенствованную технологию подделки. Вот теперь наслаждайся творением рук своих! Народ до туалета добежать не успевает.

— Ты, Извиватов, мнительный очень. Нашел, что вспомнить! Тем более у нашего народа желудки крепкие. Тут серьезнее: наверняка диверсия со стороны враждебной группировки.

— Да, но как они узнали, что мы здесь живем?

— Нужно разработать план. Во-первых, установить за домом круглосуточную слежку. Во-вторых, выяснить, где происходит утечка информации. Короче, какающего негодяя — будь он случайный прохожий или шестерка, какающая по наводке наших конкурентов, — нужно убрать. Уборщице на лапу сто баксов, чтобы следила за чистотой вокруг нас. Все. — Главный был в меру щедр и в меру непримирим к окружающим людям и обстоятельствам.

Назавтра у входа в подъезд сидели уже пять старушек, одна из которых отличалась мощными бицепсами и колючим взглядом из-под платка. В городе участились мафиозные разборки, слышалась пальба на улицах. За один день была уничтожена половина враждебной группировки. Главный искал канал утечки информации и самого какающего диверсанта.

Вечером лестничная площадка была вымыта облагодетельствованной ста баксами уборщицей до блеска. Следующим утром весь мафиозный мир города N проснулся на два часа раньше обычного. Ждали известий с Васильевской, 12. В 8.00 Хрычовкин распахнул дверь, и... Куча опять была на прежнем месте.

— Это вандализм, — пробормотал спросонья Извиватов.

— Нужно проинформировать шефа, — решил главный.

Бомж Вася сидел на чердаке дома по адресу Васильевская, 12, мрачно рассматривая свой старый башмак, у которого окончательно отвалилась подошва, и чесался.

— Жизни нет, — беседовал он сам с собой. — Блохи заели, тараканов во всем доме развели, уборщица, черт бы ее драл, вообще работать не хочет. Последний башмак порвался, на улицу выйти не в чем. А я теперь торчи тут, пока кто-нибудь не решит свои старые ботинки выкинуть. У самих в шкафах залежи старой обуви! Копят все, копят — куда копят? Без ботинок я теперь не ходок, раз ногу напорол — хватит. А то и вообще бы не выходил. На улицах палят почему зря, зараза всякая — помрешь еще раньше времени. Тут, на чердаке, хорошо — летом прохладно, зимой видно будет. Правда, жрать не дают и туалета нет, а так — как будто своя отдельная квартира. Будто я и не бомж вовсе. Вот буду тут сидеть и не уйду никуда. Фигушки им всем. И правительству, и ентим жмотам, которым старые ботинки выбросить жаль. Еще и Люську сюда позову. Как сказал великий Петрарка: «Любовь зла...» Вот еще сегодня сверлят на третьем этаже всюю. Дом ходуном ходит, глядишь — развалится.

На третьем этаже действительно сверлили. По приказу шефа в дверь квартиры № 64 врезали «глазок». Кинули жребий. Первую ночь дежурить у «глазка» выпало Извиватову. Он, конечно, тоже мечтал посмотреть в лицо этому, по его словам, «гадющему гаду», чтобы выяснить, к какой именно: банановой, кокосовой или мясомолочной — мафии тот принадлежит и что вообще хочет этим сказать или доказать. Но стоять всю ночь у «глазка»... В четвертом часу утра Извиватов проклял все — торговлю, тысячи долларов, шефа, свои с ним родственные связи и Хрычовкина с глав-

ным, которые бессовестно дрыхнули. Единственное, чего не проклял, — это баб.

К шести утра так никто и не появился. «А может, у него замок, а я торчу тут как дурак», — подумал Извиватов. Эта мысль расслабила его, он рухнул у двери как подкошенный и сразу уснул. Разбудил его скрежет двух челюстей — Хрычовкина и главного.

— Ты, гад, диверсанта проспал, — сообщил Хрычовкин и дал Извиватову легонько в рожу, опять же учитывая его родственные связи с шефом.

Следующую ночь дежурил Хрычовкин. Он был старше Извиватова и выдержаннее. Поэтому перед тем, как сон и явь окончательно смешались, он успел заметить в «глазке» всклокоченную голову и грязную руку, которая ее чесала. Наутро он уже не мог понять, приснилось ли ему или было на самом деле. Если приснилось, то к чему бы? В соннике, который он, как человек суеверный, всегда носил с собой, о всклокоченной голове и руке ничего сказано не было. Если же это было на самом деле... Пятая бабка с бицепсами, которую посадили для круглосуточной слежки за подъездом, показала, что никто с такой головой в подъезд не входил. Значит, это мог быть только кто-то из жильцов дома.

Вот когда пригодились связи шефа с ментами. За большие бабки составили фоторобот головы и руки по показаниям Хрычовкина. Подставным лицам вручили фоторобот и отправили ходить по квартирам, якобы собирали подписи за какой-то липовый предвыборный блок. Вечером с нетерпением ждали результатов. Однако никакого облегчения они не принесли. Такой головы не было не то что в подъезде, но и во всем районе.

— Значит, приснилось, — сказал Хрычовкин.

— Ну и сны у тебя... — покачал головой главный.

Три месяца пролетели быстро. Все дела улажены, город «взят».

Но трое, возвращавшиеся в Москву на «мерседесе» цвета «брызги шампанского», были сумрачны и понуры. Извиватова даже не радовала предстоящая встреча с телкой. Водитель тупо смотрел перед собой и гнал по встречной, минув одну пробку за другой.

— Да, трудно поймать того, кто действует вне закона, — неожиданно сказал Хрычовкин.

— Ты это к чему? — вздрогнул Извиватов.

— Смотря какого закона, — отрезал главный.

— Может, нас так поставщики решили пугнуть? — размышлял вслух Хрычовкин.

— Ну, давай еще всю границу на уши поставим! — разошелся опять Извиватов. — Чертов город! Как я не хотел туда ехать! И ничего я не испугался! Противно просто!

«Мерседес», легко и плавно прошуршав по мокрому асфальту, въехал в Москву.

А в городе N по адресу Васильевская, 12, на чердаке, обняв свою Люсю, спал божь Вася. Так никогда и не узнавший, сколько сил, денег и времени угрохала мафия на его поиски.

ДУР

БУАЛО-НАРСЕЖАК

190 - Спорим — она в синем костюмчике? Восьмой «Г» выстроился в коридоре в ожидании математички. В начале шеренги ребята вели себя спокойно, зато в конце, как обычно, царило глухое возбуждение, затаенное кипение.

— Тихо! — крикнул главный надзиратель, который расхаживал взад-вперед перед строем, заложив руки за спину.

— Заткнись! — кто-то сказал вполголоса.

Некоторые сдавленно фыркнули. Главный глянул на часы. Мадемуазель Шателье опять опаздывала. Жестом он велел ученикам заходить в класс.

— Чтобы был порядок! Все по местам! — Он вошел в класс, окинул взором три десятка сорванцов, которые не спускали с него глаз. — Не пора ли достать учебники, тетради?..

С нарочитой медлительностью они повиновались. Кое-кто обменялся понимающими улыбками, когда в коридоре послышались торопливые шаги. Главный вышел навстречу мадемуазель Шателье.

— Извините, господин главный надзиратель, в городе пробки...

— Да, да. Поторопитесь.

Он проводил мадемуазель до кафедры, давая ей время снять пальто, развязать шляпку-тюрбан. Если бы он смел, он бы посоветовал ей одеваться иначе, носить менее облегающее платье. Умела ли она хотя бы класть ногу на ногу, сидя за письменным столом? Надо бы ее многому научить, намекнуть, конечно, чтобы не испугать.

НОЙ

ВОЗВРАСТ

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

И это учительница! Двадцать четыре года, а выглядит моложе учеников.

— А теперь слушайте внимательно,— сказал он.— Первый, кто сдвинется с места... первый, кто учинит беспорядок... вы меня поняли? Объясняться будем в моем кабинете, с глазу на глаз.

Мгновенный вежливый ропот протеста.

— Я вас предупредил,— в заключение сказал главный.

Он пожал руку девушке и вышел, не заметив, как из дальних рядов вслед ему взметнулась рука в насмешливом приветствии.

Мадемуазель Шателье заняла свое место, не торопясь вытерла очки. Со всех сторон уже поднимался гул, разговаривали громким шепотом.

— Вечером тачки придешь смотреть? — прошептал Эрве.

— Если смогу. Старик что-то злится. Не знаю, что с ним. Заходи. Часам к семи...

— Шайу! Прошу помолчать,— воскликнула мадемуазель Шателье.

— Я? — переспросил Люсьен. — А я и так молчу.

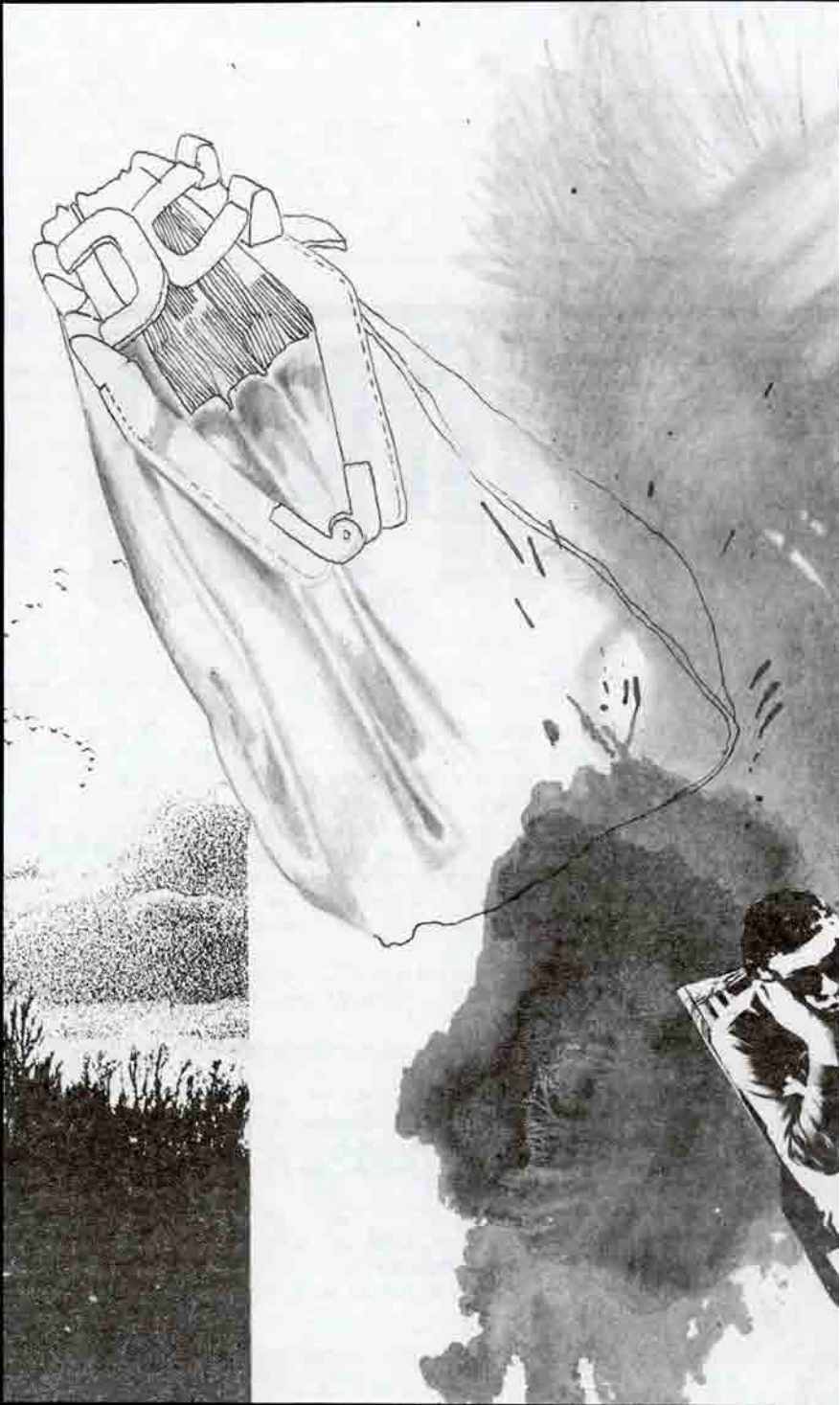
Он искренне возмутился. Частная беседа в счет не шла.

— В гараже сейчас есть одна тачка что надо,— продолжал Эрве.— Я тебя быстро привезу обратно, часам к восьми, к половине девятого.

— Что за тачка?

— 104ZS,— сообщил Эрве.— Летит, как ракета, ей-богу! Хозяин — один тип, вернется только после уик-энда.

Мадемуазель Шателье сухо стукнула по столу линейкой. Удивленные мальчики замолчали.

— Письменная контрольная, — не слишком уверенно объявила она.

Раздались возмущенные возгласы.

— Нет. Не сегодня. Каникулы на носу!

Бордые наклонился, сложил ладони в виде раковины и издал «Ме-е-е!» таким замогильным, таким жалостливым, полным отчаяния голосом, что класс грохнул от хохота.

— Прошу вас, — сказала мадемуазель Шателье. — Вы слышали, что сказал главный надзиратель... Одно мое слово, и...

Они развлекались от души, чувствуя ее бессилье. Она побледнела, как полотно, только на скулах горели два красных пятнышка.

В темных глазах вспыхнул лихорадочный гневный огонь. А им нравилось доводить ее до такого состояния.

— Диктую, — начала она.

Тогда, разумеется, без всяких согласований они избрали путь переговоров, которые в случае некоторого везения могли продолжаться битый час.

— Один вопросик, — взмолился Ле Гюен. — Малюсенький.

— Диктую, — повторила учительница. — Дан треугольник ABC...

— Ну уж нет! Хватит треугольников! Надоели треугольники!

— Но...

— Давайте о другом!

И они принялись скандировать:

— О — дру — гом... О — дру — гом...

— Хорошо, — согласилась она. — Шайу, пожалуйста, к доске.

— Опять меня! Как у доски отдуваться, так всегда меня, — запротестовал Люсьен.

— Хотелось бы повесить вам средний балл. Ну! Хоть на этот раз немножко доброй воли! — с вымученной улыбкой пояснила она.

Класс затих, предвкушая инцидент. Всем известно — Люсьена учительница терпеть не могла. Но неужели он тряпка? Он встал, оглядел товарищей, развел руками — этакий жест бессилия — и направился к кафедре с видом мученика. Пока шел, удивительно грациозно споткнулся, притворился, что теряет равновесие, и сделал изящный пируэт, что приободрило присутствующих. Держался что надо. Выбрал мелок и смиренно встал у доски. По-прежнему внутренне съезжившись, она искоса наблюдала за ним. Ей казалось, что одно очко уже в ее пользу.

— Начертите окружность с центром в точке O...

Заскрипел мел.

— Что это такое? — спросила она.

— Ну, окружность с центром O, — невозмутимо ответил он.

Рисунок напоминал то ли картофелину, то ли земляную грущу.

— Немедленно сотрите.

Товарищи онемели от восторга.

— Это и есть круг, — утверждал Люсьен. — Я могу вам даже журнал принести. Открытие американцев. У них это называется мягкая геометрия.

Как удар волны, грохнул дикий рев.

— Хватит! — крикнула мадемуазель Шателье.

Удивленный, даже шокированный Люсьен призывал учительницу в свидетели.

— Не знаю, что с вами... Я правду говорю. Не я же ее выдумал, эту новую геометрию!

— Я тоже читал статью,— вскочил Эрве.— Это не туфта. Не обращайтесь внимания на этих идиотов. Они ничего не знают.

Он повернулся к бесчинствующему классу.

— Заткнитесь, кретины!

Это несуразное вмешательство вызвало бурю восторга.

— Первый, кто пошевелится... Вы меня поняли! — вопил Эрве, подражая главному надзирателю.

Его голос потонул в мычании на все лады.

— Я не виноват, — извинился Люсьен с видом святоши.

Мадемуазель Шателье совершенно растерялась. Губы ее дрожали. Ее охватила паника. Машинально она взяла сумочку, бросила на своих мучителей диковатый блуждающий взгляд и вышла из класса, позабыв закрыть за собой дверь. Такого еще не бывало. Воцарилась тишина. Люсьен стер свои дурацкие каракули, дабы не оставлять вещественных доказательств проступка, и вернулся на место.

— Ну и намылят нам шею, парни! — послышался хриплый, ломающийся голос.

Ждать долго не пришлось. В коридоре послышались знакомые шаги главного надзирателя. Правосудие надвигалось. По лицу главного они поняли, что на этот раз серьезных неприятностей не миновать.

— Шайу... Корбино... Быстро в кабинет директора.

Церемонно и молча сообщники повиновались. Главный проводил их взглядом, затем, обращаясь к оцепеневшим приятелям, скомандовал:

— Остальные — во двор. Чтобы ни звука!

Секретарша, которая, казалось, была в курсе дела, глянула на них с нескрываемой враждебностью и препроводила Люсьена и Эрве в кабинет директора. Директор и надзиратель тихо разговаривали у окна. Директор сел, надзиратель продолжал стоять.

— Подойдите.

Заложив руки за спину, неуклюже, смущенно, мальчики остановились у стола, заваленного бумагами, ведомостями, досье.

— Опять вы, — сказал директор. — Небось горды собой? И только потому, что у вас молодая и еще неопытная учительница, вам доставляет удовольствие делать ее жизнь невыносимой. Непристойный галдеж — ваших рук дело, я сказал бы — мания. Вы, Корбино, самый рослый и самый глупый, берете на себя поддержание бедлама на уровне, а вы, Шайу, исподтишка, как бы ни при чем, всячески его субсидируете.

Слово показалось Люсьену столь странным, что живот буквально свело судорогой, и он чуть не расхохотался, как сумасшедший. От этого нелепого слова «субсидия» голова шла кругом.

— Вас, кажется, забавляют мои слова, Шайу?

— Нет, господин директор.

Кризис терял свою остроту. Оставался страх перед неминуемым наказанием. Легко было представить себе загубленные

вечера, тоскливые обеды и ужины наедине с угрюмым отцом, с трудом сдерживающим себя, чтобы не распекать, не осыпать упреками.

Директор повернулся к надзирателю:

— Что вы предлагаете, господин надзиратель? Вернуть их родителям? Совершенно очевидно: так это не может продолжаться. Шайу, соблаговолите мне объяснить, почему мадемуазель Шателье вынуждена постоянно с вами конфликтовать?

— Она пристаёт ко мне, — прошептал Люсьен.

Директор подскочил:

— Что это еще за блатной жаргон?

Верный Эрве пришел на помощь:

— У нее зуб на нас.

Уловка вернула Люсьену малость хладнокровия. Он глубоко вздохнул и пролепетал:

— Это правда, господин директор. Есть ведь и другие... Но с ними никогда ничего не случается.

— Так! Для начала вы принесете извинения своей учительнице. Затем будут приняты необходимые меры.

Он нажал кнопку оперативной связи:

— Мадам Бошан, попросите мадемуазель Шателье зайти ко мне.

Люсьен и Эрве с досадой переглянулись. Мадемуазель Шателье вошла и присела на край кресла.

— Шайу, извинитесь, как подобает воспитанному мальчику. Ну! — приказал директор.

— Что мне надо говорить? — бормотал красный от злости Люсьен.

— Прошу вас принять мои извинения...

— Извиняюсь...

— Нет. Прошу вас принять мои извинения...

Мадемуазель Шателье сидела, опустив голову, словно сама была виновата.

— Прошу вас... — начал Люсьен.

Голос дрожал от унижения. Он закончил одним махом:

— ...принять мои извинения.

— Ваша очередь, Корбино.

Эрве в ярости переминался с ноги на ногу.

— Вы слышите, что я сказал? — спросил директор.

Эрве закрыл глаза и промямлил, как маленький:

— Прошу вас принять мои извинения...

Мысленно добавил:

...старая мымра.

— А теперь уходите оба с глаз долой, — заключил директор. — Скоро узнаете о моем решении. Господин надзиратель, соблаговолите проводить их в класс... А вас, мадемуазель Шателье, попрошу остаться. — Пока провинившиеся удалялись в сопровождении надежной охраны, он вызвал секретаршу: — Мадам Бошан, будьте добры, принесите мне досье учеников Шайу и Корбино из восьмого «Г»... Спасибо.

Он открыл первую папку и стал медленно читать: Шайу, Люсьен, год рождения: 3 ноября 1961, Нант.

— Значит, ему пятнадцать с половиной лет. Согласен, он не слишком продвинут в своем развитии, как, впрочем, и другие. Этот восьмой класс — не сахар.

Он опять углубился в личное дело, пробежал глазами несколько строк.

— Семейное положение оставляет желать лучшего. Отец — врач. Мать умерла четырнадцать лет назад. Вам это известно? Вот вам мой добрый совет: когда принимаете класс, заводите подробную карточку на каждого ученика. Доктор Шайу — серьезный человек. Помню, он не раз приходил сюда поговорить о сыне. У него, в сущности, нет времени им заниматься, это понятно. Утром он в больнице, во второй половине дня принимает пациентов, затем визиты к больным. Словом, его никогда нет дома. И парень поневоле предоставлен самому себе. Он ни в чем не нуждается, замечу я вам. Отец, безусловно, хорошо зарабатывает. Но деньги еще не все. Когда вам пятнадцать лет, человек нуждается в любви, а вот по этой части, боюсь... Есть бабушка с материнской стороны, но она живет на Лазурном берегу. Остается прислуга. Представляю, сколько он их перевидал с тех пор, как родился. В сущности, несчастный мальчишка. Я, разумеется, не собираюсь его защищать. Говорю только в том смысле, что вы ставите нас в затруднительное положение. Если мы решим его исключить, дисциплинарный совет придется уламывать. Доктор Шайу не последний человек.

Случай Корбино тоже отнюдь не прост, — продолжал он. — Корбино немного старше. К началу учебного года ему уже исполнилось шестнадцать. Да, родился 4 октября 1960 года. Вот тут я могу с вами согласиться: в наших интересах было бы его исключить. Учеба его не интересует. Но... два года назад он потерял отца. Мать и зять — хозяйка гаража, с тех пор как его сестра вышла замуж. Словом, все слишком заняты, чтобы за ним присматривать. К тому же он сложен, как взрослый мужчина, занимается дзюдо. Даже чемпион спортшколы. Избавиться от него — значит лишиться ценного кадра. Теперь спорту придется такое значение!

— Понимаю, — сказала мадемуазель Шателье. — Их водой не разольешь, потому что оба сироты.

— Возможно. Кстати, они прекрасно друг друга дополняют. Шайу — хрупкий, но замечательно умен. Корбино звезд с неба не хватает, но здоровяк. В каком-то смысле — голова и ноги!

— Может, можно было бы их разьединить. Достаточно одного перевести в другой класс, — предложила девушка.

— Мне не кажется это разумным выходом. Мы должны действовать тактично. Сегодня четверг, каникулы начинаются завтра вечером. Продлятся пять дней. Перед началом занятий я свяжусь с родителями. За это время головы поостынут. И к вам, уважаемая коллега, тоже вернется хладнокровие. Между нами, почему вы выбрали профессию педагога?

— Не знаю, это произошло само собой. Я хорошо училась, ну и вот... — сказала она, краснея.

— К сожалению, можно блестяще учиться, но затем... когда вы на работе... особенно с теперешней молодежью.

— Вы считаете, что я не справлюсь, господин директор?

— Я этого не сказал.

Директор встал и проводил мадемуазель Шателье до двери.

Люсьен прошел в кухню, где Марта чистила овощи.

— Я вернусь через пару часов, — бросил он.

— Я, может быть, уеду. Вам только рагу разогреть, — заметила старушка.

Дверь приемной была приоткрыта, виднелась очередь пациентов, листавших журналы. На улице прогуливался Эрве, рядом стояла красная двухместная машина.

— Шевелись! — сказал он.

Люсьен уселся, Эрве хлопнул дверцей, и машина тронулась.

— Зять уехал в Редон, — пояснил он. — Времени хватит, но я предпочитаю вернуться до него. Он разорется, если узнает, что я брал его тачку. Хороша, правда?

Он перешел на третью скорость и дал газ. Люсьену показалось, что улица сама бросилась ему навстречу. В наполовину опущенное ветровое стекло врывался ветерок, пахнувший морским приливом, свежей водой.

— Твоя штукавина в Шантене? — спросил Люсьен.

— Почти. Понимаешь, я вынужден туда съездить. У ребят их Дзюдо-клуба будет карнавальная колесница. Тема шествия: морские разбойники. Они хотели бы, чтобы я нарядился пиратом, покрыл себя татуировкой, надел на глаз черную повязку, представляешь? Я считаю, это дурь. Отказался, но надо все-таки сходить поглядеть. А то обидятся.

Он сбавил скорость, осторожно повернул в кое-как вымощенный двор. Фары высветили просторный ангар с запертой на замок раздвижной дверью. В большой двери была вырезана маленькая дверца. Эрве толкнул ее. Они вошли в помещение, похожее на неф, где в беспорядке были наставлены лестницы, ящики, верстаки. На полу валялись куски проволоки. Лучи прожекторов выхватывали из тени гигантские силуэты, придавая им карикатурный вид. Виднелись руки с толстыми, как колбасины, пальцами, животы, величиной с гору, размалеванные лица, изуродованные чудовищными улыбками, приоткрывавшими квадратные людоедские зубы.

К Эрве подошел человек в перепачканной спецовке. Протянул руку.

— Привет!

— Это мой приятель Люсьен, — сказал Эрве.

— Привет! Ну, что вы об этом думаете? Для начала неплохо, а? Хотя работы еще прорва. Ты придешь, Эрве. И не думай отказываться... Нужны добровольцы — работать с большими головами... Маски будут что надо!

Прямо на полу, чуть поодаль, была свалена целая дюжина масок, смахивающих на резиновые фрукты. Одна высунула язык, глаз другой косил, третья надула щеки, как бурдюки; но особенно глаза завораживали Люсьена: в них оживала притаившаяся хитрость, сообщавшая им как бы некую непристойную мысль.

— Приходи. А я тебя экипирую, — сказал парень.

Он взял одну из масок, надел ее на Эрве, хорошенько приладил. Эрве забавно подрыгал ногами, и Люсьен прыснул со смеху. Маска нагло усмехнулась, покачиваясь справа налево, надутая и отекая, проворная и пронырливая на своих слабеньких ножках. Эрве снял маску и осторожно повесил на место.

— Я, наверное, приду. Лопнешь со смеху, — сказал он, вытирая взмокшее лицо.

— Если сумею слинять, то и я, — добавил Люсьен.

Человек в спечовке взял их под руки.

— Вы еще не видели самое интересное. Это идея Франсуа. К сожалению, полиция не разрешает. А жаль! Первую премию получили бы. Уже один макет чего стоит. Глазейте, сколько влезет!

Он подвел их к установленной на подмостках доске. Она поддерживала больших размеров макет, изображавший городскую площадь. В центре открывался водосточный люк, через который гуськом протискивались громилы в масках, взвалив на спину по тяжелому мешку с награбленным. На углу площади находился банк, на фронтоне которого было написано: Великодушное общество.

— А намек-то вызывающий, — заметил гид.

— Человечки у вас потрясающие. У них что на голове — чулки? — спросил Эрве.

— Да. Надо как в жизни.

Эрве задумался, разглядывая эскиз декорации.

— Знаешь, о чем я думаю? Надо бы похитить... телку, — прошептал он.

— Ты что, спятил? — опешил Люсьен.

— Она над нами издевается. Ну а теперь наш черед.

Люсьен представил себе мадемуазель Шателье наподобие колбасы, перевязанной бечевкой. Ну и умора! Он стал подыгрывать приятелю.

— Мы тоже напьем себе чулки на башку, и — хоп! — скатертью дорожка... Только вот думаю, куда ее упрятать.

— Пара пустяков. Ко мне в хибару, на берегу Эрдра.

— В какую хибару?

— А! Да ты знаешь. Хибару, где ночевал папаша, когда ездил на рыбалку. Лачуга что надо. И вокруг ни души...

Эрве взял в руки одну из фигурок, стал разглядывать.

— Это, конечно, хохмы ради, — продолжал он. — Через пару дней мы бы ее выпустили. Вот увидишь, она станет тише воды, ниже травы. Наперед будет наука. Набросим ей мешок на голову. Я знаю, где она машину оставляет. Там почти нет освещения.

— Ну как, нравится, ребята? — К ним подошел человек в спечовке.

— Отпад, — согласился Эрве. — Месье Раймон, можно я возьму одного маленького гангстера?

— Если он тебе нравится, бери, не стесняйся. Они уже не нужны.

— Спасибо.

Эрве сунул в карман куртки человечка в маске.

— А тебе не кажется, что тебя малость заносит, а? Она ведь нас узнает, как пить дать, — заметил Люсьен; план казался ему фантастическим.

— Если наскочить сзади... Да мешок набросить, чтоб ничего не видела... Она так сдрейфит, что и пикнуть не посмеет. А нам разговаривать незачем. Издалека кажется — сумасшедшее дело, а на самом деле нет ничего проще. Тачку достанем.

— А с едой как?

— Сунем ей бутерброды. Только раз ты против... согласишься все-таки, что она нам житья не дает. Особенно тебе. То, что я предлагаю, — скорее, конечно, наглость, но зачем преувеличивать? Ну, похитили, ну и что? Никакой драмы нет. Сам подумай!

Он театральнo откланялся.

— Чао!

И подтолкнул Люсьена — пусть выходит первый. До машины они добежали. Снова закапал дождь. Эрве включил «дворники» и нервно рванул назад.

— Тихонько, ты не на автогонках, — посоветовал Люсьен.

Но Эрве его не слушал. Выжимал скорости до предела. Мурлыкал какой-то мотивчик. В хибару телку... В хибару телку... В хибару... Он затормозил перед красным светом светофора.

— Чем больше я все обмозговываю, тем больше мне кажется, что дело в шляпе.

«Почему бы и нет? — подумал Люсьен. — Месть получилась бы очень даже эффектная».

С той минуты, когда разыгралась сцена в кабинете директора, мысль о собственном поражении выводила его из себя. Не покидало острое чувство, что его преследуют. Поначалу и та, и другая стороны изучали друг друга, затем мало-помалу все испортилось. Бесконечные вызовы к доске, плохие отметки, а вскоре — конфронтация, сведение счетов. Он убирался восвояси, терпя поражение, — это он понимал. Однако клялся, что невредимой из конфликта она не выйдет. И если благодаря сумасшедшей идее Эрве...

— Ты думаешь, она нас не заподозрит?

— Конечно, нет, — сказал Эрве. — Она вообразит, что тут какая-то ошибка, что бандюги дали маху...

— Но когда она вернется, все вернется на круги своя.

— Клянусь, ей и в голову не придет шум поднимать. Не будет же она трубить на всех перекрестках, что ее умыкнули. Ведь смеху не оберешься. Нет.

Они сделали большой крюк, держась подальше от гаража Корбино. Наконец Люсьен вышел из машины, а красный кабриолет резко рванул с места и исчез в потоке машин.

В приемной подремывал пациент. Люсьен вошел в столовую, где на столе уже стоял прибор. На салфетке лежал листок из блокнота, записка Марты: «Месье сказал, чтобы вы кушали без него». Люсьен пожал плечами, скрутил из листка пыж и точным ударом отправил его под буфет. Вошел на кухню, зажег под кастрюлями газ. Он привык оставаться один, прислушиваться к ежечасным телефонным звонкам, общаться с отцом с помощью записок. На сервировочном столике лежали блокнот и карандаш со вставным грифелем. «Мне, наверное, понадобятся двести франков — на новые кроссовки... Видимо, и джинсы новые

нужны. За починку мотоцикла спрашивают триста франков...» На следующий день Люсьен находил требуемую сумму. Удобно. Доктор никогда не отказывал. Но, увы, человек, с которым Люсьен встречался в дверях или за обеденным столом, в спешке, или поздно вечером, всегда выглядел усталым, озабоченным. Всегда натянуто, вымученно задавал два-три вопроса об учебе, словно старался играть роль, которую не понимал. И если порой тем не менее что-то вроде порыва нежности толкало их навстречу друг другу, как назло звонил телефон.

— Что поделаешь, — говорил доктор. — Такая работа... сам видишь.

Люсьен поднялся по лестнице и вошел в свою комнату. По правде говоря, это была более чем комната. Это было его логово, берлога, пещера, где он был сам себе хозяин. Как и каждый вечер, он с удовольствием поглядывал на плакаты с изображением яхт, скользивших в тучах водяной пыли. Его ждала матросская койка, застланная стеганым из шотландки одеялом, а рядом — проигрыватель и куча пластинок. По стенам, на бумажных полосах, тщательно прикрепленных кнопками, — цитаты из произведений Бориса Виана*: «Бросьте думать, что отвечаете за целый свет. Отчасти вы отвечаете за себя, и того довольно... Мне плевать, могу я или нет заставить других разделять мою точку зрения... Я ненавижу ученье, так как развелось слишком много дураков, умеющих читать... Человек, достойный этого звания, никогда не спасается бегством. Бежать годится воде из водопроводного крана».

Люсьен стянул толстый пуловер — ворот-водолазка тер шею, швырнул в кресло. Сбросил ботинки, поддав их энергично ногой в направлении радиатора, включил проигрыватель и только тогда растянулся на кровати, заложив сцепленные ладони под затылок. Чтобы лучше думалось, требовался шум, как можно больше шума. Пока пальцы ног шевелились в ритм музыки, он в деталях вернулся к проекту Эрве. Спятил, ей-богу, спятил! Идиотизм высшей марки, как бы сказал Борис Виан. Этак в каталажку угодишь, как пить дать. Но, может, все на самом деле проще, чем кажется. Начнем с того, что газеты пестрят историями с похищениями, и ведь поначалу по крайней мере все без осечек. Потом, конечно, нередко случаются и осложнения, но все почему? Потому что похитители требуют выкуп. И главным образом потому, что покушаются на важных типов. А еще потому, что жертв долгое время держат в заточении, что позволяет развернуть мощные полицейские силы. Что будет в случае с совершенно ничтожной и незащищенной дамочкой? Если она и исчезнет на два-три дня, в начале школьных каникул, кто заметит? Даже об исчезновении говорить не приходится. Речь ведь идет всего-навсего об отлучке, отсутствии по причинам личного порядка. Ей не пришлось бы жаловаться на какое бы то ни было насилие. И от стыда вряд ли она стала бы рассказывать близким о своем злоключении. Кстати, каким близким? Никто никогда не встречал ее в

* Борис Виан (1920—1959), французский писатель. (Здесь и далее прим. переводчика.)

городе, в магазинах или в кино. Ее никогда не поджидал мужчина. Она была воплощением учительки, которая не думает ни о чем, кроме работы. Прилежная, работающая зануда. Этакая зубрила-отличница, старая дева. Глаза бы не глядели! Ненадолго упрятать ее в тень — пойдет на пользу. До чего же приятно сознавать, что держишь под замком ненавистного врага! Даже если план не осуществится, в голове возникает столько забавных картин, что чувствуешь себя уже наполовину отмщенным. Когда-нибудь с Эрве скажем: «Помнишь, как мы чуть не похитили телку? Надо же, какие нахалы!»

Отворилась дверь.

— Ты здесь!

— Здравствуй, папа!

— Здравствуй!

Люсьен мгновенно понял, что разговор предстоит бурный.

— Нельзя ли выключить эту музыку дикарей? — спросил доктор.

Он прочитал надписи, украшавшие комнату.

— Что-то новенькое! Раньше были идеи Мао. Если я правильно понял, эволюционируешь в направлении анархии? Мне звонил твой директор. Тебе известно, почему? — Он снял очки в тонкой золотой оправе и взглянул на сына близорукими мигающими глазами. — Поздравляю. Ты не только бездельничаешь, но и позволяешь себе высмеивать преподавателей.

— Папа, я...

— Молчи! Мне все известно. Хотелось бы знать, чем тебе не угодила преподавательница математики. Хотя, я понимаю, чем именно. К несчастью, это хорошо воспитанная, добросовестная девушка, единственная вина которой состоит в том, что она слишком молода и имеет дело с бессердечными шалопаями. И кто же пуще всех изгаляется в первых рядах этих сопляков? Мой сын, черт возьми! Мальчишка вбил себе в голову, что он, видите ли, умен, на том основании, что голова у него наполнена идиотскими лозунгами. Ничего не скажешь, есть чем гордиться, когда у тебя такой сын. Мне остается только, в свою очередь, просить прощения у этой особы. Да, да! Когда балбес твоего пошиба обижает человека, надо у него просить прощения.

— Она вечно ко мне придирается, — возмутился Люсьен.

— И она права. И я ей признателен. Лентяев надо держать в ежовых рукавицах. Если бы я был учителем, не сомневайся, я бы тебя не щадил.

— О, еще бы!

— Что еще бы! Ты ведь несчастное дитяtko. Тебе житья не дают. Отказывают во всем. Во всем-то ты нуждаешься. Остается только плакаться. Скоро я буду во всем виноват. Но задумывался ли ты хоть когда-нибудь, какую жизнь вы устраиваете этой девушке? Вам приходит в голову, что она может из-за вас потерять работу?

— О! Ну уж скажешь!

— Не ну уж! Директор ничего не стал от меня скрывать, так вот — хватит. Придется принимать меры. Прежде всего к началу занятий ты и твой приятель Эрве на три дня будете исключены.

Меня проинформировал сам директор. Хорошенький у тебя будет дневник! Только я решил по-иному. Я заставлю тебя заниматься математикой не с кем-нибудь, а с твоей учительницей, если она согласится тебя простить.

— Мадемуазель Шателье?

— Она самая! Почему бы и нет? Прежде всего я хочу, чтобы ты перешел в девятый, а тебе до этого далеко. И потом мне крайне неприятно, что у этой особы складывается о нас дурное мнение. У тебя, может, и отсутствует самолюбие, но у меня, представь, оно есть. Когда делаешь ошибки, надо уметь их исправлять.

Люсьен забился в угол кровати, подогнул под себя ноги. Он предпочел бы, чтобы ему надавали пощечин, побили. Все что угодно, только не эта холодная ярость, которая сочилась из каждого слова отца. Частные уроки! Насмешливые взгляды телки! Подтрунивания друзей! Что-то вроде низложения авторитета. Позор. Капитуляция.

— Она плохая училка! — прошептал он.

— Bravo, — сухо заметил доктор. — Лучше некуда. Мой сын, коллекционирующий плохие отметки, с первого взгляда может определить, кто хороший, а кто плохой учитель. Так вот, я надеюсь, что мадемуазель Шателье, занимаясь с тобой, добьется успехов.

Он встал, аккуратно сорвал бумажные полосы, служившие Люсьену символами веры, и выбросил их в корзину. Остановился у кровати.

— Слушай, Люсьен. Если одному из нас предстоит обуздать другого, клянусь, не тебе это удастся. Завтра начинаются каникулы. Будешь работать здесь все эти дни. Никаких прогулок с приятелями. Никаких посещений кинотеатра. Одна часовая прогулка после обеда, и все. Поскольку я очень занят, ты вообрази, что можешь творить все, что заблагорассудится. Я проинструктирую Марту. Она мне сообщит, слушаешься ли ты. Я сожалею, что с тобой приходится разговаривать, как с маленьким, но ты вынуждаешь меня к тому.

Он долго вглядывался в лицо Люсьена, словно старался поставить точный диагноз, затем вышел и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Свернувшись калачиком на кровати, Люсьен принялся обдумывать замысел. На этот раз не было речи о том, чтобы исполнить его отложить до других времен. Завтра — последний благоприятный день. В пятницу она приходила в восемь утра и уходила в полдень. У нее были занятия с малышами. Затем до трех часов она свободна; с четырех до шести обычно работала в библиотеке. Исправляла домашние задания, готовилась к занятиям. Когда ребята возвращались из физкультурного зала, то, встав на цыпочки и заглянув поверх матовых оконных стекол, могли видеть, как она сидит за баррикадой из книг. Таким образом, ранее половины седьмого вечера домой она не возвращалась. А в это время уже темно. Она жила в новом микрорайоне, вокруг которого полно автостоянок. Там-то и следовало ее поджидать. К счастью, уже много дней лил дождь. Опасаться любопытных не приходилось. И все-таки захватить ее было не так просто. Без

сомнения, она не окажет никакого сопротивления. Слишком миниатюрна. Но Люсьен испытывал неловкость при мысли, что придется к ней прикасаться. Она ведь была училкой, то есть лицом, на которое запрещено поднимать руку. Почему? Люсьен не знал, но смутно чувствовал, что именно это обстоятельство самое тяжкое. Может, самое непростительное. Будто между ребячеством и преступлением нужно было опрокинуть всего лишь тонкий и, однако, страшный барьер. Ничего после этого уже не будет, как прежде, ничего, но... Он заснул.

В дверь постучала Марта — пора вставать. В сонном оцепенении Люсьен прошел в ванную. Одно за другим оживали вчерашние размышления, они представлялись ему чудовищными. Нет. Немыслимо. И потом столь опасные вещи нельзя импровизировать. Он принял душ, спустился на кухню.

— Отец уже уехал?

— Да. Он, кажется, сердится. Поторопитесь. Вы опаздываете, — сказала Марта.

Люсьен проглотил кофе, схватил салфетку и вскочил на мотоцикл. Лицей находился неподалеку. Он подъехал как раз вслед за машиной мадемуазель Шателье, когда звенел последний звонок. Он видел, как молодая женщина направляется в учительскую, на глаз прикинул, сколько она весит. Самое большое — сорок килограммов. Как хороший дзюдоист, Эрве, без сомнения, знает, какой употребить прием. А потом? Если она будет отбиваться? Если станет звать на помощь? Придется поколотить ее? Днем замысел разлетелся на куски. Люсьен встал в шеренгу учеников, пожал руку Эрве.

— Ну что, схлопотал? — шепнул Эрве.

— Да. Директор звонил отцу.

— Нам тоже. Он предупредил мать. Исключен на три дня. Что, дело дрянь?

— Пожалуй, да. Как ты?

— Паршиво. Сестра разошлась — не остановишь.

— Разговоры прекратить! — крикнул учитель французского, этакий сварливый детина, с которым приходилось держаться тише воды, ниже травы.

Ученики вошли в класс. Эрве сидел как раз позади Люсьена.

— Сегодня же и сведем счеты, согласен? — шепнул он.

— Да.

— Я все предусмотрел. Всю ночь мозгами шевелил. После второго звонка заходи ко мне. Смоемся с физкультуры и подготовимся.

— А тачка?

— Не твоя забота... Порядок!

Они вышли вместе, не сразу разошлись в разные стороны, так как Люсьен занимался английским, а Эрве немецким. На перемене в десять утра они уединились в углу школьного двора, но там стоял такой шум, что приходилось орать, чтобы слышать друг друга. Тогда из осторожности они предпочли погулять во дворе под дождем. Падавшие с крыши галереи капли образовывали завесу, отделявшую их от товарищей. Они были одни.

— Согласен, но при условии, что у нас все шансы на успех, — сказал Люсьен. — Есть детали, где концы с концами не сходятся. Например, автостоянка вокруг квартала: там места до черта. Как узнать, где лучше?

— Я был там вчера вечером, прежде чем вернуться домой, — сказал Эрве. — Меня это тоже волнует. Если смотреть на въезд, ее машина стоит слева, с самого края. Мне казалось, там в углу уличный фонарь. Так вот, нет. Фонарь гораздо дальше, у автобусной остановки. Автостоянка освещается только светом из окон.

— А мы? Где мы встанем?

— Рядом. Будем как раз на выезде, но дел-то всего на пару минут. Если подъедет какая-нибудь машина и потребуются освободить выезд, конечно, все летит к черту. Не может быть и речи о том, чтобы поймать телку, засунуть ее в машину. Ее надо прижать, когда она повернется спиной и будет закрывать дверцу. Свалимся ей на голову. Я накину мешок, а ты тем временем откроешь заднюю дверцу. Повалю ее на сиденье, и...

— И тогда? Машину я поведу?

— Лучше ты. Во-первых, я покрепче тебя. И в случае если она рывнется, найду, как ее успокоить. Потом я себя знаю. Как только кладу руки на руль, мне надо всех обогнать. А ты, ты ведешь мягко. Груз-то ценный.

Звонок вернул их в класс.

— После завтрака объясню тебе, что к чему, — шепнул Эрве.

Они отправились на урок истории, затем биологии. Люсьен чувствовал себя так, словно его швырнули под откос. Ничто уже не могло остановить это падение, и, однако, странным образом, казалось, что события развиваются в ускоренном темпе без его участия. Еще восемь часов, еще семь... Он испытывал состояние смутной тревоги и отстраненности, подобное тому, что испытал перед операцией аппендицита.

В одиннадцать приятели добрались до гаража, битком набитого велосипедами и мопедами.

— Приходи в два часа, сделай вид, что тебе надо на физкультуру, — посоветовал Эрве.

— Нужно что-нибудь прихватить?

— Не надо. Я сам все куплю, сделаю для нее бутерброды, термос с кофе...

Он завел мотор, ради удовольствия пустил его на полную мощность, поправил каску и, трогаясь с места, крикнул:

— Подруга ни в чем не будет нуждаться!

Люсьена более всего заботила проблема похищения. Он еще не успел подумать, как ее разместить, и теперь обнаруживал, что существуют тысячи мелочей, которые придется улаживать. Надо позаботиться, ведь еще двое суток, о шестизразовом питании. Нельзя же на бутербродах с кофе...

Когда он сел за стол, пропал аппетит. В ожидании сына доктор заканчивал разбор свежей почты. Письма и буклеты он положил в карман и позвонил Марте.

— Можете подавать... А ты мог бы поздороваться. Язык не отсохнет.

— Добрый день, — принужденно сказал Люсьен.

Сразу воцарилась тишина. Марта приготовила жареную телятину. Может, нетрудно стащить несколько ломтиков и пачку печенья... и бутылку вина? Он попытался вообразить себе странный пикник в заброшенном доме с заколоченными ставнями посреди чистого поля.

— Бери еще мяса, — приказал доктор.

— Я не голоден.

— Надо питаться. Если будешь продолжать дуться, предупреждаю: год закончишь в интернате... А там рад будешь, если тебе подадут телятину... Вот что, Люсьен, то, что я говорю, — не пустой звук... Я слов на ветер не бросаю: еще одна выходка, и отправлю тебя к редонским иезуитам. А они умеют закручивать гайки.

«Говори, говори, — думал Люсьен. — Плевать я хотел на иезуитов. И на нее тоже плевать. Пусть подыхает с голоду, если хочет. Чего ради быть добреньким-то? Возьму и сожру ее долю. Вот что она получит!»

Он демонстративно взял два куска телятины. Зазвонил телефон.

— Я пошел, — сказал доктор Марте. — Последите, чтобы он съел десерт.

Он бросил салфетку на стол.

— Что ты сегодня делаешь во второй половине дня?

— Что делаю? — переспросил Люсьен.

Его так и подмывало сказать: «Проверну дельце с похищением математички».

— Займусь физрой. Может, поздно вернусь, — прошептал он.

Доктор ушел, а Люсьен отодвинул баночку с вареньем и рисовый пудинг, который перед ним поставила старая няня.

— Месье советовал... — начала было Марта.

— Знаю... знаю.

— Вы неблагоприятны, месье Люсьен.

— В самом деле.

Он прервал сетования, влетел в свою комнату и позволил себе роскошь, сидя в кресле, выкурить американскую сигарету.

В половине первого Люсьен взял сумку с физкультурной формой и пешком направился к еще закрытому гаражу Корбино. Они всем семейством сидели за столом, попивали кофе. Вот это семья! Телек, само собой. Рядом на стуле кот. Мадам Корбино, медлительная и благодушная; ее дочь Мадлен, одной рукой обняв за шею сосавшего трубку зятя, рассеянно слушала Мурузи.

— Здравствуйте, Люсьен. Вы к Эрве? Он наверху, в своей комнате. Кстати, машина доктора готова. Надо бы, чтобы он ее забрал. Сейчас мы заняты. Работы выше головы.

Люсьен дорогу знал. Частенько тут бывал. Комната Эрве наверху была одной из высших спортивных сфер. Фотографии пловцов, велогонщиков, дзюдоистов — кое-какие с автографами. Пара боксерских перчаток, висевших над кроватью с когда-то позолоченным маленьким распятием, к которому приколота съжившаяся ветка освященного бука. Милый такой беспорядок, когда разбросаны тренировочные костюмы, шиповки, иллюстрированные журналы со снимками гоночных автомобилей. На

стожке журналов с комиксами, сложенной вместо пресс-папье, покоилась маленький громила в черной полумаске. Эрве, потурецки сидевший на полу, был занят загадочным делом.

— Видишь, делаю капюшоны с отверстиями для глаз.

Рывком он поднялся на ноги и развернул чулки телесного цвета.

— Сестренкины чулки. Я выбрал самые плотные.

Он поднес чулки к носу, слегка запрокинул голову, часто моргая, словно вдыхал немислимой нежности аромат.

— Понюхай-ка. Вот это женщина, моя сестра! Все, что она носит, благоухает. Что надулся, старик? Сегодня канун поста. Имею я право немного пошутить?

Он натянул чулок на голову, приладил дырки как раз на уровне глаз, глянул в зеркало.

— Недурно. Я немножко схалтурил с левым глазом, но ничего, сойдет. Давай, теперь ты.

Люсьен неловко последовал его примеру, подозрительно покоился на себя в зеркало.

— По-моему, нас можно опознать.

— Скажешь тоже. Форму носа еще можно угадать, но не более. И потом, она нас даже не увидит... А! Осторожно. Запомни, разговаривать нельзя, потому что твой голос легко узнать. Вот я — другое дело, я могу говорить басом.

Он пропел первые такты арии Дона Базилио. Это было так уморительно, что оба рухнули на кровать, покатываясь со смеху.

— Небось стоило потрудиться, а? — хохотал Эрве.

Он сдернул маску и помог другу стянуть свою. Мальчики причесались.

— Надо объяснить тебе, где хибара, — продолжал Эрве.

Он вырвал из тетради для сочинений лист и принялся рисовать чертеж.

— Несложно: есть кухня, газовый баллон, он еще, наверное, пригоден. Есть раковина и вода, которая поступает из небольшой цистерны на крыше. Сейчас она даже переполнена. Из кухни проходишь в комнату. Вполне подходящее жильё. Когда отец ездил на рыбалку, он там ночевал. Есть раскладушка, в сундуке одеяла.

— А простыни?

— Еще чего! Это тебе не гостиница. Из комнаты попадаешь прямо в туалет, в общем, называй это, как хочешь. Там места как раз хватает для душа, раковины и унитаза. Отец хотел это расширить. Хотел построить настоящий дом. Вот здесь, во всю длину стены — гараж. Там катер. Вот и все.

— А окна?

— Одно на кухне, одно в комнате. На них не только решетки, они даже досками забиты: отец приколотил, опасаясь воров, когда заболел. Но в тех местах никого не бывает, кроме рыбаков, да и то в хорошую погоду.

— А двери?

— Пять дверей: из кухни одна выходит прямо на дорогу; само собой, дверь в комнату и дверь в туалет. В гараже тоже дверь — открывается изнутри. Надо поднять перекладину. И наконец,

между комнатой и гаражом есть еще дверца, скрытая портьерой. В общем, запоминай: один ключ от входной двери и один от комнаты. Все. Запрет девицу в комнате, и можно не волноваться. Удрать ей не удастся.

— А она может открыть дверь, сообщающуюся с гаражом?

— Нет. Она заперта на ключ.

Эрве открыл ящик и вытащил оттуда три ключа.

— Большой — от входной двери, средний — от комнаты, а маленький — между двумя помещениями. Нет проблем.

— А если понадобится ей что-нибудь передать?

— Прикажу ей отойти в самый конец комнаты; дверь приоткроем и в щель бросим то, что надо. А затем таким же образом запрем. Но почему ты думаешь, что она что-то попросит? Еда у нее будет. Можно спать, сколько влезет.

— И все время она будет сидеть в темноте?

— А! Еще бы, конечно! Но я упаковал электрическую лампочку. Во! Обо всем подумал!

Он подскочил к шкафу, откуда вытащил объемистую сумку для провизии.

— Когда возвращался из лица, отоварился, — добавил он. — Вот бутерброды. Две штуки на ужин — с печеночным паштетом, будьте любезны. Пять на завтрак: ветчина, курица, семга. И три на воскресенье... Колбаса и швейцарский сыр. Никто все-таки не собирается над ней издеваться. Пара бутылок «Эвиана». Добавь электрический фонарик, пачку бумажных салфеток и мыло. Плохо, что ли? Вот бельевой мешок — голову запихнуть. Он просторный, надо только стянуть шнурки. Вставай... Так, я подкрадываюсь сзади, и хоп!

Люсьен отпрянул.

— Там ведь дышать нечем. Не надо ее душить. Осторожно!

— В воскресенье, когда мы ее освободим, — продолжал Эрве, — все произойдет точно таким же образом. Да она сама сунет голову в мешок, радехонька будет, что все кончится, а потом выпустим ее где-нибудь на природе. В темноте. Снимем мешок и прикажем идти, не оборачиваясь. Держу пари, она повинуется. А мы тем временем тихонько смоемся, не включая фар.

— У тебя будет тачка?

— В воскресенье — да. Возьму сестренкину. Но сегодня вечером загвоздка. Двухместное купе слишком мало. И ничего другого под рукой. Зато «пежо-504» твоего отца свободна.

Люсьен вытаращил глаза.

— «Пежо»? Да ты что, спятил?

— Почему спятил? Та или другая тачка, какая разница?

— А кадуцей, эмблема врача?

— Мы ее отклеим. Отклеить, а потом приклеить — пара пустяков! Темно, ночь. Пятнадцать километров туда, пятнадцать обратно... Чего ты боишься?

— Если мой отец узнает... Достаточно, если нас остановит пост дорожной полиции. Ни документов, ни водительского удостоверения.

— Не бойся. На этой дороге нет никаких постов. И даже если бы был. С любой другой тачкой задержали бы.

Довод опровергнуть трудно. Однако Люсьен чувствовал неловкость при одной только мысли, что в машине отца... Словно доктор становился соучастником. Было тут что-то такое — он не мог точно сформулировать, — что усугубляло дело. Эрве угадал суть его замешательства.

— Да ничего тут опасного нет, — сказал он. — Это ведь шутка, и все тут. Не будем же мы городить бог знает что. Возьми ключи от дома. Будешь открывать двери, ты и провизию понесешь. Повторяю: все будет о'кей. В шесть вечера моя сестра в конторе, рассчитывается с мастером. Зять застрянет в бильярдной, в кафе у стадиона. Рабочие отправятся по домам. Останется Кристоф у бензоколонки. Но он не помеха. Такого случая никогда не представится... Ну! Пойдем, сыграем партию в пинг-понг. Я тебе отдаю пять очков.

Они спустились вниз, прыгая через лужи, пересекли двор, заставленный остовами машин, и встали под навес, освещаемый грязным фонарем. Эрве поставил там стол для пинг-понга. Они начали играть и вскоре забыли о телке.

«Пежо-504» остановилась у края тротуара. Люсьен за рулем, Эрве — рядом. В ожидании события молчали. Эрве достал капюшоны из мешка, разложил их.

— Положи себе на колени.

Фасад дома, где жила телка, походил на шахматную доску — одни окна были освещены, другие темные. Внизу, на автостоянке, слабо поблескивали крыши машин. Эрве поднес к глазам часы со светящимся циферблатом.

— Шесть двадцать, — прошептал он.

— Мне надо вернуться домой в семь тридцать, — бросил Люсьен охрипшим голосом, его душило волнение.

Как раз в этот момент мимо проехала знакомая машина.

— Она! Давай! — крикнул Эрве.

Переключая сцепление, Люсьен едва не нажал тормоз. Голова кружилась, и машина проскользнула вперед.

— Поднажми, черт! — зашипел Эрве.

Мигалка впереди означала, что машина шла на поворот. Люсьен подкатил, увидел, как она маневрирует, пытаясь встать на место.

— Стой! Капюшоны! — рявкнул Эрве.

В одну минуту он был готов и помог Люсьену натянуть чулок.

— Гаси подфарники... Подойди тихонько... Дай ей время выйти... Здесь, хорошо.

Внезапно голос осип, звучал как из-под земли.

— Осторожно!.. Встань посередине аллеи... как только я выйду, развернись и открой заднюю дверцу... Быстро!

Люсьен проехал еще несколько метров и остановился буквально рядом с машиной. Эрве выскочил. Согласно инструкции, Люсьен вышел из машины, обошел вокруг. Он различал в темноте какую-то возню, услышал что-то вроде придушенного вопля. Ноги его уже не держали. Итак, свершилось! Вот оно какое, похищение. На ощупь открыл дверцу. Фигура с мешком на голове яростно дерга-

лась в руках какого-то зловещего марсианина. Это было отвратительно и уродливо. Эрве грубо толкнул стонущую девушку в машину, придавил ее своим телом. Люсьен снова закрыл дверцу и сел за руль, но, прежде чем тронуться с места, обернулся и увидел Эрве, который делал ему знак снять капюшон. К счастью, приятель успевал обо всем позаботиться. Он отнял руку.

Пленницу трясло. Без сомнения, она плакала. Тело Люсьена налилось огромной свинцовой тяжестью. Руки дрожали. Он осторожно подал машину назад и выехал на улицу. Вокруг ни души. Маршрут не представлял ни малейших затруднений. В общем и целом справился. Он выехал из Нанта, держась от бульваров подальше. Скорость держал не более 50 километров в час. Вскоре выехал за пределы города. Вдруг послышался голос Эрве:

— Если еще дернешься, пристукну!

Эрве говорил ей «ты». Это было так неожиданно, так неслышанно, так неприлично, что Люсьен растерялся. Ну, разумеется, в похищение надо играть всерьез. Эрве прав. Здесь нет места мадемуазель Шателье, учительнице, которую охраняет сила нормативных правил и предписаний. Здесь всего-навсего маленькая, жалкая, запуганная женщина. «Забавно все-таки, насколько же, в сущности, я напичкан предрассудками! — подумал Люсьен. — Вот если бы мой отец был рабочим у станка!..»

Но времени вопрошать свою совесть не было. Скользкое выпуклое полотно дороги требовало внимания. Он старался изо всех сил не подкачать, всматриваясь в ближайшую перспективу, где ослабевал свет фар. Позади оставались почерневшие, мокрые изгороди, темные домишки, затопленные луга. В сущности, игра не стоила свеч. Но теперь они зашли слишком далеко!

Раньше, когда пытались оценить меру риска, когда обольщались насчет того, что готовилось нечто потрясающее, дело казалось увлекательным приключением. И вот все это заканчивалось мрачной и безрассудной вылазкой под дождем.

Эрве тронул Люсьена за плечо, и тот притормозил. Слева началась грунтовая дорога. Он перешел на вторую скорость. Вдалеке светлела полоса вздувшегося Эдрра. Машину порядком трясло. Брызги из-под колес летели в ветровое стекло, и «дворники» размазывали грязь; Люсьену то и дело приходилось включать стеклоомыватель. Было жарко.

— Стоп, — басом произнес Эрве. — Открывай ворота.

Словно одурев, Люсьен приоткрыл дверцу машины и высунулся наружу. Ворот не было. Дорога вела прямо к реке. Справа в лучах фар виднелся низкий домик: хибара. И он понял хитрость приятеля. Эрве хотел внушить пленнице, что ее привезли в большое поместье, окруженное парком. Не так уж глупо! Он вышел из машины, стараясь как можно громче топтать по обочине, покрытой гравием. «Телка», конечно, ничего не слышала из-за мешка на голове. Но надо было делать вид, будто... потому что ситуация вновь становилась странной.

Эрве не обманул. Место было пустынное, глухое, топкое, сырое. Дождь поутих, но, казалось, легкие наполнились не воздухом, а паром. Он вернулся и сел за руль. Медленно тронулся с места. Если она попытается определить расстояние, надо ее обмануть.

Он остановился у самого дома, в маленьком дворике. Большой ключ — от входной двери. В заржавевшей замочной скважине его никак не повернешь. Наконец-то удалось. Прошел наугад в другой конец кухни, легко открыл дверь в комнату. Пахло сыростью, грибами, сточной водой. Все соответствовало описаниям. В свете подфарников можно было различить убогую обстановку кухни, изножье кровати в спальне. Двое суток в сырой темнице — веселого мало, но вынести можно. Он вернулся к машине — подсобить Эрве, который боролся с «телкой», пытаясь вытащить ее из машины. Молодая женщина сопротивлялась как могла. Отбивалась так, что юбка задралась выше колен.

— Тащи за ноги, — скомандовал Эрве.

Люсьен никогда еще не прикасался к женщине. Смущенный, пристыженный, он ухватил ее за тонкие щиколотки — они замерли, не в силах отвести взгляд от резинок, на которых держались чулки.

— Так ты хочешь, чтоб тебя пристрелили? — орал Эрве. — А ну! Быстро! Выходи! Еще быстрее!

В ужасе она перестала вырываться, и Эрве помог ей встать. Однако голова в мешке продолжала дергаться. То и дело она повторяла:

— Оставьте меня... Оставьте меня...

Люсьен вспомнил, что где-то в коробке для мелочей должен быть карманный фонарик. Он открыл дверцу машины, пошарил наугад, что-то упало и подскочило на полу, наконец фонарик нашелся. Он протянул его Эрве, который с потрясающим хладнокровием ткнул им в бок «телке», словно это в самом деле был пистолет.

— Марш! А то пулю в затылок!

Эрве перебарщивал, но было совершенно очевидно, что он развлекается. Под конвоем девушка неуверенными шагами подошла к дому.

— Осторожно, ступени!

Она послушно перешагнула через препятствие и вошла в кухню. Эрве довел ее до двери в комнату и знаком позвал Люсьена:

— Сверток с едой!

Люсьен и забыл о нем. Пришлось сбегать. Эрве развернул его одной рукой и достал оттуда второй электрический фонарик, зажег.

— Возьми, — сказал он девушке все с той же жесткостью. — Сделаешь шесть шагов... ровно шесть... И чтоб не двигаться. Иди!

Он отпустил ее. Она пошла нетвердой походкой, глухое рыдание время от времени судорогой сводило плечи.

— Считаю, — пояснил Эрве. — Раз... два... три... четыре... пять... шесть... Отлично.

Он приподнял крышку сундука и бросил на постель сверток с одеялами, затем не торопясь развернул бумагу, в которую были завернуты продукты, смял ее и положил в карман.

— У тебя есть где спать и что жрать. Тебе оставляют фонарик. Когда услышишь, как закрывается дверь, возьми сумку. Затем я тебе скажу, что с ней делать. Ясно?

Он вернулся на кухню в сопровождении Люсьена, который, прежде чем выйти, в последний раз взглянул на окаменевшую девушку, зажавшую в опущенной как плеть руке лампочку. Эрве потянул дверь на себя и пополам согнулся от беззвучного смеха. Ткнул кулаком приятеля.

— Ну, видишь, как все просто? — шепнул он.

Они прислушались. «Телка» едва шевелилась, как зверек в клетке.

— А теперь верни сумку, — скомандовал Эрве.

И, так как все стихло, повторил с угрозой в голосе:

— Ну... Скоро?

— Да, месье.

Они дружно прыснули.

— Какова дрессировка, а? — прошептал Эрве.

Они подождали еще немного, затем она робко постучала в дверь.

— Смотри без глупостей, а? Чуть приоткроешь дверь и бросишь сумку.

Она выбросила сумку на кухню и сама прикрыла дверь, которую Эрве запер на ключ. Он положил сумку в угол, и они вышли. Пришлось повозиться, чтобы повернуть ключ, который, видно, заело. Эрве показал связку Люсьену.

— Представь, мне что-то помешает в воскресенье вечером. Не исключено, никогда ведь не знаешь. Надо, чтобы ты приехал, привез ей поесть. Спрячем-ка ключи здесь.

Он направил луч фонарика к низу стены. Чуть выше поверхности земли виднелась довольно широкая щель, куда они и сунули связку.

— Ты что, смеешься? — спросил встревоженный Люсьен.

— А что? Чем ты недоволен? Я говорю, чтобы комар носу не подточил. А теперь — сматываемся. Подожди!

Он прислушался. Влажным ветром в лицо швырнуло прядь волос. Налетевший издалека, пресный, почти что теплый ветер обшаривал окружающее пространство. Светом фар высечивало угол дома и сразу за ним расплывчатую даль лугов. Если бы «телка» вздумала звать на помощь, ее никто бы не услышал.

— Отец тут вылавливал во каких лещей! — сказал Эрве. — Пойди-ка посмотри, не забыли ли мы что.

Он осветил фонариком внутри машины.

— Боже, ее сумка... Какое везение, что я взглянул. Да еще открылась, черт!

Он бросил фонарик Люсьену — тот поймал его на лету.

— Помоги-ка.

Он наклонился, подобрал какие-то предметы, как попало сунул их обратно в сумочку, Пошарил под сиденьями.

— Ничего не видно в этой чертовой тачке. Ты не можешь лучше осветить? А, пудреница... расческа... шариковая ручка... Кажется, все.

Он выпрямился.

— Приведи немножко в порядок все, что на заднем сиденье. Разворошил малость аптеку твоего отца... Я отнесу ей сумку и вернусь.

Люсьен сложил разбросанные коробки. Почему, черт возьми, доктор такой невнимательный? Вечно все теряет. Не лучше ли всем этим лекарствам, футлярчикам с образцами покоиться в стеклянном шкафу врачебного кабинета? Он привел в подобающий вид сиденье, снова наклеил на стекло кадуцей, который Эрве из осторожности отклеил.

Вернулся приятель, проскользнул рядом на сиденье.

— Ну как, все в порядке, глупыш?

— Как она? — спросил Люсьен.

— Смирнехонька. Не колышется. Который час? Семь тридцать... Недурно, а? Когда твой отец вернется с работы, он найдет тебя за столом как ни в чем не бывало.

Люсьен уверенно вынул руль одну полосу главной магистрали и, твердо держа руль одной рукой, обнял друга за шею.

— Послезавтра заезжай ко мне к шести тридцати. Но не раньше — по воскресеньям прислуга выходная, и отец к вечеру уходит в свой клуб. Жизнь у него, у старика, — тоска зеленая. Домой возвращается часам к девяти-десяти.

— Все утрясется, — уверенно сказал Эрве. — Вот увидишь, нас оставят в покое. Спорим: она соберет вещички?

Люсьен не ответил, только спросил:

— Который час?

— Без десяти восемь. Что, поздно?

— Может, нет еще.

Люсьен нажал на газ, издав с облегчением заметил освещенный фасад гаража, навес в виде раковины компании Шелл над бензоколонками. Фу, приехали. У входа в гараж маячили две фигуры.

— А, черт! Твой отец! — воскликнул Эрве.

Люсьен впился ладонями в руль, будто получил удар. Затормозил, перешел на другую скорость и оказался прямо перед носом подошедших доктора и мадам Корбино. Доктор открыл дверцу.

— Выходи! Соблаговоли объяснить, где вы были.

— Мы доехали до Лору-Ботро — посмотрели, хорошо ли работает система зажигания. В это время движение уже затихает. Машина работает отлично, — пришел на помощь другу Эрве.

Он разыгрывал опытного продавца, заранее отводя упреки в своевольной отлучке. Добавил, будто по секрету:

— Впрочем, Луи мог бы добиться большего. Машина чуть вяло набирает скорость.

— Исчезни! Дома поговорим, — сказала мадам Корбино.

— Хорошо, хорошо. Я только хотел помочь...

Он откланялся, быстро кивнул доктору, развел руками, глядя на товарища, словно хотел сказать: «Некоторые никогда ничего не поймут. И я тут ни при чем». Доктор кружил вокруг своей «504», разглядывая возможные царапины. От него не отставала мадам Корбино.

— Извините его. За ним не всегда уследишь. В этом возрасте мальчишки невыносимы. Однако дело не в недостатке воспитания. Он просто не слушается. Горе, когда отца уже нет.

— Пришлите мне счет, — отрезал доктор. — А ты садись!

Он сел за руль, опустил стекло.

— Ты не станешь мне сказки рассказывать, что вы ездили в Лору-Ботро. Принимаешь меня за дурака? Ты весь мокрый, и машина в грязи, словно вы шастали по полям. Ну?.. Я жду ответа... Собираешься играть в молчанку?.. Как угодно, но я ведь все равно узнаю. Пока не скажешь правду, не получишь карманных денег. С развлечениями распрощайся. И не смей брать займы у Марты... Ты это уже проделывал. Я в курсе. Ничего! Не получишь ничего.

Ужинали они молча, друг напротив друга, словно два пассажира, случайно присевшие за один столик. Старались производить как можно меньше шума. Доктор достал из кармана какие-то листки, сколотые канцелярской скрепкой, сложил их и приложил к бутылке. Видно было, как глаза бегают по строчкам. Что она сказала, мадам Корбино? «Горе, когда отца нет». А когда нет матери? Тогда как? Зазвонил телефон. Он вытер рот салфеткой, встал.

— Так куда вы ездили?

— В Лору-Ботро.

Доктор горько усмехнулся и вышел. А Люсьен, сам не зная почему, заплакал.

На следующий день Люсьен поднялся поздно. Суббота была самым любимым днем. В школу идти не надо. Он любил поваляться в постели, забившись под теплое одеяло, замкнувшись в себе, недосыгаемый для критики. Он не думал ни о чем, не имея ни мыслей, ни желаний, ни потребностей, отдавшись на волю воображению. Теперь суббота наполнялась особенным смыслом. Это была первая значимая суббота. И вот доказательство: едва проснувшись, он встал, пометил крестиком страничку в своем еженедельнике. День святого Феликса! *

Смогла ли она заснуть? Без простынь! Вдыхая спертый воздух! Во власти ледящего душу страха! Пытаясь разгадать, почему ее похитили! Опасаясь худшего! Он открыл ставни. Небо было неопределенного серо-голубого цвета. Даже если бы светило солнышко, она бы не увидела. «Мерзко!» — говорил он себе. Начинать осознавать чудовищность проступка. И ведь ни разу не пришло им в голову, что они покушались на женщину. В сущности, что такое «телка»? Училка! Воплощение власти, принуждения. Чучело, которое так забавно пихать! Но когда он схватил ее за ноги...

Люсьен снял пижаму, погасил свет и принял душ. Надо бы договориться, чтобы освободить ее сегодня же. Двое суток — это слишком. Представить только, в каком состоянии она выйдет из своей темницы! А если подаст жалобу в суд? Эрве уверен, что она ничего такого не сделает, но откуда он знает? Вот полиция действительно ловко работает. Она уже доказала, на что способна, когда занималась несколькими громкими делами! Озабоченный, Люсьен спустился в столовую. Нашел там Марту, которая, присев

* Феликс (от лат. «счастливый») — римский правитель Иудеи во времена св. Апостола Павла, держал апостола два года под стражей (Деяния апостолов, 23, 24).

на корточки, что-то искала на полу. Опершись о край стола, с трудом встала.

— Бедный месье, — сказала она. — Я не перестаю искать его зажималку. Он вечно все теряет. Вы, случайно, не видели?

— Нет.

— Наверное, потерял ее в больнице. Что вы еще такое натворили, месье Люсьен? Он сердит на вас. А ведь, насколько я его знаю, он незлой. Вспыльчивый? Да. Но он вас любит. Что же вы его изводите?

— Я имел несчастье воспользоваться его машиной. Экое преступление!

— То одно, то другое, то третье, в один прекрасный день терпение лопается. — Она пощупала кофейник — не остыл ли? — Ешьте поживее. Могу вам только сказать, что ему очень тяжело. Вам бы не следовало так, месье Люсьен. Ему и без того нелегко живется! Вечно в бегах. Вокруг одни больные. Вы-то молоды. Не можете еще понять. Он мог бы заново построить свою жизнь. Сколько ему? Всего-то сорок два года.

— Сорок.

— Тем более. Иногда, случается, мы с ним беседуем. Я говорю ему: «Месье следовало бы жениться еще раз». И знаете, что он мне отвечает? «Не могу — из-за малыша». Он хороший отец.

Люсьен отодвинул чашку, вышел из-за стола. Надоело, надоело, с него довольно. Ну, конечно, хороший отец! Вечно угроза на кончике языка, наказание всегда наготове. О лучшем и мечтать не приходится. Он услышал телефонный звонок, крикнул:

— Не беспокойтесь! Я сам запишу больных на прием!

И вошел в кабинет, где пахло потушенной сигаретой.

— Алло... Слушаю, кабинет доктора Шайу... А, это ты?.. Ты откуда звонишь?

— Из автомата, — послышался далекий голос Эрве. — Как там все прошло?

— Ва! Как всегда... Головомойка. Он прекращает снабжение. Хочет любой ценой узнать, куда мы ездили. Как у тебя?

— Примерно то же самое. Разве что втроем меня облаяли. Знаешь, в таких случаях надо орать еще сильнее... Если тебе нужны бабки, не стесняйся.

— Спасибо. Обойдусь. Как завтра вечером, все без изменений?

— Без. Сестра и зять отправятся к друзьям, а мать усядется у телека. Слинью потихоньку. Я тебе звякну, чтоб ты был при деньгах. Ты уверен, что твой отец уедет?

— Уверен. Сейчас мы в состоянии войны. Можешь не сомневаться, он не останется, чтобы мы, как две фаянсовые собачки, сидели, уставившись друг на друга.

— Так до завтра?

— Ладно.

Он повесил трубку. Старая Марта приоткрыла дверь:

— Что там?

— Ничего. Кто-то спросил доктора Пеллегрена. Ошибка.

Праздный, как обычно, но более уверенный в себе, с тех пор как услышал голос приятеля, Люсьен снова поднялся к себе в ком-

нату. Полистал дневник: перевод и сочинение могут еще подождать; комментирование фразы Валери, вычурной, загадочной, как бы издевающейся над целым светом. Через несколько дней он к этому вернется, после того, как Элиана будет свободна. В планах Эрве была одна тревожащая деталь. Предположим, бельевого мешок сгодился в том направлении, но вот как в обратном? Люсьен выбрал пластинку Битлзов, дабы подстегнуть воображение, забрался с ногами в кресло, перекинув их через подлокотник, и попытался пояснее представить себе завтрашнюю сцену. Допустим, Эрве прикажет Элиане сдаться, сунув голову в мешок еще до того, как ей будет позволено выйти из комнаты. Затем ее втолкнут в машину, а позднее выбросят где-нибудь на дороге в Сюсе, ставив с головы мешок. «Ей будет приказано идти не оборачиваясь, — уточнил тогда Эрве. — Гарантирую, она повинуется». А если она откажется повиноваться? Если, несмотря на капюшоны и темноту, она их узнает? Не лучше ли удрать, пока она не снимет мешок? Но это значит оставить в ее руках страшную улику. Разве полиция не обнаружит торговца, продавшего мешок, а оттуда... Еще одна деталь, которую надо отрегулировать: место, где ее высадить. Дорога на Сюсе в воскресенье вечером, может, не очень подходящая. Если дождя не будет, появятся люди, возвращающиеся из загородной прогулки, и тогда риск возрастает. Лучше было бы отъехать подальше, параллельно шоссе на Анже, отпустить ее неподалеку от какого-нибудь известного ему бистро, где останавливаются автобусы. Нельзя же в самом деле наказывать несчастную, заставить возвращаться домой пешком. Если у нее нет денег, можно подкинуть. Только надо с этим срочно кончать. Шутка чересчур затянулась.

К моменту второго завтрака доктор выглядел уже чуть приветливее. Разговор о вчерашнем инциденте не возобновлялся.

— Ты занимался?

— Да. Немножко французским.

— А как насчет математики, ты что, забыл?

Больное место. Нет, не забыл, конечно. Более того, ни о чем другом и не думал.

— Да, да, конечно, — сказал он поспешно.

— Это правда, что мадемуазель... как ее?

— Шателье.

— Мадемуазель Шателье пристрастна к тебе? Попробуем обсудить этот вопрос честно.

— Как сказать, мне кажется, она меня не любит. И ребята это чувствуют.

— Что же, она нелюбезна с тобой с самого начала?

— Нет. Не с самого начала. Может, месяца через два началось.

— Любопытно!

Доктор больше не настаивал, вместе с Мартой стал составлять меню на воскресенье, а так как, казалось, он был в хорошем настроении, спросил ее о том, как чувствует себя ее сын, заболевший гриппом.

— Да уже на работу вышел, — ответила та. — В полиции у них мало времени заботиться о здоровье.

Люсьен и забыл, что сын Марты работает в полиции... то ли инспектором... Вдруг он почувствовал себя еще более виноватым, словно обманул доверие старой служанки. Ему никогда не приходило в голову, что у нее семья. Она была как бы неотъемлемой частью дома. Однако у нее была своя собственная жизнь, кстати, у Элианы тоже, даже отец был! Ему никогда в голову не приходили подобные соображения. Существовали и другие. В мире не одни только они с Эрве. Он уже не слушал, о чем говорилось рядом. Что за человек Элиана? Чем занимаются ее родители? Как она проводит воскресенья? Может, она чья-нибудь невеста... Почему бы и нет? Не мешало бы знать. У него есть право знать, если идти до конца в жестком эксперименте. Еще немного, и он стал бы упрекать ее за скрытность.

— Подавайте кофе. Я жду больных.

В самом деле, в вестибюле уже слышались шарканье ног, перешептывания. Люсьен никогда не мог понять, почему отец отказывается от секретарши. Больные находили входную дверь открытой, объявление приглашало их прямо в зал ожидания. Старый дом выглядел довольно невзрачно. Как у сельского врача. По утрам Марта записывала больных на прием, часто коверкая фамилии.

— Моя клиентура — жители предместья. Простые люди, — однажды пояснил доктор.

Да он и сам был прост, вечно одет как попало. Вставал спозаранку, ложился поздно, не щадил себя, немногословный, самоотверженный, целеустремленный в работе. «Бедный старик, — подумал Люсьен. — В самом деле, я мог бы быть с ним подобнее!»

Но когда в середине дня ему захотелось выйти из дому, поразить ноги, Марта жестко воспротивилась:

— Месье сказал, что вам сначала следует приготовить домашние задания.

— Я уже приготовил.

— Я только повторяю, что сказал месье.

И снова обуяло злопамятство. Люсьен заперся у себя в комнате, принялся за роман Сан Антонио *, до вечера убивал время, а потом до полуночи не знал, чем заняться. Отужинал в одиночестве, так как отец уехал по срочному вызову. Проглотил таблетку снотворного, чтобы часы не тянулись так мучительно долго. И наступило воскресенье — тусклое, туманное, тихое. За завтраком доктор соизволил немного поговорить о гриппе, который набирал обороты, о сложных взаимоотношениях со службами социального обеспечения — банальный разговор, который ведут попутчики в вагоне. Люсьен принес цыпленка.

— Разрежь его, ты уже мужчина. А мужчина должен уметь резать мясо, — сказал доктор.

Единственный момент разрядки, почти что развлечения. Люсьен растерзал жаркое, но отец оказался снисходительным.

— Чем ты будешь заниматься после обеда? — спросил он.

* Сан Антонио (наст. имя Фредерик Дар, р. 1921), автор множества романов в жанре детектива.

— Не знаю. Хотелось бы немного погулять, если ты не возражаешь.

Лицемерие обходилось все дороже. Но кто тут виноват?

— Не возражаю. Но ненадолго... — сказал отец. — И мне не хотелось бы, чтобы ты так сближался с Эрве. Мне кажется, вы друг друга заводите.

Он был недалеко от истины. Люсьен опустил голову, опасаясь более точного диагноза. Доктор встал.

— До вечера, малыш. О Лору-Ботро забудь и думать.

Значит, перемирие. Если повезет, через несколько часов на том все и кончится. Какое облегчение! Но что потом? Не станет ли он сожалеть об этой волнующей силе эмоций, которая вот уже два дня как возвышает его в собственных глазах. Были в нем ему самому неведомые уголки, которые он не спешил изучать.

Он уселся перед телевизором, и его сразу же захватили гонки Сент-Этьен — Мец, от которых невозможно было оторваться до самого вечера. Тогда он почувствовал, как его стало лихорадить. Удостоверился, что отец уехал. Все шло как по маслу... И тем не менее он побаивался. Капюшоны? Эрве сунул их в бельевой мешок. Но в том-то и дело, что вопрос с мешком все еще оставался... Он сел у телефона в кабинете врача, мысленно воспроизводя движения, которые предстояло выполнить.

Без четверти шесть. Телефонный звонок. Это он.

— Еду, — сказал Эрве. — Дай мне пять минут. На улице ждать не стоит. Когда услышишь, что я сигналию, выходи немедленно.

Он повесил трубку. Успокоившись, Люсьен проверил карманы. В бумажнике двести франков, носовой платок, ключи. Натянул плащ. Шесть вечера... Что он там копается, идиот? Еще десять минут, и поездка становится рискованной. Что мы там найдем? Может, бедная девочка заболела и передвигаться-то не сможет.

Наверное, машина сломалась. Люсьен вытер о брюки влажные от пота руки. Переминался с ноги на ногу, будто его жгло. В шесть двадцать схватил телефон и набрал номер гаража. Знал, что звонок раздастся в кабинете слева от входа. Кристоф услышал бы его, даже если бы был занят с клиентом. Наконец сняли трубку.

— Это вы, Кристоф?

— Да.

— Эрве там нет поблизости?

— Эрве попал в аварию.

Люсьен медленно сел.

— Это серьезно?

— Не знаю.

— Но говорите, Боже мой!

Кристоф глубоко вздохнул, прежде чем ответить чуть тверже:

— Нам сообщил полицейский. Такое потрясение для мадам Корбино. Авария случилась неподалеку отсюда, кажется... Полицейский сказал, что надо было пропустить вперед другую машину. Больше мне ничего не известно.

— А мадам Корбино дома?

— Нет. Она уехала в больницу, как только дозвонилась до дочери, которая была у друзей.

— Я еду.

Люсьен повесил трубку. Машинально сел на мотоцикл. Едва ли осознавал, что выехал на главную магистраль. Как бильярдные шары, беспорядочно бились мысли: Эрве... Элиана... Эрве... Катастрофа!

Издали он заметил толпу, сине-белую мигалку на крыше полицейской машины. Спины сплотились плотной стеной. Он прислонил к фасаду дома мотоцикл и попытался протиснуться. Когда оказался в первом ряду, перед ним предстало тяжелое зрелище: занесло две машины, которые в конечном счете врезались в платан. Их здорово покорежило, везде валялось битое стекло. Повисли открытые дверцы. Вдребезги разбилась фара, похожая на вырванный глаз. Сидя на корточках, двое полицейских орудовали металлической рулеткой, делая замеры. Потеряв голову, Люсьен вслушивался в то, что говорили вокруг.

— Если бы он пристегнул ремень... Второй-то отделался контузией... Я был свидетелем, месье. Могу точно сказать: столкновение было неизбежным. Он не успел затормозить... По воскресеньям они гоняют как сумасшедшие...

В холодном свете уличных фонарей серели лица, мрачно поблескивала неровная дорога. Люсьен продрог. Чувствовал себя таким же разбитым, как эти обломки.

— Мальчонка-то сильно искалечен, — сказал кто-то. — К счастью, спасатели прибыли буквально сразу же.

Люсьен попятился, вышел из толпы. Хотелось верить, что друг выкарабкается. Это необходимо во что бы то ни стало. Как без него освободить Элиану? Он понятия не имел. Едва держался на ногах. Самое лучшее вернуться в гараж и ждать известий. Выкатив вручную мотоцикл, он направился к Корбино. Зять был на месте, ходил по кабинету взад-вперед, курил трубку. Бросился Люсьену навстречу.

— Разузнали? — спросил он. — Я вот думаю, что у него за голова. Не успеешь отвернуться — готово. Натворил беды. Вы машину видели? Небось отделал под орех.

— Думаю, да.

— Совсем новую машину. Ну и балбес! Жена уехала в больницу. Жду вот звонка. Как только что-нибудь будет известно, отправлюсь на место. Это нам влетит в копейчку. Есть ли еще раненные?

— Водитель другой машины, но, говорят, он отделался контузией. Эрве пострадал больше всего.

— Что с ним?

— Не знаю.

— Так или иначе, надеюсь, это не слишком серьезно. Полицейский сказал Кристофу, что столкновение произошло на перекрестке Луи-Блана...

— Да.

— Эрве хорошо знает этот участок. Уж, наверное, он был осторожен. Это другой ехал слишком быстро.

Он нервно шагал взад-вперед, сжимая в карманах кулаки. Раздраженно цедил слова.

— Если бы он хоть чему-то научился! Без водительских прав! Не уступить при обгоне! Вы понимаете, что нас ждет?

Зазвонил телефон, и он бросился к аппарату. Люсьен замер на пороге кабинета, прижав ладонь к груди. Зять слушал, чуть покачивая головой.

— Так, так, — сказал он наконец. — Не теряйте голову... Здесь Люсьен. Он тут побудет, пока я улажу все, что нужно, с полицией. До скорого.

— Ну как? — спросил Люсьен.

— Пока ничего нового. Черепно-мозговая травма... С прогнозом пока осторожничают... Он еще не пришел в сознание. Ах! Что за невезение! Я исчезаю. Моя жена скоро вернется. Не побудете ли вы тут минутку? Я ненадолго... Кристоф, закрываем. Ты свободен.

Люсьен сел за стол, заваленный бумажками. Он был потрясен. Не может быть и речи о том, чтобы ехать к заброшенной посреди полей лачуге. Слишком он устал. И что потом? Открыть Элиане дверь — пусть она знает, что это он... Немыслимо. Не сегодня вечером. Может, завтра... Но и завтра, и послезавтра все одно: разразится ужасный скандал... У кого просить пощады?

Он погасил лампу на письменном столе, чтобы не видеть бидонов с маслом, блестящих аксессуаров, всего, что напоминало об Эрве. Темнота была приятна, как ласковое прикосновение ладони ко лбу. Когда затянувшаяся тяжелая подавленность стала отступать, он попытался здраво рассуждать. Самое простое было бы во всем признаться. «Допустим, — подумал он, — я признаюсь отцу. А для него самое спешное — броситься «телке» на помощь. Та немедленно поднимет на ноги лицей, ассоциацию родителей учащихся, полицию, прессу. Подает в суд. Так как она — враг. Это она во всем виновата. Мать Эрве разозлится на меня. В конце концов мне схлопочут исправительную колонию. Что толку тогда уверять, что мы хотели всего лишь пошутить... Нет уж, не надо, в этой истории мне не в чем себя упрекнуть. Лучше подожду. Я не могу освободить «телку», зато всегда можно попытаться позолотить пилюлю, поторговаться...»

Он заметил, что разговаривает сам с собой, и это его покорило. В то же самое время он чувствовал, что ситуация становилась менее неуправляемой. Было, однако, одно обстоятельство, заслуживавшее особого внимания. Прежде всего ничто не мешало тому, чтобы он привел в действие вторую часть их первоначального плана. Поскольку он не может позволить себе риск говорить, он сунет под дверь записку: *Вас освободят...* Нет. *Тебя скоро освободят...* При условии, что ты будешь беспрекословно повиноваться. *Сунешь лицо в мешок, который я передам. Я заберу тебя с собой...* Нет. *Тебя заберут...* Нужно, чтобы она по-прежнему думала, что ее похитили по крайней мере двое. *Тебя где-нибудь выпустят. Будешь считать до пятидесяти, прежде чем снимешь мешок. Бросишь его прямо на дороге и будешь продолжать идти, не оборачиваясь...* Она будет так рада, что наконец освободилась, что не окажет никакого сопротивления. Таким образом, все это осуществимо. При одном условии: нужна машина, так как не может быть и речи, чтобы выпустить ее неподалеку от хибары. Но о «504» нечего и мечтать. Ключи зажигания никто никогда уже не оставит на щитке приборов. Взять

машину напрокат? Исключено. Нужны документы... И потом, после катастрофы с Эрве Люсьен чувствовал, что не посмеет...

Так откуда все-таки это ощущение, что инкогнито он не может выпустить пленницу? Из-за записки, подсунутой под дверь? Из-за нелепой мысли начать торговаться? Будто в торговле какой-то смысл! Будто нет смертельной опасности в продлении удовольствия... Какого удовольствия, скажите на милость?! И тем не менее мало-помалу приходилось признавать очевидность: в губительном смятении, в котором он пребывал, его манила возможность причинить «телке» (придумали тоже прозвище!) страдание, сопоставимое с его собственным страданием. Всем должно страдать. Это справедливо. И ей придется подождать, пока ее освободят! Может, поплакать еще придется, прежде чем она дождет своего избавления. Не исключено, что она согласится молчать, чтобы положить конец этому кошмару. А когда узнает правду — ведь надо же дойти и до этого, — может, ей станет жалко Эрве! Чем сильнее она будет оскорблена, тем больше шансов разжалобить затворницу.

Люсьен изо всех сил надавил ладонями на глаза. Подумалось: «Неужели я чудовище? Я! Я! Считаться только с собой!» Но все происходило так, словно он зажег огонек во мраке. И мысль сунуть под дверь записку... или, если понадобится, несколько записок... эта, в сущности, не такая уж безумная мысль нравилась. Закладывалось как бы начало диалога. А он так нуждался в том, чтобы говорить, вызвать к себе жалость! Ведь к этой женщине не так уж плохо отнеслись. Зачем ей пытаться мстить, когда она узнает, что довольно неугомонный мальчик, бывший ее учеником, находится в смертельной опасности?

Люсьен подскочил. «Еще чего! Никакой смертельной опасности. Что это я придумал! Правда ведь, Эрве, тебе не грозит смертельная опасность? Ты не сделаешь этого. Только не бойся. Я добьюсь, чтобы она подобрела, эта ведьма!»

Конечно, пока еще ничего не получается. Но ведь еще ничего не потеряно окончательно. У гаража остановилась машина. Люсьен зажег лампу. В кабинет вошла Мадлен Корбино, белая как мел.

— Как дела?

— Плохо, Люсьен. Он по-прежнему в коме. Нам не пожелали сказать ничего определенного. Хирург не хочет высказываться определенно. Мама осталась там.

— Но его спасут!

— Не знаю.

Она села. Ее душили рыдания. Всклипывая, она спросила:

— Ваш отец дома?

Люсьен взглянул на часы, вставленные в шину фирмы Мишлен. Часы, служившие рекламой, вдруг приобрели некий торжественный смысл. Было около восьми.

— Он еще, конечно, не вернулся.

— Как только вернется, расскажите ему о том, что случилось. Он позвонит в больницу. От него-то не будут скрывать правду. А вам останется только мне перезвонить. Прошу вас, не теряйте времени!

Люсьен уехал. О «телке» он забыл. Драма как хлыстом подхлестнула сознание, он уже не думал ни о чем и ни о ком, кроме Эрве в состоянии комы. Чудовищное слово, пробуждавшее образы крови, рисовавшие лик, на который легла печать смерти. Он подождал отца, расхаживая из конца в конец прихожей, не в силах остановиться и чуть не падая от изнеможения. Услышал шум подъезжавшей «пежо-504», резко открыл дверь на улицу.

— Эрве в госпитале. Несчастный случай. Состояние тяжелое. Может, ты позвонишь? Это срочно.

— Успокойся!

— На него налетела машина...

Люсьен ожидал возражений, но их не было. Он проследовал за доктором в кабинет, в отчаянии от его медлительности.

— Доктор Шайу... Попросите ординатора... А, это вы, Дюпюи. К вам поступил пострадавший молодой человек, Эрве Корбино.

Люсьен слышал, как в трубке что-то бесконечно долго урчало — объяснения ординатора.

— Понимаю... Понимаю... Да... В общем, надежда-то есть?.. Благодарю вас. Извините.

Доктор положил трубку. Сейчас последует приговор.

— Дела неважные, бедный мой Люсьен. Перелом черепа не слишком опасен. Но проломлена грудная клетка. Вот это куда серьезнее. Возможны осложнения.

— Это надолго?

— Надолго? Откуда мне знать! Счастье великое, если он выкарабкается! Люсьен... Люсьен, тебе что, плохо?

Голос куда-то пропадал. Внезапно Люсьен перестал слышать отца.

Несмотря на снотворное, которое дал отец, Люсьен не мог уснуть. Но рано утром, когда отец подошел на цыпочках, желая удостовериться, что он не болен, он притворился, что спит без задних ног. Позволил пощупать пульс, не шелохнулся, когда отец приложил ладонь ко лбу. Он был не в состоянии говорить, сказать даже самые элементарные вещи: «Мне лучше... нет, нигде не болит... Не знаю, что со мной было...» Хотелось остаться одному, чтобы сыграть начинающуюся партию, и он чувствовал, что придется непрерывно блефовать, словно прожженному игроку в покер.

Он услышал, как отъехала машина, и спустился в столовую. Мысленно составлял уже список необходимых срочных покупок: обыкновенный блокнот, зубная щетка и тюбик зубной пасты, мыло, губка-рукавица и полотенце, зеркало, свечи, спички, а также еда — несколько коробок сардин, тунца, мясной тушенки, а главное, хлеб, минеральная вода, корочка, все то, что берут с собой в спасательную шлюпку, и, несмотря на тревогу, испытывал некое горькое наслаждение при мысли, что он и «телка» стали вроде робинзонов. Эта девушка, о которой он не знал ровным счетом ничего, была теперь его товарищем по несчастью. Он ненавидел ее, и тем не менее она была ему некоторым образом дорога, ибо от нее зависело спасение. Он пойдет в «Призюник», универсальный магазин на бульваре Жюль Верна, где его никто

не знает. В дорожные сумки мотоцикла свертки войдут без проблем. Если ей что-нибудь еще понадобится, пусть только скажет. Он сделает все, чтобы быть приятным и вырвать у нее обещание молчать. Он подсчитал, что до конца каникул оставалось три дня. Хотя бы это не вызвало сомнений. Переговоры предстоят, конечно, долгие и трудные, но другого выхода нет.

Старая Марта принесла ему «Уэст-Франс», а он тем временем наспех заканчивал завтрак.

— Ну и натворил же беды ваш товарищ. Читайте!

Ужасное столкновение... Тяжелые травмы... На фотографии искореженные машины. Люсьен пробежал глазами короткую заметку, но не узнал ничего нового. Другой пострадавший, маляр Жюльен Мае, 35 лет, отделался контузией.

— Как только подумаю, месье Люсьен, что вы могли бы оказаться с ним рядом! Такой красивый мальчик! И ведь, может, останется калекой... Ужас. Жалко его бедную мать.

Пора было смываться, чтобы положить конец причитаниям.

— Вы уже уходите, месье Люсьен?

— Кое-что надо сделать, а потом загляну к Корбино...

Великолепный предлог — Корбино! Ужасно, зато удобно! Он пересчитал деньги. Может, и хватит. Если позарез понадобится, он возьмет в ящике, где у отца всегда лежит несколько стофранковых купюр. Погода подходящая. Облака нависли низко, но тротуары сухие. Он снова отправился на место аварии. Покореженные машины убрали. Оставались груда битого стекла и след от торможения на проезжей части.

За ночь ощущение драмы несколько притушилось, словно несчастный случай стал одной из многих существующих проблем. Внезапно, однако, острая боль опять навалилась с прежней силой. Люсьен хотел было соскочить с мотоцикла. Почему бы не отступить? Его ведь удерживало только любопытство. Во что бы то ни стало хотелось опять посмотреть на хибару, услышать мольбы пленницы. Ничто иное не могло бы его успокоить. Он поехал дальше, уговаривая себя, что защищает Эрве. На покупки много времени не понадобилось. В девять тридцать он уже ехал в направлении Сюсе. В его распоряжении примерно час. Он еще не представлял, как возьмется за дело, как предложит сделку. Придется изворачиваться, терпеливо выжидать. Не исключено, она сразу склонится к тому, чтобы никому не проболтаться. Посмотрим!..

Он легко отыскал дорогу, ведущую к Эдрю. Насколько хватало глаз — безлюдный, размытый пейзаж; чернеющие купы деревьев, стаи ворон на горизонте, просочившаяся везде вода заполняла кюветы, ямы, поблескивая под серым небом. Опасаться любопытных не приходилось.

Через несколько минут он был уже около домика. Сложенный на небольшом пригорке из камня и цемента, он производил душевраздирающее впечатление запустения и заброшенности посреди нетронутой целины. Люсьен прислонил мотоцикл к фасаду и обошел вокруг строения. Ни звука. Когда же вложил ключ в скважину, услышал удары изнутри, что его успокоило, ибо на какое-то мгновение тишина буквально испугала. Раз у нее хватало сил стучать, значит, неволя не причинила ей чрезмерных страданий.

На цыпочках он прошел в другой конец кухни и замер у двери в комнату. Она как раз стояла за дверью, без сомнения, прижавшись к филенке.

— Выпустите меня! Я больше не могу! Что я вам сделала? — крикнула она.

Люсьен открыл было рот, но вовремя вспомнил, что говорить не следует, по крайней мере пока. Она опять принялась стучать. Так! Когда успокоится, можно попытаться объясниться. Он выложил содержимое сумок на кухонный столик, зажег свечу, обследовал помещение. Обстановка была не такой уж убогой, как представлялось. В буфете имелись и тарелки, и стаканы, и приборы из жести, и графин с треснувшим горлышком; банка заплесневелого варенья, побелевшая от извлеккового осадка кастрюля.

Он прилепил ко дну стакана свечу, поднял светильник над головой. Если газовый баллон еще не совсем пуст, может, можно пользоваться плитой. Стук каблучков узицы за переборкой указывал на то, что она перемещалась одновременно с Люсьеном, будто голодное животное, которое слышит, как взад-вперед ходит сторож и на слух улавливает его движения. Люсьен поставил свечу на стол, вырвал листок из блокнота и написал печатными буквами:

ЛОЖИСЬ НА КРОВАТЬ.

Подумал и добавил:

МНЕ НАДО СЛЫШАТЬ, ЧТО ОНА СКРИПИТ. БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ. Я ОТКРОЮ ДВЕРЬ И ПОДАМ ПРОВИЗИЮ В КОМНАТУ. ПРИ ПЕРВОМ ЖЕ ПОДОЗРИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ БУДУ СТРЕЛЯТЬ.

Трудно удержаться от улыбки. Он словно вернулся в те времена, когда носил короткие штанишки, играл в разбойников с большой дороги. Опять взял свечу, встал у двери на колени, трижды постучал и сунул в щель листок, который с другой стороны миг исчез, подхваченный нетерпеливой рукой. В наступившей тишине он ясно различал дыхание Элианы, и от незнакомого чувства сжалось горло. Он прислонился лбом к притолоке. Хотелось просить прощения.

Легкий стук каблучков удалился, и кровать скрипнула всеми своими ржавыми пружинами. Тогда он быстро схватил провизию, приоткрыл дверь и как попало сунул пакеты в комнату. Долго катилась коробка консервов. Он был доволен, что допустил этот грубый жест, утверждавший его превосходство. Закрыв дверь на ключ и присел на корточки. Скрип кровати уведомил о том, что там встали и принялись собирать разбросанные предметы. В щель под дверь пробивалась полоска света, что доказывало, что электрический фонарик Элианы пока работал. Чтобы экономить батарейку, ей приходилось заставлять себя жить в темноте — свидетельство неожиданной силы характера. Люсьен, в свою очередь, прислушивался к передвижениям каблучков, по стуку определяя размеры комнаты, на которую он в прошлый раз едва взглянул. «У нее, конечно, ноги закованы на цементном полу. Но не могу же я принести ей войлочные домашние туфли!» Шаги приблизились.

— Вы здесь?

Он прикусил губу. Едва не сказал: «Да».

— Чего вы хотите в конце концов? Денег? У меня их нет. Вы ошиблись: я преподаю в лицее.

Пауза. Внезапно голос дрогнул:

— Мне надо верить: я здесь сойду с ума!

Люсьен вслушивался в каждое слово. Она была искренней или пыталась растрогать своих тюремщиков? Пока не похоже, чтобы в тоне сквозило отчаяние.

— Вы здесь?

Он дважды постучал в дверь.

— Тогда почему не отвечаете?

Люсьен бросился к столу и быстро написал:

**ТЕРПЕНИЕ. ТЕБЯ СКОРО ОСВОБОДЯТ. НЕМЕДЛЕННО
ВЕРНИ ЭТУ И ПЕРВУЮ ЗАПИСКИ.**

Он перечитал свое послание. Нет. Идентифицировать прописные буквы невозможно. Он сунул листок под дверь и вскоре получил обратно обе записки.

— Я знаю, почему вы отказываетесь говорить, — сказал голос. — Вы — женщина. И я могла бы вас узнать. В машине я узнала аромат ваших духов.

Опешив, Люсьен соображал. Духов? Каких духов? Внезапно он вспомнил о шлемах. Чулки Мадлен Корбино!

— Вы не отвечаете, — продолжала Элиана. — Вот видите, я права. Но неужели женщины не могут сказать друг другу правду? Неужели нельзя помочь друг другу?

Все прогнозы Люсьена оказывались опрокинутыми. Как теперь вызвать ее на откровенность?

— Вы одна? — спросила Элиана.

Опять записка:

НЕТ.

— Человек, который заставил меня похитить, ждет вас на улице?.. Это Филипп. Это ведь он, правда? Ему нужны деньги? Ему всегда нужны деньги... Но где же мне их взять?.. Вам известно, сколько я получаю?.. Две тысячи франков в месяц, да и то... Что же мне делать?.. Может, он рассчитывает, что сумеет получить выкуп у моих родителей?.. Но ему-то известно, что они небогаты...

Люсьен приник к двери ухом, будто врач, который выслушивает больного, пораженного неведомым недугом. Об Эрве он забыл. Он впускал в себя этот голос, интонации которого ему были ведомы. Вначале казалось: это голос учительницы. Но теперь слышался другой, низкий, взволнованный, прерываемый вздохами голос, который вызывал в его воображении картины обнаженной натуры.

— Скажите, чтобы он пришел сюда — поговорить... Ему следовало бы знать, что родители вот-вот забеспокоятся. Я еще вчера утром должна была приехать в Тур...

Люсьен смутно отдавал себе отчет, что его мелкие пакости школяра не имели ни малейшего значения. Но чтоб эта женщина в слезах растрогала его... он уже ничего не понимал... наверное, никогда он этого не забудет. Она затихла. Он подскочил к столу и нацарапал, позабыв, что надо обращаться на «ты»:

ПРОДОЛЖАЙТЕ.

— Продолжать? — переспросила она, переслав бумагу обратно. — Вы и сами прекрасно знаете, что будет... Завтра же будет заявлено в полицию.

Ее голос стал тверже, суше. Этот голос ему не нравился. Хотелось слышать тот, другой. Он быстро перенес свечу и блокнот к двери, сел на пол и написал, держа его на колене:

РАССКАЖИТЕ МНЕ О ФИЛИППЕ.

— Филипп?.. Я ошиблась на его счет. — Рыдание. Контакт был восстановлен. Он закрыл глаза. — Мне не везет, — продолжала она. — Раньше он был милый, нежный. Когда он меня...

Люсьен стукнул кулаком в дверь. Элиана умолкла. Он нацарапал как попало:

ДОВОЛЬНО.

Согнувшись пополам, он по-мужски страдал. Это случилось внезапно. Боль была новая, острая, нестерпимая. С языка готовы были сорваться оскорбления.

— Простите, — очень мягко сказал голос. — Вы его любовница?

Он не шелохнулся. Чувствовал себя грязным, потерявшим надежду. Наконец большим и указательным пальцами погасил пламя свечи. На сегодняшнее утро хватит. Скорее на воздух, скорее в путь. Он встал, и она крикнула:

— Не уезжайте! Не оставляйте меня!

В нерешительности он остановился. Впрочем, у нее ведь есть Филипп! Все помыслы о Филиппе... У него же нет ничего. Он вышел. Она колотила в дверь кулаками.

— Оставайтесь, прошу вас! Оставайтесь!

С минуту он постоял на пороге, затем повернул ключ в замочной скважине. Теперь она осталась одна — в тюрьме. Следовало бы спросить, не нужно ли ей чего. Он боролся с искушением повернуть назад, опять спрятал в тайнике связку ключей и выкатил мотоцикл на дорогу. Дал газ, только удалившись на значительное расстояние, когда был уверен, что она не услышит.

Ехал медленно, боролся с непонятной мукой, сознавая, что не совершил ничего, кроме глупостей. Как вот теперь ей сказать: «Я — Люсьен Шайу. Ваше похищение было шуткой!» Откровенничая, она зашла слишком далеко. И все же недостаточно! Надо будет еще ее допросить. Тем хуже, если последствия окажутся плачевными. Надо наказать ее! Разумеется, это ее право — иметь любовников. Но почему тогда она изображала из себя пай-девочку? Почему старалась обмануть окружающих? Он подъезжал к предместью, но ему уже хотелось вернуться обратно, присесть у двери на корточки, предаться отравленной радости, горечь которой он еще ощущал.

Он заехал к Корбино — узнать, как Эрве. Если что, она дорого заплатит, шлюха! Подумать только: она могла принять его за женщину!

Зять беседовал с клиентом. Он извинился, отвел Люсьена в сторону.

— Мадлен в госпитале с матерью. Только что мне звонила. Эрве все еще не вышел из комы. Состояние без перемен, сказала

она. И, само собой, за мной по пятам рыскают фараоны и эксперты, будто я в чем-то виноват. Неприятностей — не оберешься, поверьте... Вы позволите? Мне надо заняться с клиентом.

— Надежда-то хоть есть?

Собеседник пожал плечами. Совершенно очевидно: за Эрве у зятя сердце не болит. Люсьен вернулся домой.

— Вы были у Корбино? — спросила Марта.

— Да. Состояние без перемен. Я заеду завтра.

Но завтра он будет там. Рядом с ней. И послезавтра тоже. Он заставит ее говорить еще и еще, подстерегая момент начала ее капитуляции при условии, что будет шанс на успех. Знает, что плутует, сам себе рассказывая сказки. Он поднялся к себе в комнату и заперся. Досадовал на себя, что уже не грустит. Странная экзальтация приводила его в состояние возбуждения. В точности, как в былые времена, когда он был маленький и ему дарили долгожданную игрушку... Восторг и тревога! Проходил не один час, прежде чем он к ней притрагивался. Первоначально игра состояла в том, чтобы стать обладателем. А также в том, чтобы ни с кем ею не делиться. А теперь вот эта женщина...

Он порывлся у себя в шкафу и вытащил шерстяное одеяло, которое должно подойти. Укутался в него. Одеяло было длинное и теплое. Несколько ночей не замерзнешь. Он аккуратно его сложил, завернул в газету. Если прикрепить его к багажнику, старая Марта ничего не заметит. Надо бы еще купить флакон одеколона. «Хотя это уж слишком, — подумал он. — Не стоит все-таки ее баловать!» Кто она такая? В голове и на этот счет не было ясности. Голос в темноте! И вот он уже запомнил, что за склонность, что за желание вернуться туда захватило его, желание дикое, пришедшее откуда-то издалека, подобное инстинкту. Он понял, что не выдержит и удерет туда во второй половине дня.

Отец присоединился к нему за столом ровно в час дня.

— Ничего нового, бедный мой Люсьен. Твой товарищ так и не пришел в сознание. Но не это меня больше всего беспокоит. После такого удара кома может продолжаться несколько дней. Не в этом дело. Меня особенно тревожат внутренние повреждения. Здесь мы почти что в полном неведении. Всегда имеется риск кровоизлияния. Скажем так: в течение по меньшей мере недели сказать что-нибудь наверняка невозможно. Но он в хороших руках, не сомневайся. Само собой, никаких посещений. Если хочешь взглянуть, куда ни шло. Но не дальше порога. Ты не узнаешь ничего сверх того, но, я понимаю, тебе будет приятно. Видишь, куда может завести неосторожность! Ну-ка, посмотри на меня. Что за вид — испугаться можно!

— О, ничего! Я плохо спал... Он не умрет?

Доктор протянул через стол руку, взял ладонь Люсьена в свою.

— Нет, малыш. Очень надеюсь, нет. Постарайся больше не думать об Эрве. Иди погуляй! Сходи в кино. На...

Он пошарил в карманах.

— Так! Что с моим бумажником?.. У тебя еще есть немного денег? Прекрасно! Сегодня вечером я дам тебе на карманные расходы — на полмесяца. Может, немножко поумнеешь. Вы вот

все играете в людей без предрассудков, а на самом деле — мальчишки.

Внезапно перед мысленным взором возникли свеча на полу, подернутая плесенью дверь. Голос говорил: «Он был милый, нежный. Когда он меня...» Люсьен опустил голову, чтобы не видно было, как вспыхнули щеки. Что, если он заболел? Поймет ли его отец, если он прямо в этом признается, как пациент, которому стало известно, что он заболел страшной болезнью?

— Марта! Десерт. Я тороплюсь.

Всегда-то он торопится. Всегда спешит другим на помощь.

— До вечера, Люсьен. И не вешай нос, ладно?

— Постараюсь, папа.

Если в конце концов все откроется, если Элиана заговорит, как он посмеет смотреть в глаза отцу, оправдываться за молчание, омерзительное лицемерие, когда он любезно мямлит что-то вроде: «Постараюсь, папа»? Как заставить Элиану молчать? Надежных способов нет. Остается одно: держать ее там как можно дольше, невзирая ни на какие трудности. Кто первый не выдержит... если, конечно, вмешательство родителей не вызовет катастрофу.

Он заперся у себя в комнате, чтобы на досуге изучить эту сторону проблемы. Она сказала: «Я должна была приехать в Тур еще вчера утром». Следовательно, родители наверняка уже забеспокоились. Но спустя всего сутки вряд ли посмели заявить в полицию. Даже, может быть, спустя двое суток. Потом они приехали бы разузнать, не заболела ли дочь. Дверь заперта. Малолитражка на месте, на стоянке. Вот тогда они подняли бы на ноги полицию. Что потом?.. Потом все расплывалось в тумане. Начнем с того, что полиция, ничего не обнаружив, пустила бы в ход более сильные средства. За дело, со своей стороны, взялись бы газеты и телевидение. Люсьен частенько читал заметки о похищениях и не мог не догадываться о последствиях. Отпусти он Элиану сейчас или позднее, ее все равно станут допрашивать, заставят расколоться, объяснить причину ее исчезновения, и она будет вынуждена говорить. Она в любом случае заговорит, даже если даст обещания, которые, предположим, он заставит ее дать. Разве что...

Может, есть одно средство. До сих пор Люсьен считал, что рано или поздно ему придется сказать Элиане: «Я Люсьен Шайу. Простите нас. Эрве получил тяжелую травму, когда собирался вас освободить. Мы сожалеем. Пожалейте его — молчите!» Но если только родители, полиция, газеты выдвинут версию классического похищения, предшествующего требованию выкупа, нет нужды признаваться Элиане в том, что есть на самом деле. Придется разыгрывать роль до конца, а в заключение изобразить панику, позвонив родственникам: «Ваша дочь находится в таком-то месте». Кстати, почему бы похитителям не остановиться именно на этой заброшенной хижине, чтобы спрятать Элиану, ведь очевидно, что туда никто больше не заглядывает. Она принадлежит Корбино. Ну и что? Кому придет в голову подозревать Корбино? Что касается Эрве, то с воскресенья, угодив в госпиталь, он автоматически выходит из игры. Люсьен все еще плутовал, рассказывал самому себе сказки. Однако созданная им конструк-

ция была довольно правдоподобной. Колоссальным ее преимуществом было то, что она сулила ему безопасность. Никто никогда, быть может, не узнает его вины. И только это имело значение. Иного решения, кроме необходимости опережать события, не было. Разумеется, надо устранить любые предметы, любые разблачающие улики. Ничего сложного! В известной степени, так как он плохо себе представлял, как отважится позвонить родителям и сообщить: «Мы держим вашу дочь!» воображение было во вред. В одном, однако, он был уверен: или это, или суд. Что тут ломать голову: если Элиана его опознает — крышка. Если же Элиана не перестанет думать, что ее похитили ради выкупа, у него есть шанс. Тем более если она скажет: «Меня стерегла и заботилась обо мне женщина!»

Нет сил больше думать. Голова раскалывается. Будущее — что-то вроде темного туннеля. Пришлось отказаться от идеи съездить туда, в хибару. Не хватало мужества навеститься в госпиталь. Примерно в середине дня Люсьен сел в автобус и вышел на Торговой площади. Хотелось затеряться в толпе, забыться. Он встретил приятелей, увязался за ними в кафе, где играл в настольный футбол с таким увлечением, что, выйдя на улицу, удивился, что уже совсем темно. На обратном пути он купил самый обыкновенный флакон одеколона и две плитки шоколада, затем ему пришло в голову, что Элиане дальше не продержаться на консервах. Нужна, наверное, горячая пицца. Необходимо, по возможности, скорее проверить, в каком состоянии газовый баллон, подключенный к плите. Надо бы также втолкнуть в комнату печурку, если она не вышла из строя и еще остается уголь. Когда она будет на свободе, она, возможно, скажет: «Со мной обращались весьма корректно».

Вернулся он под дождем, зачистившим в эту гнилую зиму, достал свой календарь и вычеркнул еще один день. Как он ухитрится ездить туда, в хижину, когда начнутся занятия? Придется прогуливать уроки. К счастью, с четырех до пяти по расписанию только два урока. Рисование и основы гражданского права. Прогульщиков на учет не берут. Скорее всего он выкроит время, чтобы ездить туда и обратно и заниматься Элианой. И потом, так или иначе, все это не может продолжаться вечно. Он задумался, держа в руках календарь. Вторник и среда — вопросов нет. Элиана в его распоряжении. Но с возобновлением занятий перedyшке конец. Уже в пятницу полиция будет поднята на ноги. Начиная с субботы, начнется «операция по захвату». Надо думать, Эрве ничто не угрожает. Ах, если бы можно было с ним связаться! Шепнуть ему: «Не беспокойся. Я делаю все, что нужно. Выздоровливай!» Даже если Эрве не в состоянии отвечать, какое облегчение не чувствовать себя одиноким!

Люсьен валился с ног от усталости, почти не прикоснулся к еде. Отец отправился с визитами, но в условном месте оставил три стофранковые купюры. Люсьен уселся у телевизора — показывали детектив. Может, подбросят какую-нибудь новенькую идею. Заснул посередине фильма.

Дорога на Сюсе. От морозящего дождя образуются клубы пара.

Для очередного свидания погода идеальная. Люсьен взволнован, чуть ли не смущен. В голове прокручиваются фразы — одна за другой. Он не произнесет ни одной из них, но это уже способ существования рядом с ней. Показалась хибара, как рисунок углем. Он выключает мотор, спрыгивает на ходу. Нервно орудует ключом, наконец входит; сразу же раздается ее зов:

— Кто там!.. Говорите! Я хочу выйти отсюда, слышите?.. Я хочу выйти!

Скорее зажечь свечу и напарпать:

НЕ ШУМИТЕ. ОН МОЖЕТ РАССЕРДИТЬСЯ.

Записка проваливается под дверь и тут же возвращается обратно.

— Это вы, — говорит Элиана. — Я замерзла. Вы весьма преуспеете, если я заболю.

Люсьен не отвечает. Он разворачивает одеяло, затем проверяет, в каком состоянии плита. Легкий свист указывает на то, что в баллоне еще остался газ. Он зажигает горелку, наполняет кастрюлю водой и ставит ее на пламя. Каждое движение радостно. Тревога вернется потом.

— Вы долго собираетесь меня здесь держать? — спрашивает Элиана. — Вы что, не знаете, чем рискуете?

Конечно, он знает. Какое-то время возится с небольшим радиатором, его тоже удастся включить. Довольный, он разворачивает бумагу, в которую уложены два яйца, взятые у Марты из холодильника, кладет их в воду. Все делает тщательно, как повар, приготавливающий сложное блюдо. Элиана молчит. Прислушивается к звукам на кухне, старается понять, чем занят враг. Пока яйца варятся вкрутую, Люсьен на кончике стола сочиняет предупреждение:

КОГДА Я ПОСТУЧУ, ЛОЖИТЕСЬ ЛИЦОМ К СТЕНЕ.

ПЕРЕДАМ, ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ВЫ СОГРЕЛИСЬ.

Он задумывается и, вспомнив о яйцах, шоколаде, одеколоне, добавляет:

ВАС ЖДЕТ СЮРПРИЗ, ЕСЛИ ВЫ БУДЕТЕ БЛАГОРАЗУМНЫ.

ОН НЕ ПРИЧИНИТ ВАМ ЗЛА.

Заворачивает в одеяло так называемые подарки, в том числе обжигающие пальцы яйца, выключает радиатор, который раскалился докрасна, и складывает все это у самой двери. Стучит. Шаги удаляются, и железная кровать долго скрипит. Он приоткрывает дверь, сидя на четвереньках, бегло оглядывает комнату. Видит распростертый на кровати силуэт. Горящая в консервной банке свеча, поставленная на единственный стул, освещает спину молодой женщины. Успокоенный, Люсьен заталкивает в комнату одеяло и печурку, снова закрывает дверь на ключ, опять стучит, чтобы дать знать, что операция окончена. В свою очередь, вытягивает ухо, пытаясь угадать, что она делает. Слышится скрежет по цементу. Должно быть, она подтащила радиатор к середине комнаты. Многократное чирканье спичек, которые из-за сырости, конечно, не хотят загораться. Слышен металлический звук — видно, мнут фольгу. Она пробует шоколад. Люсьен счастлив, будто усмирил дикого зверя. Легкая возня за дверью.

— Вы, наверное, хотите, чтобы я вас поблагодарила? — спрашивает она.

В ответ он царапает:

МОЖЕТ, ВАМ ЕЩЕ ЧТО-ТО НУЖНО?

— Но мне нужно все на свете! — кричит она. — Здесь ужасно! Вода грязная! Матрац весь в буграх! У меня нет белья! Уже скоро четыре дня, как я взаперти! Сколько это может продолжаться? Сил больше нет!

Последняя фраза — прелюдия слез. Люсьен думает об Эрве. Тут ее слез не хватает. Он усаживается поудобнее, опершись спиной о дверь, в левой руке сжимая свечу, разложив блокнот на коленях.

— Сообщили ли моим родителям? — спрашивает она.

РАССКАЖИТЕ МНЕ О НИХ, отвечает Люсьен. Ему хочется знать все, не только о родителях, но о ее жизни, отношениях с другими людьми, особенно о ее связи. Но как подвести ее к такому разговору и не возбудить подозрений?

— Я уже вам сказала, что они небогаты... Предполагаю, вам известно. Если Филипп...

Она останавливается, и Люсьен боится, чтобы она не наговорила лишнего. Но она продолжает:

— Ведь все это козни Филиппа, не так ли? Уж, конечно, это он. Мастер говорить красивые слова! Как только я могла позволить себя провести? Вы уже были его союзницей? Конечно, вы заодно. Он сразу понял, что мною можно воспользоваться. А я ни о чем не подозревала, и он появился в подходящий момент.

Она громко дышит. Сморкается.

— Мне не следовало работать в этой области, — продолжает она. — Моя мать была права, что боялась. Как только я оказалась одна, предоставленная самой себе, начались глупости... Потому что я боялась... Всякий раз, когда я шла в лицей, начиналось все сначала... Вы-то этого не знаете... Хуже этих мальчишек никого не бывает...

«Что они все талдычат: мальчишки, мальчишки?» — думает Люсьен.

— Я думаю, они, как собаки, улавливают запах страха. И тогда кусают. У меня не было никого, кому можно довериться. Родители обрадовались бы, если бы я призналась, что мое терпение лопнуло и нет сил. Им бы хотелось взять меня обратно к себе. Маленькая девочка, папа и мама, представляете?

Люсьен представлял. У него долгий опыт семейного очага. Вот он легонько стучит в перегородку.

— Я чуть было не заболела, — продолжает она. — Какое-то время была на грани депрессии. К счастью, меня хорошо лечили... Словом, не надо это понимать буквально. А потом я встретила Филиппа. Ничего, что я говорю о Филиппе?

Люсьен царапает на листке бумаги:

НАПРОТИВ.

— Вы не ревнуете?

Он не знает, ревность ли то, что он испытывает, — сильнейшее чувство, от которого сжимается горло. Стучит дважды. Она понимает: это означает «нет» — и продолжает:

— Он внушает доверие, это факт. Сильный. Рядом с ним чувствуешь, что живешь на свете. Он давал мне все, чего мне не хватало. Я начинала понимать, что любовь может быть праздником.

Она вот-вот опять произнесет слова, которые нестерпимо слушать. Он поспешно пишет:

НЕ НАДО ПОДРОБНОСТЕЙ.

— Вы правы, — соглашается она. — Не надо подробностей. Вам-то безразлично, что вы заставляете меня страдать, зато я незлой человек.

Она незлой человек! Большим пальцем он стряхивает слезу.

— Теперь я вижу, куда он клонил. Деньги у меня выманивал. Поскольку я все ему выкладывала, он знал, что родители мне помогают. Это они мне подарили машину. Им хотелось, чтобы я попросила о большем. Они на все были готовы, лишь бы снова прибрать меня к рукам. Но я им этого не позволяла. Может, я не права. Если бы я согласилась принимать помощь, которую они мне предлагали, я не дошла бы, конечно, до того, что случилось. Можно было бы подбрасывать Филиппу денег к концу месяца. Ведь правда? Я не ошибаюсь?

Люсьену все равно. Денежные проблемы его не интересуют. Чего ему хочется более всего на свете, так это того, чтобы она опять заговорила о своих отношениях с этим человеком... Нет. Не об отношениях. Только не это!.. Словом, обо всем остальном. Об их встречах, об их... В общем, как они вместе жили!

— Я вас рассердила? — спрашивает она. — Но я пытаюсь вам объяснить... Насколько я его знаю, он потребует огромную сумму, намного превосходящую средства, которыми располагает моя семья. Родители с ума сойдут. Они заявят в полицию, и вас возьмут обоих. Можете не сомневаться, полицейским труда не составит до него добраться. Постарайтесь его урезонить. Может, еще не поздно.

Она ждет ответа. Люсьен думает. Он только что отказался во всем признаться. Теперь уже невозможно! Она превратится в фурию. После всех ее излияний ничто уже не заставит ее смягчиться. Не исключено, однако, что как раз Филипп и есть якорь спасения. Ну и сведет же она счеты! Ясно, что полицейским ничего не стоит до него добраться. Пусть его арестуют. Пусть он ошалеет от страха. В голове Люсьена пока нет ясности. Что-то еле-еле начинает вырисовываться. Как бы появился свет в конце туннеля.

— Почему вы молчите? — спрашивает Элиана. — С кем я разговариваю?.. Боже мой, это ты, Филипп?

Переход на «ты» приводит Люсьена в бешенство. Безумно хочется ударить в дверь. Что она тогда будет делать? Станет умолять? Скажет, что еще любит его? Он раскрыл бы таким образом их интимную связь. Грязная самка! Вот бы оскорблять ее на чем свет стоит! Он дважды стучит в дверь.

— Ах, это не ты! Тогда кто? — говорит она.

Жестокости Люсьен только учится. Это нечто новое, ужасное и благотворное, как лекарство. Дрожащей рукой он выводит:

ЧТО ВАМ ЕЩЕ УГОДНО?

Она возвращает листок и внезапно кидается на дверь, ударяет кулаком.

— Кто вы такой? Я хочу знать! — кричит она.

Ему плохо. Он себя ненавидит. Вырывает еще один листок. Ухмыляясь, царапает:

ФАНТОМАС.

Она читает и сразу же начинает плакать. Он прикладывает ухо к двери. Слезы настоящие, тихие всхлипывания, неутешное горе. Закрыв глаза, он гладит ладонью деревянную поверхность. Голос шепчет в глубине души: «Я сволочь». Тем не менее он не прочь побыть сволочью. После долгой паузы слышится удрученный шепот:

— Вы здесь?

Стук в дверь.

— Мне нужны чулки, эти поехали... потом носовые платки, порошок или мыло — постирать... белье грязное...

Люсьен подсакивает. Словно резануло.

— Мне нужны ножницы и пилка для ногтей, довольно острая. Сколько еще дней вы намерены меня здесь продержать?

Люсьен не знает. Ему известно только, что теперь-то он продержит ее так долго, насколько это возможно. Наверное, это безумие. Но она в его распоряжении! От него зависит, будет ли она плакать. Он чувствует, что силен, куда сильнее всех этих тупиц-одноклассников. Сильнее отца. На сегодня хватит! Имеет смысл продлить удовольствие. Он встает, подбирает валяющиеся под ногами записки, рассовывает их по карманам, гасит свечу, на мгновение замирает, затем целует кончики пальцев и прикладывает их к двери. Она мечется, кричит:

— Не уходите!.. Не уходите!..

Он выходит. Кругом тихий шорох дождя, порывы теплого ветра. Когда он снова прячет ключи в тайник, то замечает, что у основания стены, там, куда не задувает ветер, появились ростки первоцветов. Четыре ростка, едва распустившиеся, слабые, дрожащие. Его охватывает внезапное волнение. Будто мир открывается... Будто душа распахнулась навстречу неведомому. Если бы наизусть знать стихи, он стал бы их читать. Он поднимает голову: пусть вода таинственного крещения оросит лицо. Шепчет: «Эрве, старина, надо жить. Имеет смысл!» Но сердце пока еще слишком мало, чтобы в нем могли уместиться терзающие его чувства.

Он едет быстро; вот дом, где квартира Элианы. Малолитражка на месте. Дом, кажется, затих. В какое-то мгновение ему мерещится, что там спуют полицейские. Он медленно проезжает мимо, делая вид, что прогуливается, хотя и сознает, что на него никто не обращает внимания. Впервые констатирует, что дома Элианы, Эрве и его собственный расположены неподалеку друг от друга. Тот же квартал, словно нечто более пагубное, чем простой случай, приблизил их друг к другу. Он останавливается у своего дома. Четыре тридцать. Есть еще время съездить в госпиталь.

В зале ожидания полно пациентов. Нечего бояться вопросов. Мотоцикл он оставляет в гараже и садится в автобус, чтобы добраться на другой конец города. Осторожность не помешает. Если

бы с ним тоже произошел несчастный случай, какая бы участь ждала Элиану? Никто ведь не подозревал бы, где ее искать. Не лучше ли оставить письмо у себя на письменном столе? Нечто вроде завещания. Я, нижеподписавшийся Люсьен Шайу, в здравом уме и твердой памяти, заявляю... Только в самом ли деле он в здравом уме и твердой памяти? Ему забавно переваривать эти идиотские мыслишки, а тем временем проплывают мимо улицы, начинают загораться витрины, превращаясь сквозь запотевшие стекла в красноватые, зеленоватые полосы. Ему хорошо. Хорошо бы остаться тут подольше. Он старается не думать, не ворошить впечатления. Тут у него тайна, сокровище. Когда-нибудь позднее он припадет к этому источнику.

Когда он выходит из автобуса и видит перед собой громаду госпиталя, шагать уверенно трудно, словно только что, ослепленный, он вышел из кинотеатра. Все здесь призывает к порядку и печали: запахи, тишина, холодноватое освещение. Ему показывают, куда идти. Вместе с другими посетителями он поднимается в просторном лифте. У окружающих замкнутое выражение лица, будто людей гложет забота. Длинный, как корабельная палуба, коридор. На дверях номера палат. Проезжает тележка на бесшумных каучуковых шинах. Нечто неясное распростерто под белой простыней. Кого-то, конечно, прооперировали и везут обратно в палату. На каждом шагу несчастье приобретает черты все более и более потрясающей реальности. Люсьен кожей чувствует, что друг его получил серьезную травму. На ум приходят фразы, которые он рассеянно вычитывал в газетах: Франко борется со смертью... Мальро борется со смертью... Здесь подобные слова приобретают конкретный смысл. Эрве борется со смертью — это он-то, ловкий дзюдоист, владевший самыми эффектными приемами! Схватка со смертью?.. Люсьен смутно воображает рукопашную: дыхание смешалось, сцепились тела, и вот в конце концов эта удаляющаяся каталка, увозящая обреченного. Он останавливается. Подкашиваются ноги. Ему хочется, чтобы Эрве выкарабкался, ибо его собственная борьба не имеет иначе никакого смысла.

Медсестра спрашивает, что он ищет. Узнав, объявляет:

— Посещения запрещены. Но его мать здесь. Я ее предупрежу.

Она осторожно толкает дверь под номером 117. Счастливый ли это номер? Люсьен складывает цифры, будто проверяет через девятку: семь плюс один и еще один — девять. Кажется, это хороший номер. Появляется мадам Корбино. Ее не узнать: исхудала и отекала одновременно, глаза покраснели, кожа землистая.

— Бедный мой Люсьен, если бы вы его видели! — шепчет она.

— А я как раз хотел его навестить.

Она делает знак, чтобы он подошел поближе, взглянул в приоткрытую дверь. Голова раненого плотно забинтована марлевой повязкой. На кронштейне укреплен флакон с ниспадающей резиновой трубкой, которая исчезает под одеялом. Другая трубка введена в нос. Глаза закрыты. На подбородке темный пушок.

— Он нас слышит? — спрашивает Люсьен.

— Нет. Он не приходил в сознание. Иногда он шевелит губами, но врачи считают, что...

Фраза не окончена... Срывающийся, хриплый голос, как у человека, который много плакал.

— Дочь в гараже, — продолжает она. — От ее мужа толку мало. А я, как вы понимаете, не могу отлучиться. Здесь я провожу целый день. Вечером вынуждена уезжать. Я уже не сплю. С ужасом жду, что мне скажут...

Она прижимает к губам носовой платок, на несколько шагов отступает и увлекает за собой Люсьена.

— Спасибо, что приехали. Вы ведь знаете, он вас любит. Мальчик мой дорогой! Видеть его в таком состоянии! И куда только он направлялся на этой машине? Ведь ему запретили.

— Но хирург-то надеется?

Она оживляется, качает головой.

— Кажется, да. Эрве так молод. Ваш папа тоже надеется. Он ездит сюда каждое утро. Очень любезен со мной. Поблагодарите его от меня. А теперь уезжайте. Для вас это неподходящее зрелище.

Она его целует, но он понимает, что поцелуй адресован сыну. Хотелось бы сказать ей что-то утешительное на прощание. А он неловок. Ничего не может придумать и быстро выходит; ошибается, попадает не на тот этаж, ищет выход, оказывается на эспланаде, где разворачиваются машины с вращающимися на крыше фарами. Ради Эрве стоит идти до конца, не бояться полиции. Мужества, храбрости ему не занимать, так как он видел в носу друга эту ужасную трубку. Страшно вспомнить. Он втягивает носом воздух, пытается вообразить эту пытку. Сегодня вечером, когда ляжет в постель, он засунет в ноздрю карандаш — каково это на деле?

Он садится в автобус — в обратный путь, — но мысленно все еще не покидает белый коридор, стоит у двери палаты 117. Там — тоже дверь, за ней томится Элиана; здесь дверь палаты 117, за которой едва дышит Эрве. Закрытые двери — такова его судьба. Недостигаемо все, что он любит. «Стоп, — говорит он себе. — Кто сказал, что я люблю Элиану? Эрве — другое дело!» Однако он останавливается около магазина «Призюник», смущаясь, покупает пару чулок. У него спрашивают размер, он отвечает наобум. Чулки есть чулки. Покупает также полдюжины носовых платков, пачку стирального порошка Бонюкс — из-за подарка. Он предпочел бы кораблик, если бы себе покупал. Этой пачки ей хватит надолго — стирать... Он не уточняет, что... Выбирает ножницы, крепкую пилку для ногтей. Пусть себе на досуге коготки оттачивает.

Он возвращается домой и вдруг понимает, что ему нечем заняться, что он настолько никому не нужен, что в груди щемит. Какой от него был толк до Элианы, до катастрофы с Эрве? Он ходит взад-вперед по комнате. Плакаты с актерами, романы, пластинки... Какое ребячество! Все теперь чуждо и абсолютно не нужно. Как все сложится, когда Элиана будет на свободе, а Эрве встанет на ноги? А его что излечит от скуки? Задумавшись, он садится. Пытается восстановить в памяти этот богатый событиями день, открывший ему столько нового. Пожалуй, трудно даже перечислить. И, однако, новое это здесь, рядом, и так тяжело

его нести в душе. Он погружается в дремоту, затем вскакивает, когда отец зовет его внизу:

— Люсьен... Обед.

Отец первый входит в столовую.

— Только не рассказывай мне, что ты занимался.

Выглядит суровым. С ним никогда не знаешь, что будет дальше, — так умеет озадачить. Бывает, кажется, спокойным, любезным. А то вдруг молчалив, зол, ядовито-ироничен. И тут уж остается только осторожно лавировать.

— Покажешь мне тетрадь с домашними заданиями, — продолжает он. — Я хочу, чтобы завтра к вечеру все было готово.

— Хорошо, папа!

— Нет нужды тебе ехать в госпиталь. Пользуешься предлогом, чтобы бездельничать! Знаю тебя как облупленного.

— Но папа...

— Я сказал: нет. Останешься дома и подгонишь хвосты. И будь любезен: чтобы я не слышал больше на тебя жалоб от преподавателя математики.

Люсьен повесил нос. Думает: «Завтра подскочу туда. Куплю ей чего-нибудь горяченького».

Ужин проходит в молчании. «Как же я на него похож, — размышляет Люсьен. — Как и он, бросаюсь из крайности в крайность. Никогда не бываю весел, как Эрве, а только возбуждаюсь. Или хандрю. Иногда так бы все разнес в пух и прах. Однако все же от матери у меня что-то есть». Никогда ему в голову не приходило сказать «мама». Эта незнакомка, от которой сохранилось всего-навсего несколько фотографий, осталась в далеком прошлом. Молодая, довольно слабохарактерная женщина, лицо болезненное, обрамленное пышными волосами. Он не засиживается. Чувствует облегчение, когда отец встает.

— Всего доброго.

— Всего доброго, папа.

Относит посуду на кухню. Ему нравится эта механическая работа. Но не возражал бы против занятий ручным трудом. Маляры, столяры — вечно они напевают, насвистывают. Как говорит Эрве: «Не надо усложнять себе жизнь!» Он кладет в сторону оловянную вилку, раздумывает, не стоит ли положить еще и нож. Элиана, конечно, не тот человек, чтобы вскрыть себе вены. Он выбирает нож с округлым концом, кажется, совершенно безопасный. Надо купить горячего, прямо из духовки, цыпленка, а там видно будет. Есть магазины, где продаются готовые блюда. «Так она растолстеет», — думает он. Внезапно эта мысль кажется ему несказанно забавной. С нетерпением ждет он наступления завтрашнего дня, и, чтобы поскорее пролетели часы, которые отделяют его от этого нового дня, он глотает две таблетки снотворного, так что наутро чувствует себя словно в вате и как бы не в духе. Он устал от этой женщины, повисшей на нем, как ядро.

Неуверенно проделывает несколько гимнастических упражнений у открытого окна, за которым виднеется набухшее от дождя небо. И вдруг его охватывает прилив энергии. Хочется быть там сию минуту. Дело ведь не терпит отлагательств. Девять тридцать. Он доберется к десяти. Обратно выедет в десять тридцать. График

плотный. Тем хуже, если придется отказаться от пыленка. Он отварит на плитке макароны. Он делает свертки, берет несколько горстей спагетти из запасов Марты и тихонько удирает. Влажный воздух решительно гонит сон. Прохладно, и под носом капля. Весело тарыхтит мотоцикл. Идиотизм, конечно, но он доволен собой. Вот оно, совершеннолетие. Ни перед кем не отчитываться. А в конце маршрута ждет пленница. Мерно покачиваясь, он ползет по грунту. Вот и дом неподалеку. От радости в горле спазм. Он ставит машину у стены и, прежде чем открыть дверь, срывает первоцветы. С трудом удерживая в руках все, что привез, входит. Она молча подходит к двери. Он зажигает свечу, царапает пару слов:

В ПОСТЕЛЬ.

Формулировка кажется ему и забавной, и волнующей.

Она безропотно повинуется. Они уже привыкли друг к другу. Не слишком осторожничая, он толкает дверь. Воздух в комнате спертый, пахнет перегретым листовым железом. Логово, даже проветрить невозможно. Он выкладывает груз на цементный пол, первоцветы — на самое видное место. Мысленно замечает, что было бы кстати притащить сюда коробку вместо мусорной корзины. Проблем хватает! Не успел притворить дверь, как она спрашивает:

— Вы сообщили моим родителям?

Что тут сказать? Наобум он пишет:

ИХ ЖДУТ.

— Вы лжете, — говорит она. — Они уже, конечно, приехали к этому часу, остановиться должны в «Отель Сантраль». Они уже там были, когда провожали меня в Нант. Вам достаточно позвонить, чтобы убедиться. Говорите, каковы ваши условия, и пора кончать. Сколько вы хотите?

Разговор принимает оборот, к которому Люсьен не готов. Он ненавидит этот намеренно властный голос. Еще цветы надо было собирать... Есть, однако, нечто другое, стесняющее его гораздо больше. Он ведь знал, что наступит момент, когда придется говорить о выкупе. Хотелось забыть, намеренно продлить неопределенность. Как мог, он сопротивлялся вынужденному действию. Он еще пытается уклониться. Занят приготовлением спагетти, моет грязную тарелку, а тем временем перебирает в голове цифры. Требуемые, как правило, суммы кажутся ему запредельными: триста, четыреста миллионов... Это особенно смешно, когда в кармане у тебя никогда не было более нескольких стофранковых купюр...

— Отвечайте. Каковы ваши требования? У меня ведь все-таки есть право знать!

Сегодня утром она невыносима! Люсьен следит, как варятся макароны, поглядывает на часы. Может, сто миллионов сгодятся? Какая разница, если так или иначе речь идет об игре и надо только выиграть время?

А если не об игре?

Люсьен выкладывает спагетти на тарелку. Пишет:

ОТОЙДИТЕ В СТОРОНУ.

Подвигает тарелку с дымящимися спагетти прямо по полу.

Поворот ключа. Он сыт по горло и ею, и родительскими миллионами. Как! Ему даже спасибо не сказали? Он снова запирает дом на ключ и возвращается в город.

Марта поджарила цыпленка. Он борется с тошнотой и заставляет себя есть.

Для Люсьена вернуться в лицей без Эрве — тяжелое испытание. Как же он нуждается в друге, чтобы начать этот день без боязни. Санкции, которыми пригрозил им директор лицея, вот-вот обрушатся на его голову, и притом не исключено: свобода передвижения будет поставлена под сомнение. Самое же главное: отсутствие мадемуазель Шателье неминуемо приведет к дознанию. Если бы Эрве был на месте, он сумел бы разнюхать, что к чему. Он был потрясающе находчивый парень; его практически нельзя было застать врасплох; и знал он всех и вся. Например, ему удалось бы расспросить консьержку того самого дома. Он наверняка бы узнал, объявились ли родители Элианы; он же, Люсьен, ориентировался на ощупь в пугающей неизвестности. Что было самое неприятное, так это возврат к школьной рутине, от которой он уже отвык. Приятели, их ребячья болтовня, ничтожество этих уроков, этих опросов, комментарии преподавателя французского насчет той или иной идеи Валери — все это так далеко, так бесполезно, так устарело. И в то же самое время настолько реально, что его авантюра с Элианой теряла очертания словно во сне. Спотыкаясь, он как бы переходил из одного мира в другой в поисках подлинности собственной личности.

В девять утра главный надзиратель приказал классу собраться во внутреннем дворе. Люсьен почувствовал: что-то надвигается. Он не удивился, когда один из воспитателей пришел за ним, чтобы препроводить его к директору; от тревоги замерло сердце.

— Вас всех допросят, — объяснил воспитатель. — Тут сыщик пришел из-за вашей математички. Кажется, она исчезла. Может, по вашей вине.

Он невозмутимо жевал резинку. История эта его совершенно не касалась.

— Как это по нашей вине? — спросил Люсьен.

— Она могла и с собой покончить. Есть такие молоденькие женщины, которые теряются, когда у них на уроке бузят. Такое уже бывало.

Ошеломленного Люсьена ввели в кабинет директора. Ему показалось, что он предстал перед судом. Позади письменного стола, между директором и надзирателем, держался какой-то толстяк с густыми, как щетка, усами, которые придавали ему высокомерный вид.

— Шайу, Люсьен, восьмой класс, специализация — современные языки, — сообщил директор. — Подойдите, Шайу! У полицейского инспектора г-на Шеро к вам, а также к вашим товарищам несколько вопросов. Отвечайте откровенно. Дело серьезное. Исчезла мадемуазель Шателье. Вполне понятно, ее родители обратились в полицию, и вот первые же полученные сведения вызывают тревогу. С вечера пятницы ее никто не видел. Ее нет дома, однако ее машина по-прежнему на стоянке. Накануне

исчезновения, если мне память не изменяет, в ее классе произошел серьезный инцидент, за который вы несете ответственность. Что произошло на самом деле?

Мадемуазель Шателье... Элиана... Для Люсьена это как бы два разных человека. Он в полном замешательстве. Боится сказать лишнего или, наоборот, слишком мало. Полицейский берет слово:

— Вы вели себя нагло?

— Нет, несколько.

— Как давно вы и ваши товарищи учиняете беспорядки на уроках?

— С тех пор, как ей передали этот класс, — вмешивается надзиратель. — Несколько недель.

— Вы болтали? Поднимали крик? Бросали бумажные шарики?

Директор не может сдержать улыбку.

— Так было давно. В те времена, когда безобразия с их стороны были не более чем милые шуточки. А теперь эти господа позволяют себе куда больше, правда, Шайу? Нет нужды нападать на преподавателя. Его уничтожают, ликвидируют. Он уже ничего не значит. Ведут себя так, словно его нет на свете.

— Понимаю, — говорит полицейский. — Она выглядела подавленной?

— Я не заметил, — пролепетал Люсьен.

— Уже случалось так, что она внезапно выходила из класса, оставляя учеников?

— Нет, — сказал надзиратель. — Но совершенно очевидно, что в тот раз она просто бежала. По-моему, она сломалась, и в таком случае можно ожидать худшего.

— Когда она вышла, — продолжал полицейский, — у вас не создалось впечатления, что она потеряла голову, не отдавала себе отчета в том, что делает?

— Нет, — сказал Люсьен. — У меня не создалось такого впечатления, но...

Надзиратель вмешался.

— Спросите лучше, что они делали, он и его дружки. А? Шайу, что вы делали?.. Я вам скажу что. Они ликовали! Вы-таки ее доконали, бедную девушку.

— Нет, — воспротивился Люсьен. — Конечно, нет. Мы, пожалуй, тогда испугались.

— Поняли все-таки, что зашли чересчур далеко, — заметил полицейский.

Директор напустил на себя суровость.

— Шайу, мы не хотим на вас давить, особенно теперь. Мне известно, в каком состоянии ваш друг Корбино... Мы просто призываем вас к ответственности. Представьте, что с мадемуазель Шателье что-то случилось. Каковы должны быть угрызения совести! Я не настаиваю. Более того, считаю, что вы уже понесли наказание. Наказывать вас, как я собирался, сейчас бесполезно. Задумайтесь, Шайу. Как сказал известный автор: *«Наши поступки следуют за нами!»** Я желаю, чтобы ваши поступки не возымели пагубных последствий.

* Изречение Поля Бурже (1852—1935); реминисценция из Библии.

Опять громкие слова! Люсьен их ненавидит. «Говори, говори, — думает он, — а мне, однако, пора позаботиться о ее жратве».

Полицейский что-то записал, закрыл записную книжку.

— Возможно, мне понадобится снова побеседовать с этим мальчиком, — сказал он. — Если я правильно понял, смутьян-то именно он.

— Он и его друг Корбино, — ответил директор. — Но Корбино стал жертвой автокатастрофы. Он между жизнью и смертью.

— Я допрошу других... Лично меня удивляет, что мадемуазель Шателье подождала сутки, чтобы... Ведь это так, не правда ли? В пятницу она благополучно провела занятия?

— Благополучно, верно.

— И в тот день абсолютно ничего не произошло?

— Ничего.

Полицейский жестко посмотрел на Люсьена:

— Мы с вами еще не все закончили. Можете идти!

«Смутьян». Он посмел сказать «смутьян»; это, конечно, словцо профессионала, который привык допрашивать всякую шпану, хулиганье. И это вызывало дурноту. А самое главное, выявляло своего рода полное безразличие к истине. Сразу же этикетка, поспешно указанное перстом место: смутьян. Попался, виновник!

Люсьена охватила паника. Он прекрасно знал, что товарищи не будут мучиться угрызениями совести. Дадут показания против него. Что делать? Все утро он выстраивал сумбурные планы. И то и дело приходил к одному заключению: «Раз она не покончила с собой... Раз я могу доказать, что она жива...» Да, но каким образом? Уговорить кого-нибудь заменить Эрве? Вдвоем можно было бы вернуться к первоначальному плану... при условии, что раздобуду машину. Однако!.. Ни у кого ведь не хватит смелости помочь ему, особенно теперь, когда вмешалась полиция. Нет, нужно еще что-то придумать, да поскорее!

Мысль, промелькнувшая было в голове, стала отчетливее. Может, не такой уж это бред: раз необходимо немедленно сбить с толку этого офицера полиции... Шеро... В общем, единственное, что остается, — это потребовать выкуп. Таким образом, будет доказано, что Элиана жива, и им попросту перестанут интересоваться. Убить двух зайцев! Но не слишком ли его занесло? Неужели опасность настолько реальна? Люсьен никак не мог забыть взгляд этого Шеро, его многозначительную фразу: «Мы с вами еще не все закончили». Сволочь, мерзкий тип. Он-то способен связаться с... «Если только отец об этом узнает, он меня силой засадит к иезуитам. И тогда...» Люсьен чувствовал, что его загнали в угол. Если нельзя больше общаться с Элианой, лучше уж сразу во всем признаться. А признаться — самое ужасное, что может быть. Не стоит забывать, что Эрве, не исключено, вот-вот придет в себя. Люсьен представил себе, как полицейский, стоя у изголовья друга, сурово допрашивает его. Значит, бороться за двоих придется ему, Люсьену.

Но потребовать выкуп! Переступить через такой барьер!.. Это ведь значит сжечь мосты!

Когда в полдень он вернулся домой, он так еще ничего и не решил.

— Ну и дела у вас в школе,— сказала Марта.— Сегодня утром сын мне рассказывал. Кажется, разыскивают кого-то из ваших учителей.

— И он занимается этим делом?

— Нет, не он. Но он слышал от коллег. Называл мадемуазель Шариле.

— Шателье.

— Может, и так. Родители ее приехали. Пришлось вызывать слесаря, чтобы открыть квартиру... Это дело ведет Шеро, друг моего сына.

— Вы с ним знакомы?

— Поль приглашал его раза два-три домой.

— И что это за человек?

— О! Поля послушаешь — Шеро горит на работе... Надо же, какое несчастье! Что с ней могло случиться, с бедной барышней?

— Что-нибудь уже удалось установить?

— Я не спрашивала. Он мне, конечно, расскажет. У него ведь никого, кроме меня. Поневоле делится.

— Что вы тут шушукаетесь? — спросил доктор, входя в столовую.

— Мы говорим о той бедной девушке, которая исчезла,— сказала Марта.

— О какой девушке?

— О моей математичке, ее разыскивает полиция,— сказал Люсьен.

Доктор нахмурился.

— Полиция! Она что, совершила что-нибудь дурное?

— Нет, но никто не знает, где она.

Явно озабоченный, доктор сел.

— Мне это не нравится. Подавайте, Марта. А ты расскажи, в чем дело.

Чтобы умаслить отца, Люсьен начал с более приятных вещей.

— Директор отменил наказание из-за несчастья с Эрве. Как он там?

— Без изменений. Опасный период пока не кончился. Но ты мне зубы не заговаривай. Итак, что директор?

— Ну, он нас расспрашивал, меня и ребят, в присутствии сыщика.

— Ты что, не можешь сказать: полицейского, а? Что ему нужно, полицейскому?

— А! Откуда мне знать? Кажется, он думает, что она покончила с собой...

Доктор замер с вилкой в руке.

— Из-за вас? Ведь так?

— О, не обязательно из-за нас,— возразил Люсьен.— И потом, это ведь только предположение.

— Надеюсь.

Доктор молча принялся за еду. Люсьен тем временем вернулся к идее выкупа. Хотелось бы ее исключить. Мерзко со всех точек зрения думать об этом в присутствии отца. В сущности, славный мужик — отец. Не зануда, скорее молчалив. Все-таки сносный.

Если бы он узнал правду, заболел бы. «Словом, придется продолжать, — размышлял Люсьен. — И ради него, и ради самого себя. От этого воротит, от этой истории с выкупом. Но у меня нет выбора».

— Папа, ты не хочешь десерта?

— Нет. Я тороплюсь. Держи меня в курсе, ладно? Все это при-
скорбно.

Он буквально пулей вылетел из дома. Люсьен закончил завтрак. Сожалел, что не очень внимательно читал газеты, когда в живописных подробностях рассказывалось о похищениях, сопровождаемых требованиями о выкупе. Как при этом действовали преступники? Чуть ли не каждый день печать разъясняла на этот счет, что к чему. Зря он не обращал внимания, и все из-за Эрве, который утврждал, что пресса продажная, продается крупному капиталу. Однако Люсьен не совсем без понятия насчет похищения людей: во-первых, звонят по телефону, чтобы сообщить, какова сумма выкупа; во-вторых, предупреждают семью, что в случае, если она известит полицию, может произойти непоправимое; в-третьих, указывают пустынное место, куда следует доставить деньги. Классический неменяющийся сценарий, зато и опасный! Особенно в отношении третьего пункта. И все это предстояло разработать, причем незамедлительно! Как сомнамбула, Люсьен вернулся в лицей.

242

Не говорили ни о чем ином, как о таинственном исчезновении молодой учительницы. Пустые пересуды. Что действительно стоило внимания, так это в первую очередь точное определение суммы выкупа. Люсьен привык считать на миллионы. Когда с Эрве он играл в покер, они изготовляли условные банковские билеты по пятьсот и тысяче долларов — больше смахивало на ковбойские фильмы. Выигрывали друг у друга огромные суммы. А теперь вот он приходил к выводу, что не имеет ни малейшего представления о цене вещей. За определенными пределами, а именно — его ежемесячного пособия, деньги теряли для него всякий смысл. Если он затребует слишком много, переговоры провалятся. Если недостаточно... Но, честно говоря, намерен ли он завладеть деньгами? Не самое ли главное изобрести ложный след, заставить думать, что Элиана в руках людей, совершенно посторонних, не имеющих ни малейшего отношения к лицу? Конечно, это значит попасть из огня да в полымя. Но каждый выигранный день отодвигает срок платежа. Люсьену казалось, что он катится с крутой горы. Пока катишься, ты жив, и не исключено, что за что-нибудь зацепишься.

После четырех часов он купил хлеба и мороженой рыбы, которую можно было бы поджарить на плитке. Отправился в путь, предусмотрев полчаса, и не более того, на беседу с Элианой, так как затем предстояло тщательно разработать план, детали которого от него пока ускользали.

На горизонте небо очистилось, и на воде, по диагонали, сверкала длинная полоса света. Дорога высохла и затвердела, и едва уловимые дрожащие испарения на крыше означали, что и она высыхала. Он вошел и тотчас услышал шаги Элианы, словно стук козьих копыт.

— А, наконец-то! — воскликнула она. — К чему столько предо-

сторожностей? Ты ведь догадываешься, что у меня для размышлений сколько угодно времени. Поговорим серьезно, Филипп. Сколько ты хочешь?

Люсьен не ожидал этого вопроса, который, пожалуй, соответствовал его планам. Он развернул рыбу и принялся готовить ее на плитке.

— Нет нужды подсовывать мне под дверь бумажки, — продолжала она. — Я тебя узнала. Ты предпочитаешь молчать, потому что тебе стыдно? Но никому, и уж тем более женщине, ты не поручил бы тут меня караулить. Ведь женщина может дрогнуть. И потом, неужели ты думаешь, женщине придет в голову нарвать для меня подснежников? Это уж оплошность мужчины. Ты выдал себя, Филипп. Цветы — это очень мило. Я ведь знаю, ты не злой. Тогда почему же ты обращаешься со мной подобным образом? И ведь ты меня, однако, любил. Я уверена: ты любил меня. Есть вещи, которые не позволяют обмануться... Вспомни о нашей первой ночи...

Люсьен, похолодев, слушал.

— Помнишь, Филипп?.. Скромный ужин вдвоем в той самой комнате, в гостинице... Ты был веселый и такой нежный... Я уверена, что потом ты изменился под влиянием женщины. Потому что ты слабак. Уверю тебя, я не хочу говорить тебе неприятные вещи. Но ведь правда, ты встречаешься со многими людьми. Как же ты дал себе заморочить голову? Кто кому сказал: «А ну-ка обчистим эту дуреху?» Она, небось, признайся. А теперь, может, и не знаешь, как выпутаться. Видишь, даже возразить нечего. Филипп... Одно только слово... И, может, я смогу забыть.

«Ей на меня наплевать, — подумал Люсьен. — Сейчас я тебе покажу, что у него за душой, у твоего Филиппа, недотепа!»

Он вырвал листок из блокнота и написал: 80 МИЛЛИОНОВ, — затем исправил, так как Филипп, без сомнения, считал в крупных франках: 800 000. Сунул бумажку под дверь. За дверью вскрикнули от изумления и гнева, затем воцарилась долгая тишина. Рыба начала пригорать, запахло горелым. Люсьен подполз на четвереньках, погасил огонь и тотчас же снова сел у двери.

— Ты сошел с ума, бедный мой Филипп, — сказала она наконец. — А я-то думала... (Всхлипывание). Как же ты низко пал. Предупреждаю, этого не будет. И когда я выйду...

Внезапно она умолкла. Поняла, что, быть может, никогда отсюда не выйдет. Филиппу не грозило разоблачение. Она размышляла, и Люсьен кожей чувствовал эту тяжкую умственную работу. Страдал не меньше, чем она.

— Предлагаю сделку, — сказала она. — Спроси у них сто тысяч франков. Они сумеют собрать такую сумму без чрезмерных потерь, а я обещаю тебе, что буду молчать. Но, клянусь, извлеку из этого урок. В будущем мужчины... — Она понизила голос. — Пусть попробует, попадется мне хоть один!

Наконец вернулся тон, который бывал у нее на уроках, когда она пыталась заставить себя слушаться. Он написал: 700 000. Это было сильнее его. Хотелось мучить ее, чтобы отомстить... за все, за те ночи, которые она провела с Филиппом, и даже... не выразишь это словами... за нежность, которой он был обделен.

— Семьсот тысяч франков! — воскликнула она. — С ума сошел! Филипп, ты что! Я же объяснила тебе, что когда мой отец продал скобяную лавку, он думал, что может жить на ренту. Но ведь ты сам занимаешься торговлей, словом, кому, как не тебе, знать, что деньги каждый день падают в цене. Ты что, хочешь по миру нас пустить? Да?

Она подождала, затем молвила:

— Двести тысяч.

НЕТ. 600 000.

На этот раз она не сдерживалась, плакала. Не в силах говорить, она, в свою очередь, написала на той же записке карандашом с толстым вставным грифелем:

300.000. Это все, что они могут.

Люсьен перевернул записку.

500.000 ЭТО ПРЕДЕЛ. И ПОКЛЯНЕШЬСЯ ГОЛОВОЙ СВОЕЙ МАТЕРИ, ЧТО БУДЕШЬ МОЛЧАТЬ.

Она высморкалась. А он думал: «Недурно зашибают монету в скобяной лавке. Нечего мне лапшу на уши вешать!» Он забыл, что собирался вернуть деньги, если удастся захватить всю сумму. Влез в шкуру Филиппа. Стоял на своем, навязывая волю молодого мужчины. Поскольку она не шелохнулась за дверью, он отправил ей новую записку.

ПОКЛЯНИСЬ.

— Клянусь, — прошептала она.

Он расслабился, опершись о деревянную створку. Извелся сам, но был доволен. Пятьдесят миллионов, это, конечно, много, но если иметь в виду нынешние цены, — очень даже умеренно. Родители сразу же сделают все необходимое. Сейчас пятница. В субботу и воскресенье банки закрыты. Значит, деньги отпустят в понедельник. Поздно вечером. Дальше... Он не знал, что дальше, придется импровизировать. До сих пор не так уж плохо получается. Он встал, прислонился к двери. Никогда не забудет он эту лачугу, слабо освещаемую светом свечи, — дом с привидениями. Пальцем потрогал поджаренную корочку рыбы. Она была еще теплой. Он написал новый приказ.

ЛОЖИСЬ. А ЗАТЕМ ПОТОРОПИСЬ С ЕДОЙ. БЫСТРО ОСТЫВАЕТ.

Он прислушался к скрипу пружин и в приоткрытую дверь быстро сунул тарелку с едой. На этот раз она не встала. «Наверное, я переборщил, — подумал он. — Если она еще тут объявит голодовку, это я уже не буду знать, что делать!» Он замер и долго не шевелился. «Так. Хочет доконать меня молчанием. Ясно!» Погасил свечу и вышел.

Теперь надвигался страх, страх нового свойства — совершить ошибку, вызывающую прямое попадание молнии. Пока вел машину, думал, откуда лучше звонить родителям. Вспомнил, что недавно человек звонил из автомата. Одну кабину он присмотрел: на площади порта Коммюно. Но прежде придется заглянуть в местное почтовое отделение, отыскать в телефонной книге номер телефона гостиницы. «Отель Сантраль», — сказала Элиана. Была также еще одна не терпящая отлагательств проблема. Пятьдесят

миллионов — должно быть, огромная куча купюр. Отец Элианы скорее всего уложит их в чемодан. А может, и чемодана недостаточно. Как же перетащить такой трофей на легком мотоцикле? Где спрятать? Чем больше он анализировал свой план, тем больше осознавал масштаб возникающих трудностей. Все это становилось слишком сложным для него. Он был похож на канатоходца, которого внезапно охватило головокружение.

Быстро подсчитал: пятьдесят миллионов в купюрах по десять тысяч?.. Количество нулей ошеломляющее. Предпочел пересчитать — пятьсот тысяч в сотенных купюрах. Результат удивительный. Всего пять тысяч купюр! Он снова пересчитал, чуть было не зевнул на красный свет. Да, пять тысяч купюр. А ведь одна купюра почти ничего не весит. Можно выяснить после обеда, когда он останется один, положить несколько штук на весы. Так или иначе, пятьдесят миллионов затребовать можно, сверток не будет ни слишком объемистым, ни чересчур тяжелым.

Он остановился перед зданием почты, замком заблокировал колесо. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь увел драгоценную машину. Номер телефона отеля долго искать не пришлось. Если, не дай Бог, родители Элианы остановились где-нибудь в другом месте, все пропало. Он направился к порту Коммюно, и, когда проезжал мимо дневального префектуры, в голову пришла новая мысль. Ну, разумеется, любой ценой надо завладеть выкупом. А когда деньги будут в его распоряжении, он сумеет сказать Элиане всю правду. Исход авантюры, казавшийся еще минуту назад неопределенным, теперь представал во всей ослепительной простоте. Вдруг стало ясно, как следует разговаривать.

«Вот миллионы. Возвращаю их вам. Но взамен вы будете молчать. Чтобы избежать скандала, в котором, кстати, вы стали бы первой жертвой!» И тогда он объяснил бы ей, в результате какого стечения обстоятельств ему пришлось держать ее в заточении.

Вначале, надо полагать, она разозлится. Но небось обрадуется, что выпарапает эти миллионы, которые она уже считала утерянными, а главное, наверное, ей станет жалко Эрве. Само собой, он извинился бы за то, что невольно выслушал признания, которые она сделала насчет Филиппа. Момент самый что ни на есть деликатный. Возможно, она не будет склонна прощать. Но уж, наверное, ей придется признать, что он всегда был искренним, более того, не переставал быть невиновным. И в самом деле, он чувствовал себя ни в чем неповинным, когда притормозил у кабины.

Люсьен поставил мотоцикл на прикол у кромки тротуара, но все не мог решиться. Как тяжело идти до конца! Подумалось об Эрве. Он оглядел загроможденную машинами площадь, сиреневое небо над зажженными фонарями, мир чужих людей, которые мирно возвращались домой... Ну же! Надо действовать! Пошарил по карманам в поисках монеты. Но голос, Боже, голос! Как его изменить? Нельзя же рот заткнуть носовым платком, ведь прохожие то и дело едва не касаются стеклянной кабины, открытой как на ладони. Придется шептать, вместо того чтобы пытаться басить. Он закрылся в кабине, постарался поудобнее повернуться спиной к улице, согнуться наподобие ниши, прижавшись в углу между

стенками, дабы уединиться, когда послышится голос, которому предстоит отвечать. Он набрал номер, услышал голос телефонистки:

— «Отель Сантраль».

— Я просил бы соединить меня с господином Шателье.

— Говорите громче.

— С господином Шателье, пожалуйста.

Он сразу охрип. Закашлялся.

— Соединяю.

Глаза залило потом. Он уже не знал, о чем говорить.

— Шателье у телефона.

Говорит торопливо, будто запыхался. Видно, бедняга уже много часов подряд ждет звонка.

— Это по поводу вашей дочери. С ней не случилось ничего плохого... — сказал Люсьен. — Теперь все зависит от вас. В ваших же интересах советуем не предупреждать полицию.

Он доволен, что заранее продумал эту формулировку во множественном числе. Станным образом почувствовал облегчение, словно рядом были сообщники.

— Как вы докажете, что Элиана жива и находится в ваших руках?

Люсьен повысил голос.

— Доставим вам записку за ее подписью... Мы требуем пятьдесят миллионов старых франков в десяти тысячных купюрах. Иначе...

Увесистое «иначе» подразумевало наихудшие угрозы. С каждой минутой Люсьен чувствовал себя все более уверенно.

— Но у меня их нет, как вы понимаете, — ответил отец Шателье. — Надо ехать в Тур.

— Выпутьвайтесь, как знаете. Деньги должны быть доставлены в понедельник на место, которое вам будет указано. Вашу дочь освободят во вторник. Разве что...

— Но вы поклянетесь, что она жива?

В пылу импровизации Люсьен обронил великолепную фразу:

— Разве убивают за пятьдесят миллионов?

Он повесил трубку и вышел из узкой кабины, где начинал задыхаться. Итак, свершилось! Нет ничего труднее этого. Конечно, главная опасность еще впереди. Пока что полиция приняла версию самоубийства, но в то же время небось не исключает и возможность убийства. Да и телефон в гостинице может прослушиваться — на всякий случай. Но сыщики, как правило, остаются в стороне, пока пленница не окажется на свободе. Обвести их вокруг пальца предстоит скорее всего после получения выкупа. А пока бояться нечего.

Люсьен сел на мотоцикл и направился на вокзал — проверить кое-что, не дававшее ему покоя. Он очень быстро успокоился, изучив расписание поездов. Был один поезд, отправлявшийся в девять и прибывавший в Тур в одиннадцать, был также другой, с которым можно было вернуться в семнадцать часов. Если допустить, что папаша Шателье выедет в Тур только в понедельник, поскольку банки по субботам и воскресеньям закрыты, раздобыть деньги в нужный срок ему будет нетрудно.

Шесть тридцать. Слишком поздно, чтобы сделать крик и захватить в госпиталь. «Держись, старина Эрве. Чувствую, все будет в порядке!»

Люсьен вернулся домой. Лицей, хижина на болотах, дом, госпиталь... сколько времени он кружит без передышки в одном и том же порочном кругу? Дней восемь, точно. Всего лишь восемь дней! Он бы не удивился, если б поседел. Весы для писем, которыми никто никогда не пользовался, были задвинуты в угол книжного шкафа, на конец полки, заставленной книгами по медицине, которые доктор давно уже не открывал. Люсьен вытер покрывавшую их пыль и очень ровно поставил на стол, затем взвесил три стофранковых купюры и быстро посчитал. Пять тысяч купюр весят пять килограммов, что-то в этом роде. Он ожидал большего и был удовлетворен. Теперь предстояло найти идеальное место, где Шателье придется оставить свои деньги. Место достаточно удаленное... за которым легко можно было бы наблюдать, чтобы избежать ловушки... место достаточно пустынное к вечеру, чтобы действовать без свидетелей...

Люсьен великолепно знал город и предпочел квартал, который строился между Нантом и Шантенэ. Множество строек. Надо бы осмотреть место, но он уже знал, что выбор сделан правильно. Предстоит только придумать некий хитроумный трюк, чтобы помешать возможной слежке, что-нибудь такое, что, в случае чего, застало бы врасплох полицию. Вплоть до обеда он погружался в мучительные раздумья, строя планы, от которых тут же отказывался ввиду их рискованности или излишней сложности. Он так и не придумал ничего подходящего, когда сел за стол. Отец уже перешел к десерту. Еще два-три срочных вызова. Эпидемия гриппа.

— Есть ли новости о твоей учительнице? — спросил он.

— Вряд ли.

— Полиция не возвращалась?

— Нет. А как Эрве?

— Хорошего мало. Он слабеет. Я не хочу сказать, что его состояние безнадежное. Но и обманывать тебя не хочу... Если ты заедешь в гараж, главное — ни слова. Я сочувствую этим бедным людям. — Доктор поискал сигареты. — Ты не видел начатую пачку?.. Не посмотришь ли у меня в кабинете, пока я пью кофе? С некоторых пор я теряю все на свете.

Люсьен принес пачку сигарет и коробок спичек.

— Извини, Люсьен, малыш, — продолжал доктор, чиркая спичкой. — Я еще не пользовался зажигалкой, которую ты мне подарил. Конечно, она не потерялась... Но у меня голова буквально забита... Иногда я говорю себе, что ты прав. Не будь врачом. Слишком тяжелое дело. И такое одиночество!

Он залпом выпил кофе и вышел. А Люсьен поднялся в свою комнату, выбрал самую громкую пластинку и задумался о проблеме выкупа. Как без риска хапануть деньги? Заснул он, не раздеваясь.

На следующее утро Люсьен вычеркнул в календаре еще один

день и отправился в порт Коммюно звонить Шателье. Ему пришла в голову одна, пока что довольно туманная мысль. К телефону подошла госпожа Шателье.

— Вы не извещали полицию?

— Нет, месье... Вы по крайней мере не причините ей зла?.. Умоляю вас... Муж уехал на машине... Вернется в понедельник утром. — Она не переставая плакала.

— Какая у него машина? — спросил раздраженный Люсьен.

— Вы хотите сказать, какая марка машины?.. Симка... Симка с кузовом «универсал»... Это имеет значение?

— Нет. Ваша дочь вернется во вторник.

— Она такая хрупкая! Будьте осторожны. Она принимает лекарство, капли...

Он повесил трубку.

Люсьен заехал к Корбино заправиться. Мадлен была в кабине: в халате, без косметики, она казалась постаревшей и больной.

— Дела неважные, — сказала она. — Сделали переливание крови. Плохое давление.

— А что думает хирург?

— Ничего. По-прежнему ничего определенного сказать не хочет. Мама еще надеется, но я... — Голос бесцветный, говорит слонно во сне. — А вся эта писанина... если бы еще нас оставили в покое... — добавила она.

— Я съезжу к нему.

— Как хочешь, только он так и не приходил в сознание. Что тут можно...

Люсьен, совсем упав духом, уехал. Он-то из кожи вон лез, и ради чего? Чтобы исправить становящуюся все более и более скандальной глупость! Только сейчас не может быть и речи о том, чтобы выйти из игры. Он чувствовал себя обязанным хранить верность Эрве до конца. Во имя чего-то такого, что похоже на честь. Это ясная сторона всей затеи. Что касается темной стороны... У него, возможно, будет время об этом подумать, если его арестует полиция.

Люсьен вернулся в магазин «Призюник», накупил консервных банок, ветчины, хлеба, несколько бутылок минеральной воды, выбрал крепкий консервный нож. Трое суток! Надо полагать, она запросто продержится еще трое суток! Не столько она, сколько Эрве достоин сострадания. Это она в ответе за все, что случилось.

Он повернул на дорогу Сюсе: его уже мутило оттого, что надо без конца колесить взад-вперед. Солнце припекало. С тыльной стороны кюветов на кустах проклюнулись почки. Как печальна эта мнимая, бесполезная для Эрве весна. Он поставил мотоцикл во дворике, открыл дверь, поспешно перенес на кухню пакет, привязанный к багажнику, постучал в дверь.

— Я здесь, — сказала Элиана. — А ты что думал?

Люсьен написал:

Я ПРИНЕС ПРОДУКТЫ. НЕ ВСТАВАЙ.

Она вернула записку, не сказав ни слова. Согласно установленному порядку, Люсьен переложил продукты в комнату. Затем взялся за блокнот, чтобы сообщить новые инструкции.

ТЕБЯ ОСВОБОДЯТ ВО ВТОРНИК. ТВОИ РОДИТЕЛИ СДЕЛАЮТ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ. НАПИШИ ПАРУ СЛОВ НА ЭТОМ ЛИСТКЕ, ЧТОБЫ ИХ ОБНАДЕЖИТЬ.

Он подождал, когда вернется листок, который тут же проскользнул обратно из-под двери.

Не беспокойтесь. Все хорошо. Целую.

Элиана, — прочел он.

Почерк немного неровный, но в конце концов записка должна свидетельствовать Шателье, что дочь жива, и это придаст старикам мужества. Люсьен вырвал еще один листок.

У ТЕБЯ ОСТАЛИСЬ СВЕЧИ?

— Да. Но мне нужен аспирин. Сильная мигрень. Я здесь задыхаюсь.

МОЖЕШЬ ПОДОЖДАТЬ ДО ЗАВТРА?

— Ждать! Ждать! — крикнула она. — Я только и делаю, что жду. Того гляди, заболēju. Вот так-то! Ты небось доволен? Ты этого хочешь? А меня уже ноги не держат.

Люсьен прикинул, что у него как раз хватит времени, чтобы быстро добраться до аптеки на площади Ансьен-Октруа, вернуться и наконец подскокить домой как раз ко второму завтраку.

Он немедленно отправился в путь. Рядом с аптекой был табачный киоск, где продавались газеты. В небольшой листовке сообщались основные новости; как удар молота, оглушил огромный заголовок: *Таинственное исчезновение в Нанте*. Дрожащими руками Люсьен поднес к глазам «Уэст-Франс».

Исчезла молодая девушка, преподавательница лицея Марка-Эльдера. Он залпом прочел статью на первой странице.

Вот уже более недели, как мадемуазель Элиана Шателье, преподаватель математики в лицее Марка-Эльдера, не возвращается домой. Вполне понятно, что встревоженные родители обратились в полицию. Полицейские прибыли в однокомнатную квартиру, занимаемую девушкой, с целью самого тщательного осмотра. В результате обнаружено письмо, не оставляющее никаких сомнений насчет характера отношений несчастной с неким М. Х., чья личность не установлена. Не исключено, что именно здесь берет начало некий след. Комиссар Мешен ведет энергичный розыск, однако отказывается от каких бы то ни было заявлений. Судя по всему, речь идет о похищении, а, как известно, в подобных случаях благоразумнее всего соблюдать сдержанность. Поэтому мы не можем связаться с родными жертвы. В момент публикации сообщения нам еще не известно, было ли предъявлено требование выкупа. В лицее, где мадемуазель Шателье все ценили за компетентность и доброжелательность, царит растерянность.

Потрясенный Люсьен не знал, что делать. Доброжелательность, доброжелательность... Слово, как мигрень, стучало в голове. На что решиться? Капитулировать, выпустить ее немедленно? Или, напротив, продолжать начатое? Несмотря на смятение, он прекрасно понимал, что, для того чтобы удержать позицию силы, необходимо любой ценой завладеть выкупом. Деньги взамен на обещание Элианы хранить молчание. В водовороте мыслей уверенность такого рода оставалась неколебимой. С другой стороны,

очевидно, что как раз в этот момент полиция взяла ложный след. Как только он успокоился, он подумал, не менялась ли в конечном счете ситуация в его пользу? Происходящее было неизбежностью. Днем раньше, днем позже газеты должны были бы писать об этом деле. И вот оно разразилось, как удар грома, но некоторым образом далеко от него. Если бы ему удался некий хитроумный план — в общих чертах он уже складывался у него в голове, — полиция тщетно пыталась бы засесть его по телефону, когда он будет говорить с Шателье; он сумел бы ее провести.

В самом деле, какие у нее основания интересоваться тем, что какой-то мальчишка ездит взад-вперед? Какое везение, что до сих пор все называли его «мальчишкой»! Кстати, взад-вперед он ездить не будет. Будет действовать по принципу внезапности.

Люсьен положил газету в карман и, слегка успокоившись, вошел в аптеку. Ему тоже очень нужен аспирин. Он купил упаковку и, задумавшись над статьей в «Уэст-Франс», отправился в обратный путь. Теперь уже печать натешится властью. Что уж говорить о телеке! Казалось, он двигается по сцене в лучах прожекторов, став объектом всеобщей ненависти. Месье Хайд, вот что он такое. Его отец — доктор Джекилл, а он — месье Хайд. Чудовище, которое снится по ночам! Он испытывал смешанное с ужасом горькое удовлетворение. Добрался до хижины, проглотил таблетку, которая чуть не застряла в горле, и сунул записку.

ВОТ АСПИРИН.

Затем приоткрыл дверь. Она чуть не вырвала листок из рук. Давно ожидая момент, когда можно будет действовать, Элиана изо всех сил потянула дверь на себя.

Он крикнул:

— Отпустите! Немедленно отпустите!

Уперся одной ногой в стену, подтягивая к себе сантиметр за сантиметром скрипевшую створку.

— Если вы не отпустите...

Она внезапно уступила, и дверь с грохотом захлопнулась. Он повернул ключ в скважине, глубоко вздохнул. И только тогда осознал, какую неосторожность только что допустил. Он заговорил. Теперь Элиана стучала кулаком.

— Вы не Филипп? Кто вы?

По ту и другую сторону двери они медленно пытались прийти в себя после схватки.

Люсьен дрожал всем телом, словно чудом избежал смерти. Недобросовестность этой шлюшки возмущала его. Если б он мог, он дал бы ей пощечину. Еще немного, и она улизнула бы. А что если она узнала его по голосу? Теперь молчит. Он пытался разобраться в том, что произошло: если она его узнала, она успокоится и потребует открыть дверь. Разве что... Интересно, что творится в ее голове? А может, наоборот, она просто испугалась. Или в ее голове зреют против него столь необузданные мысли, что она уже не пойдет ни на какие переговоры, когда он приедет, чтобы выпустить ее? С трудом уняв волнение, из-за которого дрожала рука, он написал:

БОЛЬШЕ Я ДВЕРЬ НЕ ОТКРОЮ. ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ТЕБЯ.

Записку вернули без комментариев. Он взвесил за и против,

словно речь шла о пари. Узнали его или нет, ничего в своих планах он менять не будет. Так или иначе, баш на баш. «Я тебя выпускаю на волю и возвращаю деньги, а ты мне гарантируешь безнаказанность». Одиночество и усталость в конце концов сломят сопротивление. Но какое разочарование! Эта женщина, которой он столько отдал, о которой столько думал, да еще с таким волнением... Значит, все окончится вот так, в ненависти и злопачестве? Он сделал последнюю попытку.

ДО ВТОРНИКА. РАНЬШЕ НЕ ВЕРНУСЬ.

Ему хотелось услышать ее голос еще раз, под каким-нибудь предлогом возобновить диалог. В ответ — молчание. Он погасил свечу и надежно запер входную дверь. Когда уходил, обернулся и с грустью посмотрел на дом. Мужчины именно это называют разрывом? Это пакостное состояние души, эта мешанина из ненависти и боли, нечто ужасное, имеющее форму, вес, живущее в теле, как животное, что ж это?... Словом, лучше навсегда остаться ребенком!

Вечерело. Если отец уже вернулся, сцены не миновать. Он заторопился. Доктор беседовал с Мартой. Обсуждали случившееся.

— Я говорила тебе, — пояснила она, — что эта бедная барышня была неосторожной. В мое время в кого попало не влюблялись. Человек, у которого долги! Не мешало бы прежде навести справки.

— А что... называли кого-нибудь конкретно? — спросил Люсьен.

— Сын мне не сказал. Рассказал только о письме, которое коллеги обнаружили у нее дома. Этот Филипп... он так подписывается — Филипп пишет, что купил стереосистему. Я, правда, не знаю, что это такое. В общем, денег у него нет, чтобы за нее заплатить, а с него требуют. До конца месяца ему нужно достать шесть тысяч пятьсот франков. Ничего себе, пустяки!

— Надо полагать, — сказал доктор, — полиция обошла в округе всех торговцев, у которых продается подобная аппаратура. Видимо, следствие не замедлит дать результаты.

— Хорошо бы! Но что за люди!.. Сегодня не успеешь и глазом моргнуть, как тебя похищают. Тащат деньги прямо из кармана... То, что я говорю, между нами, а?

— Слышишь, Люсьен, — спросил доктор. — Никому ни слова... Ну, за стол, быстро! Высморкайся. Ты случайно не простудился?

Люсьен достал носовой платок и выронил записку Элианы. *Не беспокойтесь. Все хорошо. Целую.* Он быстро ее поднял и сунул в карман. Озабоченный отец ничего не заметил. Ел, как всегда, быстро, принялся уже за десерт, когда Люсьен все еще жевал мясо. Марта принесла кофе.

— В приемной уже двое больных, — сказала она.

— Что?

Казалось, его вывели из глубокого раздумья.

— А! Да. Иду!

С укоризненным видом Марта покачивала головой.

— Кое-кому следовало бы хорошенько отдохнуть, — сказала она, когда он вышел.

Люсьен отказался от десерта и кофе. Торопился. Схватил почтовый календарь и бегом — к себе в комнату. В календаре был детальный план города. Он сориентировался и выделил маленький четырехугольник позади площади Эмиля Золя. Там был квартал, к которому легко подъехать; для Шателье ни малейшего риска заблудиться. И в этом разрастающемся и строящемся квартале было полно жилых массивов в лесах, ангаров, изобилующих тайниками уголков. Полиция расставит там свою агентуру, если только не сочтет необходимым держаться в стороне, чтобы не подвергать риску жизнь пленницы.

Слегка успокоившись, Люсьен сунул записку Элианы в самый обыкновенный конверт, печатными буквами надписал адрес Шателье. Из осторожности надо бросить письмо в центре города. Начиналась захватывающая авантюра.

Люсьен снова сел на мотоцикл, пообещав самому себе, что на обратном пути заедет в госпиталь. Странно, что отец забыл сообщить ему, как дела у Эрве. Он в самом деле стал очень рассеянным. Но кто теперь не рассеянный, когда произошло столь невероятное похищение? На площади Канкло он опустил письмо в почтовый ящик и вскоре уже подъезжал к площади Эмиля Золя. Напротив автобусной остановки находился бар «Табакерка». Это будет пункт первый. Оставалось разыскать второе бистро, которое Люсьен обнаружил в конце рю де ла Конвансьон: «Кафе друзей». Мысленно он составил примерный топографический план. Бульвар де ла Либерте, видимо, выведет его к набережной Эгийон. Если квартал перекрыт, никто скорее всего не заметит в толпе заканчивавших рабочий день велосипедистов паренька с мотоциклом. Полиция наверняка будет следить за автомобилями.

Он вышел на улицу «4 сентября» и добрался до района новостроек. По случаю выходных замерли грузовики, краны, бетономешалки. Вокруг никого. Он искал место, где Шателье придется остановить машину. Окруженный частоколом пустырь показался ему подходящим местом. Он обошел пешком и внимательно осмотрел забор, в котором в разных местах были дыры, удобные для бродяг. Проникнуть внутрь и поджидать — проще простого. Он определил ориентиры: слева, сразу у входа, мощная бетономешалка, справа — забор, обклеенный афишами, расхваливающими преимущества займа Национального банка железных дорог. Выбор удачный. На малой скорости он проследовал по не четко еще обозначенному маршруту новой авеню. Рядом с группой почти отстроенных домов возвышался барак из листового железа, где рабочие складывали свои инструменты. Шателье не составит труда отыскать то место. Между бараком и стоянкой автомашины, пожалуй, будет около километра. Более чем достаточно. Теперь Люсьен ясно представлял операцию в целом. Сорваться она не должна.

С чувством удовлетворения вернулся он в город, вовремя вспомнил, что надо записать номер телефона «Табакерки», для чего зашел на центральную почту. Требовалось также вымышленное имя. Он наобум открыл телефонный справочник, закрыл

глаза и ткнул указательным пальцем на первую попавшуюся колонку. Шабре. Ролан Шабре. Почему бы нет?

В понедельник Люсьен прогулял уроки. Он был недосыгаем для угроз и наказаний. Его воля была подобна заклинившемуся рычагу управления, который никакая сила была не в состоянии вернуть в начальное положение. Он скорее всего пойдет до конца, как робот, однако хитроумный робот. В два часа прямо с почты он позвонил Шателье. К телефону подошел отец.

— Деньги у вас?

— Да.

— Вы получили письмо дочери?

— Да. Я...

— Отвечайте да или нет. Сообщили ли вы полиции о выкупе?

— Нет.

— Они о чем-нибудь подозревают?

— Да.

— То, что я вам сейчас сообщу, держите сугубо при себе. В интересах вашей дочери... Найдется ли у вас пара чемоданчиков или саквояжей?

— Да.

— В каждый из них положите по двести пятьдесят тысяч франков.

— Да.

— Вы должны быть готовы выехать в пять тридцать.

— Да.

— Сядете в свою машину.

— Да.

Люсьен повесил трубку и вернулся домой. Дальнейший ход событий прокручивался в голове так же четко, как в фильме. Он тщательно осмотрел мотоцикл, в одну из сумок положил съемник шин, взятый из набора инструментов в «пежо-504», и натянул старый плащ. В четыре пополудни отправился в путь. Его подталкивало незнакомое, почти радостное возбуждение. Он дрожал, как дрожит машина, запущенная на полную мощность. В пять он позвонил в «Отель Сантраль» из кабины, расположенной недалеко от стадиона.

— Вы готовы?

— Да.

— Вы положили сумму в два саквояжа?

— Да.

— В таком случае выезжайте в пять тридцать. Смотрите в оба. За вами никто не должен следить. Позаботьтесь об этом... Вы меня слышите?

— Да.

— Отправитесь на площадь Эмиля Золя. Это просто, в отеле вам дадут план города. На площади Эмиля Золя есть бар под названием «Табакерка». Заблудиться трудно. Там подождите следующего звонка. Спросят г-на Ролана Шабре... Запомните: Ролан Шабре.

— Да.

— Получите новые инструкции. И не вздумайте нас надуть!

Люсьен вышел из телефонной кабины. Он старался шептать, держа кисть наподобие рупора, но не был уверен, что нашел верный тон. Голос был слишком высокий. Элиана уже... Вопросы, вопросы. «Что, если она меня узнала?» Это он отверг. Вот уже два дня, как он без конца твердил одно и то же. И, однако, вопрос этот уже не имел значения, так как с завтрашнего дня... Все это изматывало, только и всего, но позволить себе отвлечься он уже не мог. Он повернул к кафе недалеко от рю де ла Конвансьон, где было полно народу, и на него, наверное, не обратят внимания.

В шесть с минутами он позвонил в «Табакерку».

— Будьте любезны, попросите, пожалуйста, г-на Ролана Шабре!

В глубине трубки прослушивался музыкальный фон, который он сразу же узнал... Сильви Вартан... Я твоя обожаемая колдунья... Сон наяву продолжался. Кончиками пальцев он отбивал на стене ритм.

— Алло... Шате... Шабре у телефона.

— Все в порядке?

— Да.

— Хвоста нет?

— Нет. Не думаю.

— В половине седьмого, не раньше, выедете на бульвар де л'Эгалите и повернете на вторую улицу направо, рю де ла Конвансьон. В самом ее конце вы найдете улицу «4 сентября». Она выведет вас в зону стройки. Вы записываете?

— Да... Эгалите... Конвансьон... «4 сентября»... стройка.

— Так. Справа вы увидите стационарную бетономешалку. Огромная штукавина. Как раз напротив находится забор, обклеенный афишами, которые рекомендуют займ Национального общества железных дорог. Остановите машину рядом.

— Да.

— Возьмите с собой один из двух саквояжей и пройдите прямо, не сворачивая, примерно один километр. Тогда по левую руку увидите бараки из листового железа. Других там нет. Обойдете вокруг, позади бараков имеется очень узкий проход; там оставите саквояж. За вами будут постоянно наблюдать. За саквояж не беспокойтесь, его заберут, как только вы уедете. Снова садитесь в машину и отправитесь в «Кафе друзей», это на углу рю де ла Конвансьон и «4 сентября». Там с вами снова выйдут на связь. Опять спросят г-на Ролана Шабре, укажут место, куда вы должны будете доставить второй саквояж. Ясно?

— Да.

— Последняя инструкция: с этой минуты никаких разговоров с кем бы то ни было. Понятно?

— Да.

Люсьен повесил трубку и вышел из кафе. У него в распоряжении по крайней мере четверть часа до появления Шателье. Этого более чем достаточно, чтобы спрятать мотоцикл за забором и осмотреть окрестности. Место стройки покидали последние рабочие. Замерли краны, устремив стрелы по направлению ветра. Остановились грузовики. Полиции вряд ли удалось засечь последний телефонный звонок Люсьена. Зато не исключено, за машиной

Шателье хвост. В таком случае одно из двух: или полиция так и не вмешается, чтобы не подвергать опасности жизнь Элианы, или кто-то издалека будет сопровождать Шателье до самых барачков в надежде выследить человека, который явится за выкупом... Но так как никто не явится!..

Люсьен без труда поставил машину по другую сторону забора. Он ждал, как притаившийся бродяга, и его охватывал стыд.

На часах шесть тридцать. В шесть сорок сверкнули автомобильные фары. Это Шателье: он приближался медленно, искал ориентиры. Вот машина остановилась у бетономешалки; старик вышел, оглядывается по сторонам. Наклонился, погасил подфарники, выпрямился, держа саквояж в руке. Запер дверцу. Люсьен не спускал с него глаз. Все должно произойти в считанные минуты. Шателье колебался, видимо, оробев при виде столь унылой картины. Наконец удалился, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться о неровности почвы.

Хвоста не было. Люсьен выжидал долго. Что, если еще одна пара глаз откуда-то следила за движениями старика? Посторонних глаз! Люсьен напрасно ежился, он чувствовал их взгляд на себе. Автомобиль — в нескольких метрах. Где все-таки может быть ловушка? Здесь или там, у подсобки? Вооружившись даже не мужеством, а фатализмом, он сделал вперед шаг, два, три. Шателье пропал из виду. Люсьен снял плащ, вложил съемник шин в рукоятку, чтобы приглушить шум, и со всего маху ударил самодельной дубинкой в правое переднее стекло. Оно разбилось вдребезги, осколки рассыпались по сиденью, не произведя того хрустального звона, которого он так опасался. Озадаченный, он прислонился спиной к капоту, словно в окружении врагов, собиравшихся его атаковать. Он бы не удивился, если бы некий голос скомандовал: «Руки вверх!» Но ночная тьма была по-прежнему пустынна.

Тогда быстро, но осторожно, чтобы не порезаться, он открыл дверцу. На сиденье стоял второй саквояж. Он схватил его и бросился бегом, чтобы успеть спрятаться за забором. Теперь его охватил, согнул пополам, как при рвоте, страх: спина покрылась жарким потом. Он выронил съемник, неловко, нервно закрепил саквояж на багажнике, накрыл его плащом. Стянул крест-накрест, закрепив все эластичными ремнями. Так что же, все кончено? Неужели теперь все эти деньги — его собственность? Двадцать пять миллионов! Выдумка с двумя саквояжами оказалась удачной! Пока этот несчастный Шателье, может, с полицией на хвосте, улетучился, бог знает где, со своими двадцатью пятью миллионами, которые в конце концов могут к нему еще вернуться, половина выкупа под носом у этих господ исчезла! Небогатая добыча, подумал бы комиссар. Однако не стоит гнушаться. Элиана могла бы довольствоваться и этим.

Люсьен выкатил мотоцикл на улицу, разбежался, чтобы не допустить треска мотора. По-прежнему никого. Не торопясь, хотя и подстегиваемый неунимавшейся паникой, он добрался до «Кафе друзей», куда вскоре должен был явиться Шателье, если только тот не догадался, что его надули. Тогда он сел на мотоцикл и включил сцепление, сошел на бульваре де ла Либерте, не встре-

тив ни одного наряда полиции. Он опять выиграл. Вернулся без каких-либо происшествий.

Хотя дома никого не было, Люсьен заперся на ключ и только затем открыл саквояж, битком набитый купюрами, уложенными в пачки, скрепленные зажимами. Оробев, он даже не посмел до них дотронуться. Запретил себе и думать о том, что можно было бы купить на такую пропасть денег. Он не сводил с них глаз напряженно, серьезно, будто видел драгоценную игрушку, выставленную в витрине. Сколько же усилия, расчетов, размышлений, сомнений, и все, чтобы этим завладеть. «Эрве, старик, если бы ты только знал!..»

Медленно, благоговейно Люсьен закрыл саквояж и рухнул в кресло, закрыв глаза. Его как будто выпотрошили. Ах! Хорошо бы заснуть, да покрепче! Но тут зазвонил телефон.

Больные, ей-богу, не знают меры. Известно, врача можно беспокоить в любое время дня и ночи, можно злоупотреблять его чувством профессионального долга. Он прошел в консультационный кабинет, схватил трубку с намерением послать нахала подалее...

— Алло... Кабинет доктора Шайу.

— Это вы, Люсьен?

Он мгновенно понял: несчастье. Этот шепот... Зять Эрве.

— Да... Это я, Люсьен.

— Эрве умер.

— Не может быть!

Не глядя, он поискал кресло, подвинул его ближе. Так тяжело бороться одному, и все напрасно...

— Когда это случилось?

— Час назад. Рядом были Мадлен и мать. Впервые после катастрофы он пришел в сознание. Попытался говорить, и Мадлен показалось, что он сказал... Она, наверное, ошиблась... Только он сказал: «Все это шутки ради». Бессмыслица. По-моему, он бредил.

Люсьен-то слишком хорошо понимал смысл этих слов. Слезы капали на телефонную трубку. Эрве, старина, мой брат!.. Он уже не слышал, о чем говорили в трубке. Эрве мертв. Как раз в ту минуту, когда съемником шин вдребезги разбивалось стекло. словно этот жест разделил друзей навеки.

— Алло... не понял.

— Я говорю,— повторил зять,— он не страдал. Улыбался, словно уносил с собой воспоминание о чем-то дорогом. В смысле реанимации было сделано все необходимое, но слишком поздно. Уйти вот так, в шестнадцать лет, ужасно. На тещу страшно смотреть. На Мадлен тоже. Вынос тела, вероятно, послезавтра. Вы сможете приехать? Если он нас видит, ему приятно будет ваше присутствие.

— Приеду.

Люсьен осторожно положил телефонную трубку, будто новость, которую только что услышал по телефону, вдруг стала хрупкой, как стекло, и, держась за перила, поднялся на второй этаж. Сел за стол, вырвал из тетради листок и начал:

Мадемуазель,

Я, Люсьен Шайу, из восьмого...

Он зачеркнул «из восьмого». Люсьен Шайу ей был знаком. Нет нужды уточнять.

Это я вас похитил вместе с Эрве Корбино.

Мы хотели пошутить.

Он чуть было не добавил «смеха ради» и вдруг рухнул: голова упала на согнутую руку. Никогда он не забудет эту фразу. Если когда-нибудь ему придет охота посмеяться, из-за этой фразы смех застрянет в горле. Он испортил страницу, разорвал ее в мелкие кусочки, взял другую, начал сызнова:

Мадемуазель,

Вас похитили двое незнакомцев. Один из них был Эрве Корбино. Другой — я, Люсьен Шайу. Мы были злы на вас, потому что вы делали нашу жизнь невыносимой, особенно мою. Но мы не собирались причинить вам зло. Хотелось только поддержать вас там пару дней, ровно столько, чтобы добиться своего. Карнавальная шутка, так сказать. Если бы все прошло без сучка, без задоринки, вы бы никогда не узнали, что это мы. Только вечером, когда мы собирались вас отпустить на свободу, Эрве попал в тяжелейшую автокатастрофу. Что я мог один сделать?

Я вынужден был держать вас взаперти. Встаньте на мое место. Я пытался, как только мог, доставлять вам еду, теплые вещи. Так или не так? И потом, когда в лицей являлась полиция и началось расследование, потому что люди думали, что, возможно, вы покончили с собой, я испугался, что меня заподозрят. Тогда я придумал устроить все таким образом, будто вас похитили из-за денег, чтобы пустить полицию по ложному следу. У ваших родителей я затребовал выкуп. И получил его. Я все вам объясню при встрече, это довольно сложно. Но половина денег у меня — я вам их верну. А ваши родители без труда заберут вторую половину. Так они ничего не потеряют. Это я все потерял, потому что Эрве только что умер...

Он остановился — выморкаться. Письмо немного облегчило душу. Но он потерял мысль и теперь не знал, как продолжить. Пришлось бы рассказывать о всей своей жизни.

...Я сожалею, что выслушивал ваши откровенные признания. Возможно, я поступил не без задней мысли. Скажу начистоту: все эти ваши истории с Филиппом мне не нравились. Вы заслуживаете лучшего...

Он зачеркнул, густо замазал фразу каракулями, чтобы она не смогла прочесть. Ей ничего не следует знать о его чувствах. Кстати, он и сам в них не разбирался. Он продолжал:

Обещаю вам, что все, что вы сказали, останется между нами. Но, когда вы прочтете это письмо, пообещайте мне, со своей стороны, что никто никогда не узнает, что мы натворили. Эрве умер. Неужели же вы захотите, чтобы люди говорили о нем: хулиган? Он этого не заслуживает. Это был достойный человек, Эрве. Он слишком торопился, когда ехал вас освободить. В сущности, если уж вы все хотите знать, вас любили. Мы просто так шумели на уроках, не со злости...

Он положил карандаш со вставным грифелем, обхватил голову руками. Затем сложил письмо и положил его в бумажник.

Хлопнула входная дверь. Он бросился навстречу отцу:

— Эрве умер.

— Ах! Бедный мальчик!

Доктор вошел на кухню и присел на уголок стола:

— Дай мне стакан воды. Я устал. Кто тебе это сказал?

— Его зять. Он умер с наступлением вечера.

— Не приходя в сознание?

Люсьен колебался: последние слова Эрве были его собственностью, он не мог уступить ее никому.

— Не приходя в сознание.

— Иначе и быть не могло,— сказал доктор.— Мы с самого начала знали, что надежды практически нет. Удивительно даже, что он так долго боролся... Еще немножко воды, пожалуйста. Спасибо.

— Папа, я...

— Ну-ну,— прошептал доктор, обнимая Люсьена за плечи.— Надо быть мужественным, малыш. Я тебя понимаю. Жизнь — такая уж штука. Те, кого мы любим, покидают нас... Но мы с тобой по крайней мере вместе. Если бы у меня было время, пасхальные каникулы вот приближаются... Я возьму небольшой отпуск. Съездим к бабушке, например.— Он встал, опершись на руку Люсьена, выдал улыбку.— И тебе, и мне плохо, так я полагаю. Тебе из-за Эрве, а мне... из-за всего. Пойду лягу. Если меня вызовут... Проще всего, конечно, отключить телефон. Я этого никогда не делал, но сегодня вечером хочется выспаться. Спокойной ночи. Одно могу тебе посоветовать: прими таблетку снотворного. Самую маленькую дозу. Для твоих лет этого достаточно. А завтра не ходи в лицей. Отдохни. До завтра, малыш.

Он вышел. Люсьен подождал, пока отец ляжет, и тоже поднялся. Прежде чем зайти в ванную, еще раз взглянул на содержимое саквояжа. Можно не сомневаться: номера купюр зафиксированы.

Надо бы предупредить Элиану. Ей долго не следует прикасаться к этим деньгам. И, кроме того, тем хуже! Она найдет выход, ничего не поделаешь.

Он проглотил две таблетки и улегся в постель. Отправиться путешествовать с отцом! Такого еще не случалось. Не исключено, это означало бы начало чего-то нового. Вдвоем? А почему бы и нет. Отцы и дети не обязательно враги. Сон сморил его, когда он очутился на бульваре Круазетт в Каннах, рядом с незнакомцем, чью фамилию он носил, в момент созерцания ночных корабликов, стоявших на вечном приколе. Он уже не знал, стал ли миллионером, или в кармане у него, как всегда, пусто. К тому же Элиана...

...Образ Элианы возник в минуту пробуждения. Ничего еще не кончено. Более того, осталось самое тяжелое.

Он быстро оделся, наскоро проглотил завтрак. Марта вошла в столовую.

— Месье сказал мне о вашем друге. Не могу опомниться.

Во что она вмешивается, эта старая кляча? Смерть Эрве — его личное дело, его одного. Охотница поговорить, она продолжала:

— Ваша школа, конечно, будет присутствовать на похоронах.

Она права. Предстоит еще эта ужасная церемония. Придется предстать перед родственниками.

— Я приготовлю вам темно-синий костюм,— добавила Марта.— В подобных случаях принято одеваться соответственно. И потом надо бы купить черный галстук.

— Я об этом подумую,— рывкнул Люсьен.— А пока у меня другие дела.

Тридцать минут спустя он катил по дороге в Сюсе, накрепко привязав саквояж к багажнику. Убедить Элиану! Чего бы это ни стоило.

По дороге в школу Люсьен то и дело совершенствовал задуманное. Саквояж, конечно, оставался слабым местом. Элиана не смогла бы об этом умолчать. Следовало придумать какую-нибудь небылицу. Будто бы в последний момент, опасаясь попасть в ловушку, гангстеры довольствовались половиною выкупа. А затем у них произошла разборка. Здесь место темное и, очевидно, никогда не прояснится, а потому позволительны любые версии. Один из тех, кто приехал, чтобы вернуть Элиане двадцать пять миллионов, угрожал ей расправой, если она его выдаст. Это факт. Элиана, может, придумает что-нибудь более вразумительное. По мере того как приближался к хибаре, Люсьен терял в себе уверенность. Его охватывал стыд при мысли, что придется открыть Элиане свое истинное лицо. Насколько легко ему было вообразить сцену, настолько теперь он боялся, что не выдержит. Он испытывал робость, чувствовал, что не владеет собой, что он побежден.

Как дать ей понять и при этом не выглядеть неким поганым юнцом-соглядатаем, что он так долго держал ее потому, что... Какие слова найти, чтобы признаться в вещах довольно неясных, но вызвавших в нем такие эмоции?

Допустим, он скажет ей: «Я предпочел знать, что вы здесь, рядом... Без конца рассказывал себе сказки, чтобы не отпускать вас на волю. Убеждал себя, что вынужден удерживать вас в плену, затем — что следует откровенно признаться насчет похищения и, наконец, что мне пришлось затребовать выкуп из-за катастрофы с Эрве... Однако, быть может, все это было неправдой. Быть может, Эрве был всего лишь предлогом. Не знаю. Прочтите внимательно это письмо: не только то, что написано, но и то, что между строками... Вы с вашим опытом, которого мне так не хватает, может, сумеете мне объяснить...»

Он поехал медленнее. Спрыгнул с мотоцикла в сотне метров от хибары. С каждым шагом ноги повиновались все хуже. Он прислонил машину к стене, развязал ремни, стягивавшие саквояж, и наконец решился войти. Оставил дверь кухни распахнутой: предосторожности теперь ни к чему. Со стороны комнаты — полная тишина. Если бы Элиана узнала его голос, она, без сомнения, не двинулась бы с места, чтобы предоставить ему возможность запутаться в идиотских оправданиях, чтобы затем вернее доказать его вину. Небось обезумеет от злости. Он вынул письмо из бумажника, опять прислушался. А если она заболела? Ведь его не было почти трое суток. В прошлый раз у нее была мигрень. В тревоге он приблизился к двери комнаты.

— Мадемуазель!

Повторил громче:

— Мадемуазель!

Смешно называть ее мадемуазель, когда между ними установились такие близкие отношения.

— Элиана!

Наверное, внимательно слушает за дверью.

— Элиана! Это я... Люсьен Шайу... Я вам все объясню... Только сначала прочитайте записку.

Он сунул письмо под дверь, но его никто не схватил, как тогда.

— Пожалуйста... Прочтите!.. Обещаю, я открою затем дверь.

Он еще немного подождал:

— Читайте же! И вы будете свободны.

Он со всей силой стукнул кулаком о створку двери:

— Я возвращаю вам деньги. Поступить лучше не могу. Элиана, будьте великодушны. Прочитайте. Я все вложил в это письмо.

Он пытался различить хотя бы малейший шорох, но слышал лишь дыхание ветра во дворе.

— Вы заболели?

Это, конечно, хитрость. Если бы он открыл, она рванула бы дверь на себя, набросилась бы на него. На этот раз все равно.

— Вы ничего не хотите сказать? Пусть так. Раз вы мне не верите, я докажу, что доверяю вам.

Он взял со стола связку ключей и резко вложил ключ в замочную скважину.

— Вот видите — я открываю и выпускаю вас. Ну? Что же вы ждете? Бойтесь меня? А я вам прямо говорю: это я, Люсьен...

Он легко толкнул створку двери, и в комнату по диагонали, через кухонную дверь, ворвался дневной свет. Он отступил на два шага. Ждал, что в приоткрытую дверь сразу увидит ее силуэт. Ничего подобного. Лезвием полоснула мысль: «Боже! Она мертва!»

Он толкнул дверь ногой — она ударилась о стену. Бросился вперед, подскочил к кровати, закружился волчком. Комната была пуста. «Я, видно, брежу!» В маленькой комнатке не было и намека на тайник. Никого в крохотном туалете. Нигде никого. К окну никто не прикасался. Решетка окна, филенки целые. Обезумев от тревоги, Люсьен зажег свечу и начал осмотр сызнова. Куски хлеба, пустые бутылки, открытые консервные банки свалены в углу. Она потрудились убрать мусор. Одежда сложена на кровати. Похоже скорее на рассчитанный отъезд, чем на побег. Но каким образом ей удалось выйти отсюда?

Вдруг он понял. Внизу, где занавеска маскировала ведущую в гараж дверь, виднелась кучка мусора, сломанная пилка для ногтей, ножницы, искореженный консервный нож. Он приподнял занавеску и обнаружил болтающийся замок. Благодаря немислему терпению Элиане удалось сокрушить гнилое от сырости дерево, вытащить винты, вынуть из паза замок. Он тупо все это разглядывал. Видно, она работала часами и днями напролет... С самого начала решила, что ее жизнь в опасности, и с настойчиво-

стью животного, попавшего в капкан, била в одну точку, имея в распоряжении только те орудия труда, которые удалось добыть и которые служили вместо зубов и когтей.

Люсьену оставалось лишь толкнуть дверь, чтобы пройти в гараж. На подставках стоял катер отца Эрве, рядом лежала пахнувшая дегтем рыбацья лодка. Деревянная перекладина, блокировавшая обе створки двери, была вынута. Элиана вышла здесь. Когда? Его надули. Ему и в голову не приходило, что пилку и ножницы попросили только для того, чтобы улигнуть. Как же он наивен! Он вернулся на кухню, его воротило от отвращения ко всем этим уловкам. Машинально подобрал валявшееся на полу письмо и порвал его в клочки. Все пропало! Теперь арест, притом скорый. Именно арест. Разумеется, заключение под стражу. Прежде чем исчезнуть, Элиана, конечно, внимательно изучила местность, хорошенько все запомнила, чтобы затем указать полиции точное местонахождение лачуги. Зачем себя обманывать? А если и голос своего тюремщика она узнала?!

«Я попался,— подумал Люсьен.— Даже если она не вполне уверена, что это я, конец веревочки найти нетрудно. Домишко Корбино... мои отношения с Эрве... Меня будут допрашивать с пристрастием, как только они умеют это делать. Не стану я защищаться, сыт по горло. Что тут отрицать? Эрве повезло. Жаль только папу...»

Он не удержался и бросил последний взгляд на комнату. Воздух спертый, как в конюшне. И тогда силы его покинули. Он чувствовал себя, как выжатый лимон. Сел на раскладушку, уронив голову на ладони. Оставалось ждать полицию. А уж она медлить не станет. Миллионы-то здесь, в саквояже, и они непременно его погубят. Кто ему поверит, что он намеревался их вернуть? Кто поверит его рассказам? Упекут в тюрьму лет на двадцать...

Люсьен прошел в другой конец дома, чтобы запереть гараж изнутри, задержался на кухне. Стоит ли уносить деньги? Начнем с того, что здесь им и место. Какая теперь разница? Он снова спрятал ключи в тайник.

Когда Люсьен вернулся домой, Марта чистила медную посуду.

— Вы читали газеты? — спросила она. — Ну и сильные!

— О чем вы?

— О бандитах, конечно. «Уэст-Франс» в кабинете. Месье купил. На этот раз он специально вышел на улицу, хотя обычно его ничто такое не интересовало. Когда я вошла к нему в кабинет сделать уборку, газета уже была на столе. Он даже сигареты забыл.

— Я посмотрю.

Бросался в глаза заголовок, напечатанный аршинными буквами:

ШАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ.

БАНДИТЫ ЗАВЛАДЕЛИ ВЫКУПОМ.

...Предоставляем слово г-ну Шателье, отцу жертвы. «Я в точности выполнял предъявленные мне по телефону условия, — сказал нам бедняга, волнение которого нас буквально потрясло.

Полиция продемонстрировала по ходу дела большое понимание. Она предпочла держаться в стороне, чтобы в последний момент не спугнуть похитителей, не обратить их в бегство. Разумеется, она была в полной готовности для принятия соответствующих мер. Я заехал довольно далеко, в район Шантене. Получил приказание остановить машину в определенном месте (см. схему на последней странице). Мне следовало отнести один из саквояжей, в котором было двести пятьдесят тысяч франков, к какой-то бытовке, находящейся оттуда примерно в восьмистах метрах, и спрятать его между этим вагончиком и основанием башенного крана, стоявшего как раз позади. Там узкое замусоренное пространство, где наверняка нет никого, что доказывает, насколько идеально бандиты знали это место. Итак, я поставил саквояж и вернулся к машине. Одно из стекол оказалось разбитым, второй саквояж исчез. Вообразите мое состояние. Но так как мне предстояло получить новые инструкции в одном маленьком кафе — «Кафе друзей», — я тотчас туда отправился и долго там ждал. Потом понял, что меня больше не вызовут. Осторожные бандиты довольствовались половиной выкупа, что и так уже было неплохой добычей. Тогда я предупредил комиссара Мешена, который установил скрытое наблюдение. Как мы и предполагали, никто за саквояжем не пришел. С тех пор никто не звонил, и мне неизвестно, вернут ли мне мою дочь».

Люсьен сразу же открыл последнюю страницу. Там был изображен приблизительный план, где крестиками обозначены бытовка и бетономешалка. Следовало продолжение статьи:

К моменту передачи материала в типографию никаких новых известий мы не получили. Энергичный комиссар Мешен ограничился заявлением: «Следствие продолжается, и мы не перестаем надеяться. Правда, бандиты продемонстрировали недюжинную сообразительность. Впервые, насколько мне известно, имело место требование выкупа по частям, одна половина которого послужила приманкой, в то время как другая без труда была похищена. Даже если бы наш пост наблюдения находился поблизости, мы, без сомнения, обманулись бы. Остается узнать, сдержат ли свое обещание похитители или в скором времени предъявят новые требования. Как бы то ни было, поиски будут долгими и трудными».

Люсьен сложил газету. Compliments комиссара ему были небезразличны, но теперь выкуп перестал быть проблемой. Все это отошло в прошлое. В газете сообщались новости, начиная с прошедшего вечера, что означало, что в момент ее выхода из печати Элиана еще не дала о себе знать. Когда же ей удался побег? Если она сбежала раньше, очевидно, что ничего более срочного для нее не было, как объявиться, звонить, трубить на всех перекрестках о том, что случилось, и полиция уже должна быть на месте. Допустимо, таким образом, что она сбежала рано утром, долго шла пешком, прежде чем ей пришли на помощь. Но даже в таком случае вот уже несколько часов, как она свободна.

Несмотря на «недожинную сообразительность», которую соблаговолил за ним признать комиссар, Люсьен отказывался понимать, что случилось. Вернулся на кухню и принялся допрашивать Марту.

— Никто не приходил?

— Нет.

— И не звонил?

— Было два или три звонка. Больные хотели договориться о приеме.

— Сын вам что-нибудь рассказывал?

— Он просто сказал мне, что дел и суеты выше головы, и, возможно, новости не заставят себя ждать.

Ох уж эти новости! Люсьен долго думал, что за этим стоит. Не исключено, Элиана уже была в полиции. Ее допрашивали. Вели протокол показаний. Уже посылали людей — с обыском в хибару. Все в строжайшей тайне, чтобы журналисты не слишком стояли над душой. Затем офицер полиции Шеро ездил в госпиталь и незаметно беседовал с доктором Шайу. «Часто ли отсутствует ваш сын? Не выглядит ли он озабоченным? Много ли расходует денег?» И так далее, и тому подобное. Ибо действовать надобно осмотрительно. Речь-то ведь идет о несовершеннолетнем. В подобных случаях прежде всего обращаются к родителям. Уже около полудня. Скорее всего полиция недалеко.

В половине первого позвонил доктор:

— Не ждите меня. Вернусь поздно.

Люсьен подошел к телефону.

— Что-то неладно? — спросил он.

— Нисколько. Просто я задерживаюсь.

— Кто тебя задерживает?

— Что значит кто? Надо присутствовать на операции, которая продлится долго, вот и все. Как ты, у тебя все в порядке?

— Все.

— Скажи Марте, что я не буду обедать дома. Когда вернусь, хватит и бутерброда.

Ладно. Напрасная тревога. В таком случае, что с Элианой? Что она замышляет? Что затевают в уголовной полиции? Кусок в горло не лез. Люсьен решил вернуться в лицей, куда носа не показывал... может, уже дня два. Его отсутствие будет замечено, а это ни к чему. Он пожал плечами. Будто это отсутствие в состоянии что-то добавить к тому, что уже есть. Мальчишество. Он прошел мимо гаража Корбино, где металлические ставни были опущены. На приколотой к двери картонке написано: *Закрывается ввиду похорон*. Кристоф, однако, продолжал хлопотать у бензоколонки.

— Никто не приходил? — спросил Люсьен.

— Сейчас народу немного, — сказал Кристоф.

— Я не о клиентах. Я имел в виду других людей, не клиентов. Кристоф посмотрел на него с изумлением.

— Нет. У ребят из страхового агентства работа окончилась. Все нормально. Все идет своим чередом.

Люсьен не настаивал. Он прикинул, что есть еще время доехать до квартала, где жила Элиана. Может, там что-то удастся разуз-

нать. Место, однако, показалось таким же спокойным, как обычно. Малолитражка по-прежнему на месте. Где же Элиана? Может, прячется? От ожидания и тревоги нарастало какое-то прозорливое отчаяние, которое он чувствовал, как лихорадку. Покончить с собой! Единственное мужественное решение. Но пока что рано. Прежде надо знать. Кстати, в лицее могла работать полиция. Разве инспектор Шеро не сказал, что вернется?

Люсьен отправился в лицей. Но никто не вызвал его ни с урока французского, ни с истории. Удалось выяснить, что на церемонии погребения Эрве на Восточном кладбище будет присутствовать делегация учащихся. Погребение было назначено на завтра, пятнадцать часов.

Как неприкаянный, он повернул домой, включил приемник: каждый час давались экстренные сообщения. Если бы Элиана обнаружилась, новость сообщили бы тотчас же. Ни слова. Встреча Президента Республики с германским канцлером... Забастовка работников метрополитена... Спад воды в Луаре... «Пусть приходят! Пусть арестуют, и довольно об этом!» Он то ходил по комнате из конца в конец, то валился на постель, повторял движения и жесты, которые, наверное, пришлось бы делать в камере. Долгие годы. Лучше уж околеть. Наступил вечер. Он то и дело сжимал кулаки. «Но что она делает? Боже, что она делает?»

Пришлось спуститься ужинать. Отец буквально заскочил домой. Отказался от бульона и рыбы, съел пару бананов и закрылся у себя в кабинете, собираясь написать какие-то письма. Он был не в настроении и отмалчивался. Возвратившаяся в доме тишина была нестерпимой. В восемь вечера Люсьен включил первый канал телевидения. В конце передачи получил то, что ждал с таким нетерпением, — несколько кадров и краткий комментарий. Комиссар Мешен в сопровождении Шеро заявил, что следствие идет в правильном направлении. Обнаружен важный след, с достаточной уверенностью говорилось, что скоро будут получены результаты следствия. Важный след? Что это значит? И почему ни слова об Элиане? «Она что, решила довести меня до сумасшествия? Еще одну ночь агонизировать! А завтра это погребение, будто прелюдия к аресту. Так как события пойдут по нарастающей, это очевидно. Надо бы покрутиться вокруг «Отель Сантраль». Небось там и нашла себе приют, под крылышком у родителей». По мере того, как он строил предположения, ни одно из которых не выдерживало критики, ему казалось, что голова у него лопается, будто в ней кишели черви. Дело привычное! Спотворное! В постель! «Что я совершил, чтобы быть таким несчастным? А завтра...»

В восемь вечера, канал «Франс-Энтер». Опять ни слова. Ни намек на нантское дело. Оно явно принимало кошмарный оборот. Он решил в лицей не ходить. Сыт был по горло лицеем. Марте сказал, что нездоров.

— Оно и видно, — проворчала она. — Заболеешь тут! Если бы только можно было поймать хулиганов, которые похитили бедную барышню! Сын вчера рассказывал: все еще разыскивают ее дружка, этого Филиппа. Известно, что он в отъезде, а потому его еще не задержали.

Филипп! Люсьену на него плевать. А раз Элиана вот-вот объявится, Филиппу ничто не грозит. Он в полной безопасности. Когда вернется, приберет к рукам Элиану, и оба будут потешаться над ним, школяром, строившим, как дурак, иллюзии. Тянулись часы. Как только раздавался телефонный звонок, сердце останавливалось. Визиты, визиты — конца им нет. Он мог бы отвечать вместо Марты, но голос не повиновался: не мог совладать с дрожью, утратил волю.

Что если комиссар полиции готовит неожиданную развязку? Он-то способен и на кладбище выступить, и задержать на глазах у толпы. В какой-то момент Люсьен чуть было не отказался от идеи присутствовать на похоронах. Потом, словно осужденный, оделся, привел себя в порядок. Надел свой выходной синий костюм; именно его он наденет к заседанию суда. Только разве несовершеннолетний должен предстать перед судом? Тем не менее соберутся судьи, адвокаты, журналисты. Его, конечно, спросят: «Как вы собирались потратить эти деньги?» В суд придет отец. Небось скажет: «Я воспитывал его, как только мог». Его ждет позор.

Люсьен поехал на кладбище. Снова похолодало. Руки и ноги заледенели. Пройдя мимо множества могил, он присоединился к группе людей, окружавших открытую яму. В толпе он заметил кое-кого из товарищей, стоявших рядом с надзирателем и суровым, торжественным с виду директором лицея, одетым в черное, в черных перчатках. Он встал позади них, часто оглядываясь, чтобы видеть, что происходит вокруг. Полицейские не показывались. Элиана оставалась невидимкой. Изумлению его не было границ.

Обряд погребения. Гроб. Представители духовенства. Одному ему снова виделся Эрве, живой, друг, которому хватило силы прошептать: «Это была шутка». Он украдкой вытер щеки. Мокрую кожу лица пощипывал морозец. Он заметил, как на уровне ног показался и стал опускаться светлый, гладкий, как каноз, гроб. Комья земли, сбрасываемой в могилу, производили чудовищный звук пустоты. Видно, Элиана не придет. Может, она ждала у ворот кладбища вместе с комиссаром Мешеном и инспектором Шеро? Думалось о всякой ерунде. Забыл окропить могилу святой водой. Родственники выстроились по краю аллеи. Рукопожатия. Поцелуи. Всклипывания. Он направился к матери Эрве.

— Спасибо, Люсьен. Для него ты был братом.

Он удалился, опустошенный. Что если кто-то положит ему руку на плечо? Скажет: «Полиция!» Произойдет ли все, как на телеэкране? Так как отныне он стал персонажем газетной хроники. Мальчиком, чья фотография будет внушать отвращение французам. Ссутулившись, ожидая худшего, он прошел через ворота. Вдоль тротуара — ни одной машины, идущей на поворот. Ни одного подозрительного силуэта.

В ту минуту, когда он снимал плащ, все еще удивляясь, что до сих пор на свободе, Марта сообщила новость:

— Ее убили.

— Кого?

— Вашу учительницу. Я только что узнала по радио.

— Мадемуазель Шателье? Нет!

— Я вам говорю, что есть. Ее тело найдено в придорожной канаве. Ее задушили.

Люсьен сел: не от страха, а от радости закружилась голова. От радости дикой, неприличной и такой благотворной. Она уже не заговорит... Никто не узнает правду... Вот оно, спасение!

— Вы потрясены, — заметила Марта. — Да и я разволновалась. Я ведь не была с ней знакома, с бедной девочкой, но ставлю себя на место ее родителей...

Люсьен медленно приходил в себя.

— Что в точности сказали? В самом деле, это о ней?

— Еще бы! Конечно, я узнала ее фамилию. И потом, похищение учительницы в Нанте, что, их так много? О! Никаких сомнений, это она!

Люсьен поднялся к себе. Эрве! И теперь вот Элиана! Это уж слишком. Печаль, облегчение, жалость, — к горлу подступала тошнота. У избавления был привкус крови и слез.

Как стало известно вечером, труп учительницы был обнаружен в кювете у пустынного шоссе, неподалеку от Каркфу. Убийца не собирался ее обворовывать, так как дамская сумочка жертвы валялась рядом, в ней оставалось несколько сот франков. Никаких следов насилия обнаружено не было. Судя по всему, похитители хладнокровно казнили заложницу, чтобы помешать ей выступить с разоблачениями, которые позволили бы полиции их задержать.

Для Люсьена не было никаких сомнений. Раз похитителей не существовало, раз следовало исключить преступление, совершенное каким-нибудь бродягой, оставался Филипп. Объяснялось все очень просто. Совершив побег, Элиана, по всей видимости, долго шла пешком. Наконец, зайдя в первую попавшуюся гостиницу, позвонила Филиппу. Зачем? Возможно, потому, что силы были на исходе. Чтобы вернуться домой, нужна была машина. Она попросила за ней заехать: Или, по-прежнему думая, что виноват Филипп, под влиянием гнева она вздумала объясниться, и как можно скорее. Увы, ее мотивировок никто уже не узнает. Ошеломленный Филипп поспешил приехать. Она села в его машину, и тут-то и произошла бурная сцена. Легко вообразить, что случилось потом. Обвинения, оправдания. В пылу возмущения посыпались угрозы. И он, в свою очередь, возмутился. «Я тут ни при чем. — Лжец! — Немедленно замолчи! — Нет, не замолчу!» Он схватил ее за горло, стал трясти. Результат — трагедия.

Люсьен не сомневался, что все так и было. Но, если он прав, следовало признать, что преступление не было умышленным. Полиция, напротив, станет обвинять Филиппа в похищении, незаконном лишении свободы, воровстве, умышленном убийстве. Следствием будет высшая мера. Подумав было, что выпутался, Люсьен снова до смерти испугался. Опять страх! Допустить чудовищную несправедливость! До сих пор все происходило в силу стечения обстоятельств, на которое он никоим образом не мог влиять. И вот теперь между мужеством и подлостью приходилось выбирать. Он вопрошал себя без обиняков: бороться, как мало кому по плечу, а в результате поднять руки вверх и сдаться? Нет

уж! Может, еще есть способ прийти Филиппу на помощь, при том себя не компрометируя? Начнем с того, что Филиппа еще не арестовали.

Увы, то, что было весьма предсказуемо, произошло в тот же вечер. В семь вечера радио сообщило об аресте Филиппа. Далее следовало длинное заявление комиссара Мешена. Филиппа Мутье задержали в Париже и доставили в Нант, где допрос, по всей видимости, будет произведен в помещении судебной полиции. Вина его представлялась вероятной.

— На след нас навело письмо, найденное на квартире жертвы, — сообщил комиссар. — Во-первых, было известно, что друга мадемуазель Шателье звали Филипп; во-вторых, он пытался занять значительную сумму, чтобы оплатить покупку очень дорогой системы HI-FI. Его долг исчислялся шестью тысячами пятьюстами франков, при том, что, по всей видимости, у него за душой не было ни гроша. Заведующий торговой службой Больших Гаражей Запада, он довольно хорошо зарабатывает, однако тратит, не считая. В начале следствия нам, естественно, не были известны все эти подробности. Единственной косвенной уликой служила именно система HI-FI. Мы обошли все специализированные магазины по продаже такого рода товаров. В Нанте ничего не обнаружили. В Сен-Назере тоже. Но в Анже получили положительный ответ. Один из коммерсантов продал стереосистему некоему Филиппу Мутье, о котором ему было известно только то, что тот купил по случаю машину марки «ровер». Он сразу понял, что Мутье неплатежеспособен, и начал показывать зубы. Короче, нам ничего не оставалось, как задержать Филиппа Мутье, что потребовало некоторого времени, так как он не сидит на месте.

— Есть ли против него еще какие-нибудь улики? — спросил кто-то.

— На ваш вопрос отвечать пока рано, — сказал комиссар. — В чем мы действительно уверены, так это в том, что письмо, изъятое у мадемуазель Шателье, в самом деле написано рукой Филиппа Мутье, ибо идентичным почерком написано письмо кредитору с просьбой об отсрочке платежа. Известно также, что именно Мутье несколько месяцев назад продал жертве маленькую машину марки «остен». Это все, что нам удалось установить к настоящему времени.

В восемь вечера на первом канале Жикель высказался более определенно:

«В загадочном преступлении в Нанте приоткрывается край завесы. Допрошен свидетель, ибо обвинение еще не выдвинуто...»

Люсьен подскочил. На экране воспроизводилась фотография Филиппа. Красив: жгучий брюнет с голубыми глазами. Лицо открытое, привлекательное. Не старше тридцати лет. Ничего удивительного, что Элиана... Ах! Как он его ненавидел! Однако он прослушал... О чем там рассказывает Жикель?

«...Мутье заявляет категорический протест. Он признает, что был в близких отношениях с мадемуазель Шателье, но утверждает, что невиновен. До сих пор он давал правдоподобные ответы на все вопросы. Почему он не заявил о себе, когда узнал об исчезновении подружки? Потому, как он говорит, что мадемуазель

Шателье более всего на свете боялась, что о ее связи станет известно. Боялась скандала, который мог повредить ее карьере. Но, когда газеты раструбили об этой связи, не естественно ли было явиться ему в полицию? На что он заметил, что также старался быть как можно более сдержанным, так как клиентура не любит иметь дело с человеком подмоченной репутации. Кстати, могла ли быть какая-то польза от его вмешательства, если ему равным счетом ничего не было известно об исчезновении молодой женщины?»

В салон вошел доктор. Он услышал конец фразы и нахмурил брови.

— Толкут воду в ступе, — пробормотал он. — Иди спать. Если бы видел, на кого ты похож.

Он повернул выключатель.

— Но ведь только восемь часов, — запротестовал Люсьен.

— Делай, что тебе говорят. Не заставляй меня повторять одно и то же.

Когда он начинал разговаривать подобным тоном, лучше всего было исчезнуть с глаз долой. Люсьен не стал настаивать, но твердо решил разузнать обо всем получше. Как только очутился в своей комнате, искал на приемничке станцию, которая могла бы его проинформировать. Но наткнулся только на песенки или новости, не представлявшие никакого интереса. Однако он уже знал немало, чтобы понять, что Филиппу не так-то легко будет выкрутиться. Ну, так ему и надо! Нужно просто помешать полиции валить на него все на свете. И как только он об этом раньше не подумал? Достаточно вернуть деньги. Таким образом, комиссар подумает, что перед ним два разных дела. С одной стороны, похищение, за которым последовало требование о выкупе, с другой — преступление. С одной стороны, бандиты, которые, неизвестно почему, отослали назад саквояж, с другой — Филипп, виновный в убийстве, в чем он в конце концов признается. Полиция, конечно, долго раздумывала, почему незнакомцы потребовали пятьдесят миллионов, но выкрали только двадцать пять и в конечном счете их вернули. Но за неимением улик она перестанет что-либо соображать на этот счет. Удовлетворится тем, что засадит Филиппа за решетку. Даже если она придет к выводу, что Филипп провернул это дело вместе с сообщниками, которые, запаниковав, предпочли вернуть деньги и улизнуть, все это останется не более чем гипотезой, за неимением доказательств. Против обвиняемого оставалось бы единственное обвинение — убийство из ревности. Кстати, не так ли все и обстоит на самом деле? Можно ли не потерять голову и не вспылить от ревности, когда женщина пытается обмануть, рассказывая сказки о похищении? Какие тут сомнения? Ее исчезновение — всего-навсего отлучка, которая плохо кончилась.

Уверовав, что располагает наилучшим из возможных объяснений, Люсьен почувствовал, что отныне может считать себя непричастным к делу, и долго соображал, как ловчее отослать обратно саквояж. Очевидно, что не по почте, ибо адрес сразу привлек бы внимание. Противопоказана и попытка оставить его где-нибудь в общественном месте. Он искал решение, вспоминая что-нибудь

подходящее из прочитанных книг. Он ведь начитался в переводах американских романов. Неужели не бывало ничего подобного?

Спустя час он нашел простое и эффективное решение. По-видимому, придется опять пропустить лицей, но если, потеряв терпение, отец приведет свою угрозу в исполнение и отправит его кредонским иезуитам, что ж, тем лучше! Перемена обстановки пойдет на пользу. Подвести черту! Смыть всю эту грязь! Уехать! Но прежде честно все уладить.

Когда он спустился на следующее утро, огорчение и тревога вылились в некую боязливую меланхолию, тормозившую мысли и движения. Может, это и есть выздоровление?

— Кое-какие новости, — сказала Марта, на которую события действовали возбуждающе, как умело дозированный роман с продолжением. — Друг моего сына Шеро копался в архивах. Обнаружил, что этого самого Филиппа Мутье несколько лет назад уже беспокоили по поводу телесных повреждений... Это скверный господин. Надеюсь, что он не отделается легким испугом. Слишком уж мягко относятся к подобным типам.

У Люсьена не было времени слушать. Он вскочил на мотоцикл и умчался в направлении домика. Удостоверился, что с прошлого раза ничего не изменилось. Набитый купюрами саквояж по-прежнему на месте. Никто не приходил; Элиана заговорить не успела.

Не теряя ни минуты, он бросился обыскивать гараж, открыв пошире дверь, чтобы все было видно. В одном углу, в паутине, среди банок с краской валялись инструменты для работы в саду. Он взял лопату, обошел вокруг домишки. Позади простирался участок целины, где в один прекрасный день папаша Корбино, кажется, собирался разбить сад. Земля была рыхлой, пропитанной влагой. Он вырыл глубокую яму, где извивались черви, и побросал туда все, что могло напоминать о присутствии пленницы: консервные банки, бутылки, куски заплесневелого хлеба, всякие отбросы, в том числе мешок для грязного белья. Он долго не знал, что делать с принесенным из дома одеялом, и в конце концов решил увезти его обратно. Разровнял и примял землю, повернув лопату плоской стороной, все внимательно осмотрел. Нет, никаких следов он не оставил, за исключением сломанного замка. Но это такая мелочь, которую в ближайшие месяцы не заметит никто. Ну и что из этого? Он снова запер все двери, завернул саквояж в одеяло и прикрепил его к мотоциклу, в последний раз все окинул взглядом. Дом выглядел точно таким, каким он его впервые увидел вечером, в момент похищения. Элиана умерла вторично.

Незадолго до того, как выехать на дорогу, ведущую в Сюсе, он выбросил связку ключей в кусты. Наконец-то он свободен. Остальное — детские игрушки. Он вернулся в город и направился к вокзалу. Только мотоцикл поставить, найти, где автоматическая камера хранения... С саквояжем в руках он похож на самого обыкновенного пассажира. Он выбрал камеру № 27, потому что два плюс семь — девять. Цифра хорошая. Захлопнул дверцу, заперев саквояж, положил ключ в карман. Оставалось только переслать ключ родителям Элианы. Нетрудно. В зале ожидания

замешкался у газетного киоска, в глаза бросились заголовки: *Преступление в Нанте... Скоро ли тайна будет раскрыта?...* Он купил «Уэст-Франс», но читать придется потом. Пока надо заняться другим. Марта отправилась на рынок. Довольный тем, что дома он один, он взял крепкий конверт самого стандартного размера и фломастером надписал адрес аккуратными печатными буквами:

МЕСЬЕ И МАДАМ ШАТЕЛЬЕ.

ОТЕЛЬ САНТРАЛЬ.

44000, НАНТ.

Положил ключ в конверт. Получилось небольшое утолщение. Он уже собирался заклеить конверт, когда спохватился. Что если Шателье не поймут, что это за ключик? На половинке листа он написал заглавными буквами:

ВАШ САКВОЯЖ В КАМЕРЕ ХРАНЕНИЯ НА ВОКЗАЛЕ.

Послунывил. Конверт заклеен плотно. Из осторожности отошел подальше от дома и бросил его в почтовый ящик, затем вошел в первое попавшееся кафе, чтобы наконец прочитать газету.

Экстренное вскрытие трупа позволило убедиться, что смерть наступила приблизительно сорок восемь часов назад. Но что потрясло Люсьена, так это подробность, согласно которой молодая женщина находилась в состоянии кахексии, которое наводило на мысль о том, что тюремщики плохо ее кормили. Он не знал, что такое кахексия, но догадывался, что оно скорее всего означало «худоба» или «истощение», или что-нибудь в таком роде, и не соглашался с таким диагнозом. Это было жутко несправедливо. Он сделал все, что мог, и не виноват, что...

Длительное заключение сильно повлияло на несчастную жертву, и она скончалась, по всей вероятности, от остановки сердца в момент, когда нападавший схватил ее за горло, читал он.

Опять ему виделся кусок двери вокруг замочной скважины, и он легко представлял, как при свете единственной свечи протекали нескончаемые часы, полные напряжения всех сил, воображал приступы отчаяния и всякий раз возобновляемую чудовищную, тайную, медленную подрывную работу. «В сущности, говорил он себе, я никогда всерьез не задумывался над тем, чем она занималась в мое отсутствие. Если бы я только знал!.. Но пришлось признаться, что если бы он и знал, то это ничего не изменило бы. Он, как и она, был пленником. Он прочитал остальное — в горле стоял ком. Полиция произвела обыск в квартире Мутье — безрезультатно. Тщательнейшим образом обследовали его машину. Ни малейших улик. Теперь пытались воссоздать времяпрепровождение подозреваемого, начиная с приблизительной даты похищения, а это было нелегко, так как Мутье по долгу службы вынужден был много ездить. Он отрицал все самым категорическим образом; однако казалось совершенно очевидным то, что ему, более чем кому-либо, было легко препроводить Элиану Шателье туда, где она была узницей. Как она могла не доверять человеку, которого любила? А затем достаточно было вмешаться сообщнику, чтобы заняться ею и обеспечить Мутье алиби... В самом деле, казалось, Филипп загнан в угол. Люсьену, однако, все еще не верилось. С какого-то мгновения некое противоречие

стало не давать ему покоя. Ведь даже если, прежде чем умереть, Элиана успела открыть Филиппу место, куда ее заточили, он вынужден был молчать, чтобы избежать признания, что встретил ее именно в тот самый день, когда она была убита. Противоречие состояло в другом. Люсьена смущало прежде всего то, что Элиана, едва только смогла позвонить, обратилась к человеку, которого, с точки зрения логики, ей как раз следовало более всего опасаться. Была тут какая-то тайна женской психологии, от него ускользавшая. Хотя факты были налицо. Это приходилось признавать.

В конце статьи сообщалось, что тело Элианы, по-видимому, будет перевезено в Тур, где она будет погребена в семейном склепе Шателье. Люсьен оставил газету на банкетке. Отныне эта история просто перестанет существовать. Бог знает, как исчезнет, словно кто-то выскочит из поезда на полном ходу. К черту Филиппа! К черту полицию!

Он вышел из кафе и купил пачку «Стюивезен». Хотелось курить, прохаживаться, нежась на солнышке.

— Все в порядке, шеф,— сказал инспектор Шеро.— Я получил информацию. Не без труда, правда. Зажигалка была куплена у Менвьеля. Они официально признали. И заметьте: продали ее не Мутье. Он имел полное право отрицать.

— То есть как?

— Она была продана сыну доктора Шайу. Парень хотел сделать подарок отцу ко дню рождения.

— Но каким образом зажигалка оказалась в сумочке малютки Шателье?

— А вот это уж мне неизвестно.

— Вы уверены, что сведения верны?

— Абсолютно уверен... Вспомните: Шайу-младший — как раз тот самый мальчик, которого я допрашивал в лицее пару недель назад, когда еще думали, что учительница, может, покончила с собой. Любопытно, не правда ли?

В соседней комнате зазвонил телефон. Комиссар Мешен вышел, но Шеро слышал его голос.

— Алло, да... кланяюсь... Да, добыли новую улику, но она, конечно, не уведет нас далеко... Немедленно сделаем все необходимое... Вы ведь помните, родители Шателье, когда мы вернули им личные вещи жертвы, заявили, что она не курила. В таком случае как зажигалка могла оказаться в ее сумочке?... Простите?... Вот именно. Сразу занялись розыском...

Инспектор Шеро закурил «Житан», поднеся пресловутую таинственную зажигалку, право же, красивую штучку и, уж наверное, весьма дорогую.

— Пока равовато... — продолжал комиссар. — Но нам недолго оставаться в неведении... О! Чуда не будет. А в общем, как знать? ...Договорились. Я вам позвоню.

Он вернулся в комнату, сел.

— Только бы не мешали работать, — буркнул он.

— Месье, полиция, — сказала Марта.

Завтрак подходил к концу.

- Полиция? — переспросил доктор.
- Да. Их двое... комиссар и Шеро, друг моего сына.
- Где они?
- В зале ожидания.
- Попросите их пройти в кабинет. Я сейчас.

Люсьен побелел, как бумага. Как только отец вышел, он бросился в салон и приложил ухо к двери, которая из квартиры вела в служебное помещение.

— Господа... прошу садиться.

Люсьен прекрасно слышал каждое слово. Знал, что попался. И, однако, какие у полиции доказательства против него? Он почувствовал такую слабость, что присел у двери на колени. Все началось так зноува, как там, в хибаре. Опять дверь! На этот раз за дверью... Словно явился и требовал отчета призрака Элианы.

— Вам знакома эта зажигалка? — спросил Шеро.

Люсьен узнал его по голосу. Наверное, он никогда его не забудет.

— Это моя зажигалка. Где вы ее нашли? — спросил доктор.

— В сумочке жертвы, — ответил другой голос — комиссара. — Я имею в виду мадемуазель Шателье. Однако мадемуазель Шателье не курила.

Внезапно, как от удара молнии, в сознание Люсьена ворвался свет. Ему представился Эрве, который в темноте на ощупь шарил на полу «пежо-504». Пока они боролись, сумочка Элианы раскрылась. Эрве как попало собрал все, что из нее вывалилось, и, ко всему прочему, добавил зажигалку, выпавшую из ящичка для мелочей. В памяти всплыло все. Когда Эрве копался в этом ящичке в поисках электрического фонарика, зажигалка выскользнула и потом...

— Мы произвели розыск и узнали, что ее вам подарил ваш сын, — продолжал Шеро.

— Совершенно верно. К сожалению, я теряю все на свете. И я прекрасно знал, что потерял ее.

— Можете ли вы утверждать, что ваш сын не пользовался ею?

— Не понимаю, куда вы клоните, — сухо сказал доктор.

— Ну же, — вмешался комиссар. — Давайте поразмышляем спокойно вместе. Разве вы не видите, что неминуемо напрашивается связь между зажигалкой, вашим сыном и мадемуазель Шателье?

Весь в поту, Люсьен слушал.

— Вы правы, — согласился доктор. — Связь существует, но не между сыном и ею. Прошу вас не впутывать моего сына в эти дела. Связь действительно существовала. Между ею и мною.

Вновь воцарилось молчание. Люсьен не понимал. Комиссар оказался понятливее.

— Так это вы, кто...

— Да. Это я ее убил.

Какой усталый голос... Неужели это голос отца? Люсьен поднялся с колен, чтобы заглянуть в замочную скважину. Не очень-то было видно: частично лицо Шеро и пара рук, крупным планом — пара рук, которые он так хорошо знал! Длинные, чут-

кие, страстные. Его собственные руки — точная копия. Руки эти поигрывали линейкой. Вдруг судорожно сжались.

— Я бы не допустил, чтобы осудили этого... этого человека, — сказал доктор. — Вряд ли... Но в конце концов вы здесь, и это главное. Не представляю, как к вам попала эта зажигалка. Может, я потерял ее у нее дома?.. Странно, однако. Я никогда не курил в ее присутствии. Впрочем, неважно...

— Расскажите все, — отрезал комиссар.

— Что тут рассказывать?.. Хотите знать, как мы встретились? ...Банальнейшим образом. Она никогда раньше не преподавала и по простевии недели заболела ларингитом. С преподавателями это часто случается. Естественно, она обратилась ко мне. Я был ближайшим врачом. Вот и все.

— А потом?

Руки оставили линейку и схватили карандаш со вставным грифелем, стали задумчиво его поглаживать.

— Что потом? А ничего. Подобные вещи ускользают от сознания. Я так долго был вдовцом. Похождений у меня никогда не было. Вам это, наверное, покажется странным, но это так. В таком случае почему она, а не другая?.. Откуда я знаю? Может, тут молодость, хрупкость... Вспышка. Сентябрьская гроза. Вы можете улыбаться, но это правда. Я был без ума от нее.

— И, однако, вы с ней порвали? — спросил комиссар.

— Не я. Она. Из-за сына. Ей хотелось, чтобы я женился на ней, но я не мог. Считаю, что мальчик еще нуждается во мне. Он трудный, непредсказуемый. Он бы не вынес присутствия Элианы... Она это быстро поняла.

«Так вот почему она всегда злилась на меня, — подумал Люсьен. — Я был препятствием».

— Ваши отношения полностью прекратились? — спросил Шеро.

— Да. Положение было безвыходным. Но я ее не забывал. Как раз наоборот! В моем возрасте, когда теряют женщину, сразу теряют все, что у вас осталось от молодости. И потом, в прошлый понедельник она позвонила мне. Из газет я, разумеется, знал, что она исчезла, но мне также было известно, что у нее связь; я был в бешенстве. Представлялся удобный случай для объяснения. Она назначила мне свидание в бистро, у перекрестка дорог Анже и Карфу. Казалось, она была вне себя. Я поехал. Телефонный звонок привел меня в крайнее замешательство. Почему она меня вызвала? Хотела возобновить отношения? Я так страдал, что готов был на любые уступки. Она ждала меня у кафе.

— В котором часу это было?

— Около семи, уж почти стемнело. Я нашел ее в ужасном состоянии. Не только физическом. Главное — в моральном. Она говорила мне о чем-то, чего я не понимал.

«Если она узнала меня и сказала ему, что это был я, я убью себя!» — подумал Люсьен.

— Я посадил ее в машину и отъехал от перекрестка, потому что она жестикулировала, а я не хотел выставлять себя на обозрение. Потом... Признаюсь, плохо помню, что со мной было. Я тоже потерял самообладание. Не слушал ее, сразу же заговорил о

Филиппе. Между нами произошла бурная ссора, я схватил ее за горло. Я не собирался ее душить. Категорически настаиваю на этом, вы должны мне верить. Она сразу потеряла сознание, и я понял, что она мертва. Может, я сдавил слишком сильно. Не знаю, не знаю...

— Вы утверждаете, что к похищению вы не имеете никакого отношения? — спросил комиссар.

— Ни малейшего.

— Допустим. Но, как я представляю, вы отдаете себе отчет в том, что остается немало моментов, которые требуют ясности. — Комиссар встал: — Я вынужден просить вас следовать за нами.

Раздался шум отодвигаемых стульев. Люсьен не мог оторваться от двери. Он опять услышал голос отца, который спросил:

— Могу ли я сказать пару слов своему сыну?.. Один на один? У меня нет ни малейшего желания бежать. Но мне было бы неудобно ваше присутствие.

— Только скорее.

Доктор обнаружил Люсьена за дверью:

— Ты подслушивал?

— Да.

— И все слышал?

— Да.

— Бедный малыш!

Люсьену хотелось броситься ему на шею. Но он был не в силах сдвинуться с места.

— Позднее ты поймешь. Узнаешь, что значит быть одержимым женщиной.

— Я это знаю, папа... Она говорила тебе обо мне?

Люсьен смотрел отцу прямо в глаза.

— Зачем ей говорить со мной о тебе? — спросил отец.

Он не лгал. Он, наверное, никогда не узнает.

— Спасибо, — прошептал Люсьен.

Он не знал, к кому была обращена благодарность. Может, к провидению, которое и на этот раз оказалось милостивым.

— В сейфе здесь ты найдешь значительную сумму, — продолжал доктор. — Переедешь к бабушке...

Он и забыл, что старая дама отправилась путешествовать. К чему напоминать ему об этом?

— Да, папа.

— Расплатишься с Мартой.

— Да, папа.

— И потом, постарайся забыть. Позднее, быть может, ты меня простишь...

Глаза были полны слез.

— Я не хочу, чтобы ты тут оставался, — продолжал доктор. — Могу я на тебя рассчитывать, Люсьен?

— Да, папа.

— Пожалуйста, месье, — сказал комиссар, встав на пороге.

— Иду... Люсьен, малыш... Нет, я не хочу, чтобы ты меня обнимал. ...Пожми мне руку.

Люсьен поставил на землю тяжелый чемодан. До того, как подо-

шел к окошечку кассы, прочитал крупные газетные заголовки: *Неожиданная развязка в деле Шателье... Оставшаяся сумма выкупа возвращена... В качестве обвиняемого привлечен доктор Шайу... Убийство из ревности... Похищение по-прежнему необъяснимо...*

Это было вчера. Это было в прошлом. Люсьен взглянул на афиши. Все еще колебался. Антверпен... Амстердам... Гамбург... Куда угодно, лишь бы на край света. Сесть где-нибудь на корабль... Попытаться... Чтобы стать другим...

Он наклонился к служащему:

— Один второго класса в Антверпен... Да, обратно не надо...

Перевод с французского ГАЛИНЫ БЕЛЯЕВОЙ.

Шахматная эпиграмма

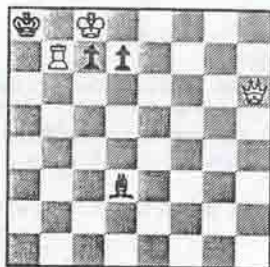
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

На шахматных страницах журнала знакомим с оригинальными задачами V международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр «Смены», а также начинаем публикацию итогов прошлогоднего конкурса. В конкурсе двухходовок за 1995 год участвовало 213 задач 85 авторов (опубликована 41). Из конкурса исключены: №№ 52, 90, 103, 115, 116 — из-за предшественников, № 11 — из-за побочного решения, № 119 — как опубликованная ранее.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов.

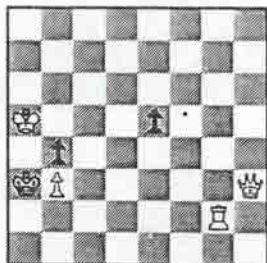
Публикуется впервые

73. В. ПИЛЬЧЕНКО
г. Сухой Лог Свердловской обл.

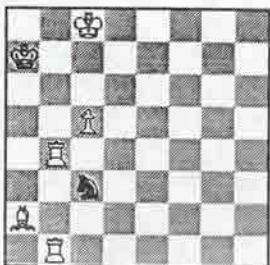
Мат в 2 хода

74. В. ЖЕЛТНОЖКО
Екатеринбург
А. СЕЛИВАНОВ
Краснотурьинск

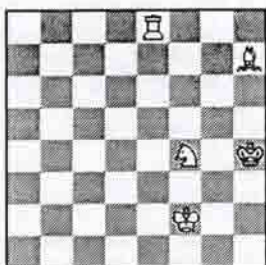
Мат в 2 хода
б) Кра5—b5

75. Е. ПЕТИТЕ
Испания

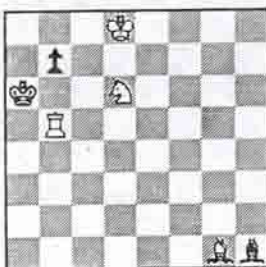
Мат в 2 хода

76. В. СУЧКОВ
Чехословакия

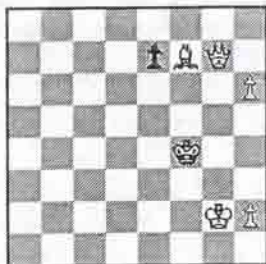
Мат в 3 хода

77. А. КАРГАПОЛОВ
с. Чистое Курганской обл.

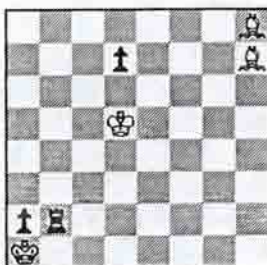
Мат в 3 хода

78. В. ИВАНОВ, В. СВЕРГУНОВ
Карелия

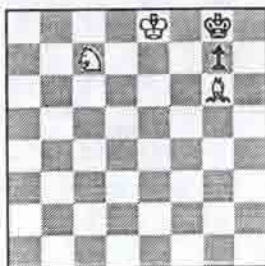
Мат в 3 хода

79. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск Одесской обл.

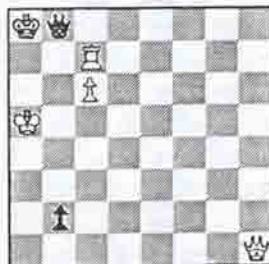
Мат в 5 ходов

80. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица Черновицкой обл.

Мат в 6 ходов
б) бел. п. гб

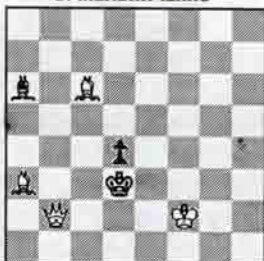
81. Г. ВЕРНЕР
Германия

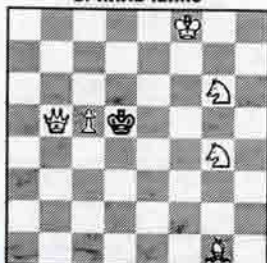
Мат в 18 ходов

ДВУХХОДОВКА-95

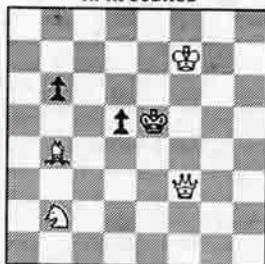
1—II призы
В. МЕЛЬНИЧЕНКО

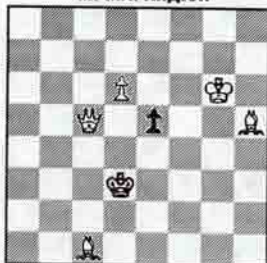
1—II призы
В. ПИЛЬЧЕНКО

III приз
А. КУЗОВКОВ

Специальный приз
М. МАРАНДЮК

б) n. e5—d5, в) n. e5—b3,
2) Kpg6—g1

1—II призы. **В. Мельниченко** (Украина). Отличная трехфазная миниатюра с переменной игрой. Две фазы с темой ле Гранд непринужденно дополнены полноценной третьей, с двухвариантной игрой. Превосходно опровержение этого ложного следа.

1. Kp13? C ~. Cc4 2. Cb5, Ce4x, 1... Cb7!!
1. Ca4? (2. Фс2x), 1... Krc4 2. Фb3x, 1... Krc4!

1. Кре1! (2. Фb3x), 1... Krc4 2. Фс2x (1... Cc4 2. Фd2x)

1—II призы. **В. Пильченко** (Россия). Многофазная переменна матов на одну из тем IV командного первенства мира. Некоторая схематичность, характерная для задач с одиноким черным королем, искупается богатством тематического содержания.

1. K4e5? (2. Фс4, Фс6x) Кре4 2. Фd3x, 1... Кре6!

1. K6e5? (2. Фс4, Фс6x) Кре6 2. Фd7x, 1... Кре4!

1. Фf1? Кре4, Кре6 2. Kf6, Фf7x, 1... Krc6!
1. Kh4! Кре4, Кре6 2. Фс4, Фс6x

1. Фа4? (2. Kf4x) Кре6!, 1. Фd3? Кре6 2. Kf4x, 1... Krc6!

1. Фа6? (2. Kf6x) Кре4!, 1. Фf1? Кре4 2. Kf6x, 1... Krc6!

III приз. **А. Кузовков** (Приднестровье). Та же схема, что и в задаче В. Мельниченко. Две фазы с темой ле Гранд осложнены переменной еще одного мата.

1. Cd2? (2. Фf4x) Krd4, d4 2. Фе3, Kc4x, 1... Krd6!

1. Krg6! (2. Фе3x) Krd4, d4 2. Фf4, Фf5x

Специальный приз. **М. Марандюк** (Украина). В четырех близнецах осуществляется двухвариантная переменна игры, к сожалению, тематически слабо связанная.

а) 1. d7! Кре4, e4 2. Фс4, d8Фx, б) 1. Cd1! Кре4, d4 2. Фе3, Фс2x, а) 1. Cb2! Кре4, Krd2 2. Фd4, Фс3x, з) 1. Kf2! Кре4, e4 2. Cg6, Ce2x

1-й почетный
отзыв
В. ПИЛЬЧЕНКО

2-й почетный
отзыв
А. ЗАРХ

3-й почетный
отзыв
М. ЧЕРНУШКО

1-й почетн. отз. **В. Пильченко** (Россия). Вступительными ходами белые разблокируют одно из трех полей для создания угрозы коневой батареей. Жаль, что игра в трех фазах неравноценна.

1. ЛЬ7? Лс7! 1. с7? Ле8! 1. Крб6!

2-й почетн. отз. **А. Зарх** (Латвия). Каждый возможный ход черных «сепарирует» три угрозы белых по определенной системе.

1. Кf5! d5 2. Фd6, Фе7, Фе3х, 1... Кв3 2. Фd6, Фе7х, 1... Кб7 2. Фе7, Фе3х, 1... d6 2. Фе3, Фd6х, 1... Кс6 2. Фd6х, 1... Кс4 2. Фе7х, 1... Кре5 2. Фе3х

3-й почетн. отз. **М. Чернушко** (Россия). Три угрозы парируются тремя защитами, на которые следуют новые маты.

1. Ке6! (2. Фе4, Фг6, Фh3х) 1... Кре6 2. Фd5х, 1... Ке5 2. Кcd4х, 1... Кf4 2. Кed4х

1-й похв. отз. **В. Коваленко** (Россия). Тема Ханнелиуса с опровержениями превращением черной пешки, максимально удаленной от черного короля.

1. Сg6? e1Ф! 1. Ch7? e1К! 1. Ca2!

2-й похв. отз. **Х. Фреберг** (Швеция). В начальной цугцванговой позиции нет ответа лишь на 1... Кg7! Решает переход к угрозе.

1. Крд1? Кg7! 1. Ке6? Кh7! 1. Фh6!

3-й похв. отз. **Р. Линкольн** (США). У белого ферзя большие возможности для атаки. Лишь одну не парирует черный конь.

1. Фb1? Кb3! 1. Фс3? Кb7! 1. Фf2? Кс6! 1. Фа4!

1-й похвальный
отзыв
В. КОВАЛЕНКО

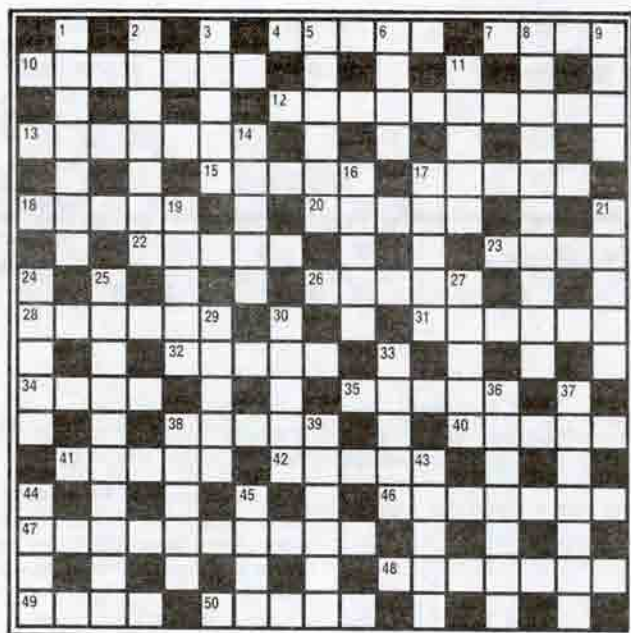

2-й похвальный
отзыв
Х. ФРЕБЕРГ

3-й похвальный
отзыв
Р. ЛИНКОЛЬН

4. Музыкальный инструмент, игру А. Долженко на котором слушал А. Чехов. 7. Один из погибших покорителей космоса, чьи имена есть на медалях, оставленных на Луне Армстронгом и Олдрином. 10. Рыцарская «личность». 12. Цветок, какой в Швеции вручали пожертвователю в фонд борьбы с туберкулезом. 13. Средневековое название фруктового сада на Руси. 15. Египетская богиня прохладной воды. 17. Составная часть грузин. 18. Дворянин Королевства Кастилия, не снимавший шляпу в присутствии короля. 20. Морской предмет на гербе ЮАР. 22. Русский локоть. 23. Самый знаменитый Иероним из Хертогенбоса. 26. Фамилия двух советских баскетболистов, чемпионов Олимпийских игр. 28. Четвертая часть русской четверти. 31. Француз, все пьесы которого перевела Т. Щепкина-Куперник. 32. Писанный акт о браке у мусульман. 34. Восточная сладость в «Вешних водах» И. Тургенева. 35. Любимая М. Волошиным душистая трава. 38. Французская певица, чьи выступления в театре «Опера-буфф» нравились В. Гаршину за веселость и отсутствие сальности. 40. Сама черная, а блеск наводит. 41. Стихотворение И. Дмитриева; стихи из него М. Лермонтов включил в поэму «Черкесы». 42. В том-то и ... (необычность, странность). 46. Американская птица, во время токования шелкающая крыльями. 47. Южное дерево или кустарник, отгоняющий мух и мошек. 48. Жанр, в духе которого написана поэма И. Гете «Герман и Доротея». 49. «Поэта далеко заводит ...»

(М. Цветаева). 50. Отправной пункт в сюжете поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

По вертикали.

1. Фольклорная героиня с оторванным носом. 2. Душевная рана. 3. Сейчас — острова Тувалу, раньше — .... 5. Страна, чья культура — «мать русской эстетики» (И. Бродский). 6. Отсыпной хлеб, какой на Руси выдавали духовенству вместо жалованья. 8. В повести А. Платонова «Котлован» Сафронов говорит о перековке людей: «Мы ихнюю отсталость сразу в ... вышибем». 9. Обычное в 20-е годы название одного из видов городского транспорта. 11. Элемент паруреса — европейской гарнитуры драгоценностей. 14. Поп-расстрига, с которого И. Репин написал центральную фигуру в «Бурлаках на Волге». 16. Место трагической гибели Ромео и Джульетты. 17. Великий ... — второе по значению звание в духовном ордена. 19. Французский писатель, один из создателей «Песни маки». 21. Судно, часто «поднимавшее» паруса приключений. 24. В стихотворении В. Маяковского «Бродвей» «на север с юга идут ..., на запад с востока — стриты». 25. Писатель, прочитавший «Бедных людей» Ф. Достоевского и ночью с Н. Некрасовым прибежавший к В. Белинскому с криком: «Гоголь, новый Гоголь явился!» 27. Персонаж в «Котловане» А. Платонова, уединившийся «в тесноте своей печали». 29. Пернатый хищник, способный «трястись» на месте в воздухе. 30. Родственник кентавров в греческой мифологии. 33. Узбечка, которой первой из актрис в 1943 году присвоили звание капитана Советской Армии. 36. Живописец итальянского Возрождения, о котором потомки сказали: «Не будем искать его среди мертвых». 37. Ведомство, куда в 1802 году Г. Державина назначили министром. 38. Веха, шест, по которому называли линейных солдат. 39. Первый офицерский чин в русской кавалерии. 43. Рыба для консервов «морской лосось». 44. Французский историк, «закрывающий читателям глаза» на Дантона как взяточника. 45. Каждый из сектантов Индии, яростно борющихся с Великими Моголами.

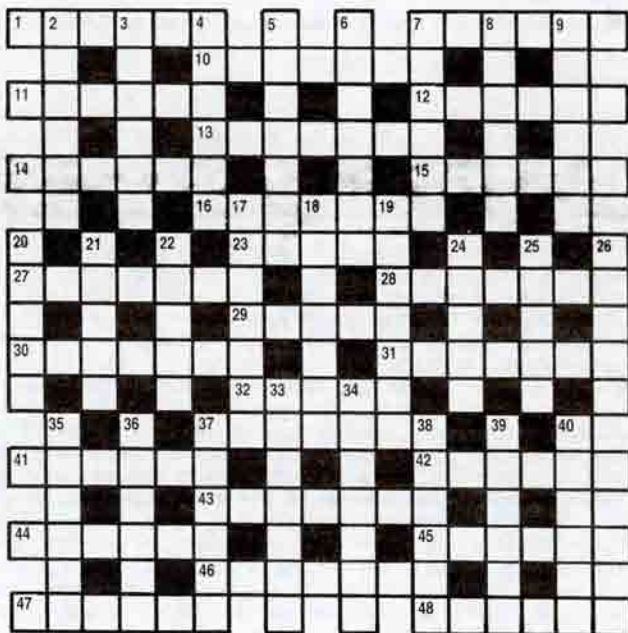
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали.

4. Шпага. 7. Дверь. 10. Еретик. 12. Чародейство. 13. Ушинский. 14. Идеология. 16. Дикий. 17. Радий (М. Склодовская-Кюри). 18. Акула. 22. Яма. 23. Гуфа. 25. Зольгер. 27. Антабус. 28. Лаос. 29. Орк. 30. Сдоба. 32. Лайка. 35. Бодяк. 36. Пропеллер. 39. Бурундук. 40. Неизвестный. 41. Шкафут. 42. Жандр. 43. Копье.

По вертикали.

1. Петух. 2. Мелик. 3. Ширский. 5. Пиай. 6. Гвоздика. 8. Виссон. 9. Раввин. 11. Целоплана. 12. Чибис. 15. Самоа. 16. Дильс. 18. ... амбра. 19. Дуб. 20. Пас. 21. Менделеев. 23. Гамак. 24. Фурка. 25. ...зло... 26. Лох. 29. ...общество... 31. Холуй. 32. Лягушка. 33. Триера. 34. Эпизод. 37. «Юдифь». 38. Скотт. 39. ... быть.

КРОССВОРД
Составил
В. РЕЗНИКОВ,
Одесса

По горизонтали.

1. Лысый барсук. 7. Роспись денежных доходов и расходов государства. 10. Местность без гор и высоких холмов. 11. Итальянский писатель, составивший знаменитый сборник сказок «Пентамерон». 12. Мастер, отделывающий помещение пластическими материалами. 13. Выпадение одного или нескольких звуков в середине слова. 14. Крейсер, упомянутый в поэме Б. Пастернака «Лейтенант Шмидт». 15. Черноморская рыба, «позволяющая» себя вялить. 16. Отклонения от музыкального темпа ради выразительности. 23. Тридцатидневный пост у мусульман. 27. Другое название дуранды, жмыха. 28. Птица, поющая то сидя на кусте, то взлетая в воздух. 29. Главный бог народа Урарту. 30. Зеленый южноамериканский дятел, хватающий насекомых на лету. 31. Английская порода свиней. 32. Итальянец, крупнейший певец-баритон XX века. 37. Римская богиня счастья, удачи и случая. 41. Русское название эпидемии. 42. Самый ответственный момент на пасеке. 43. Инструмент для придания остроты. 44. Английский философ-идеалист. 45. Переселение Мухаммада и его приверженцев из Мекки в Медину. 46. Рядовой русский горожанин. 47. Деталь машины в виде полого цилиндра. 48. Итальянский город на Адриатическом берегу с триумфальной аркой Траяна.

По вертикали.

2. Старинный русский дорожный плащ. 3. Погрешность в действиях, мыслях. 4. Мелкий щецень. 5. Сим-

вол математической логики. 6. Разложение вещества под действием высокой температуры. 7. Тропическое дерево, чей сок используют для изоляции подводных кабелей. 8. Биржевая сделка на спекулятивной основе. 9. Австралийский зверь, покрытый как иглами, так и шерстью. 17. Самый крупный козодой. 18. Устройство для подъема нефти из скважин. 19. Музыкальная пьеса, подражающая колокольному перезвону. 20. Быстро приручаемый африканский зверь. 21. Икона. 22. Пустынная «картина». 24. Градоначальник Константинополя в Византийской империи. 25. Всю ... переел (надоел до чертиков). 26. Выдвижной киль на небольших парусниках. 33. Участок местности, резко отличный от остальной. 34. Двести двадцать ярдов в английской системе мер. 35. Место для ночевки кур. 36. Церковное движение во времена патриарха Никона. 37. Дочь Мухаммада, одна из самых почитаемых женских фигур в мусульманском мире. 38. Единственная женщина, сумевшая вызвать зависть самой богини Афины. 39. Помещение под кровлей дома. 40. «Лимонный» самоцвет.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6**

По горизонтали.

7. Юнгфрау. 8. Каморра. 9. Виардо. 11. Импорт. 13. Лотос. 15. Доблесть. 16. Евстахий. 17. Дхоти. 20. Распе. 23. «Тоска». 24. Монастырь. 25. Ягода. 27. Жердь. 29. Лермонтов. 34. Ключница. 35. ...услужник... 36. Задор. 37. Кокаин. 38. Немота. 39. Сторица. 40. Шпинель.

По вертикали.

1. Энциклопедичность. 2. Аферист. 3. Гарольд. 4. Фарисей. 5. Роспуск. 6. Пристанодержатель. 10. Утро. 12. Чона. 14. Цинк (латунь). 18. Хиазм. 19. Титан. 21. Борец. 22. Ирмос. 26. Голь. 28. Джип. 29. Литавра. 30. Разница. 31. Орда. 32. Турнепс. 33. Вламинк.

Дорогие друзья, читатели «Смены»!

Обращаюсь к вам так, потому что уверен: именно дружественные, доверительные отношения с читателями помогают «Смене» вот уже восьмой десяток лет быть интересным и нужным для вас изданием. И в нынешнее сложное время вы поддерживаете нас своим заинтересованным вниманием к журналу.

Именно на это внимание, на ваш вкус, житейский и читательский опыт полагаемся мы, публикуя анкету. Ваши искренние, продуманные ответы, несомненно, помогут нам сделать «Смену» ярче, интереснее, актуальней.

Пожалуйста, постарайтесь найти время и вместе с членами семьи, друзьями, которым вы даете читать «Смену», подумайте: а чего не хватает журналу? Что затрагивает вас, заставляет вновь возвращаться к прочитанному, а что проскальзывает мимо глаз и души?

О чем бы вы хотели прочесть в последующих номерах «Смены», и вообще каким вам видится журнал в будущем?

Все эти вопросы заложены в анкете. Ответы на них, проанализированные специалистами, станут для нас своеобразным «руководством к действию».

Особенно, конечно, нас интересует мнение наших постоянных подписчиков, читающих «Смену» многие годы и потому способных дать нам свои вполне профессиональные советы и пожелания.

С искренним уважением,

Михаил КИЗИЛОВ,
главный редактор «Смень»

Заполняют анкету так. Вы читаете вопрос и варианты ответов на него. Если есть ответ, с которым вы согласны, нужно отметить числовой код рядом с этим ответом (лучше обвести код в кружок). Если подходящего варианта нет, вы пишете свой ответ на свободной строке.

После заполнения анкеты просим вырезать ее из журнала, вложить в конверт и отправить по адресу: 101457, Москва, Бумажный проезд, 14. Анкеты бу-

дут извлечены из конвертов и станут анонимными. А все конверты с вашими адресами примут участие в нашей лотерее. Среди ответивших на анкету будут разыграны призы: главный приз — 500 000 рублей, два приза по 250 000 рублей и десять подписок на «Смену» на первое полугодие 1997 года.

Надеемся, что вы откликнитесь на наше обращение и не задержитесь с ответом.

Заранее всем благодарны!

1. ЧТО ИЗ ПУБЛИКУЕМОГО В «СМЕНЕ» ВАМ НРАВИТСЯ, А ЧТО НЕТ?
(Укажите по каждой строке)

	нравится	не нравится	не знаю
Остросюжетные романы и повести	1	2	3
Рассказы	4	5	6
Стихи	7	8	9
Публицистика	10	11	12
Исторические очерки	13	14	15
Статьи о живописи	16	17	18
Статьи о музыке	19	20	21
Интервью с актерами, деятелями культуры	22	23	24
Шахматные конкурсы	25	26	27
Кроссворды	28	29	30

2. КАКИМ ТЕМАМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, «СМЕНА» ДОЛЖНА УДЕЛЯТЬ БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ? (Отметьте не более пяти позиций)

- 31 социально-политическим
- 32 экономическим
- 33 моральным
- 34 религиозным
- 35 экологическим
- 36 жизни российской провинции
- 37 спортивным
- 38 военным и о жизни военнослужащих
- 39 здоровью
- 40 стилям жизни, моде
- 41 любительству, коллекционированию
- 42 светской жизни
- 43 проблемам преступности
- 44 истории Отечества
- 45 науке
- 46 современному искусству
- 47 музыке
- 48 молодежным проблемам
- 49 культурным традициям, классике
- 50 семейным отношениям
- 51 о животных
- 52 жизни замечательных людей
- 53 другим темам (напишите, пожалуйста, каким)

3. УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ ОФОРМЛЕНИЕМ НАШЕГО ЖУРНАЛА?

	да	нет	не знаю
оформление обложки	54	55	56
качество печати	57	58	59
качество бумаги	60	61	62
размер шрифтов	63	64	65
формат издания	66	67	68
качество иллюстраций	69	70	71
количество иллюстраций	72	73	74

4. КАКОЙ ИЗ ФОРМАТОВ ИЗДАНИЯ ВЫ СЧИТАЛИ БЫ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ «СМЕНИ»?

- 75 сегодняшний формат «Смены»
 76 нынешний формат «Огонька» (21x26 см)
 77 формат журнала «Спутник» (13x19 см)
 78 другой (напишите, пожалуйста) _____
 79 не знаю

5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАКИХ ЖАНРОВ ВЫ БЫ ПРЕДПОЧЛИ ПРОЧЕСТЬ В «СМЕНЕ»?

- 80 отечественный детектив
 81 зарубежный детектив
 82 научная фантастика
 83 мистика
 84 любовный роман
 85 ироническая проза
 86 другое (напишите, пожалуйста) _____

6. СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ ЧИТАТЕЛЕМ «СМЕНИ»?

- 87 менее двух лет
 88 от двух до пяти лет
 89 от пяти до десяти лет
 90 от десяти до двадцати лет
 91 свыше двадцати лет

7. ГДЕ ВЫ ОБЫЧНО ЧИТАЕТЕ «СМЕНУ»?

- 92 дома
 93 в транспорте
 94 на работе, между учебными занятиями
 95 в очередях, в местах ожидания
 96 где придется

8. ПРАВЫ ЛИ ТЕ, КТО СЧИТАЕТ «СМЕНУ» ЖУРНАЛОМ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ?

- 97 да
 98 нет
 99 не знаю

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩИТЕ НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕБЕ

Ваш возраст	Ваше образование	Пол
100 до 18 лет	106 неполное среднее	111 мужской
101 19—25	107 среднее	112 женский
102 26—35	108 среднее специальное	
103 36—45	109 н/высшее, высшее	
104 46—55	110 имею ученую степень	
105 старше 55 лет		

Ваш род занятий

- 113 учусь
 114 работаю в госсекторе
 115 работаю в частной фирме
 116 безработный
 117 веду домашнее хозяйство
 118 пенсионер
 119 другое (напишите, пожалуйста) _____

Среднемесячный доход на одного члена вашей семьи

- 120 до 300 тыс. руб.
 121 от 300 до 500 тыс. руб.
 122 от 500 до 1 млн. руб.
 123 от 1 до 2 млн. руб.
 124 свыше 2 млн. руб.

Татьяна НАСИТОВА

Еще в детстве она любила рисовать красавиц и сказочных принцесс в невысказанно фантастических нарядах. О том, что когда-то станет художником, что ее полотна будут находиться в Третьяковке, в Государственном историческом музее, многих музеях России и престижных европейских галереях, даже не помышляла.

Она выросла в семье, далекой от искусства. Отец — шофер, мать всю жизнь проработала рабочей на заводе. Первые яркие впечатления — когда на лето родители отправляли ее из пыльной, душной Москвы в калужскую деревню. Неброская красота русской природы очаровала Татьяну настолько, что она именно там ощутила в себе непреодолимую потребность запечатлеть все увиденное на бумаге. Скромные полевые цветы, проселочную дорогу, размытую после грозы, приземистую лошадку с грустными глазами... Первый, кто заметил способности Татьяны, — учитель рисования в начальной школе. Он-то и посоветовал ей поступать в Центральную художественную школу при Суриковском институте. С дерзкого решения — стать профессиональным художником — и началась борьба Татьяны с судьбой. Родители помочь ничем не могли, знакомых художников, дабы присмотреться ко всевозможным тонкостям ремесла, просто не водилось в ее среде. Но был «изначальный капитал» — природная одаренность, невысказанная работоспособность и фанатичное упорство в достижении поставленной цели. Чтобы поступить в художественную школу, она сама нашла художника-преподавателя и брала уроки живописи и рисунка. Исколесила все Подмосковье, «выезжала на пленэр», привозя этюды, наброски, рисунки живописных мест Подмосковья. Выполняя домашнее задание, ходила по московским вок-

залам — рисовала томящихся в ожидании пассажиров, спящих людей на жестких лавках, толпу, одиноких горемык, ошалевших от гудящего роя столичных вокзалов. Подготовка к школе оказалась мощной — экзамены выдержала с блеском.

После защиты диплома — костюмированная историческая композиция «Песня о купце Калашникове» Лермонтова — Татьяна поступила в Суриковский институт именно на театральное-декорационное отделение. Было безумно интересно изучать историю театра, костюма, декоративного искусства. Ходить в Большой, драматические театры Москвы, изучать драматургию Островского, Чехова (дипломной работой Татьяны стали декорации к чеховскому «Иванову»), создавать костюмы к операм «Богема», «Тоска».

Выставляться Татьяна начала после окончания института. В московских молодежных, всероссийских, зональных, групповых, зарубежных выставках она участвует постоянно. Свою первую выставку на Кузнецком мосту помнит до сих пор. И не потому, что первая — это естественно, но тогда впервые купили ее работу — «Интерьер мастерской на Трифоновке».

Ее полотна обычно невелики по размеру и просты по содержанию. Натюрморт из нескольких предметов, какое-нибудь комнатное растение, весьма далекое от буйной экзотики, сломанная ветка дерева, скромненький интерьер бедного дома, изредка — портрет. Лишь городские пейзажи более насыщены «изобразительностью». Да это и понятно. Чего только не встретишь на московских улицах...

Татьяна создает тихий, камерный мир, четкий и ясный. Без зауми, без накала страстей. Ощущение, что художник не стремится выйти из обыденной, повседневной

жизни. Словно определила для себя некий предел, границу... И в этом искренность и человечность ее творчества. Вообще понятие моды, «коммерческого искусства» для Татьяны не существует. Как и авторитета в искусстве. Она не говорит о любимых художниках, уверяет, что никогда не поддавалась ничьим влияниям. Напротив, всегда стремилась к «формированию собственного оригинального языка». «Не понимаю, когда некоторые говорят: «Я ищу свое лицо». Оно либо есть, либо его нет».

В полотнах художницы только то, что познала, пережила. Они лишены фантазии и сентиментальной красивости. Краски, как правило, неярки. Однако и на тональные изыски автор не претендует. Не стремится пленять эффектной динамикой кисти — композиция строга, безупречна в своей архитектонике. Но, несмотря на строгость и простоту, в картинах Татьяны порой явственно ощущается некий драматизм. Натюрморты, интерьеры превращаются в своего рода психологические жанровые полотна. По словам Татьяны, она «стремится показать вечность через обыденность изображения». Потому, видимо, предметы в ее картинах — чаще всего как «документ», как факт жизни самого художника, и их не надо ни приукрашивать, ни изменять.

Творческая жизнь Татьяны Насиповой сложилась удачно. Может, потому, что обладает незаурядным характером, сильным, напористым, волевым. А главное для нее — культ правды. Правды жизни и правды творчества. И без всяких деклараций...

ЛЮДМИЛА КАНДАЛОВА

▲ ТАТЬЯНА НАСИПОВА. Фонтан.

▲ Натюрморт.

Neonig Argymn

